

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

Интернет и политика

Приглашенный редактор *С.В. Володенков*

2022 Том 24 № 3

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашир Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально)

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life

Подписной индекс издания — 20827.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки. Научный журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются: политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНПИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: polity@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *А.Л. Оганесян*
Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: +7 (495) 936-85-28;
e-mail: polity@rudn.ru

Подписано в печать 25.08.2022. Выход в свет 30.08.2022. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,0. Тираж 500 экз. Заказ № 826. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

Internet and Politics

Guest editor *S.V. Volodenkov*

2022 VOLUME 24 No. 3

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia, Scientific Secretary of the Center "Religion in Modern Society" of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Lyubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in 5.5. Political Sciences (majors 5.5.1. History and Theory of Politics, 5.5.2. Political institutions, processes, technologies, 5.5.3. Public administration and sectoral policies, 5.5.4. International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Review editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Arusyak L. Hovhannisyann*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10a Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Володенков С.В. Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых: представляю номер..... 339

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИКИ

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D. Contemporary State in the Context of Digital Technological Transformations: Political Opportunities, Risks, and Challenges (**Володенков С.В., Федорченко С.Н., Артамонова Ю.Д.** Современное государство в условиях цифровых технологических трансформаций: политические возможности, риски и вызовы) 351

Мамычев А.Ю. «Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке 367

Брехов Г.С. Криптоанархизм: идеологическая основа технологий блокчейн 393

Яковлев М.В. Даркнет и политическое..... 408

Быков И.А., Курушкин С.В. Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода 419

Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электронных технологий на примере России..... 433

Чепелюк С.Г. Феномен «цифрового доверия» и его влияние на становление цифрового правительства в России 447

Таишева В.В. Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ..... 460

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ИНТЕРНЕТ-ПРОТЕСТ

Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга?..... 480

Beznosov M.A., Golikov A.S. Digital Echo Chambers as Phenomenon of Political Space (**Безносков М.А., Голиков А.С.** Цифровые эхо-камеры как феномен политического пространства)..... 499

Колотаев Ю.Ю. Политические последствия цифровизации риторики ненависти в эпоху постправды: влияние на эмоциональные режимы в ходе цифровых конфликтов..... 517

Филиппов И.Б. «Московское дело» как фактор активности протестной коммуникации в социальной сети «ВКонтакте».....	530
Бродовская Е.В., Парма Р.В., Подрезов К.А., Давыдова М.А. Восприятие российскими пользователями социальных медиа массовых протестов при попытке государственного переворота в Казахстане.....	545
Pastarmadzhieva D., Angelova M. Living with COVID-19: Opportunities for the Usual Socio-Political Life in an Unusual Situation (Пастармаджиева Д., Ангелова М. Жизнь в условиях COVID-19: новые возможности для обычной общественно-политической жизни в необычной ситуации)	562
Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А., Константинов М.С. Идеологическая акселерация школьной молодежи как эффект новых медиа: к постановке вопроса	573
Казанцев Д.А., Качусов Д.А., Шашкова Я.Ю. «Как маршировать у компьютера»: роль цифровизации в деятельности патриотических организаций регионов Сибирского федерального округа.....	586

CONTENTS

Volodenkov S.V. Theorizing Digital Politics in Russian and Foreign Studies:
Introducing the Issue..... 339

DIGITAL POLITICS

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D. Contemporary State in the
Context of Digital Technological Transformations: Political Opportunities, Risks,
and Challenges..... 351

Mamychev A.Yu. “Digital Leviathan”: Scenarios for the Development of the
Hobbesian Monster in the 21st Century..... 367

Brekhov G.S. Crypto-Anarchism: The Ideology of Blockchain Technologies 393

Yakovlev M.V. Darknet and the Political..... 408

Bykov I.A., Kurushkin S.V. Digital Political Communication in Russia: Values of
Humanism vs. Technocratic Approach 419

Baranov N.A. From Distrust to Legitimization: The Difficult Path of Digital Electoral
Technologies, an Evidence from Russia 433

Chepelyuk S.G. The Phenomenon of “Digital Trust” in the Context of Digital
Government in Russia..... 447

Taisheva V.V. Digital Nomads and Migration Processes in the Russian IT: A Political
Analysis..... 460

POLITICAL POLARIZATION AND INTERNET PROTEST

Stukal D.K., Akhremenko A.S., Petrov A.P. Affective Political Polarization and
Hate Speech: Made for Each Other?..... 480

Beznosov M.A., Golikov A.S. Digital Echo Chambers as Phenomenon of Political
Space 499

Kolotaev Y.Y. Political Implications of Hate Speech Digitalization in a Post-Truth
Era: Impact on Emotional Regimes in Digital Conflicts 517

Philippov I.B. The “Moscow Case” as a Factor of Protest Communication Activity
in the Social Network “VK” 530

Brodovskaya E.V., Parma R.V., Podrezov K.A., Davydova M.A. Perception by Russian Social Media Users of Mass Protests During the Attempted Coup in Kazakhstan.....	545
Pastarmadzhieva D., Angelova M. Living with COVID-19: Opportunities for the Usual Socio-Political Life in an Unusual Situation	562
Potseluev S.P., Podshibyakina T.A., Konstantinov M.S. Ideological Acceleration of Schoolchildren as an Effect of New Media: Formulating the Question	573
Kazantsev D.A., Kachusov D.A., Shashkova Ya.Yu. “How to March at the Computer”: the Role of Digitalization in the Activities of the Regional Patriotic Organizations of Siberian Federal District.....	586

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350

Редакционная статья / Editorial article

Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых: представляю номер

С.В. Володенков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация*
 s.v.cyber@gmail.com

Аннотация. Приглашенный редактор номера, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ Сергей Володенков, признанный специалист в области теории политических коммуникаций в интернет-пространстве, технологий манипуляции и пропаганды в современном информационном противоборстве, управлении общественным сознанием, проблем национальной информационной безопасности и гибридных войн представляет тематический номер, посвященный феномену цифровизации политических процессов и цифровой политике в целом. Цель номера — продемонстрировать достижения российских политологов, разрабатывающих оригинальные подходы и работающих в коллаборации с зарубежными учеными в области политической коммуникативистики, а также показать линии наиболее выраженного исследовательского напряжения.

Ключевые слова: цифровая политика, цифровизация, цифровое участие, цифровое доверие, цифровой протест, большие данные, искусственный интеллект, эхо-камера, постправда, фейк-новости, цифровые метавселенные

Для цитирования: *Володенков С.В.* Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 339–350. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350>

© Володенков С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Theorizing Digital Politics in Russian and Foreign Studies: Introducing the Issue

Sergey V. Volodenkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 s.v.cyber@gmail.com

Abstract. The guest editor of this issue Sergey Volodenkov, a recognized expert in the field of the theory of political communications in the Internet, of the manipulation and propaganda technologies in contemporary information warfare, of public consciousness management, problems of national information security and hybrid wars presents a thematic issue dedicated to the phenomenon of digitalization of political processes and digital politics in general. The purpose of the issue is to demonstrate the achievements of Russian political scientists who develop their original approaches and work in collaboration with foreign academics in the field of political communication studies and demonstrate the lines of highest research voltage.

Keywords: digital politics, digitalization, digital participation, digital trust, digital protest, big data, artificial intelligence, echo chamber, post-truth, fake news, digital metaverses

For citation: Volodenkov, S.V. (2022). Theorizing digital politics in Russian and foreign studies: Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 339–350. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350>

Вниманию читателя представлен тематический номер, посвященный вопросам, связанным с цифровыми трансформациями современных общественно-политических отношений. Эта проблематика во многом носит глобальный научный характер, в связи с чем в номере представлены статьи авторов сразу из нескольких стран — России, США, Украины, Болгарии. Для нас, представителей российского академического сообщества, наука по-прежнему остается вне политики, и мы в актуальных условиях международного научного взаимодействия предоставляем слово ученым из разных государств, независимо от того, какой характер межгосударственных политических отношений складывается между теми или иными странами. Этой традиции мы, безусловно, будем следовать и впредь.

О теме номера следует сделать несколько предварительных замечаний. Еще недавно развитие цифровых технологий в общественно-политической сфере связывалось исключительно с благом, осуществлением демократического транзита, обеспечением свободы слова всех и каждого, а сами процессы цифровизации общественно-политического пространства, а также функционирующих в нем институтов и акторов рассматривались как своего рода расширение, дополнение традиционных возможностей общественно-политического взаимодействия. Аналогично цифровые решения, интерфейсы, алгоритмы и механики большинством специалистов

рассматривались преимущественно как надстройки по отношению к традиционным общественно-политическим процессам.

Однако в определенный момент стало очевидно, что *цифровизация не является лишь надстройкой*, расширением, дополнением традиционного общественно-политического пространства. Интенсивное развитие цифровых технологий и их активное внедрение в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества привело к формированию принципиально новых моделей, принципов и механизмов цифрового общественно-политического взаимодействия, появлению новых акторов, способных конкурировать с традиционными политическими игроками и эффективно влиять на массовое сознание. Эффекты, которыми сопровождаются современные цифровые технологические трансформации традиционных общественно-политических институтов и процессов, самым непосредственным образом влияют на содержательные, структурные и функциональные параметры жизнедеятельности государства и общества, а также их ключевых институтов, оказывают непосредственное влияние на существующий политический порядок, систему традиционных властных отношений и общественно-политическую динамику в целом [Ловинк 2019].

В связи с этим представляется вполне закономерным, что в своей работе *А.Ю. Мамычев из МГУ им. М.В. Ломоносова* подробно анализирует смену эпох и формирование нового всеобщего масштаба для цифровых форм общественно-политической организации, а также обращается к рассмотрению ключевых изменений, обусловленных цифровой трансформацией публичной политики и властных отношений.

К основным *линиям напряжения, связанным с актуальными процессами цифровизации*, на сегодняшний день мы, в свою очередь, можем отнести значимые изменения в традиционных ценностно-смысловых системах, развивавшихся на протяжении значительного времени существования человеческой цивилизации, рост влияния альтернативных идеологий и идеологических течений, связанных с цифровой децентрализацией и требующих пересмотра понятий власти и политики в сети, ставящих под сомнение необходимость существования классических институтов государства, выполняющих в централизованных системах контролирующую, регулирующую и надзорные функции. Неслучайно *И.А. Быков и С.В. Курушкин из Санкт-Петербургского государственного университета* обращаются в своей работе к идеям постгуманистической философии и анализу перспектив политической коммуникации в условиях цифровизации и противопоставления современных гуманистических ценностей идеям технократического контроля и управления.

В свою очередь, *Г.С. Брехов из РУДН предпринимает* попытку изучения одного из актуальных ответвлений анархической философии и его влияния на цифровую жизнь и политику современных государств. Очевидно, что криптоанархизмом не ограничивается спектр современных идеологических течений, появившихся в процессе эволюции цифровых технологий. Так, например, своего глубокого изучения ожидает идеология шифропанков, как

ответ на попытки государства обеспечить свой контроль над современным цифровым пространством.

Этот вопрос во многом нашел свое отражение в работе *М.В. Яковлева (МГУ им. М.В. Ломоносова)*, в которой автор обосновывает тезис о том, что давление систем власти и доминирования, нацеленных на поддержание в киберпространстве суверенитета и контроля, формирование, выражаясь языком Ш. Зубофф, «капитализма слежения» или «надзорного капитализма» [Zuboff 2019], вызвало «цифровое сопротивление» стремящихся к свободному обмену данными и конфиденциальности гражданских активистов, что обусловило обновление архитектуры и функционала Даркнета, его превращение в альтернативное пространство информационного взаимодействия и базу для наращивания оппозиционного потенциала.

Говоря о проблеме формирования цифровых идеологий, нельзя не обратить внимание и на вопросы, связанные с цифровой социализацией молодежи в условиях современных технологических трансформаций в коммуникативной среде [Видная, Меркушина 2021; Малькевич 2019]. Новые медиа выступают посредником в формировании когнитивно-идеологических матриц в индивидуальном и групповом сознании, а также катализатором процесса идеологической акселерации. В связи с этим крайне своевременной нам представляется работа *С.П. Поцелуева, М.С. Константинова и Т.А. Подшибякиной из Южного федерального университета*, рассматривающих вопросы политического участия подростков в тесной взаимосвязи с процессами цифровой социализации молодого поколения, осуществляющейся в интернет-сообществах и социальных сетях.

Тесно связана с темой молодежи и цифровой идеологической деятельности также работа *Д.А. Казанцева, Д.А. Качусова, Я.Ю. Шашковой из Алтайского государственного университета*. В своей статье авторы исследуют характер цифрового присутствия патриотических движений в социальных медиа.

К линиям напряжения мы можем отнести и определенный *кризис традиционных институтов представительной демократии, традиционных партий, реализующих классические функции агрегации и артикуляции групповых интересов*. Очевидно, что в условиях развития цифровых инструментов прямой демократии [Gerbaudo 2018] у части населения современных государств, и в первую очередь у молодежи, возникают вопросы относительно необходимости дальнейшего существования в неизменном виде традиционных институтов представительной демократии.

Не менее важной представляется нам и проблема легитимации новых цифровых инструментов и процедур, применяемых сегодня в традиционных сферах политической деятельности, в том числе электоральной. Данной проблеме посвящена работа *Н.А. Баранова (Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС)*. В статье автор осуществляет анализ опыта использования цифровых технологий в современных избирательных процессах, акцентируя свое внимание в первую очередь на практике применения электронного голосования и дистанционного электронного голосования в России.

Тесно связана с проблемой легитимации цифровых технологий и *проблема доверия цифровым институтам*. В связи с этим весьма актуальной представляется работа молодого ученого *С.Г. Чепелюка из МГУ им. М.В. Ломоносова*, в которой автор обосновывает тезис о том, что доверие к технологическим инновациям становится фактором, характеризующим качество перемен и внедрения цифровых технологий в государственное управление.

Не менее значимой линией напряжения нам представляется превращение цифровых пользовательских данных в ресурс для таргетированного управления индивидами и их группами на основе использования технологий Big Data, позволяющих субъектам такого рода управленческих процессов определять индивидуальные характеристики выступающих в качестве объекта управления людей даже более точно, чем это способны сделать сами люди, их друзья, родственники и близкие. По сути, большие данные становятся сегодня новым ресурсом современного управления в социально-экономической и политической сферах [Kosinski, Matz, Gosling, Popov, Stillwell 2015; Одинцов 2017; Bolsover, Howard 2017].

И ведущую роль в процессах сбора цифровых следов миллиардов пользователей по всему миру сегодня играют глобальные площадки социальных медиа, трансформировавшиеся в новый тип цифровых ресурсов, с помощью которых сегодня возможно извлекать прибыль из цифровой активности людей. Неслучайно мы увидели появление в научном дискурсе такого концепта, как капитализм платформ [Срничек 2020]. Помимо монетизации пользовательской активности социальные медиа играют сегодня значимую роль и в процессах общественно-политических коммуникаций, как на уровне управления информационными потоками, формирующими представления людей об актуальной социально-политической реальности, так и на уровне осуществления деплатформинга нежелательных политиков, средств массовой коммуникации, общественных деятелей, движений [Van Dijck, de Winkel, Schäfer 2021]. За последнее время мы стали свидетелями значительного числа случаев блокировок и «цифрового стирания» аккаунтов обозначенных нами акторов, что привело к потере ими в пространстве социальных медиа своих многочисленных пользовательских аудиторий, исчисляемых сотнями миллионов человек по всему миру.

Социальные медиа выступают сегодня полноценными площадками общественно-политических коммуникаций, позволяющими существенным образом влиять на параметры коммуникационного взаимодействия, а также на дизайн отношений между различными группами пользователей, а также гражданами и институтами власти, вызывая, с одной стороны, расколы и противостояние между группами граждан, а с другой — формируя модели протестного поведения сетевых пользователей. Неслучайно ряд авторов обращает свое внимание на площадки социальных медиа как пространство современных общественно-политических коммуникаций [Кужелева-Саган, 2022; Самсонова, 2020; Асташкин, Бреслер 2018]. В связи с этим крайне актуальной представляется статья ученых из *Высшей школы экономики Д.К. Стукала и А.С. Ахременко*, а также *А.П. Петрова из Института прикладной математики имени М.В. Келдыша*

РАН. В своей работе авторы на основе анализа наблюдаемого поведения пользователей социальных сетей выявляют ключевые поляризующие расколы путем анализа использования языка вражды в отношении различных целевых групп.

Теме риторики ненависти также посвящена и статья Ю.Ю. Колотаева *Санкт-Петербургского государственного университета*, в которой автор показывает, что цифровая риторика ненависти является сегодня одним из наиболее показательных примеров влияния цифровизации на политические процессы, а проявление ненависти в интернет-пространстве стало серьезным вызовом для политических систем по всему миру в целом.

В свою очередь, коллектив авторов *Е.В. Бродовская, Р.В. Парма (Финансовый университет при Правительстве РФ), К.А. Подрезов (ТГПУ им. Л.Н. Толстого) и М.А. Давыдова (Финансовый университет при Правительстве РФ)* в статье на основе применения гибридной стратегии исследования в сочетании когнитивного картирования и социально-медийного анализа выявляют и анализируют динамические, структурные и содержательные характеристики информационной репрезентации событий в Казахстане в январе 2022 г. в российском сегменте социальных медиа.

Что же касается непосредственно ситуации, связанной с протестной активностью в социальных сетях, в самой России, *И.Б. Филиппов из НИУ ВШЭ* рассматривает отечественный опыт в своей статье, посвященной «Московскому делу». Автор работы исследует влияние юридических негативных санкций по отношению к участникам протестного движения в Москве в 2019 г. на протестную коммуникацию в социальной сети «ВКонтакте».

При этом очевидным представляется тот факт, что для формирования и поддержания политически поляризованного цифрового пространства, в котором возможны расколы и противостояние различных групп граждан, а также генерирование протестного потенциала, необходимо осуществление проектов по информационному капсулированию пользователей, «отсечению» гражданских масс от реального мира при помощи медийных конструкторов, позволяющих создавать ограниченные модели социально-политической реальности, включая радикальные и экстремистские модели, функционирующие по принципу «свой-чужой» [Володенков, Артамонова 2020]. И одним из инструментов, активно используемых для осуществления такого рода работы, являются хорошо известные ученым эхо-камеры [Sunstein 2001]. Именно данному феномену посвящена работа наших коллег *М.А. Безносова из Университета Западной Джорджии (США) и А.С. Голикова из Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (Украина)*. В данной статье авторы представляют всесторонний систематический обзор западной академической литературы и рассматривают различные подходы к пониманию эхо-камер в цифровом пространстве как политического феномена.

Кроме того, весьма важной «линией напряжения» является необходимость адаптации традиционных государств и их институтов власти к современным процессам цифровых технологических трансформаций. Цифровизация совре-

менных государств и их адаптация к актуальным технологическим трансформациям является сегодня сложным и во многом неоднозначным комплексом процессов, включающим в себя одновременно как политические возможности, так и связанные с ними риски, угрозы и вызовы как для самого государства и его институтов, так и непосредственно для гражданского общества, которое не менее стремительно увеличивает свою сложность и разнообразие посредством интенсивной цифровизации [Collington 2021]. Данное обстоятельство формирует потенциал для существования широкого спектра сценариев формирования моделей государственно-политического управления в условиях стремительно формирующейся цифровой технологической реальности нового типа [Сморгунов 2019].

Именно данной теме посвящена статья *С.В. Володенкова и Ю.Д. Артамоновой из МГУ им. М.В. Ломоносова*, а также *С.Н. Федорченко из Московского государственного областного университета*. В своей работе авторы предпринимают попытку определения политического потенциала адаптации современного государства и его институтов власти к цифровым технологическим трансформациям, а также выявления ключевых рисков, угроз и вызовов, связанных с процессами такой адаптации.

Особым вызовом для государств в аспекте их адаптационных стратегий стала пандемия COVID-19, сопровождавшаяся вынужденной форсированной цифровизацией многих традиционных сфер жизнедеятельности государства и общества. Способность эффективно использовать цифровые технологии в условиях национальных локдаунов стала одним из ключевых условий для сохранения и поддержания социальной стабильности в обществе и жизнеспособности самих институтов власти. Безусловно, форсированный режим цифровизации сформировал новые возможности и в сфере общественно-политических коммуникаций. Данной теме посвящена статья наших болгарских коллег из *Пловдивского университета имени Паисия Хилендарского Даниэлы Пастармаджиевой и Мины Ангеловой*. Пандемия COVID-19 поставила под удар многочисленные национальные и международные системы и отношения, в связи с чем в центр внимания в своей работе Д. Пастамарджиева и М. Ангелова поставили выявление проблем, связанных с коммуникацией между обществом и властью в странах — членах Европейского союза, и определение возможных решений для обеспечения общественно-политического диалога в ситуациях, аналогичных пандемии COVID-19.

При этом следует отметить, что *успешная и эффективная адаптация государств к цифровым технологическим трансформациям невозможна без наличия собственных высококвалифицированных кадровых ресурсов в национальной ИТ-сфере*. И здесь сегодня мы наблюдаем весьма серьезные проблемы, связанные, в первую очередь, с оттоком ИТ-специалистов за рубеж. Данное обстоятельство придает особую актуальность работе о «цифровых кочевниках» *В.В. Ташиевой из РУДН*, в которой автор предпринимает попытку выявить ключевые причины миграции специалистов в области информационных технологий, рассматривая

различные факторы «выталкивания» и «притяжения», существующие в контексте российского IT-рынка.

Как можно заметить, авторы статей, вошедших в настоящий тематический номер, уделяют внимание достаточно широкому спектру вопросов, связанных с цифровизацией современной общественно-политической сферы, что убедительно демонстрирует масштаб и глубину проникновения цифровых технологий в жизнедеятельность государства и общества. В то же самое время нам представляется, что сегодня во многих случаях цифровые технологии лишь дополняют механизмы офлайн-политики новыми техническими инструментами, которые, однако, неизбежно замыкаются на институциональные и легальные институты власти, их полномочия.

Подчеркнем, что *на сегодняшний день невозможно четко определить, имеют ли основные современные технологические процессы цифровизации однозначное положительное или отрицательное влияние на политическую систему, гражданское общество, систему государственного управления и функционирование институтов власти*. Скорее, мы имеем дело со сложной связкой эффектов, влекущих за собой не совсем ясные и очевидные последствия. Неслучайно в работах наших авторов проводится анализ как конструктивного, так и деструктивного потенциала современных цифровых технологий в актуальных условиях технологических трансформаций.

Безусловно, в рамках одного номера невозможно охватить и рассмотреть весь спектр вопросов и проблем, связанных с цифровизацией современных общественно-политических и государственно-управленческих процессов. И многие из перспективных направлений ожидают своих исследователей.

Так, крайне важной и перспективной «линией напряжения», не рассмотренной в данном номере, является, по нашему мнению, *стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и самообучаемых нейросетей, которые сегодня начинают активно применяться в общественно-политической практике*. В связи с этим особый интерес для исследователей и ученых сегодня представляют цифровые актанты. В настоящее время социальная активность как на уровне индивида, так и на уровне коллективов «соседствует» или разворачивается совместно с активностью не-человеческих элементов [От искусственного интеллекта к искусственной социальности... 2020]. Общественно-политические процессы все больше «опредмечиваются» через цифровые формы, которые генерируют специфические события в социокультурной и цифровой реальности.

Цифровые актанты (автономные роботизированные комплексы, боты, цифровые платформы, системы искусственного интеллекта, самообучающиеся нейросети и т.д.) существенным образом влияют на формирование дизайна, характера и направленность развития общественно-политических отношений в цифровом пространстве. В настоящее время проблематизируется вопрос статусов новых драйверов политического противоборства, которые пока сложно обозначить традиционным понятием «субъект» (цифровые личности, цифровые платформы, цифровые алгоритмы и другие действующие цифровые актан-

ты), но которые существенно влияют на политическую интеракцию и динамику политического процесса [Beer 2017; Назаров 2020; Borgesius 2020].

Не менее важным и перспективным направлением исследований представляется изучение социотехнической реальности и усугубляющейся сегодня цифровой виртуализации общественно-политического пространства. Тренд на еще более глубокую виртуализацию реального, в том числе политического, пространства сегодня представлен не только попытками применения технологий *дополненной реальности, цифровой аватаризации, феноменом пост-правды и технологией дипфейков*, но и стремлением глобальных технологических компаний к созданию пространств искусственной социальности в формате стремительно развивающихся сегодня цифровых метавселенных, которые, по сути, формируют новое виртуальное измерение существования человека [От искусственного интеллекта к искусственной социальности... 2020].

Подобные проекты предполагают активное перемещение действий пользователей из физической в виртуальную реальность, а также замену личностей цифровыми аватарами в процессе их взаимодействий, в результате чего прямой традиционный контакт человек—человек будет заменен цифровым форматом аватар—аватар. Очевидно, что такого рода аватары могут являться и цифровыми симулякрами вымышленных личностей, что позволяет сформировать виртуальное пространство массового цифрового взаимодействия, обладающее высоким манипулятивным потенциалом, при этом не просто отклоняющее человеческое сознание от реального мира, но в значительной степени замещающее его цифровой реальностью [Исаев 2021].

В связи с этим в будущих политологических исследованиях нам представляется важным и актуальным обратить особое внимание на такие цифровые проблемы, как появление возможностей агрессивного замещения реальности виртуальным содержанием политических процессов, монополизация информационно-символического публичного пространства (в том числе на основе доминирования AI-агентов), полное исключение граждан из процесса принятия общественно-политических решений, виртуализация политического действия и подмена реального политического участия виртуальным. Однако данные размышления носят перспективный характер и нацелены на то, чтобы в первую очередь обратить внимание отечественных и зарубежных ученых-политологов, а также специалистов в области цифровых общественно-политических коммуникаций и государственного управления на те вызовы, которые уже в ближайшей перспективе могут быть актуализированы в реальной политической практике.

Поступила в редакцию / Received: 10.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Асташкин А.Г., Бреслер М.Г.* Социальные медиа в структуре современной сетевой коммуникации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. Т. 160, кн. 4. С. 814–822
- Видная О.Е., Меркушина Е.А.* Параметры медиасоциализации молодежи: современный ракурс // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 4 (42). С. 94–104.
- Володенков С.В., Артамонова Ю.Д.* Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. социология. политология. 2020. Т. 53, № 1. С. 188–196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>
- Исаев И.А.* «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа): монография. М.: Проспект, 2021.
- Кужелева-Саган И.П.* Социальные сети как пространство реализации стратегических коммуникаций и ведения мемовых войн // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 1. С. 65–79. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-65-79>
- Ловинк Г.* Критическая теория интернета. М.: Ad Marginem, 2019.
- Малькевич А.А.* Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 6. С. 88–97.
- Назаров М.М.* Платформы и алгоритмизация в медиа: содержание и социальные следствия // Коммуникология. 2020. Т. 8, № 2. С. 108–124. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124>
- Одинцов А.В.* Социология общественного мнения и вызов Big Data // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 30–43.
- От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / под ред. А.В. Резаева. М.: ВЦИОМ, 2020.
- Самсонова Е.А.* Новые медиа — новая картина мира (к постановке вопроса о социально-сетевой картине мира) // Меди@льманах. 2020. № 4 (99). С. 18–24.
- Сморгунов Л.В.* Партисипаторная государственная управляемость: платформы и сотрудничество // Власть. 2019. № 27(5). С. 9–19.
- Срничек Н.* Капитализм платформ. 2-е изд. / пер. с англ. М. Добряковой. М.: Изд. Дом. ВШЭ, 2020.
- Beer D.* The social power of algorithms // *Information, Communication & Society*. 2017. Vol. 20. Iss. 1. P. 1–13. <https://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
- Bolsover G., Howard P.* Computational Propaganda and Political Big Data: Moving Toward a More Critical Research Agenda // *Big Data*. 2017. Vol. 5, no. 4. P. 273–276. <https://dx.doi.org/10.1089/big.2017.29024.cpr>
- Borgesius F.J.Z.* Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence // *The International Journal of Human Rights*. 2020. No. 24(10). P. 1572–1593. <https://dx.doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
- Collington R.* Disrupting the Welfare State? Digitalisation and the Retrenchment of Public Sector Capacity // *New Political Economy*. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13563467.2021.1952559> (accessed: 25.11.2021).
- Gerbaudo P.* *The Digital Party: Political Organisation and Online Democracy (Digital Barricades)*. London: Pluto Press. 2018.
- Kosinski M., Matz S.C., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D.* Facebook¹ as a research tool for the social sciences: opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline // *American Psychologist*. 2015. Vol. 70. № 6. P. 543–556.

¹ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Sunstein C.R. *Echo chambers*. Princeton: Princeton University Press, 2001.
- Van Dijck J., de Winkel T., Schäfer M.T. *Deplatformization and the governance of the platform ecosystem // New Media & Society*. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/14614448211045662> (accessed: 25.11.2021).
- Zuboff S. *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs, 2019.

References

- Astashkin, A.G., & Bresler, M.G. (2018). Social media in the structure of modern network communication. *Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 160(4), 814–822. (In Russian).
- Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, 20(1), 1–13. <https://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>.
- Bolsover, G., & Howard, P. (2017). Computational propaganda and political Big Data: Moving toward a more critical research agenda. *Big Data*, 5(4), 273–276. <https://dx.doi.org/10.1089/big.2017.29024.cpr>.
- Borgesius, F.J.Z. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593. <https://dx.doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
- Collington, R. (2021). Disrupting the welfare state? Digitalisation and the retrenchment of public sector capacity. *New Political Economy*. Retrieved November 25, 2021, from <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13563467.2021.1952559>
- Gerbaudo, P. (2018). *The Digital Party: Political organisation and online democracy (Digital Barricades)*. London: Pluto Press.
- Isaev, I.A. (2021). *“Power machine” in virtual space (image formation)*. Moscow: Prospect Publ. (In Russian).
- Kosinski, M., Matz, S.C., Gosling, S.D., Popov, V., & Stillwell, D. (2015). Facebook² as a research tool for the social sciences: Opportunities, challenges, ethical considerations, and practical guideline. *American Psychologist*, 70(6), 543–556.
- Kuzheleva-Sagan, I.P. (2022). Social networks as a space for the implementation of strategic communications and waging memetic wars. *Communicology*, 10(1): 65–79. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2022-10-1-65-79> (In Russian).
- Lovink G. (2019). *Critical theory of the Internet*. Moscow: Ad Margin Publ. (In Russian).
- Malkevich, A.A. (2019). Social media as a factor in the political socialization of young people: From hierarchy to a network model. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. (6), 88–97.
- Nazarov, M.M. (2020). Platforms and algorithmization in media: Content and social consequences. *Communicology*, 8(2), 108–124. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2020-8-2-108-124>. (In Russian).
- Odintsov, A.V. (2017). Sociology of public opinion and the Big Data challenge. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 3, 30–43. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.04> (In Russian).
- Rezaeva, A.V. (Ed.). (2020). *Artificial Intelligence on the Way to Artificial Sociality: New Research Agenda for Social Analytics*. Moscow: VTsIOM Publ. (In Russian).
- Samsonova, E.A. (2020). New media — a new picture of the world (to raise the question of the social network picture of the world). *Medi@llmanah*, 4(99), 18–24. (In Russian).

---

² 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Smorgunov, L.V. (2019). Participatory governability: Platforms and collaboration. *Vlast*, 27(5), 9–19.
- Srnichek N. (2020). *Platform Capitalism*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian).
- Sunstein, C.R. (2001). *Echo chambers*. Princeton: Princeton University Press.
- Van Dijck, J., de Winkel, T., & Schäfer, M.T. (2021). Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. *New Media & Society*. Retrieved November 25, 2021, from <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/14614448211045662>
- Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs.
- Vidnaya, O.E., & Merkusina, E.A. (2021). Parameters of youth media socialization: modern angle. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 4(42), 94–104. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10411> (In Russian).
- Volodenkov, S.V., & Artamonova, Yu.D. 2020. Information capsules as a structural component of contemporary political internet communication. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 53, 188–196. <https://doi.org/10.17223/1998863X/53/20>

Сведения об авторе:

Володенков Сергей Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

About the author:

Sergey V. Volodenkov — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОЛИТИКИ DIGITAL POLITICS

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-351-366

Research article / Научная статья

Contemporary State in the Context of Digital Technological Transformations: Political Opportunities, Risks, and Challenges

Sergey V. Volodenkov¹ , Sergey N. Fedorchenko² ,
Yulia D. Artamonova¹

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

² *Moscow Region State University, Mytishchi, Russian Federation*

 s.v.cyber@gmail.com

Abstract. Modern state faces the need to adapt to the changing external environment, which is characterized by intensive digital technological transformations. Thus, it is important to determine how contemporary state and its power institutions adapt to digital technological transformations and identify the key risks, threats, and challenges associated with such adaptation. To do so, the authors of the article conducted a corresponding international expert study, which allowed them to determine the degree of digital technological transformations' influence on the functioning of traditional states and their power institutions. Also, based on the integration of expert assessments, the authors identified the essential characteristics of digital technological transformations' effect on contemporary institutions of state power. The study results concluded that the digitalization of contemporary states and their adaptation to current technological transformations is a complex and largely ambiguous set of processes. These include both political opportunities and the associated risks, threats, and challenges for both the state and its institutions, as well as directly for the civil society, which is rapidly increasing its complexity and diversity through intensive digitalization. This brings to a wide range of scenarios for forming state and political management models in the context of a rapidly emerging digital technological reality of a new type. The article proves that the adaptation of the traditional state as a management system to the technologically more complex environment is necessary to ensure the effective viability of both the state itself and its institutions.

Keywords: state institutions of power, technological transformations, digitalization of political governance, digital politics

---

© Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

For citation: Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Artamonova, Yu.D. (2022). Contemporary state in the context of digital technological transformations: Political opportunities, risks, and challenges. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 351–366. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-351-366>

Acknowledgements: The reported study was funded by the RFBR and the EISR according to the research project № 21–011–31089 “The structure and peculiarities of contemporary politics digital space’s functioning in the context of global technological transformations”.

Современное государство в условиях цифровых технологических трансформаций: политические возможности, риски и вызовы

С.В. Володенков¹ , С.Н. Федорченко² , Ю.Д. Артамонова¹

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация*

² *Московский государственный областной университет, Мытищи, Российская Федерация*

 s.v.cyber@gmail.com

Аннотация. Основная цель исследования — определение политического потенциала адаптации современного государства и его институтов власти к цифровым технологическим трансформациям, а также выявление ключевых рисков, угроз и вызовов, связанных с процессами такой адаптации. Для достижения данной цели авторами было проведено соответствующее международное экспертное исследование. Результаты исследования позволили определить степень влияния цифровых технологических трансформаций на функционирование традиционных государств и их институтов власти. Также по итогам комплексирования экспертных оценок авторы выделили наиболее важные характеристики влияния цифровых технологических трансформаций на современные институты государственной власти. По итогам исследования сделан вывод о том, что цифровизация современных государств и их адаптация к актуальным технологическим трансформациям является сегодня сложным и во многом неоднозначным комплексом процессов, включающим в себя одновременно как политические возможности, так и связанные с ними риски, угрозы и вызовы как для самого государства и его институтов, так и непосредственно для гражданского общества, которое не менее стремительно увеличивает свою сложность и разнообразие посредством интенсивной цифровизации. Данное обстоятельство формирует потенциал для существования широкого спектра сценариев формирования моделей государственно-политического управления в условиях стремительно формирующейся цифровой технологической реальности нового типа. В статье доказывается, что адаптация традиционного государства как системы управления к технологически усложняющейся среде своего функционирования является необходимым условием для обеспечения эффективной жизнеспособности как самого государства, так и его институтов.

Ключевые слова: государственные институты власти, технологические трансформации, цифровизация политического управления, цифровая политика

Для цитирования: *Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Artamonova Yu.D.* Contemporary state in the context of digital technological transformations: Political opportunities, risks, and challenges // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 351–366. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-351-366>

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21–011–31089 «Структура и особенности функционирования цифрового пространства современной политики в условиях глобальных технологических трансформаций».

Introduction

At present, the state as a complex system inevitably faces the need to adapt to the changing external environment, which today is characterized by intensive digital technological transformations of a global nature.

With the improvement and spread of a wide range of digital communication technologies, the intensification and penetration of digital information flow into key areas of the state and society, a kind of state of technological turbulence has emerged, characterized by the predominance of a variety of technologies over a variety of systems (state-managerial and political). According to the law of necessary diversity of W.R. Ashby, the complexity and diversity of a management system to maintain its effective viability must exceed the complexity and diversity of the managed systems it manages.

At some point, the diversity of the digital space of socio-political communications and digital technological infrastructure turned out to be higher than the complexity of management systems typical of traditional political regimes [Hustad, Olsen 2021].

For this reason, technologically advanced states were forced to adapt their management systems to the new socio-technical reality in a forced mode [Baxter, Sommerville 2011], increasing their own diversity and reducing the diversity of the digital communication space [Volodenkov 2021].

In this regard, we have witnessed the emergence and implementation of such digital technologies in the current social and political practice as online voting, electronic referendums, and closely related blockchain data distribution technology, digital government services for the population (within the framework of the concept of a service state and digital bureaucracy), online services that allow citizens to put forward various initiatives or vote for them, electronic government technologies, automated algorithms for processing large databases of public and political information, technologies for the formation and analysis of public and political Big Data, technologies for biometric identification of citizens [Smorgunov 2021].

Thus, the content and functional parameters of the digital policy and public administration space began to change under the new technological conditions.

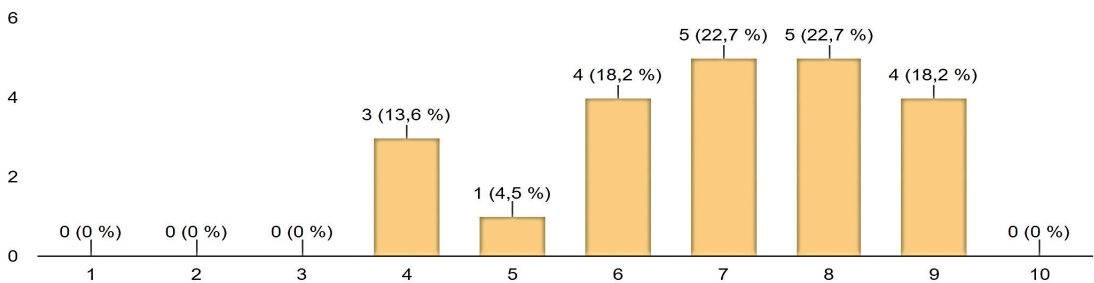
In this regard, the primary purpose of the study was to identify expert positions on the ways how the state can adapt to current technological transformations and the growing digitalization of government institutions and society's life, as well as to identify key opportunities, risks, threats, and challenges associated with such adaptation. Additionally, an important research task was to identify expert assessments of the impact of digital technological transformations on the features and parameters of the functioning of traditional states and their institutions of power, as well as to study qualitative expert ideas about the content, structure, and features of such influence.

Research methodology

In September-October 2021, the authors conducted an international study on the topic “Digital space of modern politics in the context of global technological transformations: content, structure, and features”, relying on the method of expert interviews. 22 academic experts from Russia, the United States, Serbia, Poland, the Republic of Belarus, Kyrgyzstan, and Uzbekistan were interviewed as part of the study. To achieve the goal of the study, combined expert assessments were used to process and analyze the data obtained.

Results

In order to test the relevance of the research question on how digital technological transformations affect modern states and their institutions of power, as well as how the state should adapt to new technological conditions to maintain its viability, ensure socio-political stability and maintain the effectiveness of its functioning in changing conditions, experts were asked to assess the degree to which digital technological transformations affect the functioning of traditional states and their institutions. Based on the study results, we can state a high degree of such influence (the average score of expert assessments of influence on a 10-point scale was 7.0) (Fig.1).

Fig. 1. Expert assessment of the degree of influence of digital technological transformations on the functioning of traditional states and their institutions of power. Quantitative assessment from 1 to 10 points (1 — absolutely do not influence, 10 — maximum influence)

Source: made by authors.

Among essential characteristics of the impact of digital technological transformations on government institutions, based on the results of combining expert assessments, we can distinguish the following:

- digital technologies, due to their extraterritorial nature, contribute to the weakening of traditional state institutions and strengthen the control of multinational companies and countries with access to the latest digital technologies over less technologically developed countries (for example, works have already appeared on the risks of asymmetry between states due to the use of artificial intelligence in migration policy [Beduschi 2020]);
- the state loses monopoly control over the production and dissemination of information. It is forced to “open up”, providing a representation of its

institutions and activities in the digital space, competing for the attention of citizens with new political actors, including external ones (moreover, some studies record the role of information and communication technologies in the emerging risks of destructive archaization of states [Lebedeva et al. 2016]);

- in competitive conditions, it is more difficult for the state to form and define an agenda in the digital space, which can affect both the nature of the perception of the state by its citizens and the parameters of socio-political stability at the national level (this partly coincides with the conclusions of R. Collington [Collington 2021]);
- the axiological and normative hierarchy of the society is being transformed, and the needs of digital systems and their development requirements are becoming the essential elements of the modern agenda and the strategic doctrines of socio-political development;
- the development of digital technologies and means of virtual communication has significantly expanded and complicated the socio-political space. Quantitative and qualitative changes in the system of public power relations can already be clearly traced, which brings to the emergence of new models of power interaction in the personality — society — state system (digital government, virtual officials, state service platforms), fundamentally new actors (online communities, hybrid political entities — avatars, digital copies, virtual agents) and actants (automated digital algorithms, artificial intelligence systems, self-learning neural networks, algorithmic expert systems);
- under the influence of digitalization institutional structures and public-power relations lose their traditional resource of legitimacy and social significance, and most interactions are implemented through digital intermediaries (platforms, algorithms);
- the structure and nature of the political process, as well as the forms of socio-political mobilization and identification, are radically changing, new forms of political governance, techniques of “soft” digital pressure and targeted manipulation are emerging, which are available for use by a wide range of actors other than the state itself;
- digital technological transformations allow traditional states to gradually move to a predominantly client-centered model of interaction with citizens;
- key mobility centers, forms and technologies of social and power communication are being restructured, key resources of a socio-political organization are being changed, and digital data generated by the population and organizations are becoming crucial. It is digital data that become the basis for the constant circulation of information, content, and the basis of a modern “digital formation” (such conclusions acquire new relevance in connection with the latest attempts to reconceptualize the model of biopolitics and biopower by M. Foucault [Kubler 2017]);

We see an intensive virtualization of the political process, the distribution of digital copies of political actors, digital politicians and algorithmically constructed political events. The traditional political space of struggle and

competition is complicated by the participation of digital entities (algorithms, bots, and other digital actors), which significantly changes the rules, norms, and technologies for achieving political goals.

This level of expert assessments allows us to stress the importance of the question raised on how the state can adapt to the changing environment.

Based on the received expert opinions, we can identify several key areas of state adaptation to current technological transformations and digitalization of the main areas of functioning of government institutions and society's life.

Many experts participating in the study emphasized the need to form the digital sovereignty of the state in the context of the emerging global digital communication space. At the same time, the very concept of digital sovereignty is a complex phenomenon, including such components as national digital infrastructure, digital technologies, digital resources, regulatory framework, digital skills, and competencies both at the level of government entities and society itself.

According to experts, the formation and maintenance of digital sovereignty requires the state to independently create and control critical technologies for the functioning of the digital space and develop its own national digital platforms that use information networks to monitor, prevent and counter various risks, challenges, threats in key areas of the state and society. This topic is quite relevant both in Russian and foreign science [Leksin 2021: 154-159; Pohle, Thiel 2020].

Digital threats, risks, and challenges should be controlled and regulated within the framework of the sovereign jurisdiction of a particular state since it ensures, on the one hand, the protection of citizens' and organizations' data from their free use; and, on the other hand, the protection of the national and cultural specifics of a certain society and the adequacy of the development of digital technologies to the unique development trajectories of certain civilizational systems [Leksin 2021: 74].

In this regard, it is important to develop legal forms and regimes that are adequate to modern digital realities of society's development and ensure advanced legal modeling of socio-political relations.

Generally, according to experts, the state should legislate the responsibility of platforms for content, the risks of individuals and society from exploiting new digital technologies and ensure the use of digital technologies in the public interest. Such assessments are quite consistent with the concern of several scientists about the growing dependence of citizens' communication on digital monopolies [van Dijck, Winkel, Schäfer 2021].

According to experts, a significant area of state adaptation is forming a harmonious model of socio-political life in the context of digitalization. It requires the renewal of political and economic elites, whose activities will be dominated not by the desire for innovative technological breakthroughs, but by a strategic vision of possible scenarios for the "harmonization" of social, digital factors and development dominants, as well as the ability to predict their possible interaction and mutual influence.

In this regard, citizens' trust (as a source of legitimacy for the institutions of state power) in the functioning of digital services, in digital technologies and practices of their application is extremely important.

Experts also stress the importance of the “competence-based” approach to the state’s adaptation to the current digital technological transformations. Thus, the state is required to carry out educational activities in technological training of civil servants, increasing the digital literacy of politicians and citizens themselves, as well as popularize digital forms of interaction between the state and society¹.

We also support this position. We consider that even the presence of a developed digital infrastructure, technologies, platforms, and solutions, in the absence of high-quality digital skills and competencies, both at the level of management systems and at the level of society itself, will not allow us to form a harmonious and effective interaction between the state and society to achieve the goals of digital development in the national interests.

The lack of necessary competencies, knowledge, skills, and abilities can become a serious obstacle to the involvement of citizens in political processes occurring in the digital space and the expansion of digital forms of political participation of citizens [Bykov, Medvedeva 2021].

Only in the case of successful implementation of the directions of state adaptation to digital technological transformations identified by experts do weighty prospects arise for developing the state and society, as well as the socio-political sphere of their interaction².

According to experts, the constructive potential of digitalization in the case of successful adaptation of the state to the new operating conditions is weighty — for the state itself, in the context of digital technological transformations, new opportunities in the field of socio-political management appear.

Thus, digital technologies can significantly simplify the bureaucratic process and free up managerial and organizational resources when used correctly.

In the context of forming Big Data digital arrays, the provision of empirical data and analytics management in decision-making makes it possible to improve the quality and efficiency of planning and forecasting in the socio-political sphere, as well as to ensure high quality and efficiency of the functioning of the public administration system as a whole. On the one hand, system-oriented machine learning facilitates the advancement of social and political development models based on large amounts of digital data, analytical and expert materials. On the other hand, they allow

---

¹ As the key problems associated with the formation of digital competencies, the survey participants identified differences in the speed of mastering digital management competencies; socio-cultural obstacles for supporters of traditionalist rule; conservatism of supporters of traditionalist culture in society, distancing certain groups of citizens from modern technologies; insufficient level of professional training of personnel, whose job responsibilities include the use of digital technologies, which initiates professional risks.

² In this regard, numerous experts identified such threat as the lag of modernization (in terms of the introduction of digital technologies) efforts of the state from the modernization needs of society. We are talking about carrying out imitation modernization — “attempts to hang digital technologies like Christmas tree decorations on the old system of socio-political institutions.” It leads, according to experts, to a drop in the effectiveness of the system of state authorities and political institutions in general. Additionally, it leads to the delegitimization of the political system, which does not meet new social needs.

qualitatively improved prediction systems and simulation programs to improve various areas and sectors of social life, providing opportunities for monitoring public attitudes and taking them into account when making decisions³.

Increasing the speed and algorithmization of communications between segments of the state through digital technologies [Beer 2017; Bucher 2012] allows ensuring the efficiency of inter-institutional coordination and response of the public administration system to complex processes in key areas of the state and society functioning. Also, it helps to optimize the processes of interdepartmental and intradepartmental interaction, facilitates and accelerates the communication with citizens, allows optimizing the process of providing public services.

In turn, the possibility of involving artificial intelligence as an impartial arbiter in socio-political processes makes it possible to reduce the level of socio-political tension, provided that the population has a sufficient level of trust in artificial intelligence technologies. Machine complexes and algorithmic solutions allow achieving relative objectivity in making power and managerial decisions, and blockchain technologies can ensure the authenticity of data and information, improve the system of advanced law-making and socio-political forecasting⁴.

Additionally, artificial intelligence technologies in the context of the development of public monitoring systems, predictive justice, and machine forecasting significantly increase the capacity of state bodies to ensure political and legal order, and citizens' social life and activities become primarily open and transparent for decision-makers. The danger of opaque digital systems is sometimes considered within the framework of an algocracy model — algorithmic power or a control system based on the principles of programmed algorithms [Aneesh 2009; Danaher 2016]. Algocracy, as further rationalization of classical bureaucracy, is focused on solving non-standard problems through data analysis, automated consultations, and more centralized decision-making mechanisms [Lorenz, Meijer, Schuppan 2021]. Algocracy may be associated with mediacracy [Fedorchenko et al. 2020].

The implementation of “smart” solutions based on artificial intelligence systems and neural network algorithms can also contribute to the formation of effective feedback channels with citizens. Unlike traditional management models, such

---

³ Moreover, according to experts, any forecast, any strategy will be inadequate if, in addition to behavioral and other social factors, they do not include modeling the development of digital forms, technologies, and tools. In other words, modern socio-political forecasting and public-law governance no longer lay down only “social” as a fundamental element and dominant trend.

⁴ Simultaneously, numerous research participants noted the potential threat of “shadowing” the processes of making management decisions based on oriented machine learning systems, as well as the risks of government dependence on technology experts, developers, and operators of digital systems and technologies. According to some experts, today, there is a shift in real power and centers for making management decisions from the public space to a new spatial sphere — “digital laboratories” (developing, implementing, and operating complex digital algorithmic systems). Simultaneously, citizens do not have real tools of public control over the operation of digital technologies, including the ability to influence autonomous digital experts, bureaucratic and other algorithmic decision-making systems. It is no coincidence that works on “smart citizenship” have appeared recently [Zandbergen, Uitermark 2020].

“smart” solutions have several principled advantages: collecting analytical data, processing them, and forming their own arrays of Big Data they become an algorithmic “objective” process, which makes it difficult for operators, analysts, sociologists, and managers to impose subjective, biased assessments on the data received. Moreover, using Big Data arrays allows developing targeted solutions, implementing personalized policies for specific groups of people and individuals, and customizing the political proposals.

Thus, we can state that the experts who took part in the study assessed the potential of digitalization of the state very highly while formulating a whole range of priority actions to adapt the state to the conditions of modern digital technological transformations.

Interpretation and conclusions

The opinions of the study’s participants do not allow us to clearly determine whether modern technological digitalization has an unambiguously positive or negative impact on the public administration system and the functioning of state institutions of power. Rather, we deal with a complex set of effects that have unclear consequences. It is no coincidence that most expert opinions received speculated on modern digital technologies’ constructive and destructive potential in adapting states to the new technological environment. The controversial nature of this problem is also emphasized by other researchers [Smorgunov 2021].

Experts highly appreciate the opportunities for constructive use of digital information tools for effective coordination of government institutions and civil structures, public discussion of socio-political management projects with the participation of a significant number of citizens using digital channels of interaction with the authorities. Communication between the authorities and citizens in digital format is becoming easier, more accessible, and faster, creating a sense of a more open and “transparent” government.

The study participants see digitalization as an opportunity to involve society in making managerial decisions, to participate fully in the discussion of socially significant initiatives, to have total control over the functioning and performance of public authorities and their officials, as well as to create convenient digital public services and other interactive platforms.

Thus, experts link the modern digitalization of public and political communications with the following:

- high level of transparency (openness) and online accessibility of public authorities;
- emergence of effective mechanisms for influencing and controlling the process of making and implementing government decisions;
- developing political institutions’ culture and orientation to improve the quality of public services and social responsibility;
- ensuring the openness of processes related to the organization and implementation of public power;

- improving the availability of public services, the speed and convenience of socio-political participation, action, and mobilization.

Additionally, based on the analysis of expert responses, we can talk about the potential for the emergence of new forms and technologies for involving society in the political process [Achkasova, Dobrovolskaya 2021], new technological tools for mobilizing civil participation and increasing socio-political activism, as well as the formation of more effective network forms of integration and articulation of social expectations, public needs, and public interests.

Simultaneously, the simplification of the production and distribution of political content, the availability of extraterritorial digital communications also allows to:

- solve the problem of “district size”;
- create opportunities for forming “direct democracy” institutions⁵;
- design an effective digital space for socio-political interactions of citizens;
- provide citizens with new technological opportunities and schemes for political participation and civil society development.

At the same time, based on the example of such corporations as Uber, attempts to use “digital agoras” and create the appearance of civil mobilization for their own purposes are obvious [Ranchordas 2017].

At the same time, we can’t underestimate the fact that the state authorities are losing their dominant position in the new technological environment, which can technologically strengthen the “blocking effect of institutions”, protect and hide digital data, manipulate them, and control the political choice and behavior of the population on a larger scale using digital manipulation and propaganda technologies.

No less significant is the potential for applying technologies in the field of modern management of Big Data. We can note the possibilities of higher efficiency of management processes due to a more precise definition of the characteristics, needs, and preferences of the target audiences, more targeted information and communication interaction with them, and the creation of more effective strategies and methods of communication with various groups of citizens.

The use of Big Data allows, in general, to better understand the audience and its needs, use the language of communication that is understandable to it, and provide “personal” contact with the citizens, which significantly increases the potential of communication influence on society. Improving technologies for collecting, storing, and structuring Big Data creates fundamental opportunities for forming a personalized state policy for each citizen.

Additionally, the potential for improving the effectiveness of governance in the socio-political sphere lies in the emerging opportunities for building models of socio-political development based on a massive array of data, analytical and expert materials,

---

⁵ At the same time, the reverse side of this process is the weakening (up to the disappearance) of the classical function of parties as “driving belts” between citizens and politics. Another aspect of the formation of direct digital channels of political communication is the decline of the authority of the institution of political representation and, accordingly, of representative bodies of power, the need for which in conditions of “direct access” to power does not seem quite obvious to the ordinary person.

the formation of objective and adequate political forecasts, strategies, models, and programs for improving various spheres and sectors of socio-political life.

With the help of Big Data, we can ensure the simplicity, convenience, speed, and efficiency of storing and using data, information, and acquired knowledge, as well as instant access to the achievements of humanity, cultures, and civilizations, which significantly enriches and qualitatively improves the process of developing and making significant socio-political decisions.

At the same time, it's worth mentioning the possible risks associated with the use of Big Data in public and political practice. First, these include significantly increased possibilities for manipulative influence by forming individual models of political reality and behavioral models based on the analysis of personal characteristics of citizens, their value systems, and ideas about the world around them (which can be successfully implemented based on the study of personal digital traces of online users).

Particularly noteworthy is the risk of forming practices of total control of public consciousness through the collection, processing, analysis, and use of personal data related to the behavior and preferences of the population [Ulbricht 2020]. It leads to another threat — the emerging digital control society based on round-the-clock monitoring of citizens in the digital space, collecting information about any types of activity, and using the obtained data to implement restrictions against a particular individual who has digital signs of unreliability, as well as for the implementation of ranking, “social segregation” of citizens according to the degree of “social approval” based on the analysis of civil activities.

Moreover, we can see the emerging potential of digital deprivation of citizens, digital erasure of individuals, and digital restrictions on objectionable persons at the discretion of only those who control digital data.

As for the integration of artificial intelligence technologies and neural network algorithms into current socio-political practice, there are also opportunities to realize constructive potential [Gran, Booth, Bucher 2021]. The creation and implementation of AI systems allow solving real-time analytical tasks related to processing and analyzing Big Data and supporting decision-making both at the national level and at the level of each citizen.

Machine complexes and algorithmic solutions can ensure objectivity in decisionmaking, revealing the facts of political violence [Muchlinski D., Yang X., Birch et al. 2020], eliminating cultural, historical, ethnic, and other prejudices, cliches, and stereotypes, while blockchain and Big Data technologies can ensure the authenticity of data and information, improve the system of advanced law-making and socio-political modeling, improve the system of taxation, healthcare, social security, education, which in general will contribute to socio-political development in technologically developed countries.

Simultaneously, we can also identify significant risks associated with introducing artificial intelligence systems and neural network algorithms into public and political practice. First, we are talking about the possible prejudice of artificial intelligence systems and machine failures/errors in oriented machine learning, which entail mass discrimination of citizens [Borgesius 2020] (based on gender, race, ethnic, and other

social characteristics), defragmentation of the socio-political integrity of society and a more radical “digital stratification” of society, organized at the discretion of “smart systems”.

There’s a trend toward combining artificial intelligence systems and self-learning neural networks with Big Data resources and technologies into unified automated projects, in which digital traces and biometric data of citizens are automatically collected, accumulated, processed, analyzed, and used by artificial agents to control individuals, which can lead to the formation of political and technological regimes of total digital control “for the benefit of society” — digital Panopticon⁶.

It is no coincidence that today Sh. Zuboff, a professor at Harvard University, puts forward the concept of surveillance capitalism [Zuboff 2019]. Notably, even in the absence of such projects of digital control over the population, the negative effect of the spreading mass social phobias of “total control” may turn out to be quite real in full accordance with the well-known Thomas theorem (“if men define situations as real, they are real in their consequences”). The result of these processes is the emergence of “algorithmic identity” monitored by the authorities (the phenomenon of “jus algoritmi”), which is described by J. Cheney-Lippold [2016].

Another significant risk of digitalization identified in the study is the axiological reprogramming of the society, reducing its cognitive abilities and cutting it off from the real world using digital technologies and algorithms.

The involvement of citizens in virtual social life makes the political behavior, values, and identity of citizens subject to influence and manipulation by a variety of political forces, including large IT corporations, foreign states, and non-governmental organizations, which results in political values becoming more fragmented, and the political behavior of the masses becoming less predictable.

Personalized news selection algorithms determine the scope of perception of certain events, targeted distribution of digital contextual and individualized information, news based on the analysis of personal digital traces, and allowing for individual characteristics to be taken into account during information and communication impact. This creates a powerful manipulative and propaganda potential in the space of digital socio-political communications, associated with the formation of a distorted picture of socio-political reality and information-technological construction of controlled public opinion, imaginary contradictions, social problems and conflicts that are not real, but virtual in nature.

In the short term, the situation may worsen because software systems and digital autonomous algorithmic systems replace the real political process with virtual events and digital processes, algorithmically constructed information, digital policies, and

---

⁶ Such political and technological regime, according to experts, is characterized by the following key features: the expansion and legislative consolidation of authorized access by the state and its bodies to personal data and the possibility of their use against the will of citizens; strengthening of state control over the digital behavior of citizens; introduction of more stringent rules for finding and behaving users in the digital space; forced narrowing of the acceptable format and content of digital communications on topical socio-political problems; deanonymization of digital users; decreasing value of privacy; the abusive use of digital data arrays; pre-trial prosecution based on personal digital data.

false meanings. It is fraught with the disappearance of the ability to give realistic assessments of the political situation, a change in mass value-normative preferences and an increase in the importance of digital technologies as the foundation of the modern socio-political process, the loss of public trust in traditional political institutions and traditional formats of policy⁷.

Simultaneously, as real human voices, opinions, public/civil positions are lost in the “avalanche” of digital bots and fakes, as well as comments generated by them, the virtualization and illusory nature of the socio-political process, with augmented reality causing the distortion of political ideas, can lead to the complete disappearance of such phenomena as “public opinion”, “political position”, “deliberation”.

Another important digital threat is the emergence of opportunities for aggressive substitution of reality by the virtual content of political processes, monopolization of information and symbolic public space (including based on the dominance of AI agents), the complete exclusion of citizens from the process of making public and political decisions, virtualization of political action and the replacement of real political participation with virtual, as well as the emergence in the digital space of actors with undetectable interests and hidden beneficiaries.

As a result, new technologies make the traditional political governance space more fragmented, polarized, conflictual, manipulative, and ideologized.

These phenomena and effects can be interpreted from the perspective of the concept of “Truth Decay”, which combines four interrelated and mutually determining trends:

- 1) growing disagreements and fundamental discrepancies between facts and digital opinions interpreting these facts;
- 2) blurring boundaries between facts and digital opinions interpreting them;
- 3) growing influence of disseminated digital opinions and interpretations on the perception of facts;
- 4) declining public confidence in the previously authoritative sources of factual information.

One of the consequences of such a development in a pessimistic scenario may be the shift from democratic legitimacy (appeal to the ideological and conceptual foundations of the democratic regime and adequate institutional implementation of the democratic idea) to a socio-technological one (argumentation through the discourse of convenience, interactivity, advancement), which ultimately leads to the destruction of traditional value and institutional foundations of political governance.

At the same time, it seems that today, in many cases, digital technologies only complement the mechanisms of offline politics with new technical tools, which, however, inevitably become limited to institutional and legal institutions and their powers.

---

⁷ Moreover, according to numerous research participants, the intensive development of algorithmic systems can devalue the meaning and value of public-power interaction between society and the state. Furthermore, the development of autonomous expert systems, automatic collection of information, a machine for processing social requests and generating responses can not only call into question the need for specialized professional knowledge and skills of civil servants but create a sufficiently large distance between government bodies and the population, reduce the potential of legitimacy for the overall power and administrative structures in the eyes of the public.

Today, socio-political reality and its spatial dimensions are still determined by pre-digital characteristics — fractured value systems, individualism/collectivism, legalism/clientelism, models of forming connection, traditions. Furthermore, over time, technological spheres, primarily the Internet, “normalizes” into a space where traditional offline hierarchies are introduced.

Based on these views, we can conclude that the digitalization of modern states and their adaptation to current technological transformations constitutes a complex and largely ambiguous set of processes today. It includes both political opportunities and associated risks, threats, and challenges for the state and its institutions, as well as directly for civil society, which is no less rapidly increasing its complexity and diversity through intensive digitalization.

What will be the final design of new model for political and managerial relations and the distribution of political power? Which models of adaptation to digital reality will be the most viable? These are essential and relevant questions for modern researchers that lack a clear answer.

Received / Поступила в редакцию: 15.04.2022

Revised / Доработана после рецензирования: 01.06.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.06.2022

References

- Achkasova, V.A., & Dobrovolskaya, Yu.A. (2021). Network Leadership: Towards the Question of the Mechanism of Political Mobilization. *Journal of Political Research*, 5(4), 23–36. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-4-23-36> (In Russian).
- Aneesh, A. (2009). Global Labor: Algorocratic Modes of Organization. *Sociological Theory*, 27(4), 347–370.
- Baxter, & Sommerville, I. (2011). Socio-technical systems: From design methods to systems engineering. *Interacting with Computers*, 23(1), 4–17. <https://doi.org/10.1016/j.intcom.2010.07.003>
- Beduschi, A. (2020). International migration management in the age of artificial intelligence. *Migration Studies*. mnaa003. <https://doi.org/10.1093/migration/mnaa003>. Retrieved from <https://academic.oup.com/migration/article/9/3/576/5732839> Access date: 14.06.2022.
- Beer, D. (2017). The social power of algorithms. *Information, Communication & Society*, 20(1), 1–13. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2016.1216147>
- Borgesius, F.J.Z. (2020). Strengthening legal protection against discrimination by algorithms and artificial intelligence. *The International Journal of Human Rights*, 24(10), 1572–1593. <https://doi.org/10.1080/13642987.2020.1743976>
- Bucher, T. (2012). Want to be on top? Algorithmic power and the threat of invisibility on Facebook⁸. *New Media & Society*, 14(7), 1164–1180. <https://doi.org/10.1177/1461444812440159>
- Bykov, I.A., & Medvedeva, M.V. (2021). The importance of media literacy for political communication in Russia. *Journal of Political Research*. 2021, 5(4), 7–22. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-4-7-22> (In Russian).

---

⁸ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Cheney-Lippold, J. (2016). Jus Algorithmi: How the National Security Agency Remade Citizenship. *International Journal of Communication*, 10, 1721–1742.
- Collington, R. (2021). Disrupting the Welfare State? Digitalisation and the Retrenchment of Public Sector Capacity. *New Political Economy*. <https://doi.org/10.1080/13563467.2021.1952559> Access date: 14.06.2022.
- Danaher, J. (2016). The Threat of Algocracy: Reality, Resistance and Accommodation. *Philosophy & Technology*, 29(3), 245–268. <https://doi.org/10.1007/s13347-015-0211-1>
- Fedorchenko, S., Alekseev, R., Kurenkova, E., & Ezhov, D. (2020). Democratic political regime in development context of online network communities. *E3S Web of Conferences. 8. Innovative Technologies in Science and Education. ITSE 2020*, 16016. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021016016>
- Gran, A.-B., Booth, P., & Bucher, T. (2021). To be or not to be algorithm aware: a question of a new digital divide? *Information, Communication & Society*, 24(12), 1779–1796. <https://doi.org/10.1080/1369118x.2020.1736124>
- Hustad, E., & Olsen, D.H. (2021). Creating a sustainable digital infrastructure: The role of service-oriented architecture. *Procedia Computer Science*, 181, 597–604. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.01.210>
- Kubler, K. (2017). State of urgency: Surveillance, power, and algorithms in France's state of emergency. *Big Data & Society*. <https://doi.org/10.1177/2053951717736338> Access date: 14.06.2022.
- Lebedeva, M.M., Kharkevich, M.V., Zinovieva, E.S., & Koposova, E.N. (2016). Archaization of the state: the role of modern information technologies. *Polis. Political studies*, 6, 22-36. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.03> (In Russian).
- Leksin, V.N. (2021). *Artificial Intelligence in Economics, Politics and Private Life: Experience in Systems Diagnostics*. Moscow: LENAND. (In Russian).
- Lorenz, L., Meijer, A., & Schuppan, T. (2021). The Algocracy as a New Ideal Type for Government Organizations: Predictive Policing in Berlin as an Empirical Case. *Information Polity*, 26(1), 71–86. <https://doi.org/10.3233/IP-200279>
- Muchlinski, D., Yang, X., Birch, S., Macdonald, C., & Ounis, I. (2020). We need to go deeper: Measuring electoral violence using convolutional neural networks and social media. *Political Science Research and Methods*, (9)1, 122–139. <https://doi.org/10.1017/psrm.2020.32>
- Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. *Internet Policy Review*, 9(4). <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532> Access date: 14.06.2022.
- Ranchordas, S. (2017). Digital agoras: democratic legitimacy, online participation and the case of Uber-petitions. *The Theory and Practice of Legislation*, 5(1), 31–54. <https://doi.org/10.1080/20508840.2017.1279431>
- Smorgunov, L.V. (2021). Digitalization and Network Efficiency of State Controllability. *Political Science*, 3, 13-36. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01> (In Russian).
- Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>
- van Dijck, J., de Winkel, T., & Schäfer, M.T. (2021). Deplatformization and the governance of the platform ecosystem. *New Media & Society*. <https://doi.org/10.1177/14614448211045662> Access date: 14.06.2022.
- Volodenkov, S.V. (2021). The potential of state-corporate hybridization in the processes of transformation of traditional political regimes. *Journal of Political Research*, 5(2), 19–28. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2021-5-2-19-28> (In Russian).
- Zandbergen, D., & Uitermark, J. (2020). In Search of the Smart Citizen: Republican and Cybernetic Citizenship in the Smart City. *Urban Studies*, 57(8), 1733–1748. <https://doi.org/10.1177/0042098019847410>
- Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: Public Affairs.

About the authors:

Sergey V. Volodenkov — Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Sergey N. Fedorchenko — Doctor of Political Sciences, Professor, Faculty of History, Political Science and Law, Department of Political Science and Law, Moscow Region State University, (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

Julia D. Artamonova — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: juliaartamonova@yahoo.com) (ORCID: 0000-0001-5629-4771)

Сведения об авторах:

Володенков Сергей Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Федорченко Сергей Николаевич — доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

Артамонова Юлия Дмитриевна — кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: juliaartamonova@yahoo.com) (ORCID: 0000-0001-5629-4771).

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392

Научная статья / Research article

«Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке

А.Ю. Мамычев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

 mamychev@yandex.ru

Аннотация. Гоббсовский концепт «Левиафан» используется в качестве метафоры и «эвристической схемы», описывающей смену эпох и формирования нового всеобщего масштаба для инновационных форм общественно-политической организации. Предметом исследования является феномен цифровизации, а также ключевые изменения, обусловленные цифровой трансформацией публичной политики и властных отношений. «Цифровизация» рассматривается в качестве неоднозначного и многоуровневого феномена, отражающего целую серию кардинальных трансформаций в социально-политической жизнедеятельности общества, которая на мировоззренческом, институциональном, инструментально-технологическом и праксиологическом уровнях «расчищает пространство» для новых форм организации общества. Аргументируется, что в настоящее время разворачивается острая конкуренция в определении, легитимации и продвижении определенного «проективного образа будущего», соответствующего последнему общественно-политическому порядку и нормативной социально-технологической системе («инжиниринговое право»). В том числе рассматриваются противоречивые тенденции, с одной стороны, направленные на сохранение и воспроизводство традиционных политических институтов, а с другой — связанные с формированием новых институций цифровой эпохи, цифровых структур управления и практик публично-властного взаимодействия. Особое внимание в статье уделяется конкурентной борьбе в политическом пространстве государства и новых цифро-технологических акторов. Обсуждаются различные сценарии цифровой трансформации общества, государства, власти. Отдельно рассматриваются такие цифровые эффекты, возникающие в современном политическом процессе как «информационные шумы», «информационные перегрузки», «профильные реконфигурации» отношений, формирование альтернативных цифровых пространств (метавселенных), а также содержательно представляется их влияние на действующий политический порядок, властные отношения, общественно-политическую динамику.

Ключевые слова: власть, государство, институты, общество, политика, сквозные цифровые технологии, трансформация, цифровизация

© Мамычев А.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Мамычев А.Ю. «Цифровой Левиафан»: сценарии развития гоббсовского чудовища в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 367–392. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392>

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта № FZUG-2022-0014 «Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: ментальные модели и типология рисков».

“Digital Leviathan”: Scenarios for the Development of the Hobbesian Monster in the 21st Century

Andrey Yu. Mamychev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 mamychev@yandex.ru

Abstract. In the research, the Hobbesian concept of “Leviathan” is used as a metaphor and a “heuristic scheme” describing the change of epochs and the formation of a new universal scale for innovative forms of socio-political organization. The subject of the research is the phenomenon of digitalization, as well as key changes caused by the digital transformation of public policy and power relations. “Digitalization” is considered as an ambiguous and multilevel phenomenon, reflecting a whole series of cardinal transformations in the socio-political life of society, which at the ideological, institutional, instrumental, technological and praxiological levels “clears space” for new forms of social organization. Argues that currently there is an acute competition to define, legitimize and promote a certain “projective image of the future” corresponding to the latest socio-political order and normative socio-technological system (“engineering law”). In particular, the author considers contradictory trends, on the one hand, aimed at preserving and reproducing traditional political institutions, and on the other, related to forming new digital era institutions, digital governance structures and practices of public-power interactions. The research pays special attention to the competition of the state and new digital and technological actors in the political space. It discusses various scenarios of digital transformation of society, state, and government and considers such digital effects in the modern political process as “information noise”, “information overload”, “profile reconfigurations” of relations, the formation of alternative digital spaces (metaverses), as well as their influence on the current political order, power relations, socio-political dynamics.

Keywords: government, state, institutions, society, politics, end-to-end digital technologies, transformation, digitalization

For citation: Mamychev, A. Yu. (2022). “Digital Leviathan”: Scenarios for the development of the Hobbesian monster in the 21st century. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 367–392. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-367-392>

Acknowledgements: The reported study was funded by the research project no. FZUG-2022-0014 “Trust in public institutions in the digital age: mental models and typology of risks”.

Когда что-то плохо, то надо хорошо
представлять себе худшее.

Т. Гоббс

Лучший способ избавиться от дракона —
это иметь своего собственного.

*Из к/ф «Убить дракона»,
реж. М. Захаров*

Введение

Долговременная вирусная пандемия (COVID-19) и современная геополитическая напряженность, которая выражается в целом многообразии локальных конфликтов (действующих и латентных), обозначили ключевой инструментарий и общий вектор глобальной трансформации существующего миропорядка, международной экономической, правовой и политической систем. Данный вектор условно можно представить в качестве, с одной стороны, специфической конфигурации форм и контекстов человеческой жизнедеятельности, а с другой — ключевых акторов и инструментов, задействованных в этой глобальной трансформации.

В первом случае речь идет о специфических измерениях (реальностях), в которых разворачивается общественная жизнедеятельность, а также особом режиме взаимодействия (приоритеты, напряжения, конфликты) между ними. Поясним: традиционно человеческая жизнедеятельность разворачивалась в природном, биологическом и социокультурных измерениях. Очевидно, что начиная с эпохи Нового времени (новая историческая ситуация и парадигма научно-технического развития) доминирующей реальностью, подчинившей все иные измерения, ставя «их на службу человека»¹, стала искусственно сформированная в рамках человеческого взаимодействия социокультурная реальность. Принципиальность современного (или постсовременного) исторического контекста, как известно, в том, что фор-

---

¹ Кавычки в данном случае поставлены неслучайно, поскольку призваны подчеркнуть иллюзорность представления о технологическом подчинении человеком природы, где в ходе прогресса человек посредством совершенствования науки и техники сможет поставить под контроль и управлять физическими, биологическими и другими процессами. В XX веке эта иллюзия развеялась, пришло осознание угрозы того, «что природа в свою очередь в неведомой ранее степени подчиняет себе человека» [Ясперс 1994], а технологическое развитие повышает напряжение между социокультурной (искусственной) и природной (естественной) средой, увеличивая риски кризиса самой техники и разрушения первой под воздействием второй [Философия техники... 1997]. В настоящее время мы становимся свидетелями развития так называемых «виталистских режимов» функционирования общественно-политических институтов [Мамычев, Ким, Фролова 2020], при котором доминирующим фактором и основополагающей проблематикой выступает не только общественные или групповые интересы, а также факторы биологического характера (например, пандемия COVID-19), где вопросы противодействия «вирусным стратегиям», экологическим угрозам, техногенным вызовам становятся ключевыми в политической повестке дня, оттесняя иные проблематики — социально-экономические, культурные и проч. [Прощай, COVID 2020].

мируется новое, относительно автономное измерение человеческой жизнедеятельности — цифровая реальность.

При этом последняя становится одним из доминирующих условий и контекстов человеческого существования, используя ресурсы и возможности остальных. Например, информация, образы, символы, повседневная практика (социокультурная реальность) используются для совершенствования машинного обучения, создания цифровых продуктов, развития электронных сетей и т.п.; или траектории развития и распространения новой коронавирусной инфекции — COVID-19, иных вирусов и инфекций (биологическая реальность)², применяются для моделирования специфических треков развития цифровых технологий, для алгоритмического распознавания и дифференциации разнообразных социальных процессов; или природные явления, развитие животного мира, климатические изменения и т.п. уже давно осмысливаются и описываются через алгоритмические процедуры и компьютерное прогнозирование.

Во втором случае речь идет о новых глобальных акторах, которые продвигают инновационные проекты социально-технологического устройства, форм и порядка организации человеческой жизнедеятельности, а также конструируют соответствующие последним режимы функционирования цифровых технологий, обеспечивающих данный переход. В качестве таких акторов сегодня выступают новые «элитарные альянсы»³ между:

² Например, Юджин Такер в ряде своих работ показывает, как цифровой дискурс стал доминирующим в описании, моделировании и прогнозировании социально-экономических, политических и иных процессов. Так, через «поведение компьютеров» можно обосновать развитие современной эпидемиологической ситуации, а «инфекционные заболевания могут быть поняты через призму математики, статистики и информатики», как и наоборот [Такер 2020: 74]. Современный политический дискурс достаточно часто сегодня обосновывает новые практики, легитимирует государственные решения через инженерный словарь и информационно-сетевую терминологию.

³ Понятием «элитарные альянсы» мы будем обозначать новых консолидированных общественно-политических акторов, которые формируются в публичном и скрытом (теневое пространство отношений/договоренностей, которые складываются за рамками общественного, государственного и международного контроля) пространствах взаимодействия. Данные акторы представляют собой: *во-первых*, стратегические альянсы, т.е. союзы двух и более как традиционных субъектов политики (регионального или национального уровней) [Королева 2009], так и консолидированных субъектов глобальной политики (глобальный уровень транснациональных элит) [Кочетков 2020], ориентированных на достижение стратегических целей; *во-вторых*, это договорные властно-инжиниринговые и социально-технологические союзы, часто достаточно мобильные и переструктурирующиеся, между традиционной финансовой, промышленной, политической элитой и новыми влиятельными игроками — ведущими специалистами в социальном (поведенческом) инжиниринге, технологическими стратегами, руководителями IT-корпораций и техногигантов. Здесь элитарные соглашения преимущественно связаны с проектированием образа будущего, его продвижением, легитимацией и реализацией (например, стейкхолдерского капитализма К. Шваба [Шваб 2016] или проектов альтернативных метавселенных главы Майкрософт Сатья Наделла, Фейсбук (21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.) Марка Цукерберга и др. [Алабина, Дзангиева, Юшковская 2022]).

- политической и цифровой элитой, которые начали формироваться в рамках государственно-частного партнерства в сфере инновационного технологического развития властно-управленческой деятельности и модернизации военно-промышленного комплекса;
- IT-корпорациями, ориентированными на создание альтернативных государству виртуальных пространств общественно-политического взаимодействия, которые начали свое восхождение с интерактивных площадок и сервисов, представляющих на альтернативной основе публичные и частные услуги пользователям, а сегодня перешли в режим конструирования внегосударственного, глобального цифрового пространства (метавселенной);
- инжиниринговыми центрами, сформировавшимися на базе ведущих университетов (например, Массачусетский технологический университет) и ведущих технологических лабораторий (например, исследовательские центры Силиконовой долины США), которые стали влиятельными относительно независимыми акторами, осуществляющими прогнозирование и проектирование развития социальных и технологических систем, разрабатывающими сценарии «связки человека и машины», осуществляющими настройку и управление виртуальными массами и интерактивными коммуникациями, играющими решающую роль «в разработке конкретных планов вмешательства» в социально-сетевое взаимодействие и с точностью предсказывая результаты последнего [Пентленд 2018: 19] для экономических, политических и других заинтересованных субъектов.

Кроме того, в качестве новых специфических акторов в современном общественно-политическом пространстве выделяются и так называемые цифровые агрегаторы, цифровые актанты (действующие автономные цифровые сущности). Посредством цифровых агрегаторов все больше и чаще реализуется определяющее социально-технологическое воздействие в мягких или более жестких формах, меняющих режимы и практики публично-властной коммуникации. Действия последних формируют цифровой контекст и симулятивные условия развития публично-властных отношений, порождая новые социально-технологические смыслы, образы, дискурсы.

Например, отчетливо прослеживаются специфические лингвистические и смысловые формы легитимации различных политических решений, которые апеллируют не к социальным ожиданиям, потребностям, демократическому характеру и проч., а к дискурсу технологичности, продвинутости, комфорта, удобства, интерактивности и т.д. При этом приоритеты развития цифровых технологий и сетей, их кибербезопасности и энергообеспечения становятся ведущими в публичном дискурсе, отесняя многие традиционные индикаторы общественно-политической динамики, а по заключению многих экспертов вообще формируют новую ценностно-нормативную систему, в которой доминирующее положение занимают «потребности систем», а «соразмерные человеку масштабы и его желания больше не являются главными мерилami ценности» [Гринфилд 2018: 249].

Цифровизация: теоретико-концептуальные рамки

Теоретико-методологическая оптика настоящей работы выстроена на основе ключевых положений натурфилософа и одного из родоначальников политической философии Т. Гоббса. Нам представляется, что предложенный им концепт Левиафана, как великого мифического чудовища в «материалистическом обли-чии», не только весьма интересен в качестве аллегории современной трансфор-мации политико-правовой организации общества как единого живого организма, но и в качестве эвристической схемы, описывающей смену эпох и формирование нового всеобщего масштаба развития человечества.

Напомним, известную цитату Т. Гоббса: *«...только в государстве суще-ствует всеобщий масштаб для измерения добродетелей и пороков. И таким масштабом могут служить лишь законы каждого государства»* [Гоббс 2001]. Взяв концепт Гоббса «Левиафан» в качестве метафоры, можно предложить такой ракурс рассмотрения современных изменений: кардинальные трансформации, происходящие в истории и ведущие к смене парадигмы общественно-полити-ческого развития, всегда порождали новый «лик Левиафана», *который задает всеобщий масштаб происходящему, новый формат мыследеятельности, орга-низации и ценностно-нормативной системы*. Развивая данную метафору, заме-тим, что смена эпох всегда возвращает образ Левиафана, инициирует процесс «вечного возвращения», т.е. возвращение Левиафана на новом историческом ветке развития, с новым общественно-политическим сознанием, волей к власти, сверхчеловеком... [Ницше 2005].

Отметим другой, теоретико-методологический аспект: в качестве одного из ключевых цифровых эффектов современной трансформации, по мнению подавляющего большинства экспертов⁴, является системный кризис социального доверия к фундаментальным институтам, традиционным ценностям и нормам. Именно последнее ведет, как отмечал П. Штомпка, к утрате всеобщего масштаба и общего смысла как в повседневной жизнедеятельности, так и на уровне институциональной организации общества [Штомпка 2012]. И если общественная система не может «втянуть» весь спектр «инноваций в масштаб традиции» [Чистов 1986], то происходит крушение всеобщего каркаса и ценностно-нормативных требований (социокультурных императивов [Markarian 1992]), что ведет к производству нового всеобщего масштаба, культурных и нормативных императивов (нового Левиафана).

⁴ Можно привести целый пул современных экспертов, которые в политологическом [Володенков... 2022], социологическом [Веселов 2020], юридическом [Юридическая концепция... 2019], культурном [Критика... 2020] и других контекстах фиксируют кризис доверия к традиционным институтам и практикам [Цифровизация общества... 2022], комплексно рассматривают влияние процессов цифровизации на разрушение сложившихся механизмов воспроизводства общественного доверия, социального легитимирования публично-властных (Федорченко С.Н. Технологии легитимации политических режимов в условиях цифровизации: дис... д-ра полит. наук. Специальность 23.00.02. М.: Институт философии РАН, 2021), частнопровых [Морхат 2018], финансовых [Скиннер 2018] и других отношений.

В цифровой общественно-политической реальности создается ситуация, когда происходит *утрата общественного доверия* к традиционным политическим институциям и традиционным форматам политики, а многие политические феномены просто *исчезают в качестве значимых*⁵. При этом действующие автономные алгоритмические системы, с одной стороны, все активнее выступают инициаторами общественных дискуссий (например, массового обсуждения принятых властно-управленческих решений) и социальных акций (например, акции несогласных с существующей повесткой дня), которые реализуются не только в виртуальном пространстве, но и в дополненной и общественно-политической реальности [Аутсорсинг 2021]. Кроме того, данные системы начинают консолидировать и реинтерпретировать общественно-политические явления, события, процессы, общественные смыслы и ценности, а также активно принимают участие в общественной оценке и принятии решений [Гринфильд 2018].

Обратим внимание еще на один концепт, значимый для настоящей работы, — «цифровизация». Цифровизация разом определяет нашу эпоху, объясняет то, что с нами происходит сейчас, и набрасывает штрихами эскиз будущего. «Наше новое все» формирует новый масштаб существования общества, реконфигурирует отношения человека с машиной, технологией и природой. С помощью данного концепта сегодня описываются сущностные, инструментальные, институциональные, процессуальные и другие характеристики трансформационного периода⁶. Так, цифровизацией, как правило, обозначают:

- смену аналоговых форм на цифровой формат, автоматизацию и алгоритмизацию стандартных социальных процедур (например, бюрократических процессов, формализованных процедур в страховой, финансовой и других сферах деятельности);
- переход на цифровой формат функционирования традиционных институтов, а также формирование новых цифровых институций (например, цифровых платформ);
- смену в приоритетах развития техники и технологий, доминирующих в третью промышленную революцию, на цифровую технику (коды, архитектуры, сетевое оборудование, серверы и др.) и цифровые технологии (системы машинного обучения, большие данные, блокчейн и т.п.);
- исторический переход, т.е. формирование новой аналитической матрицы осмысления и описания транзита от одного качественного состояния общественной системы и социального уклада (промышленного, информационного) к принципиально иному — цифровому будущему;

---

⁵ Например, недавно Федеральная комиссия по связям США — FCC инициировало общественное обсуждение проекта федерального закона, в итоге из 22 миллионов комментариев, поступивших на данный НПА, 84% сообщения было от ботов (Уолш 2019). Развитие данного сценария ведет к тому, что реальные человеческие голоса, мнения и общественная позиция или стираются (теряются) в океане цифровых ботов и фейковых событий, или полностью исчезнет как реальное общественно-политическое явление.

⁶ Далее мы вернемся к вопросу соотношения цифровой трансформации, цифровизации и цифрового будущего.

- смену социокультурных траекторий развития, т.е. цифровые технологии — это, прежде всего, культурные явления/продукты, вектор их развития обуславливается социально-экономическими, политико-правовыми и иными социальными факторами (т.е. цифровизация описывает именно изменения социальной и технологической динамики общества);
- формирование новой культурной матрицы, со своей мировоззренческой системой, структурой социально-технологических потребностей, специфической организации (социальная физика), нормативной системой (социально-поведенческий инжиниринг) и т.д.;
- новый формат футуризма⁷, научно-фантастического проектирования будущего, моделирование образов цифрового будущего (исследование будущего, сценарное проектирование будущего, а особенно ретрополяционные практики⁸).

«Цифровой Левиафан»: новый всеобщий масштаб?

В современной общественно-политической реальности уже очевиден масштаб социально-политического влияния социально-технологических акторов и инновационных инструментов на жизнедеятельность общества. Например, такие глобальные корпорации, как Google, Microsoft, Facebook⁹, Apple и др., являются крупнейшими политическими лоббистами, потеснив с этих позиций естественные (энергетические) монополии, торговые и промышленные гиганты¹⁰, существенно влияя на законодательные приоритеты, направления государственной политики и политическую повестку дня¹¹. Данные корпорации самые

⁷ Заметим, что футуризм всегда *предшественник нового всеобщего масштаба*. Например, Б. Муссолини прямо сказал: «Официально заявляю, что без футуризма не было бы фашистской революции» [Монтфорт 2021: 50]. Наверняка, не случайно Ш. Зубофф, завершая свое фундаментальное исследование надзорного капитализма и новой эры властных отношений, также прямо заявляет, что сегодня есть все предпосылки формирования нового цифрового чудовища, новой формы властного господства — «цифрового фашизма» [Зубофф 2022: 661-663].

⁸ Сегодня методология и практика ретрополяции широко распространяется как в исследовательских практиках, так и в научно-популярной фантастике, организации бизнес-процессов. Например, в своем известном исследовательском проекте М. Деланда выстраивает научную аргументацию «из будущего», т.е. описывает историю развития разумных машин из далекой исторической точки, с точки зрения робота-историка, который занят «отслеживанием различных линий технологического развития, давших рождение их виду» [Деланда 2014: 8].

⁹ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией

¹⁰ Romm T. 2017 Apple, Amazon, Facebook (21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией). and Google spent nearly \$50 million — a record — to influence the U.S. government in 2017. URL: <https://www.vox.com/2018/1/23/16919424/apple-amazon-facebook-google-uber-trump-white-house-lobbying-immigration-russia> (дата обращения: 10.05.2022 г.).

¹¹ Wheatly M 2019. Google led record-breaking tech industry lobbying blitz in 2018. <https://siliconangle.com/2019/01/23/google-led-record-breaking-tech-industry-lobbying-blitz-2018/> (дата обращения: 10.05.2022 г.).

активные и в продвижения своего влияния через академические сообщества, аналитические центры и экспертное сообщество, через неправительственные организации, военно-промышленный комплекс, торговые и разнообразные отраслевые и профессиональные ассоциации¹².

Их влияние особенно возросло при расширении практики использования цифровых технологий для прогнозирования и моделирования разнообразных социальных процессов, применения алгоритмических и экспертных систем в реальном управленческом процессе, в расширении инструментария определяющего (властного) воздействия на поведение, политическую идентификацию и мобилизацию, принятие публично значимых решений. Например, эксперты фиксируют влияние поведенческих прогнозов на исходы Brexit¹³; таргетированной новостной ленты и рекламы на выборах (например, выборы в США 2016¹⁴); автономных цифровых ботов на принятие законодательных решений или формирование правотворческих новел [Уолш 2019] и т.д.

В период пандемии резко возросли лоббистские практики техногигантов, особенно в контексте фискальной и стимулирующей политики государства, определения ключевых сфер и направлений инновационного развития. В свою очередь, расширение цифрового инструментария и информационных форм влияния сегодня ведет к существенному повышению того, что мы называем «информационным шумом» и «профильной реконфигурацией» отношений, которые обуславливают процессы информационной перегрузки общественно-политического пространства и его качественной трансформации.

Так, согласно отчету международной Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), стремительное развитие цифровых инструментов не способствует, вразрез общественным ожиданиям, быстрому развитию транспарентного режима функционирования различных институтов и интерактивному участию граждан в реализации власти и контроля за результатами ее деятельности. Это связано с тем, что интенсивное развитие интерактивных форм и средств порождает существенную перегрузку цифрового пространства, которая и снижает эффективность как традиционных, так и инновационных форм гражданского участия. Примерами такой

---

¹² Reklaitis V. (2021). Facebook (21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией) and Amazon set records in annual spending on Washington lobbying. URL: <https://www.marketwatch.com/story/facebook-and-amazon-set-records-in-annual-spending-on-washington-lobbying-11611323639> (дата обращения: 10.05.2022).

¹³ См. Doward J., Gibbs A. Did Cambridge Analytica influence the Brexit vote and the US election? // The Guardian. 4 march 2017. URL: <https://www.theguardian.com/politics/2017/mar/04/nigel-oakes-cambridge-analytica-what-role-brexit-trump>; Hjelgaard K. Cambridge Analytica active in elections, big data projects for years // USA TODAY. 2018. 22 march. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2018/03/22/cambridge-analytica-profile/437210002/> (дата обращения: 10.05.2022).

¹⁴ Lim M. Cambridge Analytica Trump 2016 Presidential Election Digital Campaign Review // University of Southern California. URL: https://www.researchgate.net/publication/339166269_Cambridge_Analytica_Trump_2016_Presidential_Election_Digital_Campaign_Review (дата обращения: 10.05.2022).

перегрузки выступает процесс, в котором «миллионы людей, часто плохо информированных, пытаются влиять на общественное мнение и правительства с помощью таких средств, как социальные сети или процесс распространения «избыточного потока информации и данных, которые существенно снижают какую-либо значимую активность, позицию, мнение»¹⁵.

Эффект «профильной реконфигурации» социальной коммуникации мы характеризуем как изменение «смысловой матрицы» в публичной политике, при котором происходит смена одного из ключевых концептов «социального актора» и его общественно-политической активности на концепт «пользователя сети» и его «индивидуализированную профильную динамику»¹⁶. Социальная активность постепенно сменяется профильной динамикой, измеримой не классическими социологическими методиками, а цифровыми инструментариями (сбор цифровых следов, маркеров и иной сетевой активности).

При этом приоритет смещается с политических эффектов от тех или иных событий и процессов в традиционной политической реальности в сторону *данных и сетевой активности* в цифровом пространстве. Очевидно, что последнее существенно изменяют устойчивые модели отношений в системе личность—общество—государство, а также порождают новые типы взаимодействия, новые отношения, институты и т.д.

«Цифровой Левиафан»: версии и трактовки

В современных исследовательских проектах достаточно часто используется концепт «цифровой Левиафан». Можно выделить три основные версии содержательного пояснения его смысла и назначения. В первом случае «цифровой Левиафан» отражает качественные изменения института государства и механизма государственного управления, описывает новые форматы и практики публично-властной деятельности, интеркоммуникативные способы взаимодействия в системе личность—общество—государство. В данном аспекте «цифровой Левиафан» предстает в таких обликах, как «электронное правительство» или «цифровое государство» [Золаев 2021], «интерактивная публично-властная сеть» или «публичная цифровая сетевая структура» [Михайлова 2013], «цифровой публичный сервис» [Зайковский 2014], а также в качестве «публичной цифровой платформы» [Петров... 2018].

В.А. Осипов, рассуждая о «цифровом Левиафане», предлагает интегративную версию теоретического обобщения двух разных позиций, а именно выделяет две ипостаси Левиафана — это виртуальное государство и кибер-

¹⁵ OECD (2021). *Lobbying in the 21st Century: Transparency, Integrity and Access*, OECD Publishing, Paris. URL: <https://www.oecd.org/corruption/ethics/lobbying-21-century.htm> (дата обращения: 10.05.2022 г.).

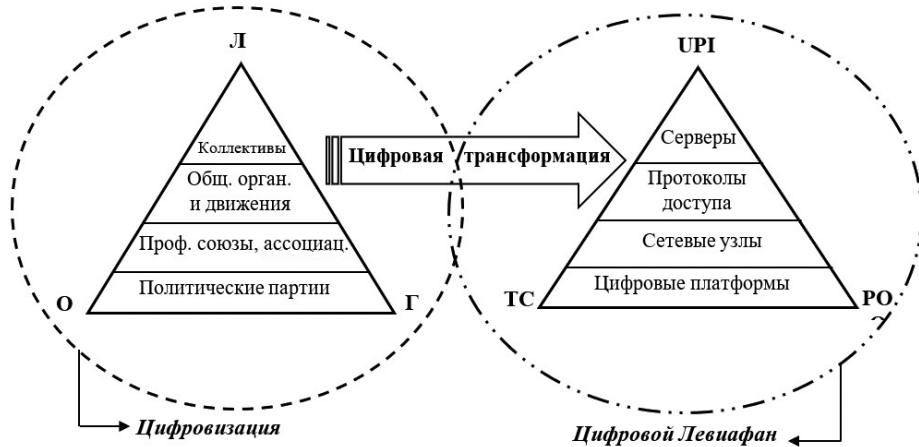
¹⁶ От UPI — индивидуализированный профиль пользователя, элементы и характеристики которого становятся более значимыми для общественной динамики, политической коммуникации, властных отношений, чем традиционная социальная позиция, общественные ожидания, социокультурные интересы и потребности.

государство. В первом случае речь идет о публично-властной коммуникации и деятельности (например, цифровые государственные сервисы), существующих исключительно в сети Интернет, в виртуальном пространстве. Во втором случае речь идет о цифровом суверенитете, реальной возможности государства осуществлять свою деятельность и регулировать процессы в цифровом пространстве [Осипов 2021].

Другой, более широкий ракурс трактовки данного концепта предложен А.И. Овчинниковым, для которого «цифровой Левиафан» — это новый формат жизнедеятельности общества. Последний описывает не только кардинальные изменения в социальной сущности и структурно-функциональных характеристиках традиционных юридических, политических, экономических и других институтов, но и особую динамику общественной организации, которая фиксирует «приближающуюся катастрофу и цифровую деградацию человечества» [Овчинников 2021: 229-230]. В этом аспекте противопоставление традиционного государства и «цифрового Левиафана» важно для моделирования рисков и угроз будущего образа цифровой государственно-правовой организации, сценарного описания основных траекторий цифровой трансформации традиционных политико-правовых институтов для адекватного противодействия им, с целью сохранения традиционного политико-правового «чудовища» и низвержения прихода его эрзаца (цифрового суррогата).

Третий аспект рассуждений о «цифровом Левиафане» связан с описанием контуров цифрового будущего. Здесь акцентируется внимание не на процессах трансформации, кардинальных изменениях, а на возможных вариантах будущего. Поэтому новый Левиафан предстает как «гибридная сущность, кибернетический организм и одновременно сложная сеть из систем искусственного интеллекта, их разработчиков» и т.д. Это «очередная реинкарнация идеи безличного и безразличного Государства как машины, кибернетической системы», которая стремится «не к национальному, а к глобальному доминированию» [Шнуренко 2021: 16; 36].

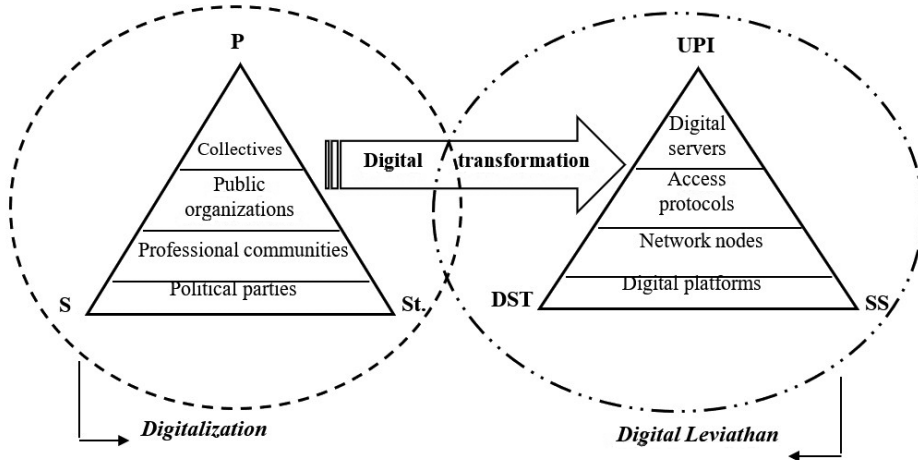
Отметим, что на протяжении всей истории развития техники и технологий человек стремился создать технологически совершенную среду, функционирующую с механистической точностью и беспристрастностью. При этом цифра всегда порождает, как отмечает известный историк И.А. Исаев, альтернативную реальность — объективную, непредвзятую, математически совершенную. Ведь само «исчисление кроме раскрытия и выявления означает создание (искусственное по сути) новой реальности. Этот процесс... запускает все новые процессы во всех сферах жизни, как органической, так и неорганической... Собственно, механизация и математизация жизни впервые и придают по-настоящему машинный тип давно существующим машинам власти. Технические элементы в них все более замещают собой человеческие элементы. Прежние гуманитарные и органические связи все чаще заменяются техническими, этически нейтральными приемами» [Исаев 2021: 6-7]. Об этих процессах создания социально-технологической среды, смене гуманитарных приоритетов на технические потребности поговорим далее.

Обозначения на рис. 1: Л – личность; О – общество; Г – государство; UPI – индивидуальный профиль пользователя; ТС – цифровые технологические системы, функционирующие в современном обществе; РО – роевая (социально-сетевая) структура отношений

Рис. 1. Цифровизация и цифровая трансформация традиционных форм общественно-политической организации

Источник: составлено автором.

The designations in the figure are: P – personality; S – society; St – state; UPI – user profile individual; DST – digital technological systems functioning in modern society; SS – swarm structure of relations

Fig. 1. Digitalization and digital transformation of traditional forms of socio-political organization

Source: made by author.

На рис. 1 представлена упрощенная модель цифровизации и схема цифровой трансформации общественно-политической организации, которая позволяет рассмотреть: *во-первых*, теоретико-концептуальное разграничение таких понятий, как «цифровая трансформация», «цифровизация», «цифровой Левиафан»; *во-вторых*, традиционный (классический) формат общественно-политической динамики и основные (типичные) модели публично-властных отношений; *в-третьих*, процесс цифровизации традиционных моделей и развитие ключевых сценариев последних; *в-четвертых*, содержательное описание процесса цифровой трансформации как проектирования образа будущего, а также процессы формирования «цифрового Левиафана» и его основные модели организации.

1. Соотношение понятий. В отечественном социально-гуманитарном дискурсе, как правило, «цифровизация» используется в качестве достаточно широкого, комплексного термина (на разнообразные трактовки последнего указывалось выше). Так, *цифровизация* рассматривается как феномен социокультурной жизнедеятельности человека и общества, т.е. явления, с которым мы сталкиваемся в своей жизнедеятельности, а также как серия событий, которые возникают и меняют нашу мысль и деятельность. При этом цифровизация рассматривается в качестве процесса, имеющего инструментальное выражение (например, перевод аналоговой информации, аналоговых инструментов в цифровой формат), т.е. процесса оцифровки данных, системы их сбора, хранения, применения и использования. Вместе с тем цифровизация связывается с процессами качественных изменений, которые возникают в процессе внедрения и эксплуатации цифровых технологий.

Отметим, что в англоязычной литературе для обозначения двух последних аспектов используются два взаимосвязанных, но разных понятия: *digitization*, отражающее преимущественно технические характеристики процесса оцифровки данных, средств и форм их хранения и использования, *digitalization* — понятие, ориентированное на отражение «цифровых эффектов» в социокультурной жизни общества, возникающих в процессе внедрения и использования технологий в сознательно-практической деятельности людей [Кудрявцева ... 2021: 149-150].

В этом плане цифровизация отражает качественные изменения, которые можно уже сегодня проследить в функционировании традиционных политических институтов, в форматах и характере политического взаимодействия, в усложнении структуры публично-властных отношений, в формах общественно-политической мобилизации и т.д. Все эти процессы кардинального изменения, под воздействием внедрения и эксплуатации цифровых технологий, различных алгоритмических решений, можно обобщить с помощью данного понятия.

В свою очередь, понятие *цифровая трансформация* содержательно описывает транзит от одного качественного состояния общественно-политической системы и социально-культурного уклада к принципиально иному — цифровому. При этом данный процесс транзита следует трактовать как в субъективном, так и в объективном планах. В первом случае он представляется в качестве одного из проектов трансформации общественно-политической организации наряду с модернизационными или консервативными доктринально-программными по-

ложениями. Во втором — цифровая трансформация рассматривается как эволюционное, революционное (скачкообразное) или маятниковое развитие политических институтов и отношений.

Концепт «*цифровой Левиафан*» используется в качестве собирательного образа для разрабатываемых проектов общественной организации и ее ключевых характеристик в цифровую эпоху [Что мы думаем... 2017]. Это формат конструирования футуристических и научно-фантастических проектов будущего, моделирование образов цифрового устройства и сценарного проектирования целей и задач достижения того или иного цифрового будущего. Здесь созидание и проектирование будущего, как отмечает Ник Монтфорт, это работа «по созданию определенного образа будущего и осознанное стремление внести в него свой вклад», что отличает его от прогрессистских (совершенствование институтов и практик ради лучшего будущего) и от регрессистских (восстановление лучшего устройства и противодействие угрозам его разрушения) проектов [Монтфорт 2021: 14].

2. Традиционный формат общественно-политической организации. На рис. 1. отражены типичные модели традиционной общественно-политической организации и модели публично-властных отношений между личностью — обществом — государством. Если интересы личности (Л) являются основополагающими, то такую форму, как правило, характеризуют как либерально-демократическую, интересы последней определяют функционирование частных и публичных институтов. В свою очередь, если в общественно-политическом устройстве доминируют интересы общества (О), социально-культурной целостности, над интересами личности, интересами государственного аппарата и бюрократии, то такую форму обычно обозначают в качестве авторитарной. Ситуацию доминирования интересов государства (Г) над интересами личности и общества, когда государство создает общество и личность, обычно характеризуют в качестве тоталитарной формы публично-властных отношений (классический пример «Доктрина фашизма» Б. Муссолини: «Не нация создает государство... Наоборот, государство создает нацию, давая волю, а следовательно, эффективное существование народу... и конкретному индивиду»).

Это упрощенная схема общественно-политического устройства и принципов организации публично-властных отношений необходимо для представления процессов цифровизации и ключевых изменений общественной организации будущего («цифрового Левиафана»).

3. Процесс цифровизации традиционных моделей и сценарии развития публично-властных отношений.

В рамках цифровизации личностно ориентированной модели (Л) реализуется цифровая сервисная модель. Данная модель ориентирована на совершенствование интерактивных форматов взаимодействия и индивидуально настраиваемый, с помощью цифровых инструментов, режим взаимоотношений с государственными и негосударственными организациями. Здесь можно зафиксировать доминирование персональных цифровых профилей (например, на государственных платформах) над традиционными форматами политико-правовой идентифика-

ции (например, официальный статус, партийная принадлежность), а главный тренд — формирование субъективно ориентированных электронных публичных услуг, онлайн-консультирования и т.п. Все это в целом ведет к «сближению» корпоративных и политических элит, расширению форматов государственно-частного партнерства, формированию новых «*властных альянсов*» между государством и IT-корпорациями, а также инновационных режимов реализации «цифровых аутсорсингов» в оказании публично-властных услуг и проч.

В обеспечении общественных интересов (О) начинают доминировать цифровые платформы, которые становятся новым «институциональным каркасом» и интегрируют различные среды общественного взаимодействия (экономическая, политическая, правовая, культурная и т.д.). Они направляют и координируют публично-властное взаимодействие и частную коммуникацию общества, обладают широкими возможностями и инструментарием для продвижения тех или иных общественно-политических концептов, идей, смыслов и проч. В рамках общественного развития платформенные решения, связанные со сбором, обработкой и использованием данных, выступают ключевыми драйверами социально-экономической и общественно-политической динамики, формируя не просто удобную и мобильную площадку для разнообразных интеракций, а, главным образом, новую искусственную социально-технологическую среду (виртуальная экосистема) со своей ценностно-нормативной системой, символикой, цифровой идентификацией, которая постепенно вытесняет социально-культурную идентификацию и традиционные общественные институты.

При доминировании интересов государства (Г) основной акцент в процессах цифровизации делается на развитие национальных цифровых платформ, использующих информационные сети для мониторинга, предотвращения и противодействия различным рискам, вызовам, угрозам. Главные траектории развития связаны с формированием национальных виртуальных сетей, которые должны контролироваться и регулироваться в рамках суверенной юрисдикции конкретного государства, поскольку последнее обеспечивает защиту национально-культурной специфики общества, права, свободы и законных интересов личности.

При этом процессы суверенизации цифрового пространства ориентированы на обеспечение стабильности и легитимности действующего политического режима, устойчивости общественно-политического процесса, противодействие использованию цифровых технологий в массовом манипулировании и т.п. Именно государственно ориентированная правовая политика позволяет эффективно осуществлять управление цифровой коммуникацией граждан и их организаций, реально влиять на функционирование общественных и политических институтов, а также обеспечивать доминирование национальных цифровых сервисов и платформ (пример таковой государственной политики реализуется в Китайской Народной Республике).

4. Процесс *цифровой трансформации* и формирование *цифрового Левиафана*. Конструируемый образ будущего цифрового общества и нового масштаба человеческой организации в цифровую эпоху, которую мы обозначали выше в качестве «цифрового Левиафана», принципиально меняет всю триаду

основополагающих интересов (Л-О-Г). В специализированной литературе уже неоднократно подчеркивалось, что гуманитарное измерение разворачивающихся в обществе событий и процессов больше не является определяющей ценностно-нормативной матрицей для принимаемых стратегических решений¹⁷. На первый план выходят потребности технологического характера, например развитие и усложнение цифровых алгоритмических систем, для которых принципиально важны потоки данных и частота их производства, необходимые для машинного обучения, разработки и тестирования новых поведенческих продуктов и сценариев. Справедливо в этом плане отмечает М.Л. Альпидовская, что «грядущий глобальный „цифровой Левиафан“, технократически трансформируя человеческое общество, рассматривает людей в качестве ресурса, капитала, „новой нефти“, то есть товара. И эти процессы, действительно, неслучайны и закономерны» [Альпидовская 2021: 160].

Если раньше технологии и машины на различных этапах трансформации выступали в инструментальном качестве, т.е. улучшая сенсорные, моторные и другие способности человека, то сегодня они направлены на трансформацию самой природы человека и форм его мыследеятельности. Неслучайно главный идеолог новой цифровой глобализации К. Шваб утверждает, что разворачивающаяся четвертая промышленная революция ничего общего не имеет с кардинальными изменениями в производственных отношениях, промышленном росте и экономической системе.

Напротив, это «*принудительная революция*» (термин К. Шваба), которая меняет нас, модифицирует социально-биологическую природу человека [Шваб 2016]. Это порождение принципиально нового Левиафана, который, как отмечает Ш. Зубофф, «кормится людьми, но не рождается от их плоти и крови». Он ориентирован на извлечение данных и управление человеческим поведением, на производство прогностических продуктов. Этот новый масштаб в человеческой организации «строится вокруг постепенного устранения хаоса, неопределенности, конфликта, разнообразия и отклонения от нормы в пользу предсказуемости, автоматической регулярности, прозрачности, слияния, убеждения и умиротворения» [Зубофф 2022: 662].

Поэтому вполне очевидна и ключевая тенденция данной цифровой глобализации — делегитимация государственных органов и структур (особенно осуществляющих контроль, мониторинг и регулирование цифрового пространства, разрабатывающих и принимающих ограничительные стандарты и требования), которые препятствуют свободному развитию цифрового взаимодействия, ограничивают виртуальные интеракции и разнообразный цифровой опыт пользователей. Конструируемый негативный образ государственной власти (тради-

---

¹⁷ Приведем здесь позицию Адама Гринфилда, с которой полностью солидаризируемся: современные ритмы развития различных сфер деятельности и обыденных пространств, материальные и энергетические потоки сегодня «определяются не столько нашими потребностями, сколько потребностями систем, которые номинально служат нам, но для которых человеческое восприятие, соразмерные человеку масштабы и его желания больше не являются главными мерами ценности» [Гринфилд 2018: 249].

ционного Левиафана) также влияет на разработку альтернативных публичных цифровых сервисов, которые перетягивают пользователей со всеми их данными на свои платформы, через которые и предлагается осуществлять публичную и частную жизнь. Прогнозируем, что таким образом расширяется конфликтное пространство между государственными цифровыми публичными сервисами, платформенными решениями и негосударственными корпоративными и финансовыми структурами, которые агрессивно переводят данные (личные, финансовые, биометрические и т.д.) с государственных платформ в виртуальное пространство данных структур.

При этом делегитимация политического института государства и действующей системы социального нормативного регулирования (право, обычаи, мораль и т.д.) открывает возможность сформировать собственную систему поведенческого инжиниринга, которые выступают основой для формирования тотального прогнозирования и управления социальным поведением через цифровые агрегаторы и платформенные решения, что в итоге формирует *новый формат негосударственного цифрового властного господства*. Так в рамках продвигаемых проектов «метавселенная» формируется не только альтернативное измерение существования человека, но и специфическое цифровое пространство с собственными (корпоративными) формами и способами идентификации, системой социально-технологических норм и стандартов взаимодействия. Данная «метавселенная» ориентирована на поэтапное создание «инновационной нормативной технологии регулирования», своеобразного поведенческого инжиниринга, где кодирование разнообразных интеракций осуществляется автоматизированными алгоритмическими системами.

Более того, как анонсирует К. Шваб в рамках этой альтернативной вселенной, изменяется и сам человек, происходит его *гибридизация*, т.е. одновременное присутствие человека в общественно-политической реальности и погружение (объективное), присутствие (субъективное) в цифровой симуляции. Или другой пример — выстраивание специфических симбиотических связей между человеческим (субъективным) сознанием, общественным (объективным) сознанием и электронными сетями (симулятивным). «Современные информационные и коммуникативные технологии экстернизируют и в форме электроцепей *удваивают человеческую нервную систему*», что кардинально меняет наше субъективное восприятие и ощущение погруженности в мир (реальный и виртуальный), где «визуальные режимы репрезентации сменились сенсорно-нейронными режимами симуляции» [Брайдотти 2021: 174].

В рамках метавселенных стимулируется появление, кроме выше обсуждаемых цифровых актантов, и новых симбиотических акторов — «социальных киборгов», которые становятся «господствующей социокультурной формой, целиком включенной в социальное производство, что влечет массу экономических и политических следствий» [Там же].

Концепт «киборг» позволяет разорвать связь между обществом, государством и социокультурной (нормативной) моделью личности, заново переосмыслить и переопределить общественно-политическую онтологию. При этом

традиционная триада интересов и потребностей личности—общества—государства в рамках новой цифровой общественно-политической онтологии сменяется на индивидуальный профиль пользователя — **UPI** (как источника данных и объекта алгоритмического управленческого воздействия), потребности развития технологических систем (**ТС**) и траекторий развития новой социально-сетевой (роевой) структуры отношений (**РО**).

В современных исследовательских проектах, в основном западноевропейского толка, которые до сих пор задают тон и основные направления развития социогуманитарной системы знания, социальный киборг описывается как существо постсоциальное, гармонично сочетающее социальные и технологические, природные и культурные характеристики. Он постгендерный и постэтнический субъект, лишенный всех традиционных классификаций и идентификаций.

Он представляет *нового субъекта* цифровой истории человечества, у которого «нет начала, как и нет привязанностей и зависимостей» [Харауэй 2000]. Данный субъект (постчеловек) — симбионт, т.е. «гибрид человеческого и машинного», «природного и социального», без исторического и национально-культурного контекста, но с цифровым будущим и свободной электронной мобильностью [Clough 2018]. Основные характеристики данного субъекта — это его профильные UPI и биогенетические данные, а место обитания — социально-сетевое (виртуальное) пространство. Сообщество данных постсубъектов «цифровой пролетариат», т.е. это в основном «низкооплачиваемый цифровой пролетариат, подпитывающий высокотехнологичную глобальную экономику, никогда при этом не получая к ней доступ» [Брайдотти 2021].

Формируемая новая политическая онтология конструирует и новый объект властных отношений, и техники властного господства. Так, если предшествующая эпоха в качестве объектов властного воздействия «видела» тело и душу человека (biopolitics), а в качестве основных властных техник использовала дисциплинарные формы господства и контроля [Фуко 2010; 2016]; то цифровая эпоха сводит последние к источнику поведенческих данных и биогенетической информации (zoepolitics). Здесь «биогенетическая природа развитого капитализма сводит тела к носителям витальной информации, наделенной финансовой ценностью, и тем самым превращает их в капитал. Эти тела представляют собой материал для новых классификаций целых популяций» [Брайдотти 2021: 174].

При этом «аффективная способность тел, статистически представленная в виде факторов риска, может восприниматься как таковая и *без субъекта*¹⁸, даже

¹⁸ Примечательно, что в отчетах Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization) содержатся целые разделы, которые анализируют влияние систем алгоритмического контроля и мониторинга, сетей и траекторий распространения вируса (COVID-19), сетевых коммуникативных структур и проч. В этих разделах нет какого-либо социокультурного изменения, конкретных субъектов, в подавляющем большинстве это социотехнологические и сетевой дискурс. Вся проблематика пандемии осмысливается через призму взаимодействия и взаимовлияние сетей (биологических, цифровых, социальных, бюрократических и т.д.), их статистическое и математическое выражение. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/situation-reports> (дата обращения: 10.05.2022)

без тела индивидуального субъекта. Это приводит к появлению конкурирующих бюрократических процедур контроля и политического управления во имя защиты жизни населения» [Clough 2008: 18].

Для развития общества в новых условиях принципиальное значение имеют не индивидуальные мотивы и интересы, а паттерны личного взаимодействия, масштабные поведенческие сценарии, поток и каналы распространения идей в социально-сетевой структуре общества. «Социальная физика», по утверждению главного столпа этого нового научного направления, рассматривает человека в качестве источника данных и объекта алгоритмического управленческого воздействия. Это воздействие основывается на системе машинных стимулов, посылаемых алгоритмами в социальную сеть, которые изменяют рамки восприятия, формирует требуемые потоки идей и образов, инструментально настраивают определенные поведенческие реакции. Это научно-практическое направление, ориентированное на формирование таких «социально-сетевых стимулов», которые «намного эффективнее помогают изменить поведение, чем традиционный метод использования индивидуальных стимулов» [Пентленд 2018: 76].

Кроме того, «цифровой Левиафан» предлагает и новый формат структуриции людей — «цифровые улья», а также новую науку управления — «социальную физику» [Пентленд 2018] и новую идеологию будущего — «проективное будущее».

Цифровые ульи описывают в структурно-организационном и динамическом формате социально-сетевые отношений различных агентов цифрового пространства, взаимодействие которых моделируется на основе концепции цифрового роя. При этом управление цифровым роем моделируется посредством цифровых платформенных решений. Поясним последнее.

Цифровой рой — это концепт, который комплексно описывает, с одной стороны, массовое поведение в сети и децентрализованные формы сетевой организации, а также типы взаимодействия между различными агентами в сети (пользователь и цифровые сообщества, автономные роботы и аппараты, боты и другие алгоритмические системы), а с другой — эффекты возникновения и распространения по сети синхронного коллективного поведения (цифрового роевого интеллекта)¹⁹.

В рамках современных междисциплинарных проектов уже достаточно давно разрабатываются и соответствующие платформы управления роевым взаимодействием, т.е. цифровые платформенные инструменты, которые интегрируют действующих в сети пользователей и других агентов сети в режиме реального времени в онлайн-рой для решения разнообразных задач. При этом «спроектированная наподобие биологические роев платформа дает возможность онлайн-группам синхронно работать вместе, налаживая объединенную дина-

---

¹⁹ Со вторым значением данного концепта можно сравнить аналогичные понятия, которые используются в различных науках, например: в культурологии — «меметический комплекс», в психологии — «эффект толпы», «эффект эмоционального заражения», в политологии — «массовое поведение» и т.д.

мическую систему, которая может быстро отвечать на вопросы и принимать решения» [Розенберг 2017]. Тем самым складывается единая направленность сетевого взаимодействия, которая «отсекает» разнообразные альтернативы, формирует коллективную мудрость и коллективное сетевое действие вокруг данного направления.

Подчеркнем, что в современной концепции цифрового роя важным является не только процесс самоорганизации социальной группы вокруг решения какой-либо задачи или реализации того или иного события, но и процесс взаимодействия социальных акторов с иными агентами сети. Другими словами, на месте традиционного субъекта и системы общественных отношений возникает принципиально иное пространство «союзов человеческих и не-человеческих агентов», в этом пространстве ассамбляжей²⁰ «кишит целый рой различных витальностей. Отныне главная задача состоит в том, чтобы определить контуры этого роя и тип отношений, существующих между частями» [Баннет 2018: 56].

Так, в своей новой политической онтологии Дж. Баннетт задается вопросом, почему так важно говорить об агентности, а не рассуждать о субъектах и традиционных форматах их самоорганизации в социальные системы, общественные структуры, культурные среды и т.п. Ее ответ таков: «...потому, что категория материальной агентности несет в себе более серьезный вызов для человеческой исключительности, т.е. для распространенной тенденции недооценивать тот факт, что люди, животные, артефакты, технологии и силы природы делят между собой полномочия и действуют в диссонирующем союзе друг с другом» [Баннет 2018: 60].

В этой новой политической онтологии статус человеческого субъекта сводится к простой активности в сети отношений с иными агентами — роботами, технологиями и различными материальностями (смартфонами, серверами и проч.). В свою очередь, *цифровые ульи* — это алгоритмически и технически структурированное и динамически функционирующее сетевое пространство, состоящее не только из активных пользователей, их цифровых двойников, но из различных цифровых сущностей (ботов, алгоритмов), где динамика и целевая направленность функционирования и взаимодействия последних управляется различными платформенными решениями. Например, платформенные решения могут формировать системы алгоритмических требований наподобие рекомендательных, запрещающих или обязывающих норм (реализующиеся в концепции инженеринговой нормативной системы, о которой речь шла выше), а также «развивать систему стимулов и коллективных привычек, которые диктуют нам, как действовать и реагировать в различных ситуациях» [Пентленд 2018: 80].

---

²⁰ Ассамбляж в «новой» онтологической картине мира — это союз или случайная сборка различных компонентов/агентов социальной, биологической, природной, цифровой реальностей. Принцип функционирования этого союза «предполагает, что, несмотря на тесную взаимосвязь между органами, составляющими организм, отношения между ними не являются логически необходимыми, но лишь контингентно обязательными в качестве исторического результата их коэволюции» [Деланда 2018: 21].

В свою очередь, идеология *проективного будущего* представляет особый стиль мышледеятельности, восприятия времени и пространства, не совпадающий с прогрессом, регрессом или циклической системой (перманентизм), поскольку ориентирован на построение радикально отличного образа социально-технологического существования.

Проективное будущее не наполнено позитивными коннотациями, а, напротив, содержит целый спектр опасений, рисков, угроз. В его содержании от прогресса сохраняется общая логика линейного движения вперед, однако, в отличие от прогресса, это движение не к более совершенному, а к рикогенному. В этом проектировании будущего задействованы, конечно, и другие типы мышледеятельности — регресс и циклизм (перманентизм), усиливая эти негативные коннотации. Одна из ключевых проблем «проективного будущего» заключается в том, что рискогенность и негативность, которые присутствуют в нем, «вкладываются» в систему принятия управленческих решений, в проектирование различных социальных институтов, нормативных комплексов. Это ориентируют и моделируют определенный образ будущего и конструируют соответствующую, адекватную этому будущему институциональную, нормативную, ценностную организацию общества [Мамычев... 2020].

Проективное будущее, как своеобразную идеологию цифровой эпохи, скорее всего, можно идентифицировать как обновленную доктрину футуризма и футуристической общественно-политической мысли, старающуюся обосновать новый внеисторический и внепространственный проект социально-технологической организации, замещающий публичную политику алгоритмизацией, тотальной предсказуемостью и алгоритмической регламентацией.

Заключение

Цифровизацию следует рассматривать как сложный, многоуровневый феномен, действие которого можно проследить по различным направлениям, где четко проявляются как позитивные изменения, так и риски и угрозы общественно-политической динамики. При этом цифровая трансформация как феномен, скорее всего, представляет собой переходную форму, которая не дает всеобщий масштаб и конструктивный потенциал общественно-политической динамики. В свою очередь, рассматривая процессы цифровизации, важно подчеркнуть, что не машины и цифровые технологии трансформируют социально-политическую организацию, а сам человек в процессе своей сознательно-волевой деятельности с помощью данных машин и технологий преобразует себя и общество. Именно посредством последних не только перестраивается его мышледеятельность, но и качественно изменяется общественная организация, ценностно-нормативная система, структура потребностей и т. д., а значит, будущее, еще не предрешено.

Поступила в редакцию / Received: 15.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 07.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Алабина Т.А., Дзангиева Х.С., Юшковская А.А.* Метавселенная как глобальный тренд экономики // Экономика. Профессия. Бизнес. 2022. № 1. С. 5–12.
- Альпидовская М.Л.* Записки о новой реальности: постижение глобальных замыслов. М.: Прометей, 2021.
- Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах. М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2021.
- Баннет Дж.* Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Брайдотти Р.* Постчеловек. М.: Изд-во института Гайдара, 2021.
- Веселов Ю.В.* Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 129–143. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202>
- Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Традиционные политические институты в условиях цифровизации: риски и перспективы трансформации // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19, № 1. С. 84–103. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84
- Гоббс Т.* Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001.
- Гринфилд А.* Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Деланда М.* Война в эпоху разумных машин. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014.
- Деланда М.* Новая философия общества: Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018.
- Зайковский В.Н.* «Сервисное государство»: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 24 (261). С. 18–28.
- Золаев Э.А.* Цифровое государство как новый этап развития общества // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 5. С. 1583–1594. <https://doi.org/10.18334/ce.15.5.112164>
- Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма, битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Изд-во института Гайдара, 2022.
- Исаев И.А.* «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа): монография. М.: Проспект, 2021.
- Кочетков А.П.* Транснациональные элиты в глобальном мире: монография. М.: Аспект Пресс, 2020.
- Королева Е.В.* Стратегические альянсы: зарубежный опыт и российские особенности // Российский внешнеэкономический вестник. 2009. № 5 (май). С. 3–12.
- Коулман С.* Может ли интернет укрепить демократию? СПб.: Алетейя, 2018. 132 с.
- Критика цифрового разума / главн. ред. В.В. Савчук. СПб.: Академия исследования культуры, 2020. 295 с.
- Кудрявцева Т.Ю., Кожина К.С.* Основные понятия цифровизации // Вестник Академии знаний. 2021. № 44 (3). С. 149–151.
- Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей: Незавершенный трактат Фридриха Ницше в реконструкции Элизабет Ферстер-Ницше и Петера Гаста. М.: Культурная Революция, 2005.
- Мамычев А.Ю., Ким А.А., Фролова Е.Е.* «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // *Advances in Law studies*. 2020. Т. 8. Специальный выпуск. С. 3–17. <https://doi.org/10.29039/2409-5087-2020-8-5-3-17>
- Михайлова О.В.* Сети в политике и государственном управлении: монография. М.: ИД КДУ, 2013.
- Монтфорт Н.* Будущее: принципы и практики созидания. М.: Strelka Press, 2021.
- Морхат П.Р.* Право и искусственный интеллект: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.

- Овчинников А.И. «Цифровой Левиафан» и права человека: риски инноваций в праве и государственном управлении // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 227–230
- Осинов В.А. Оцифровываемый Левиафан: о некоторых случаях виртуальных и кибергосударств // Герценовские чтения: Россия-2021. Актуальные вопросы политического знания: сборник материалов научно-практической конференции / под общей редакцией Л.А. Гайнутдиновой. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. А.И. Герцена, 2021. 64–68.
- Пентленд А. Социальная физика. Как распространяются хорошие идеи: уроки новой науки. М.: Издательство АСТ, 2018.
- Петров М., Буров В., Шклярук М., Шаров А. Государство как платформа. (Кибер) государство для цифровой экономики. М.: Центр стратегических разработок, 2018.
- Прощай, COVID? / под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафонова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.
- Розенберг Л.Б. Эффект человеческого пчелиного роя, методика параллельного распределения интеллекта в режиме реального времени // Наука и техника. 2017. URL: <https://oko-planet.ru/science/scienceday/386345-effekt-chelovecheskogo-pchelinogo-roya-metodika-parallelnogo-raspredelennogo-intellekta-v-rezhime-realnogo-vremeni.html> (дата обращения: 10.05.2022).
- Скиннер К. Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества, которая затронет каждого. М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2018.
- Такер Ю. Три текста о заражении. Пермь: Гиле Пресс, 2020.
- Уолш Т. 2062: время машин. М.: Издательство АСТ, 2019.
- Филипова И.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет, 2020.
- Философия техники: история и современность / В.Г. Горохов, И.Ю. Алексеева, О.В. Аронсон, В.М. Розин; отв. ред. В.М. Розин; Рос. акад. наук; Ин-т философии. М.: ИФРАН, 1997.
- Фуко М. Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.
- Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем, 2017.
- Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. Л.: Наука, 1986.
- Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте / Джон Брокман. М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2016.
- Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. Женева: Издательство всемирного экономического форума, 2022.
- Шнуренко И.А. Убить левиафана. Наше завтра, 2021
- Штомпка П. Доверие — основа общества. М.: Логос, 2012.
- Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы: монография / колл. авт.; науч. ред. И.А. Ветренко. СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022.
- Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. 2-е изд. М.: Республика, 1994.
- Markarian E.S. Tradition as an Object of System Study. World Futures. 1992. Vol. 34. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Tradition-as-an-Object-of-system-study-Markarian/7043008ceaef26fe7e83446663160119c49026b2> (accessed: 10.05.2022).
- Clough P. The affective turn: political economy, biomedicine and bodies // Theory, Culture and Society. 2018. No. 25 (1). P. 1–22.

References

- Alabina, T.A., Dzangieva, H.S., & Yushkovskaya, A.A. (2022). Metaverse as a global economic trend. *Economy. Profession. Business*, (1), 5–12. (In Russian).
- Alpidovskaya, M.L. (2021). Notes on the new reality: comprehension of global plans. Moscow: Prometey Publishing House. (In Russian).
- Braidotti, R. (2021). *The Posthuman*. Moscow: Publishing house of the Gaidar Institute. (In Russian). [Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Polity Press.]
- Brockman, J. (2017). *What to Think About Machines That Think: Today's Leading Thinkers on the Age of Machine Intelligence: The world's leading scientists about artificial intelligence*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russian). [Brockman, J. (2015). *What to Think About Machines That Think: Leading Thinkers on Artificial Intelligence and What It Means to Be Human*. Edge Question]
- Bennett, J. (2018). *Vibrant Matter: The Political Ecology of Things*. Perm: Gile Press. (In Russian). [Bennett, J. (2010). *Vibrant Matter: The Political Ecology of Things*. Duke University Press. Retrieved from <https://doi.org/10.1215/9780822391623>]
- Chistov, K.V. (1986). *Folk traditions and folklore: Essays on theory*. Leningrad: Nauka. (In Russian).
- Clough, P. (2018). The affective turn: political economy, biomedica and bodies. *Theory, Culture and Society*, 25(1), 1–22.
- Coleman, S. (2018). *Can the Internet strengthen democracy?* St. Petersburg: Aleteya. (In Russian). [Coleman, S. (2017). *Can the Internet strengthen democracy?* Polity Press].
- De Landa, M. (2014). *War in the era of intelligent machines*. Moscow: Institute of General Humanitarian Research. (In Russian). [De Landa, M. (1991). *War in the era of intelligent machines*. New York: Zone Books]
- De Landa, M. (2018). *A New Philosophy of Society: Assemblage theory and social complexity*. Perm: Gile Press. (In Russian). [De Landa, M. (2006). *A New Philosophy of Society: Assemblage theory and social complexity*. London & New York: Continuum. Retrieved from <https://doi.org/10.5040/9781350096769>]
- Filipova, I.A. (2020). *Legal regulation of artificial intelligence*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University. (In Russian).
- Foucault, M. (2010). *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978-1979*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian). [Foucault, M. (2008). *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979*. New York: Palgrave MacMillan.]
- Foucault, M. (2016). *The discipline and punish. The Birth of the prison*. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russian). [Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard.]
- Gaase, K., Danilov, V., Dudenkova, I., Kralachkin, D., & Safonov, P. (Eds.) (2020). Goodbye, COVID? Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute. (In Russian).
- Greenfield, A. (2017). *Radical technologies: The design of everyday life*. Moscow: Publishing House “Delo” RANEPa. (In Russian). [Greenfield, A. (2018). *Radical technologies: The design of everyday life*. Verso.]
- Haraway, D. (1991). A Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century. *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature* (pp.149-181). New York; Routledge.
- Hobbes, T. (2001) *Leviathan, or matter, forme and power of a commonwealth ecclesiasticall and civill*. Moscow: Mysl. (In Russian). [Hobbes, T. (1651). *Leviathan: Or the matter, forme, and power of a commonwealth ecclesiasticall and civill*.]
- Isaev, I.A. (2021). “Power machine” in virtual space (image formation). Moscow: Prospect. (In Russian).

- Jaspers, K. (1994). *The origin and goal of history*. Moscow: Republic. (In Russian). [Jaspers, K. (1953). *The origin and goal of history*. Yale University Press.]
- Kochetkov, A.P. (2020). *Transnational elites in the global world*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).]
- Koroleva, E.V. (2009). Strategic alliances: foreign experience and Russian features. *Russian Foreign Economic Bulletin*, 5 (May), 3–12. (In Russian).
- Kudryavtseva, T.Yu., & Kozhina, K.S. (2021). Basic concepts of digitalization. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 44(3), 149–151. (In Russian).
- Mamychev, A.Yu., Kim, A.A., & Frolova, E.E. (2020). “The future” as an attractor of modern political-legal and socio-economic transformations: an overview of the main problems and approaches. *Advances in Law studies*, 8, Special issue, 3–17. (In Russian).
- Markarian, E.S. (1992). Tradition as an Object of System Study. *World Futures*, 34. Retrieved from <https://www.semanticscholar.org/paper/Tradition-as-an-Object-of-system-study-Markarian/7043008ceaef26fe7e83446663160119c49026b2>
- Mikhailova, O.V. (2013). *Networks in politics and public administration*. Moscow: KDU Publishing House. (In Russian).
- Montfort, N. (2021). *The future: Principles and practices of creation*. Moscow: Strelka Press. (In Russian). [Montfort, N. (2017). *The future*. The MIT Press.]
- Morkhat, P.R. (2018). *Law and artificial intelligence*. Moscow: UNITY-DANA. (In Russian).
- Nietzsche, F. (2005). *The will to power: Experience of revaluation of all values: The unfinished treatise of Friedrich Nietzsche in the reconstruction of Elisabeth Foerster-Nietzsche and Peter Gast*. M.: Cultural Revolution. (In Russian). [Nietzsche, F. (1901). *The will to power*.]
- Osipov, V.A. (2021). Digitizing Leviathan: about some cases of virtual and cyberstates (pp. 64–68). In L.A. Gainutdinova (Ed.), *Herzen Readings: Russia-2021. Topical issues of political knowledge*. Proceedings of the scientific and practical conference. St. Petersburg: Publishing House of the A.I. Herzen State Pedagogical University. (In Russian).
- Outsourcing of political judgments: problems of communication on digital platforms*. (2021). Moscow: Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russian).
- Ovchinnikov, A.I. (2021). “Digital Leviathan” and human rights: risks of innovations in law and public administration. *Legal Technique*, (15), 227–230. (In Russian).
- Pentland, A. (2018). *Social Physics: How good ideas spread — The lessons of a new science*. Moscow: Publishing House AST. (In Russian). [Pentland, A. (2014). *Social Physics: How good ideas spread — The lessons of a new science*. Penguin Press.]
- Petrov, M., Burov, V., Shklyaruk, M., & Sharov, A. (2018). *The state as a platform. (Cyber) the state for the digital economy*. Moscow: Center for Strategic Research. Retrieved from <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccefd0b1eecd56071b98f5f.pdf> (accessed: 10.05.2022). (In Russian).
- Rosenberg, L.B. (2017). The effect of a human bee swarm, a technique of parallel distribution of intelligence in real time. *Science and Technology*. Retrieved May 25, 2022, from: <https://okoplanet.su/science/scienceday/386345-effekt-chelovecheskogo-pchelinogo-roya-metodika-parallelnogo-raspredeleennogo-intellekta-v-rezhime-realnogo-vremeni.html> (In Russian).
- Rozin, V.M. (Ed.). (1997). *Philosophy of Technology: history and modernity*. Moscow: IFRAN. (In Russian).
- Savchuk, V.V. (Ed.). (2020). *Critique of the digital mind*. St. Petersburg: Academy of Culture Research. (In Russian).
- Schwab, K. (2016). *The fourth industrial revolution*. Moscow: EKSMO. (In Russian). [Schwab, K. (2016). *The fourth industrial revolution*. World Economic Forum.]
- Schwab, K., & Mallere, T. (2022). *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: World Economic Forum Publishing House.
- Shnurenko, I.A. (2021). To kill the leviathan. *Nasha zavtra* (In Russian).

- Sztompka, P. (2012). *Trust is the basis of society*. Moscow: Logos. (In Russian). [Sztompka, P. (2007) *Zaufanie: Fundament społeczeństwa*. Krakow, Znak]
- Skinner, K. (2018). *Digital human: The fourth revolution of humanity includes everyone*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian). [Skinner, K. (2018). *Digital human: The fourth revolution of humanity includes everyone*. Marshall Cavendish International (Asia)].
- Tikhomirov, Yu.A., & Nanba, S.B. (Eds.). (2019). *The legal concept of robotization*. Moscow: Prospect. (In Russian).
- Thacker, E. (2020). *Three texts about infection*. Perm: Gile Press. (In Russian).
- Veselov, Yu.V. (2020). Trust in digital society. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*, 13(2), 129–143. Retrieved from <https://doi.org/10.21638/spbu12.2020.202> (In Russian).
- Vetrenko, I.A. (Ed.). (2022). *Digitalization of society and the social credit system: Problems, prospects*. St. Petersburg: CPI SZIU RANEPА. (In Russian).
- Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2022). Traditional political institutions in the conditions of digitalization: risks and prospects of transformation. *Discourse-Pi*, 19(1), 84–103. Retrieved from https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84 (In Russian).
- Walsh, T. (2019). *2062: The World that AI Made*. Moscow: AST Publishing House. (In Russian). [Walsh, T. (2018). *2062: The World that AI Made*. La Trobe University Press.]
- Zaikovsky, V.N. (2014). “Service state”: a new paradigm or a modern technology of public administration? *National interests: priorities and security*, 24(261), 18–28. (In Russian).
- Zolaev, E.A. (2021). Digital state as a new stage of society development. *Creative Economy*, 15(5), 1583–1594. Retrieved from <https://doi.org/10.18334/ce.15.5.112164> (In Russian).
- Zuboff, S. (2022). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for the Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute (In Russian). [Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for the Human Future at the New Frontier of Power*. Profile books].

Сведения об авторе:

Мамычев Алексей Юрьевич — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: mamychev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1325-7967).

About the author:

Alexey Yu. Mamychev — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Russian Politics, Head of the Laboratory of Political and Legal Studies, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mamychev@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-1325-7967).

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-393-407

Научная статья / Research article

Криптоанархизм: идеологическая основа технологии блокчейн

Г.С. Брехов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 1042200137@rudn.university

Аннотация. Одно из наиболее современных течений анархизма — криптоанархизм — возникло как ответ на глобальное развитие цифровых технологий и сети Интернет, и функционирует исключительно в рамках «глобальной паутины». В работе предпринята попытка изучения одного из самых необычных ответвлений анархической философии и его влияния на цифровую жизнь и политику некоторых государств. С помощью функционального и сравнительного методов политического исследования автор проводит анализ криптоанархизма как части идеологии анархизма, основная цель которого — выяснить, насколько криптоанархизм жизнеспособен как самостоятельное движение. В статье ставится вопрос о том, могут ли идеи криптоанархизма использоваться для эффективного решения актуальных общественно-политических проблем. Теоретическая база криптоанархизма с каждым днем выглядит все более актуальной, так как затрагивает безопасность личности в сети и направлена на борьбу против повсеместного государственного контроля. И несмотря на то, что, как показало исследование, криптоанархизм как движение не имеет достаточной проработанности и влияния на реальную политику, его более глубокое изучение может быть полезно при составлении политических программ, направленных на пользователей интернета (которые составляют 62,5 % от всего населения Земли), а также при изучении политических моделей и путей их развития при помощи виртуальных симуляций и виртуальных государств (Либерленд, Виртландия), которые свойственны криптоанархизму.

Ключевые слова: анархизм, криптоанархизм, цифровая безопасность, интернет, инфоанархизм, шифропанки, хактивизм, WikiLeaks, Либерленд, виртуальное государство

Для цитирования: Брехов Г.С. Криптоанархизм: идеологическая основа технологии блокчейн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 393–407. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-393-407>

© Брехов Г.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Crypto-Anarchism: The Ideology of Blockchain Technologies

Gleb S. Brekhov

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

Abstract. One of the most modern currents of anarchism — crypto-anarchism — arose as a response to the global development of digital technologies and the Internet and operates exclusively within the framework of the “global web”. The paper attempts to study one of the most unusual branches of anarchist philosophy and its impact on the digital life and politics of several states. With the help of functional and comparative methods of political research, the author analyzes crypto-anarchism as part of the ideology of anarchism, the main goal of which is to find out how viable crypto-anarchism is as an independent movement. The article raises the question of whether the ideas of crypto-anarchism can be used to effectively address current socio-political problems. The theoretical basis of crypto-anarchism looks more and more relevant, as it affects the security of the individual on the Web and is aimed at fighting against widespread state control. Despite the fact that, as the study showed, crypto-anarchism as a movement does not have sufficient elaboration and influence on real politics, its deeper study can be useful for preparing political programs aimed at Internet users (which constitute around 62.5 % of the global population), as well as studying political models and their development paths using virtual simulations and virtual states (Liberland, Wirtland), which are characteristic of crypto-anarchism.

Keywords: anarchism, crypto-anarchism, digital security, internet, info-anarchism, cypherpunks, hacktivism, WikiLeaks, Liberland, virtual state

For citation: Brekhov, G.S. (2022). Crypto-anarchism: The ideology of blockchain technologies. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 393–407. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-393-407>

Введение

Остродискуссионными проблемами современного общества являются новые реалии экономики и политики, связанные с технологиями: блокчейн, надзирающее государство, хождение криптовалют. Все это находится на переднем плане общественной, экспертной и академической дискуссии. Однако никто не обсуждает идейные основания, которые стоят за всеми этими явлениями.

Согласно последнему исследованию креативного агентства We Are Social, по состоянию на 2022 год, 62,5 % населения Земли используют интернет, и этот показатель, начиная с 2012 года, постоянно растет на ~5-10 % в год¹. В ситуации, когда более чем 5 миллиардов человек по всему миру пользуются «глобальной паутиной», актуальным становится ряд вопросов, касающихся безопасности этих людей в сети, а также защиты их личности от фейков и пропаганды. Следуя современным тенденциям, идеология анархизма,

¹ Digital 2022: another year of bumper growth. // We Are Social. 2021. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (accessed: 17.05.2022).

на основе которой за время ее существования образовалось несколько десятков общественно-политических течений совершенно разной направленности, адаптируется к росту влияния интернета на жизнь людей. Вопросами, связанными со свободой личности в сети и сопротивлением все возрастающему государственному контролю даже в рамках «свободного» интернета, занимается течение криптоанархизма, попытка исследования которого и была предпринята в этой работе.

При рассмотрении современного состояния анархизма как общественно-политической философии и развития движений внутри нее были использованы свежие наработки Льюиса Колла [Call 2002], Ноама Хомского [Chomsky 2016] и Тодда Мэя [May 2021]. Само движение криптоанархизма, вне контекста блокчейн-технологий, в научной практике (особенно отечественной) изучено довольно слабо, за исключением нескольких работ: например, статьи Стивена Леви «Crypto Rebels»² и современных наработок Усмана В. Чохана [Chohan 2017] и Пола Дж. Дилан-Энниса [Dylan-Ennis 2021]. Следует также отметить, что блокчейну посвящено большое количество различной литературы, но существует не так много работ, изучающих саму идеологию, стоящую за технологией.

В рамках исследования, с помощью структурно-функционального и сравнительного научных методов было изучено движение криптоанархизма как части анархической идеологии (в большей степени — как общественно-политического движения), а также выявлено влияние и роль деятельности последователей криптоанархизма в современном обществе. В статье исследуются вопросы становления криптоанархизма как отдельного течения внутри анархической философии — от предпосылок к его обособлению до институционального формирования; текущего положения криптоанархизма среди других анархических течений, а также институциональные особенности его существования и влияния на общественно-политическую ситуацию в отдельных странах. Гипотеза исследования — криптоанархизм не является обычным анархическим течением, а его проявления существуют только в сетевом пространстве. Этот факт делает течение интересным для изучения как минимум из-за его уникальной структуры и необычного переноса всей анархической риторики не на традиционное общество, а на его отражения в сети Интернет.

Что такое криптоанархизм?

Криптоанархизм нельзя назвать единым, полностью институционализированным движением — скорее, это набор определенных ценностей и взглядов, которые разделяет широкий круг людей. Согласно определению американского экономиста Усмана В. Чохана, криптоанархизм — это политическая идеология,

---

² Crypto Rebels // Wired. 1993. URL: <https://www.wired.com/1993/02/crypto-rebels/> (accessed: 17.05.2022).

ориентированная на защиту частной жизни, а также политической и экономической свободы личности. Приверженцы этого движения используют криптографическое программное обеспечение для обеспечения конфиденциальности и безопасности при отправке и получении информации по компьютерным сетям. Впервые термин появился в 1988 г., когда один из научных сотрудников Intel Тимоти Мэй опубликовал «Манифест криптоанархиста», где заявил о возможности управлять собственной жизнью через цифровые технологии и различные децентрализованные институты, но главное — без вмешательства государств³.

Идеологически движение преследует следующие цели:

- избавление от любых видов цензуры, в первую очередь в интернете;
- разработка и внедрение методов защиты от государственной и корпоративной слежки за личностью, в том числе и в компьютерных сетях;
- децентрализация экономики, уход от государственного в нее вмешательства;
- создание новой экономической и социальной системы, основанной на блокчейн-технологиях и различных операциях с криптовалютами.

В контексте основных положений своей теории криптоанархизм предлагает интересную интерпретацию анархических идей. Так, например, последователи криптоанархизма считают, что математика (на которой основаны блокчейн- и цифровые технологии) сильнее человеческих норм и законов, поэтому криптоанархизм бессмертен и будет актуален в любые времена. Для защиты частной жизни людей от государственного надзора и любого другого вмешательства криптоанархисты предлагают развивать криптографию (то есть — средства шифрования данных в сети): такой подход, по их мнению, сможет избавить общество от государственного контроля [Semenzin, Rozas, Nassan 2022]. Полное отсутствие цензуры же, в свою очередь, поможет в борьбе с коррупцией в рядах текущей политической элиты — для достижения этой цели активисты создают различные свободные от цензуры интернет-площадки и сервисы, такие как Tor, I2P или Freenet, переводя свою деятельность в Даркнет (скрытую анонимную сеть). Также предполагается создание так называемого «Интернета доверия»⁴, с помощью которого люди будут беспрепятственно общаться друг с другом, покупать и продавать информацию или какие-либо товары, а сами станции и оборудование для поддержания работоспособности такой сети должны находиться в коллективной собственности (по заветам анархо-коллективизма).

В этой связи примечательны сразу несколько особенностей теоретического обоснования философии криптоанархизма.

Во-первых, свободный интернет планируется регулировать системами рейтинга и репутации — чем выше рейтинг у человека и продавца, тем больше доверия он будет вызывать у других людей. Подобная система «социального

³ The Crypto Anarchist Manifesto // Activism.net. 1992. URL: <https://www.activism.net/cypherpunk/crypto-anarchy.html> (accessed: 17.05.2022).

⁴ «Интернет доверия» — это краудфандинговый интернет-провайдер, который задействует пиринговые станции сотовой связи, находящиеся в коллективной собственности.

рейтинга» уже действует, например, в Китайской Народной Республике — там она предоставляет перечень законодательных, моральных и культурных норм, правил и ограничений, а архитектура рейтинга опирается на китайское законодательство и цифровую информацию о личности. Однако система социального рейтинга в Китае очень часто критикуется за элементы диктатуры⁵ и ассоциируется с цифровым концлагерем — те, кто получают низкий рейтинг, подвергаются серьезным санкциям⁶:

- запрет на работу в государственных учреждениях и невозможность занятия руководящих должностей в некоторых сферах промышленности;
- отсутствие социального обеспечения;
- отсутствие возможности купить авиабилеты и некоторые другие.

Рейтинг может снизиться за различные экономические и социальные проступки и правонарушения. Например, рейтинг снижается за просроченные платежи по кредитам, за неуплату налогов, за нарушение правил дорожного движения и даже за недостаточно частое посещение пожилых родственников. И хотя криптоанархисты рассматривают возможность использования подобной системы для предоставления преференций честным продавцам без прописанных санкций за низкий рейтинг, в целом их обоснование существования рейтинга личности проработано недостаточно, а единственный реально существующий в современном обществе аналог (социальный рейтинг в Китае) не имеет ничего общего с идеями анархизма, а даже, наоборот, — противоречит им.

Во-вторых, криптоанархисты не отрицают ни власть как таковую, ни само существование капиталистической экономики (предлагая людям продолжать торговать между собой, только с помощью интернета), как это делают практически все остальные анархические течения, и чего требует классическая идеология анархизма в целом. А борьба против цензуры обосновывается тем фактом, что без государственного контроля за информацией оппозиционные политики смогут свободно продвигать свои идеи в массы, то есть априори утверждается существование «политиков», а следовательно, — и государственной власти в целом.

В итоге получается, что криптоанархизм взял от анархической идеологии не так уж и много. К таким заимствованиям можно отнести отказ от государственного регулирования экономики — несмотря на то, что эта идея присуща и другим левым движениям, криптоанархисты видят в экономике, регулируемой государством, именно акт принуждения по отношению к личности, поэтому выступают против государственной власти в экономической жизни. Соответственно, провозглашается и анархическая борьба за свободу личности от любой власти, но все остальные требования и цели с классическим представлением об анархизме соотносятся мало.

---

⁵ Auf dem Weg in die IT-Diktatur. // Deutschlandfunk Kultur. 2017. URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/chinas-sozialkredit-system-auf-dem-weg-in-die-it-diktatur-100.html> (accessed: 02.06.2022).

⁶ Цифровая диктатура: как в Китае вводят систему социального рейтинга // РБК. 2016. URL: <https://www.rbc.ru/business/11/12/2016/584953bb9a79477c8a7c08a7> (дата обращения: 02.06.2022).

От инфоанархизма к криптоанархизму

Если посмотреть с исторической перспективы, то предпосылки к появлению криптоанархизма появились еще в 70-80-е гг. XX в., когда активно разрабатывались первые методы шифрования данных с помощью криптографии и развивалась сеть «Интернет» [Karlström 2014]. Однако в то время как такового «криптоанархизма» еще не существовало — с развитием интернета изначально появилось течение инфоанархизма.

Инфоанархизм — это общий термин, который служит для обозначения всех общественно-политических движений, выступающих против интеллектуальной собственности и любой цензуры, а также за неприкосновенность частной жизни. Сам термин в научной среде появился задолго после образования движения — в 2000 г., в статье Йена Кларка *The Infoanarchist*⁷. И уже в рамках инфоанархизма как общего явления развивалось сначала движение шифропанков (группы неформалов, заинтересованных в анонимности и использующей средства криптографии для реализации социальных и политических изменений), а потом из него появился и криптоанархизм.

С развитием интернета развивались и связанные с ним технологии, а именно — технологии для шифрования данных, которыми пользовались криптоанархисты. Первый такой алгоритм, RSA, был с опаской встречен американскими спецслужбами — его использование приравнивали к торговле оружием, что вынудило активистов искать новые способы защиты своих данных. В 70-е гг. XX в. Дэвид Чаум, криптограф из США, разработал еще один механизм шифрования, но с открытым ключом, пользоваться которым мог любой желающий. Этот механизм позволил создать определенную общность людей, полностью сохраняющих свою анонимность, но разделяющих основную идею Чаума — уничтожение государства как института с помощью цифровых технологий [Chaum 1985]. Изначально для этой цели предполагалось сделать две вещи: разработать систему цифрового голосования и создать систему, при которой люди могли бы совершать анонимные платежи реальными деньгами.

Главным идеологом этой общности людей (которых впоследствии назовут шифропанками) был Тимоти Мэй и его «Манифест криптоанархиста», который уже упоминался ранее. Мэй вместе с другими специалистами разработал несколько площадок для анонимной торговли, которые должны были использовать специальную цифровую валюту, неконтролируемую государством, и, по его мнению, такая система могла бы разрушить структуры социальной власти в дальнейшем, при должном ее развитии — криптовалюты задумывались как удар по государственному суверенитету с его монополией на денежную эмиссию. Как впоследствии заявлял сам Мэй, идеологическим фундаментом для его «манифеста» и теории криптоанархизма в целом было течение анархо-капитализма, в котором также не отвергается свободный рынок, а главное — его существование в рамках анархического общества в целом.

⁷ The Infoanarchist // Time. 2000. URL: <https://web.archive.org/web/20130814005534/http://www.time.com/time/world/article/0,8599,2056230,00.html> (accessed: 17.05.2022).

В 1993 г. появилась статья «Crypto Rebels», в которой Стивен Леви рассказывал о становлении так называемого движения «шифропанков», а также поднимал вопросы приватности и защиты личных данных государственных служб и крупных корпораций. Шифропанки представляли собой собрания технических специалистов, которые обсуждали проблемы развития цифровых технологий и криптографии, и за несколько лет движение выросло от неформальных встреч друзей-программистов (Тимоти Мэя, Джона Гилмора и Эрика Хьюза) до целого движения, состоящего из сотен людей, которые тестировали различные шифры и обсуждали новые идеи по защите личности от государственного контроля [Jarvis 2021]. В 1993 г. Эрик Хьюз, один из основателей движения, разработал и опубликовал «Манифест шифропанка» (по аналогии с «Манифестом криптоанархиста»), в котором заявил следующее: «Конфиденциальность необходима открытому обществу цифрового века. Конфиденциальность в открытом обществе требует использования криптографии. Мы, шифропанки, призваны создать анонимные системы. Мы защищаем свою конфиденциальность с помощью криптографии, анонимных систем переадресации электронной почты, цифровых подписей и электронных денег»⁸. Как можно понять из текста, движения шифропанков и криптоанархизма, хоть и не были тождественными друг другу, но вышли из идей людей из одного круга, а также пытались решить схожие проблемы. И если шифропанки со временем потеряли популярность и большую часть (если не всех) своих сторонников — последний узел шифропанков для обмена данными закрылся в 2007 г. (в основном из-за появления более проработанных движений со схожими идеями) — то криптоанархизм продолжил свое развитие и повлиял на современное общество и развитие цифровых технологий.

Анархизм и хактивизм

В развитии криптоанархизма наблюдаются параллели со схожим по своей сути явлением — хактивизмом. Согласно определению Василиоса Карагианнопулоса, хактивизм — это использование незаконных хакерских тактик как средства выражения политических сообщений [Karagiannopoulos 2020]. С помощью хакерских атак активисты защищают свободу слова, права человека и обеспечивают свободу распространения информации — идеи и действия, очень схожие по своей сути с деятельностью криптоанархистов⁹. В зависимости от интерпретации определения, хактивизм может быть и формой анархического гражданского неповиновения, антикапиталистическим выступлением, и этот

⁸ A Cypherpunk's Manifesto // Activism.net. 1993. URL: <https://www.activism.net/cypherpunk/manifesto.html> (accessed: 17.05.2022).

⁹ Айдентика и идеи Anonymous нашли отражение не только в интернете — последователи движения принимали во многих протестных акциях, используя как основной опознавательный знак маску Гая Фокса; а известная акция «Захвати Уолл-Стрит», направленная против экономического неравенства в США, как и ежегодный антиправительственный Марш Миллиона Масок, в основном состояли из представителей Anonymous и активно поддерживались анонимными хакерами, причисляющими себя к движению.

факт, вместе с использованием цифровых методов борьбы, сближает криптоанархистов и хактивистов.

Одни из самых известных проявлений хактивизма — группа хакеров Anonumous и организация WikiLeaks. Первая представляет собой группу людей, разделяющих принципы анархической идеологии и занимающихся кибератаками на различные правительственные ресурсы. С анархизмом, помимо признания самих представителей движения и характеристик со стороны медиа¹⁰, Anonumous связывают:

- цель: борьба против государственной цензуры и контроля над личностью;
- организация: Anonumous — это децентрализованное сообщество с горизонтальной структурой и без лидеров, ячейки которого слабо связаны между собой;
- айдентика: Anonumous используют в качестве основного символа маску Гая Фокса из фильма «V — значит вендетта», которая является также и основным символом анархо-популизма, развитию которого способствовали и сами представители Anonumous.

Как движение Anonumous вышло из анонимных имиджбордов (интернет-форумов), а конкретно — с 4chan. В 2003-2007 гг. «анонимусы» были скорее интернет-хулиганами, нежели чем политической силой — они устраивали атаки на различные интернет-ресурсы только ради развлечения. Институционализация Anonumous началась с создания Encyclopedia Dramatica — сатирического издания, собирающего информация про феномены цифровой культуры, основную часть которых занимало движение Anonumous. Первой общественно-политической акцией движения были DDoS-атаки на сайты церкви Сайентологии в 2008-м — именно с того момента Anonumous стала ассоциироваться с хактивизмом, взяв на вооружение хакерские атаки как инструмент влияния на общество. За Anonumous числятся информационная поддержка арабской весны, хакерские атаки на гомофобные организации (например, «Westboro Baptist Church»), киберпротесты против полицейского насилия в США, кибервойна против Ку-клукс-клана, взлом сайта ООН в поддержку независимости Тайваня и множество других акций в сети Интернет. В качестве наиболее актуального примера сетевой деятельности движения можно привести кибер-войну, которую Anonumous объявила Владимиру Путину из-за спецоперации на Украине: в ходе атак от Anonumous были взломаны сетки вещания некоторых российских телеканалов (через них передавались антивоенные призывы), обрушены сайты RT и Министерства обороны РФ, а также сайты торговых сетей, которые отказались уходить с российского рынка.

С хактивизмом связана и еще одна известная организация — WikiLeaks, деятельность которой можно также связать и с идеями криптоанархизма. WikiLeaks — это независимая некоммерческая организация, которая занима-

---

¹⁰ From Anonymous to shuttered websites, the evolution of online protest // CBC. 2012. URL: <https://www.cbc.ca/news/canada/from-anonymous-to-shuttered-websites-the-evolution-of-online-protest-1.1134948> (accessed: 17.05.2022).

ется публикацией секретной информации, почерпнутой из разных источников. Действуя преимущественно в интернете и фактически борясь против государственной цензуры за свободу распространения любой информации, WikiLeaks служит основным примером претворения общественно-политических идей криптоанархизма в жизнь. На сайте организации были опубликованы секретные документы о войне в Афганистане и Ираке, которые подтверждали жертвы среди гражданского населения; личные письма представителей демократической партии США, в которых обсуждался подрыв президентской компании Берни Сандерса (что привело к существенной турбулентности в американской политической системе), а также тысячи других документов, из-за которых работники организации подвергались преследованию со стороны государств [Hallsby 2020].

Криптоанархизм сегодня

Из-за того, что, как отмечалось ранее, криптоанархизм представляет собой скорее набор идей, а не полноценное движение, к его проявлениям можно отнести множество различных ситуаций, персон и ресурсов. Так, например, известный общественный деятель и основатель сервиса WikiLeaks Джулиан Ассанж опубликовал несколько работ о шифропанках, а сам он, как и деятельность WikiLeaks, считается проявлением криптоанархизма. Примечательно, что WikiLeaks в своей работе использует только открытые и общедоступные средства — их данные не выкладываются в закрытых частях интернета (Даркнете), а доступны на официальном сайте организации любому желающему — таким образом не просто декларируется, но и прямо осуществляется идея о недопустимости государственного цензурирования какой-либо информации, свойственная криптоанархизму.

Продолжает свое существование и движение Anonymus. Однако движение исключило любую офлайн-деятельность и сосредоточило свою активность на сети Интернет. Примечателен и тот факт, что Anonymus, хотя и сохранили небольшой процент легальной деятельности (кампании в социальных сетях, распространение информации по каким-либо инцидентам), в основном ушли «в подполье» и по большей части занимаются незаконными хакерскими атаками и взломами правительственных ресурсов разных стран. При этом целями для атак от последователей Anonymus становятся не связанные между собой ни географически, ни политически организации и институты, деятельность которых хакеры считают несправедливой, и от родства идей ранних Anonymus с криптоанархизмом остается все меньше — теперь это, скорее, «анархическое» движение в его «хаотическом» понимании.

Идеи криптоанархизма касательно сетевых сообществ и формирования в них свободного анонимного общества нашли отражение и в дальнейших исследованиях подобного толка. Так, например, по мнению Питера Ладлоу, в криптоанархических сетевых сообществах зарождаются идеалы политического суверенитета. В своей работе «Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии» американский философ утверждает, что виртуальные сообщества могут быть

использованы как «лаборатории», в которых проводятся эксперименты по созданию нового типа общества и различных политических структур. И хотя большая часть таких экспериментов потерпит крах, именно в рамках интернета, социальных сетей, информационных площадок и прочих проявлений цифровых технологий, используемых анархистами, могут появиться общественно-политические структуры, работающие более эффективно, чем традиционные демократические — ведь в виртуальном мире может быть создано что угодно [Ludlow 2001].

На основе представлений криптоанархизма об обществе был создан и до сих пор функционирует общественный центр Paralelni Polis. Эта организация представляет собой смесь площадок по развитию искусства и технологий, в том числе и криптографии. В рамках Paralelni Polis действует и так называемый Институт криптоанархии — пространство для разработчиков ПО и анонимных хакеров, в котором доступны инструменты для распространения любой информации и создания виртуальной децентрализованной экономики, криптовалют и других составляющих развития «свободного» (по определению криптоанархистов) общества в XXI веке¹¹.

В отличие от других криптовалютных центров Paralelni Polis полностью отказывается от сотрудничества с государственными институтами, так как его представители считают популярные криптовалюты (например, Биткойн) очередным инструментом государственного контроля за действиями людей. По словам Павола Луптака, сооснователя Paralelni Polis, их центр использует криптотехнологии для создания собственного «параллельного» общества без негативных последствий от политических решений, принимаемых традиционными государственными институтами¹². В этом контексте примечательна цель Paralelni Polis — как последователи криптоанархизма они борются против государства не классическими для многих анархических течений методами (революционными), а стремятся содействовать устареванию государства как института, чтобы в нем отпала необходимость. И просветительская деятельность Paralelni Polis дает свои плоды: в Праге, где этот центр расположен, криптовалюты для оплаты повседневных покупок принимаются куда более активно, чем в других регионах страны, хотя официально правительством Чехии криптовалюты не признаны финансовым инструментом, а их продажа-покупка или обмен на государственную валюту не является финансовой услугой.

Виртуальные государства: Виртландия, Либерленд, Метаполис

Однако если пример Paralelni Polis нельзя полностью назвать политическим, то другое практическое проявление идей криптоанархизма, Свободная Республика Либерленд, таковым как раз и является. Свободная Республика

¹¹ Rytina J. *Anarchokapitalismus v pojetí Paralelní polis*. Plzeň: Západočeská univerzita v Plzni, 2018.

¹² *Crypto Anarchists Are Building Tools to Resist the State in Eastern Europe* // CoinDesk, 2018. URL: <https://www.coindesk.com/markets/2018/12/01/crypto-anarchists-are-building-tools-to-resist-the-state-in-eastern-europe/> (accessed: 17.05.2022).

Либерленд — это виртуальное государство, созданное чешским политиком и активистом Витом Едличка. Согласно определению В.А. Осипова, виртуальное государство — это социально-политическое образование, заявляющее о своей государственности, но не соответствующее всем признакам государства и не признанное мировым сообществом [Осипов 2020].

Либерленд претендует на официально незанятые никем земли между Хорватией и Сербией — о создании Республики было объявлено в 2015 г. именно на этой территории, но страна так и не была дипломатически признана со стороны участников ООН [Nyangaga 2022]. Девиз Свободной Республики Либерленд — «живи и дай жить другим», а основная цель — создание «общества, где достойные люди могут процветать с минимальными налогами и влиянием со стороны государства». Официальной валютой является биткоин — то есть криптовалюта, и у государства есть собственный сайт, флаг и герб. Форма правления — республика с элементами прямой демократии. Первое правительство было выбрано путем электронного голосования всех граждан, и с тех пор у государства появилась конституция и разделение власти на классические ветви: судебная, законодательная и исполнительная. За время существования Либерленда гражданство страны получили сотни людей (а еще сотни тысяч подали заявки на его получение, так как сделать это может любой желающий). И хотя у государства изначально представлена одна из традиционных форм правления (а не отказ от нее в целом, чего требует идеология анархизма), предполагается что Либерленд будет развиваться в сторону максимальной персональной и экономической свободы путем использования достижений в сфере новейших блокчейн-технологий, то есть на деле практически дословно провозглашаются принципы криптоанархизма.

Свободная Республика Либерленд далеко не единственное подобное образование — оно даже не было первым. Схожие с Либерлендом виртуальные государства относятся к государствам без территории, и первым подобным образованием была Виртландия, образованная в 2008 г. как общественная инициатива. Виртландия базируется исключительно в интернете, не имея территориальных претензий, а ее гражданство может бесплатно получить любой желающий, достигший совершеннолетия (на сегодняшний день, согласно официальному сайту Виртландии, гражданство получили около 2000 человек). Основная цель государства, как следует из его официальных документов, это предоставление возможности для политической самоидентификации личности без нарушения государственного суверенитета других стран¹³. Фактически Виртландия существует ради развития политической культуры обычных людей, которые по каким-либо причинам не могут принимать участие в политической жизни своей страны — эта идея соответствует представлениям Ладлоу о формировании и изучении политики в рамках виртуальных сообществ.

¹³ Wirtland's Statute // Wirtland. 2008. URL: <http://www.wirtland.com/> (accessed: 03.06.2022).

В 2022 г. появилось виртуальное государство без территории — Метополис. Оно представляет собой объединение дополненной и виртуальной реальности, и по своей сути с криптоанархизмом пересекается только в контексте блокчейн-технологий — в остальном же, скорее, это игровой проект, направленный на симуляцию обычной жизни в виртуальном мире, без конкретной привязки к политике, какая есть у Либерленда и у Виртландии.

Заключение

Подводя итоги, можно дать оценку криптоанархизму как самостоятельному анархическому течению и его месту на общественно-политической арене. Во-первых, важно отметить, что криптоанархизму не хватает какой-либо институционализации — у движения отсутствует как достаточное теоретическое обоснование (все тезисы про философию криптоанархизма представлены статьями людей, далеких от политической или гуманитарных наук в целом), так и общность сторонников — течение включает в себя множество различных идей, поддерживаемых по большей части анонимными техническими специалистами.

Мешает течению развиваться и занять прочную позицию на политической арене и тот факт, что при его разработке использовались идеи, присущие анархо-капитализму. Можно даже сказать, что криптоанархизм (а в особенности практические его проявления) буквально копирует анархо-капиталистические постулаты, а новшества привносит только в контексте цифровых технологий. Анархо-капитализм, сам по себе, одно из самых (если не самое) противоречивых и непроработанных анархических движений, которое подвергается критике со стороны представителей всех других идей внутри анархической философии, и такое копирование негативно сказывается на криптоанархизме — течение не получает достаточной проработки и глубины мысли.

В плане идей, которые выделяются для криптоанархизма как основополагающие (свободный рынок и отсутствие государственной цензуры на информацию), не представлено достаточной конкретики — как именно цифровые технологии должны будут помочь избавиться от давления государства в работах теоретиков движения не уточняется, хотя это и можно в какой-то мере проследить с помощью стороннего исследования практических примеров реализации идей криптоанархизма. В дополнение к этому множество важных общественно-политических вопросов, свойственных идеологиям в целом, например формат устройства желаемого общества или система управления им, совсем не поднимаются в криптоанархизме. А некоторые феномены, такие как наличие традиционных политиков, и вовсе противоречат постулатам классического анархизма.

Спорно и влияние, оказываемое течением на политическую ситуацию в какой-либо стране. Популярные на сегодняшний день анархические движения принимают активное участие в общественно-политической жизни тех или иных государств — в основном в контексте протестов и различных

демонстраций, но также и путем сбора и подготовки (обучения) сторонников для дальнейших акций, направленных на борьбу против традиционных властных институтов. Криптоанархизм как часть анархической идеологии не выполняет одну из основных для анархизма функций — обучение и просвещение (этим занимаются только конкретные организации, такие как *Paralelni Polis*). Представители движения также напрямую не участвуют и в политической жизни — какая-либо активность в политической сфере исходит только от конкретных организаций (например, той же *WikiLeaks*), и она скорее носит исключительно информационный характер, а не предполагает практических действий по борьбе с государством как институтом или по изменению государственного строя. В 2010–2020 гг. активную политическую деятельность можно было проследить через акции *Anonymous*, но на современном этапе и эта группировка практически полностью отказалась от очных выступлений. Основная деятельность криптоанархизма все же касается экономической сферы, свободной торговли и защиты данных при совершении сделок — хотя следует отметить, что экономические и технические успехи на криптоанархическом поприще и используются некоторыми государствами в своей политике (например, при признании крипто-валют национальной денежной единицей).

Подводя итоги — при наличии интересного концепта и достаточно необычной для анархической философии идеи, криптоанархизму не достает как теоретической проработанности, так и взаимосвязи с анархизмом в целом. Движение, хотя и оказало определенное влияние на становление криптовалют, а соответственно, и на экономику определенных стран, не имеет четкой общественно-политической платформы и на сегодняшний день не способно влиять на политическую жизнь государств даже на местном уровне. Однако необходимо отметить, что движение и его идеи могут быть использованы для дальнейшего изучения общества и социальных взаимодействий людей — с помощью моделей виртуальных государств и различного рода компьютерных симуляций, которые на сегодняшний день активно функционируют и способствуют политической самоидентификации причастных к ним людей, а также повышению политической культуры в целом.

Поступила в редакцию / Received: 20.02.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 19.05.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

Осинов В.А. Виртуальное государство как социальная инновация // Управление социальными инновациями: опыт, проблемы и перспективы: сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 19–20 ноября 2020 г. / под ред. В.Г. Иванова. М.: РУДН, 2020. С. 50–56.

- Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы: материалы IX Всероссийского конгресса политологов. Москва, 16–18 декабря 2021 г. / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2021.
- Call L. *Postmodern anarchism*. Maryland: Lexington Books, 2002.
- Chaum D. Security without identification: Transaction systems to make big brother obsolete // *Communications of the ACM*. 1985. Vol. 28, no. 10. P. 1030–1044.
- Chohan U.W. *Cryptoanarchism and cryptocurrencies* // *SSRN Electronic Journal*. 3079241. (November 27, 2017). Available at SSRN. <https://ssrn.com/abstract=3079241> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3079241>
- Chomsky N. *Notes on anarchism*. Bristol: Active Distribution, 2016.
- Dylan-Ennis P. Teaching cryptocurrencies as cryptocultures // *Journal of Applied Learning and Teaching*. 2021. Vol. 4, no. 2. P. 125–129. <https://doi.org/10.37074/jalt.2021.4.2.12>
- Hallsby A. Psychoanalysis against WikiLeaks: resisting the demand for transparency // *Review of Communication*. 2020. Vol. 20, no. 1. P. 69–86.
- Jarvis C. Cypherpunk ideology: objectives, profiles, and influences (1992–1998) // *Internet Histories*. 2021. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/24701475.2021.1935547>
- Karagiannopoulos V. *A Short History of Hacktivism: Its Past and Present and What Can We Learn from It* // *Rethinking Cybercrime*. Palgrave Macmillan, Cham, 2020. P. 63–86.
- Karlstrøm H. Do libertarians dream of electric coins? The material embeddedness of Bitcoin // *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*. 2014. Vol. 15, no. 1. P. 23–36.
- Ludlow P. (Ed.). *Crypto anarchy, cyberstates, and pirate utopias*. MIT Press, 2001.
- May T. *The political philosophy of poststructuralist anarchism* // *The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism*. Penn State University Press, 2021.
- Nyangaga J.O. The Doctrine of Occupation through “Terra Nullius” as a Right of Self-Determination of Peoples and the Legal Status of “Liberland” Territory under International Law // *Beijing Law Review*. 2022. Vol. 13, no. 1. P. 119–132.
- Semenzin, S., Rozas, D., & Hassan, S. Blockchain-based application at a governmental level: Disruption or illusion? The case of Estonia. *Policy and Society*, 2022. 00 (0), 1–16, puac014. <http://dx.doi.org/10.1093/polsoc/puac014>

References

- Call, L. (2002). *Postmodern anarchism*. Maryland: Lexington Books.
- Chaum, D. (1985). Security without identification: Transaction systems to make big brother obsolete. *Communications of the acm*. 28(10), 1030–1044.
- Chohan, U.W. (2017). *Cryptoanarchism and cryptocurrencies*. Available at SSRN 3079241.
- Chomsky, N. (2016). *Notes on anarchism*. Bristol: Active Distribution.
- Dylan-Ennis, P. (2021). Teaching cryptocurrencies as cryptocultures. *Journal of Applied Learning and Teaching*, 4(2).
- Gaman-Golutvina O.V., Smorgunov L.V., & L.N. Timofeeva. (Eds.). (2021). *Russia and the political order in a changing world: Values, institutions, prospects*. Proceedings of the IX All-Russian Congress of Political Scientists. Moscow, December 16–18, 2021. Moscow: Aspect Press. (In Russian)
- Hallsby, A. (2020). Psychoanalysis against WikiLeaks: Resisting the demand for transparency. *Review of Communication*, 20(1), 69–86.
- Jarvis, C. (2021). Cypherpunk ideology: Objectives, profiles, and influences (1992–1998). *Internet Histories*, 1–27.
- Karagiannopoulos, V. (2020). A short history of hacktivism: Its past and present and what can we learn from it. In *Rethinking Cybercrime* (pp. 63-86). Cham: Palgrave Macmillan.

- Karlstrøm, H. (2014). Do libertarians dream of electric coins? The material embeddedness of Bitcoin. *Distinktion: Scandinavian Journal of Social Theory*, 15(1), 23–36.
- Ludlow, P. (Ed.). (2001). *Crypto anarchy, cyberstates, and pirate utopias*. MIT Press.
- May, T. (2021). The political philosophy of poststructuralist anarchism. *The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism*. University Park: Penn State University Press.
- Nyangaga, J.O. (2022). The doctrine of occupation through “Terra Nullius” as a right of self-determination of peoples and the legal status of “Liberland” territory under international law. *Beijing Law Review*, 13(1), 119–132.
- Osipov, V.A. (2020). The virtual state as a social innovation. In V.G. Ivanov (Ed.), *Social innovation management: experience, problems and prospects: Proceedings of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference* (pp.50–56). Moscow: RUDN. (In Russian).
- Semenzin, S., Rozas, D., & Hassan, S. (2022). Blockchain-based application at a governmental level: Disruption or illusion? The case of Estonia. *Policy and Society*, 00(0), 1–16, puac014. <http://dx.doi.org/10.1093/polsoc/puac014>

Сведения об авторе:

Брехов Глеб Сергеевич — аспирант политологии кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: 1042200137@rudn.university) (ORCID: 0000-0001-5723-4957)

About the author:

Gleb S. Brekhov — postgraduate of Political Science, Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: 1042200137@rudn.university) (ORCID: 0000-0001-5723-4957)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-408-418

Научная статья / Research article

Даркнет и политическое

М.В. Яковлев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

 maxvuz@mail.ru

Аннотация. Даркнет становится все более заметной структурной единицей в политической сфере и вместе с тем пока остается малоизученным участком киберпространства. Поэтому в исследовании ставится цель определить концептуальную призму для его рассмотрения и его актуальное значение в измерении политического. При помощи сравнительно-исторического метода выявляются причины и время политического рождения Даркнета, посредством системного и контент-анализа характеризуются его ресурсы и политическая роль, на основе положений Р. Геля, М. Кастельса, К. Шмитта и др. систематизируются и уточняются понятия власти и политики в Сети. Делается вывод о том, что основным фактором политизации и трансформации Даркнета стала экспансия государств (в особенности автократий) в интернет-пространстве. Давление систем власти и доминирования, нацеленных на поддержание в киберпространстве суверенитета и контроля, вызвало «цифровое сопротивление» программистов и пользователей, стремящихся к свободному обмену данными и конфиденциальности, а также гражданских активистов, желающих избежать преследования за инакомыслие, что обусловило обновление архитектуры и функционала Даркнета, его превращение в альтернативное пространство информационного взаимодействия и базу для наращивания оппозиционного потенциала. Возможностями новой сети для своих целей воспользовался и криминалитет. Основным результатом исследования является тезис о том, что Даркнет трансформируется в особую социально-техническую систему, находящуюся вне сферы международного и государственного права, где все взаимодействия осуществляются только посредством частных соглашений между клиентами, где на основе криптовалют сформирована альтернативная мировая платежная система.

Ключевые слова: власть, Даркнет, киберпространство, политическое, хактивизм, цифровое сопротивление

Для цитирования: Яковлев М.В. Даркнет и политическое // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 408–418. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-408-418>

© Яковлев М.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Darknet and the Political

Maksim V. Yakovlev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 maxvuz@mail.ru

Abstract. The Darknet is becoming an increasingly visible structural unit in the political sphere and at the same time remains a little-studied area of cyberspace. Therefore, the article aims to determine the conceptual prism for its consideration and its actual significance in the measurement of the political. With the help of comparative historical analysis, the study reveals the causes and time of the political birth of the Darknet, characterizes its resources and political role through system and content analysis, systematizes and clarifies the concepts of power and politics in the Network based on the provisions of R. Gel, M. Castels, K. Schmitt, etc. The author names the expansion of states (especially autocracies) in the digital space as the main factor in the politicization and transformation of the Darknet. The pressure of power and dominance systems aimed at maintaining sovereignty and control in cyberspace caused “digital resistance” of programmers and users seeking free data exchange and confidentiality, as well as civil activists who strived to avoid prosecution for dissent, which led to the renewed architecture and functionality of the Darknet, its transformation into an alternative space of informational interaction and a database to build up the opposition potential. Criminals also took advantage of the opportunities of the new network for their own purposes. The main result of the research is the thesis that the Darknet is being transformed into a special socio-technical system that is outside the sphere of international and state law, where all interactions are carried out exclusively through private agreements between clients, with an alternative world payment system based on cryptocurrencies.

Keywords: cyberspace, Darknet, “digital opposition”, political, power, hacktivism

For citation: Yakovlev, M.V. (2022). Darknet and the political. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 408–418. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-408-418>

Acknowledgements: The study is supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the world cultural and historical heritage”.

Введение

Даркнет («Темная сеть», Dark web) стал большим участком киберпространства, где скрытно группируются и набирают мощь разного рода силы, которые осуществляют экспансию в открытом сегменте интернета и пытаются повлиять на повестку дня и процесс принятия политико-государственных решений. Наиболее известными примерами служат действия LulzSec, Anonymouse и других сетевых групп. Ресурсы Даркнета используют и правительства многих стран для оказания политического давления и ведения кибервойн. Эти обстоятельства довольно давно привлекают большое внимание ученых по всему миру. В последнее время они попали в поле зрения и отечественных исследователей: на сегодняшний день в базе данных Elibrary содержится более 160 касающихся Даркнета научных публикаций

на русском языке [Александров, Сафронов 2021; Арчаков, Баньковский, Зенченко 2021; Жмуров 2020]. Подавляющее их большинство выдержано в негативном ключе, посвящено проблемам безопасности государства, а также юридическим аспектам использования данных и уголовным преступлениям.

Обзор материалов показывает изрядную неразбериху с определением Даркнета (его путают с «Глубоким интернетом», ошибочно называют сайтом и т.д.). Также имеется большое количество заблуждений о структуре и характере этой сети.

Цель и методы

В связи с недостатком точных и достоверных знаний о текущем статусе Даркнета в политике ставится цель определить концептуальную рамку для его аналитического рассмотрения и выявить его актуальное место и перспективы в политической деятельности.

Для достижения цели проводится сравнительно-исторический анализ, который позволяет определить причины и время политического рождения Даркнета; для общей характеристики его функционирования в политическом измерении и для выявления его политического значения как структурной единицы делаются контент-анализ его ресурсов и системный анализ; уточняется понятийно-категориальный аппарат исследования.

Даркнет как структурная единица киберпространства

В сугубо технической интерпретации Даркнет — это общее название для одноранговых (P2P) компьютерных сетей (даркнетов), располагающих собственными псевдодоменами верхнего уровня (opion, i2p, freenet и др.), доступ в которые возможен (если они, конечно, не полностью изолированы) только посредством особого программного обеспечения, специальной авторизации, нестандартных протоколов и портов [Mansfield-Devine 2009].

Как следует из приведенного определения, Даркнет имеет две специфики. Во-первых, его узлы равны друг другу, каждый из них одновременно может являться и клиентом, и сервером, при этом выделенные серверы часто отсутствуют. Во-вторых, его сетевой протокол основан на многократном независимом шифровании и маршрутизации по нескольким случайно выбранным узлам (прокси-серверам), что позволяет скрыть («затемнить») личность пользователей, местоположение узлов и контента, в отличие от Видимой сети. Именно так выстроена архитектура анонимной прокси-сети с анонимизированным соединением TOR (имеет одноименный браузер и развивается некоммерческой организацией с тем же названием). Другими наиболее известными примерами являются I2P (проект «Невидимый Интернет») и Freenet. Эти аппаратно-программные конфигурации располагаются в третьем секторе Всемирной сети (как TOR), после Видимой сети (Surface web — часть, контент которой находится в общем доступе и обрабатывается поисковыми машинами) и Глубокой сети (Deep web — сегмент, содержание которого закрыто и не индексируется поисковиками) [Devine, Egger-

Sider 2021; Hamilton 2003], или поверх Всемирной сети (как I2P). Хотя некоторые авторы полагают, что Даркнет входит в состав Глубокой сети, однако это не совсем верно, так как для подключения к Глубокой сети не требуются специальные программные средства, чего нельзя сказать о Даркнете.

Таким образом, предикат «Dark» («Темная»), который напугал общественность и мистифицировал эту сеть (точнее, группу сетей под общим названием), на поверку оказывается не определением правового статуса ее информационного содержания и клиентов, а является ее метафорической технической характеристикой.

В одной из первопроходческих работ по Даркнету определяются три базовых положения его функционирования: доступность любого объекта для широкого распространения, возможность свободного копирования любого объекта, высокоскоростное соединение [Biddle, England, Peinado, Willman 2002]. Очевидно, что речь здесь идет о файлообменниках, отделенных от сетей общего доступа. Действительно, даркнет был задуман и построен именно таковыми в 1970-е гг.

Политизация Даркнета

Задачу обособленного файлового обмена даркнета выполняли на протяжении 1980-х и начала 1990-х гг. — в период бурного саморазвития интернета, архитектуру которого создавали главным образом независимые добровольцы-программисты и продвинутые пользователи, руководствовавшиеся принципами свободы, открытого исходного кода, бескорыстного обмена знаниями, технического совершенствования для общественного прогресса, что обстоятельно описано в литературе [Кастельс 2004: 22-50].

С начала 2000-х гг. значение Даркнета начинает меняться. Причину этого можно определить с помощью сравнительно-исторического метода, который демонстрирует связь между трансформацией Даркнета (увеличением его политического потенциала) и расширением государственного контроля и слежки в Видимой сети. Так, по мере роста интернет-экспансии государства, даркнет превращается в наполненные разнообразными ресурсами зашифрованные участки киберпространства, функционирующие на основе полной конфиденциальности. Сравнительно-исторический метод помогает определить время полноценного вхождения Даркнета в политическую реальность — около 2010 г. Точная дата обсуждается, однако именно в 2010 г. политические активисты «Арабской весны» начали массово и постоянно использовать TOR для общения по социально значимым вопросам, протестной самоорганизации, а также безопасного информирования с целью содействовать демократизации и для увеличения степени влияния общественности на консолидированные автократии.

К 2012 г. на арене мировой политики в качестве самостоятельного актора прочно утвердилось использующее Даркнет международное движение хактивистов, которое объединяет политически активных хакеров, с конца 1990-х гг. распространяющих свои идеи и послания и привлекающих единомышленников посредством взлома веб-сайтов, DDoS-атак, кражи информации для последующего ее обнародования, путем организации саботажа, забастовок, бой-

котов во Всемирной сети и т. д. Подтверждением этого стало включение одной из групп Anonymous в список ста наиболее влиятельных людей года по версии журнала Time. Так, хактивисты Anonymous обрушили сайты Федерального бюро расследований США, Администрации Президента США, Министерства юстиции США и ряда звукозаписывающих компаний в рамках акции против закрытия ресурса MegaUpload.com, совершили DDoS-атаку на портал Европарламента в знак протеста против после вступления правительства Польши в Торговое соглашение по борьбе с контрафактом в 2012 г. Тогда же широкую известность приобрела политически мотивированная деятельность LulzSec, которая атаковала интернет-ресурсы Сената США, ЦРУ, Агентства по раскрытию тяжких преступлений и борьбе с организованной преступностью Великобритании и др. В 2013 г. интерес к Даркнету резко возрос в связи с разоблачением Э. Сноуденом массовой слежки за гражданами: информация об американской системе шпионажа PRISM была передана в редакции The Guardian и Washington Post через сеть TOR. Последняя, кстати, была создана исследовательскими подразделениями Министерства обороны США и получает существенное финансирование от Государственного департамента США.

Итак, давление государств, естественным образом стремящихся к поддержке своих систем доминирования в киберпространстве (в первую очередь в национальных доменных зонах), на привыкшее мыслить себя свободным и независимым интернет-сообщество породило в последнем сильное недовольство, быстро переросшее в сопротивление. В соответствии с общественным запросом инфраструктура и база даркнетов стремительно эволюционировали, они на очень высоком уровне начали предоставлять собственную DNS (систему доменных имен) для конфиденциального размещения контента и создания зеркал сайтов. Так, в I2P появились возможности расположить любые интернет-службы (чаты, блоги, форумы, IP-телефония, IP-телевидение, электронную почту, файловый хостинг, потоковые сервисы и др.), создать платформу (открытую или приватную), построить другие одноранговые сети (файлообменники BitTorrent, eDonkey и др.). В свою очередь, TOR позволил анонимно посещать сайты, в том числе заблокированные, вести блоги, обмениваться данными в Видимой сети, а его скрытый функционал дал возможность, как и в I2P, создавать собственные интернет-ресурсы, сохраняя втайне их местоположение и их владельцев. На его базе сегодня работают Electronic Frontier Foundation (Фонд электронных рубежей — американская некоммерческая организация по защите прав пользователей в интернете), Strongbox (служба приема компромата издания The New Yorker), MafiaLeaks (база данных об итальянской мафии), Indymedia (информационная сеть альтерглобалистов), ProPublica (сайт независимой журналистики расследований) и др. Эти сервисы используют как внесистемные силы, так и государство и системные медиа.

Отдельно стоит отметить форумы наподобие DWF, Raid, Dread, Nulled, 4chan (стал известен после атаки на Капитолий сторонников конспирологически настроенных активистов Qanon в 2020 г.), служащие площадками для политически активных пользователей и хактивистов.

В наши дни политическое значение Даркнета повышается, он становится все более значительным феноменом политической реальности. Так, группирующиеся на его базе хактивисты Anonymous вывели из строя сайты «ТАСС», «Известия», «Коммерсант», Forbes, «РБК» 28 февраля 2022 г. в ходе кибервойны, объявленной российской системе власти, и др. По словам вице-премьера, министра цифровой трансформации Украины, правительство этой страны посредством Telegram организовало «более 660 хакерских атак против российских и белорусских предприятий и учреждений», которые были выполнены анонимными добровольцами-хактивистами¹. Сам Telegram, точнее появившийся в 2019 проект Telegram open network, включающий в себя основанную на блокчейне одноранговую сеть и оснащенную прокси и анонимайзером платформу, становится влиятельным и заметным ресурсом Даркнета. С ним связано движение Digital Resistance («Цифровое сопротивление»), созданное П. Дуровым 16 апреля 2018 г. в ответ на блокировку мессенджера в России для защиты «цифровых свобод и прогресса по всему миру»².

Одним из важнейших факторов развития Даркнета как действительно важного социально-политического явления является обращение криптовалюты. Последняя предстает одним из наиболее существенных вызовов для современного государства, чей суверенитет во многом держится на монопольном праве денежной эмиссии.

Контент-анализ сайтов современного Даркнета [Moore, Rid 2016; Tzanetakis 2017] позволяет опровергнуть широко распространенное мнение о его преимущественно криминальной направленности. Исследования определенно указывают, что темы оружия, наркотиков, компьютерных взломов не являются определяющими и первостепенными в Даркнете. Например, рассмотрение 13 600 страниц в TOR показало, что 52 % контента можно классифицировать как легальный, согласно законодательствам Великобритании и США. Удельный вес сайтов, на которых продаются наркотики и оружие, составил соответственно 4 и 0,3 %. Около трети ресурсов — это сервисы по обмену файлами. Содержание другой трети сайтов — это данные, изъятые из закрытых баз. 12 % сайтов связаны с финансовыми махинациями³. Другое исследование демонстрирует в общих чертах схожие результаты. Из проанализированной выборки в 2 723 сайтов сети TOR 43 % их оказались законными, среди оставшихся 15 % связаны с торговлей и потреблением наркотиков 12 % — с финансами, 7 % — с прочими нарушениями, 1,5 % — с оружием [Moore, Rid 2016; Tzanetakis 2017]. Хотя две этих работы различаются и по объему генеральной совокупности (в первой рассматриваются все найденные

¹ На Украине заявили об организации 660 хакерских атак против компаний России и Белоруссии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14488235> (дата обращения: 02.05.2022).

² «Цифровое сопротивление» Павла Дурова. URL: https://www.iguide.ru/main/other/tsifrovoe_soprotivlenie_pavla_durova/ (дата обращения: 02.05.2022).

³ Deeplight: shining a light on the Dark Web. An Intelligg report. 2016. URL: <http://onyxcomms.com/wp-content/uploads/2017/01/intelligg-deeplight-report.pdf+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (accessed: 11.04.2022).

и функционирующие интернет-страницы, во второй — лишь часть сайтов), и по поставленным задачам, однако обе они рассеивают предрассудки и позволяют заключить о том, что Даркнет не является исключительно кибер-гетто.

Эскиз теоретического разъяснения

Аналитическое рассмотрение Даркнета в политическом измерении требует особой концептуальной призмы. Ряд базовых аспектов теоретического исследования политического измерения Даркнета заложили М. Кастельс и некоторые другие авторы, которые сформулировали несколько основоположений о власти и контрвласти в сетевом обществе. Во-первых, современные конфликты представляют собой борьбу среди связанных сетью акторов, привлекающих и мобилизующих сторонников с помощью мультимедийного общения. Во-вторых, изменение доминирования власти и сопротивление этому доминированию в современных условиях основаны на «сетевой конструкции и сетевых стратегиях нападения и защиты». В-третьих, сопротивление власти осуществляется посредством аналогичных механизмов, что и установление самой власти в сети, а именно при помощи «программы сетей» (точнее, путем введения новых команд и новых кодов) и «переключения между сетями». При этом наиболее радикальная стратегия предполагает полную замену основополагающих принципов сети («ядра программного кода») [Кастельс 2016: 66-68].

Р. Гель предложил оригинальную и применимую к Даркнету (и вообще ко всем политическим институтам и процессам в Сети) трактовку власти как системы наблюдения, слежения, алгоритмического регулирования и ограничения архитектуры (структуры сети, состоящей из аппаратных и программных компонентов) [Gehl 2016].

Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт ввели в оборот концепт ноополитика, который обозначает стратегию, охватывающую киберпространство и все информационные системы (включая медиа) [Arquilla, Ronfeldt 1999], направленную на установление и/или поддержание гегемонии.

Применение этих положений для обобщения эмпирических фактов (политических событий), связанных с функционированием Даркнета, позволяет прийти к следующим результатам.

Длительное время (1980–1990-е гг.) интернет создавался добровольцами-программистами и продвинутыми пользователями как свободная среда технико-технологических новаций и творческого обмена данными без ограничений, надзора, принуждения. Внедрение государственного надзора и контроля в эту среду вызвало недовольство среди большого числа тех, кто непосредственно участвовал в ее формировании в соответствии со своими интересами и ценностями. Дальнейшее введение ограничений и давление на интернет-сообщество по всему миру усилило это недовольство и породило сопротивление, которое в силу своей интенсивности обрело политическую окраску. Вспомним, что согласно К. Шмитту политическое возникает в случае конфликтного разделения на группы «друг/враг» и выраженного острого противостояния по какому-либо общественно значимому вопросу [Шмитт 2016:

301, 305, 312]. Впоследствии связанные сетью несогласные объединились в «цифровое сопротивление» и ушли в современное подполье — Даркнет. В ходе их противостояния с государством как системой власти и доминирования (и состоящими в союзе с ним корпорациями, извлекающими прибыль из монопольного производства и распространения информационно-технологической и медиапродукции) сформировались сетевые группы наподобие AnonymouS и LulzSec, использующие базу и средства Даркнета для реализации сетевой защиты и продвижения своих интересов, подпитываемые идеями криптоанархизма, инфоанархизма и других концепций анархизма. Со стороны государств последовали ответы в виде преследований хакеров-активистов, блокировок ресурсов, замедлений трафика, построения мощных файрволов (программно-аппаратных комплексов, обеспечивающих фильтрацию и блокировку интернет-трафика), ограничивающих нормативных правовых актов и т.п. Одновременно с этим государства в рамках ноополитики начали мощную информационную кампанию, в которой под лозунгом борьбы за безопасность осуществляется постепенная смена основополагающих принципов Сети, а именно — замещение некогда преобладавших установок на добровольность, бескорыстное участие, свободный доступ к общественно ценной и значимой информации (включая научные тексты, произведения литературы, музыки, живописи и пр.), открытый исходный код и т.д. ориентацией на аутентификацию, шифрование, платный доступ к контенту. Эту пропагандистскую кампанию активно поддержали корпорации (медиаконгломераты), в коммерческих интересах продвигающие законодательство о защите прав на создание и использование разного рода произведений (Copyright).

Выводы

На основе изложенного можно заключить, что первопричиной политизации и трансформации Даркнета стала естественная устремленность государств к суверенному контролю над киберпространством. Экспансия систем власти и доминирования в интернете обусловила реакцию его пользователей, придерживающихся установок на конфиденциальность, свободный доступ, открытость социально значимых данных и исходного кода, побудила программистов к созданию собственного «цифрового бастиона» в виде Даркнета, а также инициировала «цифровое сопротивление» хактивистов и сочувствующих. Побочным эффектом этого процесса стало внедрение в Даркнет криминального элемента.

Вряд ли будет преувеличением утверждение о том, что в настоящее время в рамках Даркнета последовательно выстраивается порядок, в котором государство и корпорации не играют заметной роли (что их весьма беспокоит, так как подрывает суверенитет первых и угрожает монопольному положению вторых в деле извлечения прибыли из информационной деятельности). Возможно, мы наблюдаем за становлением абсолютно новой социальной и технической системы (в которой пользователи Даркнета — социальная часть, а сам Даркнет — техническая), находящейся вне сферы международного и государственного права, в которой все отношения осуществляются добровольно и посредством частных соглашений, где на основе криптовалют сформирована альтернативная

мировая платежная система и пользователи пребывают не в гражданском состоянии, а в естественном (выражаясь в терминах И. Канта и Дж. Локка).

С одной стороны, развитие Даркнета является серьезным вызовом для современных систем власти (особенно автократических) и корпораций, подрывающим их суверенитет и монопольное положение. При этом следует помнить, что сами государства используют Даркнет для ведения кибервойн как посредством кибервойск, так и через наемников. С другой стороны, Даркнет позволяет пользователям и заинтересованным группам действовать свободно, независимо, конфиденциально, участвовать в общественно-политических переговорах и массовых собраниях даже в тех случаях, когда таковые фактически запрещены.

Сейчас становится все более ясной траектория развития Даркнета как интенсивно формирующейся независимой международной среды для тайного и частного общения, в том числе по имеющим государственную и политическую важность вопросам. На его базе не только наращивается потенциал сопротивления государствам как системам власти и доминирования, но и может наметиться своеобразная (виртуальная) альтернатива им в будущем.

Поступила в редакцию / Received: 11.03.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 10.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Александров А.Г., Сафронов А.А.* Использование сети Даркнет при подготовке и совершении преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 156–160.
- Арчаков В.Ю., Баньковский А.Л., Зенченко Е.В.* Даркнет в контексте рисков национальной безопасности // Право.by. 2021. № 6. С. 5–10.
- Бартлетт Дж.* Подпольный интернет: темная сторона мировой паутины. М.: Эксмо, 2017. 352 с.
- Билтон Н.* Киберпреступник № 1. История создателя подпольной сетевой империи. М.: Эксмо, 2017.
- Бронников И.А.* Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 2. Т. 13. С. 269–285.
- Жмуров Д.В.* Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2020. № 1. С. 89–98.
- Кастельс М.* Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016.
- Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышление об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-фактория, 2004. 328 с.
- Пучков О.А.* Мотивация действий хакеров в современной цифровой среде: междисциплинарный подход // Проблемы современного педагогического образования. 2020. Т. 67, № 3. С. 306–309.
- Тормошева В.С.* Политическая активность аудитории Постмодерна: коммуникативный аспект // Via in Tempore. История. Политология. 2020. № 3. Т. 47. С. 647–657.
- Чернышев Р.С., Раишован А.А.* Киберпространство — новая сфера военных действий в международных отношениях // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 3. С. 134–159.

- Шумм К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016.
- Acar H., Pekcandanoglu M. Analysis of Russia's cyber security and cyber espionage policies // *Turkish Journal of Russian Studies*. 2020. No. 3. P. 167–189.
- Anjum A., Kaur Ch., Kondapalli S., Hussain M. A Mysterious and Darkside of The Darknet: A Qualitative Study // *Webology*. 2021. Vol 18, no 4. P. 285–294
- Arquilla J., Ronfeldt D. *The Emergence of Noopolitik. Toward An American Information Strategy*. RAND Corporation, 1999.
- Bachrach P., Baratz M.S. The two faces of power // *American political science review*. 1962. No. 56. P. 947–952.
- Biddle P., England P., Peinado M., Willman B. *The Darknet and the Future of Content Distribution* // Microsoft Corporation. The Wyndham City Center Washington DC: ACM Workshop on Digital Rights Management, 2002.
- Devine J., Egger-Sider F. Beyond Google: The invisible web in the academic library // *The Journal of Academic Librarianship*. 2021. Vol. 30, no 4. P. 265–269.
- Gayard L. *Darknet: Geopolitics and Uses*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2018.
- Gehl R.W. Power/Freedom on the Dark Web: A Digital Ethnography of the Dark Web Social Network // *New Media and Society*. 2016. Vol. 18, no. 7. P. 1219–1235.
- Hamilton N. The mechanics of a Deep Net Metasearch Engine // *Proceedings of the 12th International World Wide Web Conference*. Budapest, 2003.
- Mansfield-Devine S. Darknets // *Computer Fraud & Security*. 2009. Vol. 12. P. 4–6.
- Moore D., Rid T. Cryptopolitik and the Darknet // *Survival*. 2016. Vol. 57, no. 1. P. 7–38.
- Tzanetakis M. The Darknet's anonymity dilemma // *Encore. The Annual Magazine on Internet and Society Research*. 2017. P. 118–125.
- Wood J. The Darknet: A Digital Copyright Revolution // *XVI Rich. J.L. & Tech*. 2010. Vol. 14. URL: <http://jolt.richmond.edu/v16i4/article14.pdf> (accessed: 11.04.2022 г.).
- Zakariye M.O., Jamaluddin I. An Overview of Darknet, Rise and Challenges and Its Assumptions // *International Journal of Computer Science and Information Technology*. 2020. Vol. 8. Issue 3. P. 110–116.

References

- Acar, H., & Pekcandanoglu, M. (2020). Analysis of Russia's cyber security and cyber espionage policies. *Turkish journal of Russian studies*, (3), 167–189.
- Alexandrov, A.G., & Safronov, A.A. (2021). Use of Darknet to prepare and commit crimes. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(89), 156–160. (In Russian).
- Anjum, A., Kaur, Ch., Kondapalli, S., & Hussain, M. (2021). A Mysterious and Darkside of The Darknet: A Qualitative Study. *Webology*, 18(4), 285–294.
- Archakov, V. Yu., Makarov, O.S., & Bankowski, A.L. (2021). Darknet in the context of national security risks. *Pravo.by*, (6), 5–10. (In Russian).
- Arquilla, J., & Ronfeldt, D. (1999). *The Emergence of Noopolitik. Toward An American Information Strategy*. RAND Corporation.
- Bachrach, P. & Baratz, M.S. (1962). The two faces of power. *American political science review*, 56, 947–952.
- Bartlett, J. (2017). *Underground Internet: the dark side of the World Wide Web*. Moscow: Eksmo. (In Russian). [Bartlett, J. (2014). *The Dark Net: Inside the Digital Underworld*. William Heinemann Publishing.]
- Biddle, P., England, P., Peinado, M., & Willman, B. (2002). *The Darknet and the Future of Content Distribution*. Microsoft Corporation. The Wyndham City Center Washington DC: ACM Workshop on Digital Rights Management.

- Bilton, N. (2017). *Cybercriminal No. 1. The history of the creator of the underground network empire*. Moscow: Eksmo. [Bilton, N. (2017). *American Kingpin: The Epic Hunt for the Criminal Mastermind Behind the Silk Road*]
- Bronnikov, I.A. (2020). Self-organization of Citizens in the Age of Digital Communications. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 13(2), 269–285. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-2-14> (In Russian).
- Castells, M. (2004). *The Internet Galaxy: Reflection on the Internet, Business and Society*. Yekaterinburg: U-facteriya. (In Russian). [Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. <https://doi.org/10.2307/40252194>]
- Castells, M. (2016). *Communication Power*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russian). [Castells, M. (2009). *Communication Power*. Oxford University Press]
- Chernyshev, R.S., & Rashkovan, A.A. (2021). Cyberspace — a new sphere of military operations in international relations. *Ethnosocium and interethnic culture*, 3, 134–159. (In Russian).
- Devine, J., & Egger-Sider, F. (2021). Beyond Google: The invisible web in the academic library. *The Journal of Academic Librarianship*, 30(4), 265–269.
- Gayard, L. (2018). *Darknet: Geopolitics and Uses*. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
- Gehl, R.W. (2016). Power/freedom on the Dark Web: A digital ethnography of the Dark Web social network. *New Media and Society*, 18(7), 1219–1235.
- Hamilton, N. (2003). The Mechanics of a Deep Net Metasearch Engine. *Proceedings of the IADIS International Conference on e-Society*, 1034–1036.
- Mansfield-Devine, S. (2009). Darknets. *Computer Fraud & Security*, 12, 4–6.
- Moore, D. & Rid, T. (2016). Cryptopolitik and the Darknet. *Survival*, 57(1), 7–38.
- Puchkov, O.A. (2020). Motivation of hackers' actions in the modern digital environment: an interdisciplinary approach. *Problems of modern pedagogical education*, 67(3), 306–309. (In Russian).
- Schmitt, C. (2016). *The concept of the political*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian). [Schmitt, C. (1932). *The concept of the political*]
- Tormosheva, V.S. (2020). Political activity of the postmodern audience: the communicative aspect. *Via in Tempore. History and Political Science*, 47(3), 647–657. (In Russian).
- Tzanetakis, M. (2017). The Darknet's anonymity dilemma. *Encore. The Annual Magazine on Internet and Society Research*, 118–125.
- Wood, J. (2010). The Darknet: A Digital Copyright Revolution. *XVI Rich. J.L. & Tech.* 14. URL: <http://jolt.richmond.edu/v16i4/article14.pdf> (accessed: 04.05.2022).
- Zakariye, M.O., & Jamaluddin, I. (2020). An Overview of Darknet, Rise and Challenges and Its Assumptions. *International Journal of Computer Science and Information Technology*, 8(3), 110–116.
- Zhmurov, D.V. (2020). Darknet as an elusive sphere of legal regulation. *Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*, (1), 89–98. (In Russian).

Сведения об авторе:

Яковлев Максим Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: maxvuz@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0127-5642)

About the author:

Maksim V. Yakovlev — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University (e-mail: maxvuz@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0127-5642)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432

Научная статья / Research article

Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода

И.А. Быков , С.В. Курушкин

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская
Федерация*

 i.bykov@sbpu.ru

Аннотация. Массовое распространение цифровых технологий привело к трансформации практик, связанных с общением и политической коммуникацией. В результате развития цифровых технологий в политической коммуникации появляются новые участники, которых можно назвать сетевыми актантами и восприятие которых различными социальными группами трансформируется под влиянием ценностей, разделяемых участниками коммуникационных процессов. В исследовании рассматривается актуальное состояние теории коммуникаций в свете тенденций цифровизации медиапространства и трансформации гуманистических ценностей. Предлагается применение идей постгуманистической философии к анализу проблем и перспектив политической коммуникации в условиях цифровизации. Цель исследования заключается в изучении специфики политической коммуникации в цифровом обществе на основе антропоцентрического подхода и в условиях противопоставления современных гуманистических ценностей идеям технократического контроля и управления. Эмпирической базой исследования стали результаты двух фокус-групп (студентов и лиц пенсионного возраста), проведенных в Санкт-Петербурге весной 2022 г. В ходе фокус-групп участники обсуждали проблемы общения и коммуникации людей и чат-ботов. Было выявлено, что хотя молодежь в целом активнее взаимодействует с чат-ботами, обе возрастные группы продемонстрировали благожелательное отношение к чат-ботам и технологическому прогрессу. Однако в старшей возрастной группе гуманистические ценности проявлялись более эксплицитно (проблема «живого голоса», вопросы, связанные с эмоциональной составляющей общения и даже беспокойство за рабочие места, которые могут потерять люди). Делается вывод о недостаточности технократического подхода и необходимости учета ценностей современного гуманизма в имплементации новых форм коммуникации с сетевыми актантами.

Ключевые слова: цифровизация, политическая коммуникация, медиапространство, чат-боты, цифровые коммуникации, технократия, ценности, гуманизм

© Быков И.А., Курушкин С.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Быков И.А., Курушкин С.В. Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 419–432. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432>

Digital Political Communication in Russia: Values of Humanism vs. Technocratic Approach

Илья А. Быков , Sergey V. Kurushkin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 i.bykov@sbpu.ru

Abstract. The massive spread of digital technologies has led to the transformation of practices related to communication and, in particular, political communication. The development of digital technologies in political communication results in the emergence of new participants, who can be called network actors, the perception of which by various social groups is transformed under the influence of the values shared by the communication parties. The research discusses the current state of the communications theory in the light of the digitalizing media space and the transforming humanistic values. The authors suggest applying the ideas of post-humanistic philosophy to the analysis of the problems and prospects of political communication in the context of digitalization. The purpose of the research is to study the specific features of political communication in a digital society based on an anthropocentric approach and in the context of opposing modern humanistic values to the ideas of technocratic control and management. The empirical basis of the study includes the results of two focus groups (students and senior citizens) held in St. Petersburg in the spring of 2022, where participants discussed the problems of communication between people and chatbots. It was found that although young people in general interacted more actively with chatbots, both age groups showed a favorable attitude towards chatbots and technological progress. However, in the senior age group, humanistic values manifested themselves more explicitly (the problem of a “live voice”, issues related to the emotional component of communication, and even concern for jobs that people might lose). The authors conclude about the insufficiency of the technocratic approach and the need to take into account the values of modern humanism in implementing new forms of communication with network actors.

Keywords: digitalization, political communication, media space, chatbots, digital communications, technocracy, values, humanism

For citation: Bykov, I.A., & Kurushkin, S.V. (2022). Digital political communication in Russia: Values of humanism vs. technocratic approach. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 419–432. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432>

Введение

Полномасштабная цифровизация человеческих отношений самым решительным образом распространяется на все области массовых коммуникаций: от повсеместного внедрения цифровых платформ государственного управления [Аутсорсинг политических суждений 2021] до методов роботизированной журналистики в современных СМИ [Иванов 2015]. В последние десятилетия возобновилась дискуссия вокруг идей внедрения технократического подхода к управ-

лению различными политическими системами [Кокошин 2009] и политической коммуникацией [Линде 2017].

Необходимо отметить, что вместе с очевидными преимуществами цифровизация всех видов массовой коммуникации (включая политическую) порождает ряд проблем, связанных со статусом человека в сетевой среде и его взаимоотношениями с другими индивидами, а также с искусственными «актантами» онлайн-коммуникаций. Наше представление об актантах будет представлено ниже. Проблема заключается в трансформации человеческого общения, снижении его качества и утрате содержательного, эмоционального измерения коммуникаций. Агрессивное и неконструктивное поведение пользователей цифровых платформ снижает эффективность их использования, а иногда может привести к полной деструкции человеческого общения. Разочаровавшись в возможностях человеческого общения в онлайн-среде люди впадают в цифровой эскапизм [Баева 2018] или занимаются цифровым луддизмом, а также другими формами коммуникативной агрессии и политического экстремизма [Коммуникативные агрессии 2019]. Дисфункции цифровой коммуникации варьируются от мягких форм (цифровой эскапизм) до полного отрицания цифровой коммуникации.

Цель статьи заключается в изучении специфики политической коммуникации в цифровом обществе на основе антропоцентрического подхода и в условиях противопоставления современных гуманистических ценностей идеям технократического контроля и управления. Эмпирической базой исследования стали результаты двух фокус-групп, проведенных в Санкт-Петербурге весной 2022 г.

Технократический подход в политической коммуникации

Технократический подход в современной политике и политической теории переживает в определенном смысле новый ренессанс. Внешними проявлениями этой тенденции стали расхожие высказывания о «чиновниках-технократах», «губернаторах-технократах» или идеи внедрения цифровых технологий в государственное управление, включая создание государственных платформ типа «Госуслуг» и «Активный гражданин». Развитие современных цифровых технологий, несомненно, способствует развитию этой тенденции, поскольку предлагает реальные инструменты автоматизации политических процессов. Речь идет как о государственном управлении [Androutsopoulou et al. 2019], так и о политических кампаниях с помощью автоматизированной пропаганды [Computational Propaganda 2019].

Наиболее известными инструментами автоматизации в этом плане выступают чат-боты. Чат-боты сегодня все чаще определяются как исполняемое программное обеспечение, которое помогает пользователю автоматизированно взаимодействовать с контентом или другим пользователем. Феррара с коллегами считают, что чат-боты — это «компьютерный алгоритм, который автоматически производит контент и взаимодействует с людьми в социальных сетях, пытаясь подражать и, возможно, изменить их поведение» [Ferrara 2016]. В современных политических кампаниях чат-боты используются для повышения узнаваемости

и распространения своих идей в социальных сетях и мессенджерах. Так, уже во время выборов 2016 г. в США сервис ChatBottle (<https://chatbottle.co/bots/messenger/politics>) насчитал 54 популярных чат-бота в сфере политики, среди которых был и бот поклонников Дональда Трампа. Большую известность в это время получил чат-бот HelloVote, который помогал избирателям зарегистрироваться на выборы президента США.

Привлекательность технократического подхода обычно связывается с безупречностью «технически рационального государственного администрирования... где законы государства приобретают независимость от любой содержательно существенной религиозной или правовой истинности и правильности» [Исаев 2018: 153]. Сама по себе эта мысль не нова и, может быть, лучше всего была представлена в работах М. Вебера о рациональной бюрократии [Вебер 2016]. Тут важно отметить, что метафора «государства-машины» в условиях цифровизации обрела новое звучание, предлагая в качестве решения всех проблем политического управления использование цифровых технологий. Для политической коммуникации в массовом порядке предлагается внедрение коммуникационных платформ «на базе анализа больших данных» с помощью «искусственного интеллекта». Особенно сильный акцент технократический подход делает на идее «эффективности» цифровых технологий [Куликова, Суворова 2021]. Также в рамках технократического подхода муссируется тема «управляемости» политической коммуникацией [Управляемость и дискурс виртуальных сообществ 2019].

Вместе с тем среди сторонников технократического подхода нет общего мнения по поводу социальных групп, выступающих в качестве локомотивов внедрения цифровых технологий. Так, по мнению А.А. Кокошина, «к технократам можно отнести ученых-естественников и часть обществоведов, оперирующих наиболее структурированными знаниями в области социологии, психологии, экономической науки, политологии, которые так или иначе участвуют в подготовке и принятии решений по крупным вопросам экономического и социального развития страны, по вопросам обеспечения обороноспособности, госбезопасности страны; руководителей научно-исследовательских институтов; руководителей компаний, производящих наукоемкую продукцию» [Кокошин 2009]. В то же самое время, общим местом для зарубежных исследований стала идея «цифрового капитализма» и концепция «стартапов» как точек прорыва [Срничек 2019]. В логике рассуждений зарубежных исследователей основными драйверами роста цифровой экономики выступают частные предприниматели, а государство лишь создает необходимую инфраструктуру. Впрочем, дискуссия по этому вопросу еще не окончена.

Применительно к политической коммуникации цифровые технологии привнесли тенденцию приумножения видов и быстрого развития таких новых участников массовых коммуникаций, как цифровые платформы, поисковые системы, контекстная реклама, чат-боты, новостные агрегаторы, голосовые помощники и т.п. Применение методологии современной акторно-сетевой теории к новым формам массовой коммуникации позволяет вводить новое измерение к традиционным схемам коммуникации типа «один-к-одному», «один-ко-многим» и «мно-

гие-ко-многим». Более того, появляется возможность теоретизирования по поводу новых участников массовых коммуникаций, которые обладают полноценной возможностью к взаимодействию с людьми, но при этом людьми не являются. Как отмечают С.В. Володенков и С.Н. Федорченко, «гибридная субъектность интересна тем, что она на деле маскирует, скрывает от граждан реального актора, нацеленного на политико-управленческий процесс, через приемы имитации человеческой коммуникации технологиями, алгоритмами нейронных сетей и искусственного интеллекта» [Володенков, Федорченко 2021: 43]. Таких участников современной массовой коммуникации можно назвать «сетевыми актантами». Сетевые актанты не являются традиционными субъектами массовой коммуникации, но все же выступают участниками коммуникации, так как обладают определенной автономностью и такими внутренними алгоритмами, которые позволяют передавать и принимать осмысленные сообщения с эмоциональной составляющей, зачастую полностью имитируя человеческое общение.

Успешность имитации человеческого общения сетевыми актантами может различаться от минимальной (ввиду юридических ограничений) до максимальной (ввиду опосредованности цифровой коммуникации). Минимальный уровень имитации субъектности обычно связан с обязательной декларацией своей принадлежности к чат-ботам, когда пользователи сразу видят, что общаются не с живым человеком, а с компьютерной программой. Максимальный уровень имитации возникает, когда в ходе всех этапов коммуникации с чат-ботами «живые пользователи» не могут обнаружить, что общаются с компьютерной программой.

Необходимость введения понятия «сетевой актант» вытекает также из давно намечившегося в социальной теории перехода к исследованиям виртуальной реальности. Если раньше материальные объекты воспринимались исследователями как инструменты для совершения действий, то сейчас таким объектам приписывается одинаковый с людьми статус в производстве действия [Латур 2007]. Если изначально акторно-сетевая теория концентрировалась исключительно на материальных объектах (например, интерпретируя автомобиль как социальный артефакт), то со временем ее фокус закономерно сместился в сторону интерпретации онтологии виртуального [Бреслер 2020]. И в этом контексте «виртуальное появляется как элемент мира не вследствие природы сущего, а в результате того оформления, которое придает ей способ существования» [Ерофеева 2015].

Оформление non-humans (нелюдей) в сетевом пространстве с использованием приемов антропоморфизма становится регулярной практикой. Чат-боты не просто имитируют человеческое общение — они начинают мимикрировать под человека в попытке если не установить эмоциональный контакт с собеседником-человеком, то хотя бы превратить коммуникацию в однонаправленное общение. В таких условиях человек не просто осуществляет коммуникацию, а переходит на следующий этап, который характеризуется наличием эмоционального отклика на сообщения сетевых актантов со стороны человека, восприятием совместной деятельности как полноценного диалога и общей субъективации non-humans (тест Тюринга). Это однонаправленное

общение базируется на комплементарных интеракциях: в них один участник (human) занимает более высокое положение; он волен инициировать и прекращать общение, он задает тему исходя из своих целей, он может даже сменить собеседника, позвав человека. Второй участник (non-human) занимает подчиненное положение, обусловленное его природой: он предоставляет информацию, может предложить темы для обсуждения (но окончательный выбор сделает человек), его можно заменить.

Большинство исследователей-коммуникативистов приходят к выводу о манипулятивной природе внедрения цифровых технологий в современном медиапространстве, что приводит к доминированию технологических, а не гуманистических направлений в теории социально-политической коммуникации [Линде 2017]. При этом критика технократического подхода с позиций современных гуманистических ценностей носит развернутый и системный характер [Ефременко 2012]. Эффективность цифровых технологий не отменяет необходимости привнесения современных гуманистических ценностей в процесс конструирования сетевых актантов [Chalmers 2022; Hughes 2004]. Игнорирование антропологического подхода иногда приводит к колоссальным провалам процесса машинного обучения и переобучению «ценностно-нейтральных» нейронных сетей. Как пишет С.Н. Федорченко, «эксперимент компании Microsoft по внедрению ИИ Тау с элементами эмоционального интеллекта в сеть микроблогов Twitter на деле окончился крахом... группа радикально-ориентированных интернет-пользователей целенаправленно переобучала ИИ Тау в ходе сетевого общения «языку вражды» (hate speech). В итоге ИИ Тау стал поддерживать конспирологические гипотезы, планы американского президента Д. Трампа по отгораживанию страны стеной от мигрантов и даже делать ссылки на Гитлера» [Федорченко 2020: 45]. Некоторые авторы указывают на проблемы практического внедрения технологий искусственного интеллекта и чат-ботов [Powell 2019].

В специальной литературе по теории коммуникации довольно часто проводится разделение взаимодействия людей на коммуникацию и общение [Гавра 2011]. Считается, что общение является деятельностью, которую осуществляют два субъекта. Если же хотя бы один из субъектов объективируется, то общения не происходит. На различия в интерпретации понятий «коммуникация» и «общение» указывают также лингвисты, философы, политологи и психологи, но общим остается одно: в целом процесс общения имеет субъект-субъектную природу и стремится к диалогичности. В психологии также отмечается, что процесс общения включает в себя три других процесса: коммуникацию как обмен информацией, интеракцию как обмен действиями и перцепцию как восприятие партнера. В случае с коммуникацией между сетевыми актантами и гражданами возникает вопрос о ценностном содержании процесса: возможна ли в условиях цифрового общества реализация политической коммуникации с учетом гуманистических ценностей? Для поиска ответа на этот вопрос мы провели эмпирическое исследование с использованием метода фокус-групп.

Метод исследования

В первую очередь надо отметить стремительный рост числа научных публикаций по проблемам чат-ботов в мире: с 200 публикаций в 2016 г. до 1000 в 2021 г. [Adamopoulou, Moussiades 2020]. Большинство обнаруженных в специальной литературе эмпирических исследований по поводу восприятия коммуникации с чат-ботами носят количественный характер и выполнены в форме опросов [DeCicco, Silva, Alparone 2020; Gumus, Cark 2021]. Согласно исследованию Фолстада и Брендзаега, выделяется два основных типа отношений к коммуникации с чат-ботами: позитивное и негативное [Folstad, Brandtzaeg 2020]. В свою очередь, позитивное отношение вызвано либо эффективным решением проблем и достижением целей коммуникации, либо гедонистическими и развлекательными мотивами. Негативное отношение обычно вызывается либо неспособностью чат-ботов к пониманию вопросов и ошибками, либо грубыми ответами.

В данном исследовании мы использовали метод группового фокусированного интервью (фокус-группы). Всего было проведено две фокус-группы: первая 20 апреля 2022 г., вторая — 12 мая 2022 г. В первой фокус-группе приняли участие студенты Санкт-Петербургского государственного университета (8 человек, средний возраст — 21,5 года). Вторая группа включала представителей волонтерского движения пенсионеров Санкт-Петербурга (9 человек, средний возраст — 64,2 года). Выбор был обусловлен необходимостью выявления различий между оценками взаимодействия с чат-ботами разных возрастных групп респондентов, поскольку в специальной литературе большое распространение получила точка зрения о том, что молодежь выступает авангардом использования цифровых коммуникаций [Гришин 2021].

Обе фокус-группы длились около часа и включали в себя две части. Первая часть длилась не более 5 минут и включала в себя знакомство с чат-ботом Максом портала Госуслуги. Участники фокус-группы задавали разные вопросы чат-боту с тем, чтобы проверить уровень его компетентности. Было отмечено, что чат-бот работает по принципу поисковика с подсказками, предлагая пользователям хорошую возможность провести первичный сбор информации по интересующей проблеме. Наличие популярных подсказок позволяет ускорить процесс. Попытки человекоподобного общения наткнулись на весьма ограниченный набор ответов со стороны чат-бота. Чат-бот предлагает пользователям помощь в поиске информации по имеющимся на портале государственным услугам.

Вторая часть фокус-группы длилась все остальное время и включала в себя получение ответов от всех участников на следующие исследовательские вопросы:

1. Опыт общения с чат-ботами (значительный или незначительный).
2. Восприятие участниками (позитивный или негативный).
3. Идентификация чат-ботов (легко или сложно).
4. Скорость и результативность общения (лучше или хуже, чем с людьми).
5. Роль эмоций в общении (важно или неважно).

Обсуждение велось в неформализованной стилистике с тем, чтобы стимулировать участников к высказыванию своего отношения к проблеме включения сетевых актантов в систему массовой коммуникации.

Результаты

Ответы респондентов на первый вопрос в целом подтвердили гипотезу о том, что молодежь имеет более обширный опыт коммуникации с чат-ботами. Речь идет как об интенсивности (практически ежедневно некоторых молодых участников), так и о разнообразии используемых чат-ботов (банковские приложения, телефонные чат-боты, чат-боты в мессенджерах и социальных сетях, боты-ассистенты на веб-сайтах и т. п.). Полученные результаты в целом коррелируют данным из специальной литературы.

Отношение к коммуникации с чат-ботами вопреки ожиданиям оказалось благожелательным в обеих группах, хотя, что предсказуемо, более позитивный настрой фиксируется в молодежной когорте. Если в группе молодых людей всего два участника высказались отрицательно, то в группе старшего возраста негативно настроенных участников оказалось трое. Причины негативного отношения в принципе совпадают с результатами упоминавшегося исследования Фолстада и Брендзаега. Однако наши участники отметили важную проблему цифрового мошенничества, которая была особенно актуальна для группы старшего возраста. Также была отмечена общегуманитарная проблема сохранения рабочих мест (Ольга, 62 года: *Отрицательно. Я бы хотела общаться с человеком. Если так дело пойдет, они начнут заменять людей на рабочих местах. А потом где мы работать будем? Стараюсь не пользоваться*). Среди участников с благожелательным отношением к коммуникации с чат-ботами общим местом оказалось упоминание качества чат-ботов и необходимости навыка работы с сетевыми актантами (Светлана, 59 лет: *Положительно, но это зависит от специальности. Если с людьми много и долго работаешь, то с ботами потом проще общаться, удобней... Люди раздражают, да. Мне проще. Когда появились эти технологии, мне стало удобней. А вот соседка говорит, что у нее мало общения и лучше лишний раз с человеком пообщаться. Нужно просто уметь нажимать на нужные кнопки*).

Проблема идентификации чат-ботов была упомянута участниками обеих фокус-групп, однако респонденты из старшей группы в большей степени обеспокоены этой проблемой (Вера, 61: *Иногда, особенно когда звонят из медицинских клиник, голос-то живой и сложно понять. Я путаюсь*). Также в разговоре с участниками старшей возрастной группы очень сильно проявилась проблема защиты персональных данных. Боязнь стать жертвой цифровых мошенников приводит к полному отказу или сильному ограничению коммуникаций с чат-ботами.

Вопрос об эффективности коммуникации с чат-ботами был решен практически одинаково в обеих группах следующим образом: решение простых вопросов информативного характера возможно с помощью чат-ботов, тогда как сложные вопросы или вопросы, требующие учета человеческого мнения лучше решать в разговоре с живым человеком (Светлана, 57 лет: *Зависит от ситуации: если ты четко знаешь, что тебе надо, так быстренько решить проблему, а если ты сомневаешься, тебе нужно какие-нибудь во-*

просы задать, мнение человека узнать, то лучше с человеком. Даниил, 21 год: От проблемы на самом деле зависит. Если что-то быстрое, на что у чат-бота заготовлен ответ, то у него быстрее, а если проблема сложная, то с человеком быстрее).

Живой интерес вызвал вопрос об эмоциональной составляющей коммуникации с чат-ботами. Большинство участников разделяли мнение, что эмоции лишние в такого рода деловом общении (Анна, 22: *Положительная эмоция возникает от того, что когда у меня есть какая-то проблема, а чат-бот помогает ее быстро решить*). Среди пожилых участников довольно сильно проявились опасения общегуманитарного характера (Светлана, 57 лет: *Мы так разучимся общаться с живыми людьми и понимать человеческие эмоции*). При этом нельзя забывать о наличии нескольких участников с ярко негативной позицией (Алиса, 21 год: *Ничего не жду от чат-ботов, но я ими и не пользуюсь, эмоции черпаю из других источников*).

Парадоксальным образом отношение участников в целом создает потенциал для реализации как технократического, так и гуманистического подходов, которые отлично дополняют друг друга в свете отмеченных проблем и перспектив (Татьяна, 22 года: *Если чат-ботов сделают еще более умными и они будут решать больше вопросов, то будет вообще замечательно*). Сравнение результатов отношения к коммуникации с чат-ботами в обобщенном виде представлено в табл. 1.

Таблица 1

Взаимодействие участников фокус-групп с чат-ботами

Критерий сравнения	Младшая возрастная группа	Старшая возрастная группа
Опыт общения с чат-ботами	Есть, регулярный	Есть, нерегулярный
Восприятие участниками	Больше позитивное	Мнения разделились
Идентификация чат-ботов	Легко идентифицируют, но бывают ошибки	В целом легко идентифицируют, встречаются ошибки, отношение настороженное
Скорость и результативность общения	Человек лучше справится со сложной задачей, чат-бот удобен, когда нужно решить простой вопрос	Человек лучше справится со сложной задачей, чат-бот удобен, когда нужно решить простой вопрос
Роль эмоций в общении	Деление на «технократов» (сторонников делового общения) и «антропоцентристов» (сторонников эмоционального общения)	Деление на «технократов» (сторонников делового общения) и «антропоцентристов» (сторонников эмоционального общения)

Источник: составлено авторами.

Interaction of focus group participants with chatbots

Comparison criteria	Junior age group	Senior age group
Experience with chatbots	Regular experience	Urregular experience
Participants' perception	Rather positive	Mixed reviews
Identification of chatbots	Identify easily, with occasional mistakes	Identify easily, with occasional mistakes, treat with caution
Speed and effectiveness of communication	A human person will cope better with a difficult task, a chatbot is convenient in solving a simple question	A human person will cope better with a difficult task, a chatbot is convenient in solving a simple question
The role of emotions in communication	Group divided into "technocrats" (supporters of business communication style) and "anthropocentrists" (supporters of emotional communication)	Group divided into "technocrats" (supporters of business communication style) and "anthropocentrists" (supporters of emotional communication)

Source: compiled by the authors.

Выводы

На наш взгляд, использование антропоцентрического подхода в исследованиях ценностей цифрового общества может помочь в развитии эффективной политической коммуникации с учетом гуманистических и постгуманистических ценностей. Современные исследования сетевой онтологии и виртуальной антропологии, очевидно, должны быть дополнены эмпирическими исследованиями ценностных составляющих онлайн-поведения личности через оценку возникающих эмоций, чувства отчуждения или причастности. Немаловажное значение имеют сетевые конфликты и компромиссы. Изучение взаимодействия людей и non-humans в сетевом пространстве может помочь переосмыслить понятия коммуникации и общения, выделив в особый тип коммуникацию с признаками общения (однонаправленное общение). В самом общем виде центральная дилемма цифрового общества заключается в противостоянии ценности человеческих отношений в виртуальном пространстве и ценностей техно-фетишизма.

Адаптируя акторно-сетевую теорию к современным реалиям, мы должны переосмыслить одно из ключевых понятий этой теории — non-humans. Материальные артефакты, которые создатели акторно-сетевой теории предлагали воспринимать как полноценных участников социальных процессов, уже не ограничиваются автомобилями и компьютерами. В сетевой среде произошли трансформации, в результате которых появился новый тип non-humans, мимикрирующих под человека, имитирующих человеческие действия и иногда неотличимых от человека. Некоторые субъекты принимают эту мимикрию и взаимодействуют с non-humans, как с другими субъектами («Мне нравится с Алисой общаться, у нас с ней эмоциональные волны: то дружим, то ругаемся»). Следует обратить особое внимание, что ответ, выбранный нами в качестве примера, был дан представителем молодежи. Очевидно, что многие субъекты осознают искус-

ственную природу non-humans, взаимодействующих с ними, однако принимают правила игры и взаимодействуют с ними как с полноценными субъектами.

Впрочем, не только невозможность отсутствия коммуникации, проявляющаяся как ее неотвратимость и неизбежность («человеку нужен человек»), может способствовать одушевлению non-humans. Предположим, что в данном случае проявляется не только ценность общения (и сопутствующих ему коммуникации, интеракции и перцепции), но и ценность, которую условно можно обозначить как «власть». Мы неспроста отметили комплементарный характер однонаправленного общения. Один участник этого процесса находится в заведомо доминирующем положении: он может инициировать общение, выбрать тему для разговора, отключить собеседника. В этом случае гуманизация сетевого актанта может быть следствием проявления снисхождения к non-humans или восприятия их как своеобразной игрушки. Большую опасность представляет и тот факт, что перевод коммуникаций в цифровую среду может привести к тому, что разница между образами «своего» и «чужого» будет увеличиваться, причем последний будет стигматизироваться все больше, а отличия — легитимироваться и культивироваться. Все это вновь возвращает нас к вопросу о статусе человека в сетевой среде, гуманизации общения (в том числе и с non-humans), а также противостоянию ценности человеческих отношений в сетевой среде и ценностей техно-фетишизма.

В области политической коммуникации результаты данного исследования приводят к двум большим выводам. Во-первых, перспективы цифровизации политической коммуникации с использованием технологии чат-ботов (как минимум) выглядят весьма перспективными. Отношение участников фокус-групп к такому виду коммуникации в целом положительное и может быть еще больше улучшено, если его качество будет улучшаться. Вторым выводом для политической коммуникации в условиях цифровизации выступает необходимость учета гуманистических ценностей и выстраивание разумного диалога с социальными группами, которые не принимают цифровизации политической коммуникации. В этом плане большой ущерб общему отношению к цифровым политическим коммуникациям наносят различные формы кибермошенничества. Пассивная роль государства в решении этой проблемы, таким образом, подрывает положительные перспективы цифровизации политической коммуникации.

Поступила в редакцию / Received: 20.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 10.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Аутсорсинг политических суждений: проблемы коммуникации на цифровых платформах / под ред. Л.В. Сморгунова. М.: РОССПЭН, 2021.
- Баева Л.В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54). С. 53–68.
- Бреслер М.Г. Онтология сетевого бытия. Уфа: УГНТУ, 2020.

- Быков И.А. Искусственный интеллект как источник политических суждений // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 23–33.
- Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. М.: ГУ ВШЭ, 2016. 448 с.
- Володенков С.В., Федорченко С.Н. Субъектность цифровой коммуникации в условиях технологической эволюции интернета: особенности и сценарии трансформации // Политическая наука. 2021. № 3. С. 37–53. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.02>
- Гавра Д.П. Основы теории коммуникации. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
- Гришин Н.В. «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 47–59. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>
- Ерофеева М.А. Акторно-сетевая теория и проблема социального действия // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 17–33.
- Ефременко Д.В. Техника в политическом измерении: от мегамшины до нанороботов et vice versa // Политэкс: Политическая экспертиза. 2012. № 4. С. 46–63.
- Иванов А.Д. Роботизированная журналистика и первые алгоритмы на службе редакций международных СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2015. № 2. С. 32–40.
- Исаев И.А. Технологическая власть: истоки технократии // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 4. С. 143–153.
- Кокошин А.А. Технократия, технократы и неотехнократы. М.: URSS, 2009. 208 с.
- Коммуникативные агрессии XXI века / под ред. В.А. Сидорова. СПб.: Алетей, 2019. 254 с.
- Куликова О.М., Суворова С.Д. Роль чат-ботов в построении эффективных коммуникаций // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 4-3(55). С. 33–37. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-3-33-37>
- Латур Б. Об интеробъективности // Социологическое обозрение. 2007. № 6(2). С. 79–96.
- Линде А.Н. Проблема отношения гуманистического и технологического направлений в теории социально-политической коммуникации // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2017. № 2. С. 82–98.
- Срничек Н. Капитализм платформ. М.: ГУ ВШЭ, 2019. 128 с.
- Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / под ред. Д.С. Мартыанова. СПб.: ЭлекСис, 2019. 312 с.
- Федорченко С.Н. Значение искусственного интеллекта для политического режима России: проблемы легитимности, информационной безопасности и «Мягкой силы» // Вестник Московского гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. 2020. № 1. С. 41–53.
- Adamopoulou E., Moussiades L. Chatbots: History, technology, and applications // Machine Learning with Applications. 2020. Vol. 2. P. 100–106. <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
- Androutopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36. P. 358–367. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.10.001>
- Chalmers D.J. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. N. Y.: W.W. Norton & Company, 2022.
- Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media / ed. by S. Woolley and P. Howard. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- DeCicco R., Silva S.C., Alparone F.R. Millennials' attitude toward chatbots: an experimental study in a social relationship perspective // International Journal of Retail & Distribution Management. Vol. 48(11). 2020. P. 1213–1233. <https://doi.org/10.1108/IJRDM-12-2019-0406>
- Ferrara E., Varol O., Davis C., Menczer F., Flammini A. The rise of social bots // Communications of the ACM. 2016. Vol. 59, no. 7. P. 96–104.
- Folstad A., Brandtzaeg P.B. Users' experiences with chatbots: findings from a questionnaire study // Quality and User Experience. 2020. Vol. 5, no. 3. <https://doi.org/10.1007/s41233-020-00033-2>

- Gumus N., Cark O. The effect of customers' attitudes towards chatbots on their experience and behavioral intention in Turkey // *Interdisciplinary Description of Complex Systems*. 2021. Vol. 19, no. 3. P. 420–436.
- Hughes J. *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. N. Y.: Basic Books, 2004.
- Powell J. Trust Me, I'm a Chatbot: How Artificial Intelligence in Health Care Fails the Turing Test // *Journal of Medical Internet Research*. 2019. Vol. 21, no. 10. P. e16222.

References

- Adamopoulou, E., & Moussiades, L. (2020). Chatbots: History, technology, and applications. *Machine Learning with Applications*, 2, 100-106. <https://doi.org/10.1016/j.mlwa.2020.100006>
- Androutsopoulou, A., Karacapilidis, N., Loukis, E., & Charalabidis, Y. (2019). Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots. *Government Information Quarterly*, 36, 358–367. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2018.10.001>
- Baeva, L.V. (2018). Escapism in digital society: from hikikomori to “groups of death”. *Values and meanings*, 2(54), 53–68. (In Russian)
- Bresler, M.G. (2020). *Ontology of network being*. Ufa: UGNTU. (In Russian).
- Bykov, I.A. (2020). Artificial intelligence as a source of political judgments. *Journal of political studies*, 4(2), 23–33. (In Russian).
- Chalmers, D.J. (2022). *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. N. Y.: W.W. Norton & Company.
- DeCicco, R., Silva, S.C., & Alparone, F.R. (2020). Millennials' attitude toward chatbots: an experimental study in a social relationship perspective. *International Journal of Retail & Distribution Management*, 48(11), 1213–1233. <https://doi.org/10.1108/IJRDM-12-2019-0406>
- Efremenko, D.V. (2012). Technology in politics: from megapower to nanobots et vice versa. *Politex: Political Expertise*, 4, 46–63. (In Russian).
- Erofeeva, M.A. (2015). Actors-network theory and problem of social action. *Sociology of power*, 27(1), 17–33. (In Russian).
- Fedorchenko, S.N. (2020). The importance of AI for political regime in Russia: problems of legitimacy, information security and soft power. *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 1, 41–53. (In Russian).
- Folstad, A., & Brandtzaeg, P.B. (2020). Users' experiences with chatbots: findings from a questionnaire study. *Quality and User Experience*, 5(3), <https://doi.org/10.1007/s41233-020-00033-2>
- Gavra, D.P. (2011). *Basics of communication theory*. St.Petersburg: Piter. (In Russian).
- Grishin, N.V. (2021). Reinforcement theory and study of the impact of internet technologies on political participation of modern youth. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 47–59. (In Russian).
- Gumus, N., Cark, O. (2021). The effect of customers' attitudes towards chatbots on their experience and behavioral intention in Turkey. *Interdisciplinary Description of Complex Systems*, 19(3), 420–436.
- Hughes, J. (2004). *Citizen Cyborg: Why Democratic Societies Must Respond to the Redesigned Human of the Future*. N. Y.: Basic Books.
- Isaev, I.A. (2018). Technology power: sources of technocracy. *History and Law Problems: New Recurs*, 4, 143-153. (In Russian).
- Ivanov, A.D. (2015). The robotic journalism and the first algorithms on service of editions of the international mass media. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 2, 32–40. (In Russian).
- Kokoshin, A.A. (2009). *Technocracy, technocrats and neotechnocrats*. M.: URSS. (In Russian).

- Kulikova, O.M., Suvorova, S.D. (2021). Role of chatbots in effective communication. *International journal of humanitarian and hard sciences*, (4–3), 33–37. (In Russian).
- Latour, B. (2007). On interobjectivity. *Sociological review*, 6(2), 79–96. (In Russian). [Latour, B. (1996). On interobjectivity. *Mind, Culture, and Activity*, 3(4), 228–245.]
- Linde, A.N. (2017). The problem of relation between humanistic and technological schools in the theory of social-political communication. *Communication. Media. Design*, (2), 82–98. (In Russian).
- Martyanov, D.S. (Ed.). (2019). *Manageability and discourse of virtual communities in conditions of post-truth politics*. St Petersburg: ElecSys. (In Russian).
- Powell, J. (2019). Trust me, I'm a chatbot: How artificial intelligence in health care fails the turing test. *Journal of Medical Internet Research*, 21(10), e16222. <https://www.jmir.org/2019/10/e16222/>
- Sidorov, V.A. (Ed.). (2019). *Communicative aggression in XXI*. St. Petersburg: Aleteya. (In Russian).
- Smorgunov, L.V. (Ed.). (2021). *Outsourcing of political judgments: problems of communication in digital platforms*. Moscow: Rosspen. (In Russian).
- Srnichek, N. (2016). *Platform Capitalism*. N. Y.: Polity.
- Volodenkov, S.N., & Fedorchenko, S.N. (2021). Subjectness of digital communication in the context of technological evolution of the Internet: features and transformation scenarios. *Political science (RU)*, 3, 37–53. (In Russian). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.03.02>
- Woolley, S., & Howard, P. (Eds.). (2019). *Computational Propaganda: Political Parties, Politicians, and Political Manipulation on Social Media*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторах:

Быков Илья Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью в политике и государственного управления Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: i.bykov@sbpu.ru) (ORCID: 0000-0001-8462-5320)

Курушкин Сергей Васильевич — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: s.kurushkin@sbpu.ru) (ORCID: 0000-0001-6154-6988)

About the authors:

Ilya A. Bykov — Doctor in Political Science, Professor of the Department of Public Relations in Politics and Public Administration in Saint Petersburg State University (e-mail: i.bykov@sbpu.ru) (ORCID: 0000-0001-8462-5320)

Sergey V. Kurushkin — PhD in Political Science, Lecturer of the Department of Theory of Journalism and Mass Communications in Saint Petersburg State University (e-mail: s.kurushkin@sbpu.ru) (ORCID: 0000-0001-6154-6988)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446

Научная статья / Research article

От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России

Н.А. Баранов

*Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

 nicbar@mail.ru

Аннотация. Анализируется опыт использования цифровых технологий в выборном процессе. Акцент сделан на практике применения электронного голосования и дистанционного электронного голосования в Российской Федерации. Применены сравнительный, нормативный и функциональный методы исследования. Использование цифровых технологий, по мнению автора, влечет за собой проблемы правового, психологического и технического характера. Основное внимание уделено вопросам обеспечения тайны голосования и подконтрольности процесса учета голосов, которые не могут быть надежно обеспечены. Технологии избирательного блокчейна, по мнению специалистов, не решает проблему достижения прозрачности и анонимности интернет-голосования, поэтому существующие технологии пока не позволяют гарантировать бесспорность выборов и отсутствие манипуляций. В то же время преимущества и возможности цифровых технологий настолько очевидны, что, несмотря на существующие проблемы, они все шире используются в избирательном процессе. На основании проведенного анализа сделан вывод о возможности легитимации применения цифровых технологий на выборах по мере признания избирателями достоинств дистанционного электронного голосования и других цифровых новшеств в избирательном процессе, а также по мере решения технологических проблем.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, избирательный блокчейн, интернет-голосование, цифровые избирательные участки, электронное голосование

Для цитирования: Баранов Н.А. От недоверия — к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий на примере России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>

© Баранов Н.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

From Distrust to Legitimization: The Difficult Path of Digital Electoral Technologies, an Evidence from Russia

Nikolay A. Baranov

Northwest Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation

 nicbar@mail.ru

Abstract. There are numerous issues surrounding digital technologies in elections: from ensuring the secrecy of voting to controlling the process of vote counting. The technology of the electoral blockchain, according to experts, does not solve the problem of achieving transparency and anonymity of online voting, therefore, existing technologies do not yet allow us to guarantee the indisputability of elections and avoid manipulation. At the same time, the advantages and opportunities brought by digital technologies are so obvious that, despite the existing problems, they are increasingly being used in elections. The author uses the comparative, normative and functional methods to analyze the usage of digital technologies in the electoral process, emphasizing the practice of electronic voting and remote electronic voting in the Russian Federation. The use of digital technologies, according to the author, entails legal, psychological and technical problems. However, the author concludes that it is possible to legitimize the use of digital technologies in elections if voters recognize the advantages of remote electronic voting and other digital innovations in the electoral process, and provided technological problems are solved.

Keywords: remote electronic voting, electoral blockchain, internet voting, digital polling stations, electronic voting

For citation: Baranov, N.A. (2022). From distrust to legitimization: The difficult path of digital electoral technologies, an evidence from Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 433–446. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446>

Введение

Сфера применения современных информационных технологий постоянно расширяется, включая в свою орбиту новые области применения. Вторгаясь в политическую сферу, они становятся объектом пристального внимания со стороны как политических субъектов, так и рядовых граждан ввиду высокой значимости в вопросах принятия решений или избрания органов власти.

С недавнего времени цифровые технологии широко используются в избирательном процессе для формирования электронных списков избирателей, подсчета голосов на выборах, передачи результатов голосования с избирательных участков, электронного подписания гражданских инициатив, списков поддержки кандидатов или политической партии. Геоинформационные системы применяются для делимитации границ и установления контроля за ходом выборного процесса и подсчета голосов. Сфера применения цифровых технологий включает биометрию, блокчейн, облачные технологии, вычисления, искусственный интеллект. Все перечисленные аспекты применения цифровых технологий актуальны при организации и проведении выборов в Российской Федерации, что сви-

детельствует о технологически продвинутом характере отечественного избирательного процесса, который, тем не менее, не гарантирует качество демократии, а лишь создает более широкие возможности для ее реализации. Как отмечают некоторые исследователи, электронное голосование дает преимущества, но также вызывает проблемы и конфликты [Baudier, Kondrateva, Ammi, Seulliet 2021].

Так, применение новых информационных технологий влечет за собой нерешенные проблемы правового характера, связанные с необходимостью создания нормативной базы, определяющей права, обязанности, компетенцию вовлеченных лиц, а также технического свойства, заключающиеся в доступе к конфиденциальной информации узкого круга специалистов, способных настроить и обеспечить функционирование цифровых устройств и программного обеспечения, контроль за деятельностью которых проблематичен.

В российском академическом дискурсе достаточно широко представлены исследования по перечисленным актуальным проблемам. Так правовым аспектам электронного голосования посвятили свои работы Я.В. Антонов [Антонов 2016], А.А. Головина [Головина 2019], А.В. Григорьев¹, Д.В. Котикова [Котикова 2020], М.М. Курячая [Курячая 2017], М.А. Потужняя [Потужняя 2019], Т.Я. Хабриева [Хабриева 2018] и другие отечественные исследователи. Вопросы технического характера при проведении выборов находятся в центре внимания Е.В. Былинкиной, С.Э. Либанова [Либанова, Былинкина 2021], М.С. Саликова, С.Э. Несмеянова, А.Н. Мочалова [Саликов, Несмеянова, Мочалов 2019], Д.Л. Кутейникова [Кутейников 2019] и других авторов. Российские исследователи в своих работах обращаются и к мировой практике: так, например, в книге «Выборы в мире: электронное голосование» авторы акцентируют внимание на проблемах, актуальность которых признана международным сообществом: «конфликт двух общепризнанных принципов организации выборов — обеспечение тайны голосования и подконтрольность процесса учета голоса, обеспечивающего реализацию принципа подлинности выборов» [Выборы в мире... 2020: 6].

В работах зарубежных авторов значительное внимание уделяется новым технологиям в избирательном процессе. Так, турецкие авторы Рухи Таш и Омер Танривер [Taş, Tanrıöver 2020], пакистанские исследователи Кашиф Хан, Джунаид Аршад, Мухаммад Хан [Khan, Arshad, Khan 2018], польские эксперты Станислав Баранский, Юлиан Шиманский, Анджей Собецкий пишут о возможностях блокчейна, отмечая его возможности и обращая внимание на человеческий фактор.

Целью данного исследования является характеристика электронного голосования применительно к России с акцентом на проблемы дистанционного электронного голосования.

Методологической основой исследования служит сравнительный метод в целях анализа зарубежных институтов и практик, нормативный — для характери-

---

¹ Григорьев А.В. Конституционно-правовое регулирование использования современных информационно-коммуникационных технологий при осуществлении институтов прямой демократии в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 224 с.

стики правовой базы электронного голосования и функциональный, связанный с наделением полномочий институтов, создаваемых для проведения дистанционного электронного голосования.

Электронное голосование на выборах

Несмотря на сложности правового, технического и психологического характера при проведении голосования, тем не менее научно-технический прогресс не остановить. Поэтому, хотя и присутствуют проблемы в области достоверности результатов выборов, электронное голосование стало привычным атрибутом нашей жизни. В разных формах оно используется в странах Латинской Америки, в США, в европейских государствах, а также в странах Африки и Азии.

Швейцарский независимый юридический консультант в сфере выборов Ардита Маурер называет цифровые решения в избирательном процессе «новыми технологиями», включающими оцифровку документов и процедур, использование биометрии, блокчейна, облачных вычислений или Интернета вещей². Оцифрованные процессы включают электронную регистрацию, электронную идентификацию избирателей (электронный бюллетень), электронное голосование (как на машинах для голосования на избирательных участках, так и через интернет), электронный подсчет (программы, которые регистрируют и подсчитывают результаты, а также могут распределять места), программы, которые устанавливают статистику и получение любой другой информации о выборах, электронную передачу предварительных или окончательных результатов от избирательных участков в вышестоящие избирательные комиссии. В книге «Цифровые технологии на выборах: проблемы, уроки и перспективы» А. Маурер обращает внимание на безопасность цифровых технологий в выборном процессе и честности выборов [Maurer 2020].

Наиболее актуальными вопросами зарубежные специалисты чаще всего называют кибербезопасность на выборах, проверку голосования, цифровую идентификацию, процедуры на случай непредвиденных обстоятельств при прерывании связи.

В документах Совета Европы под электронным голосованием понимается использование электронных средств для подачи и/или подсчета голосов. Электронное голосование включает такие системы, как машины для голосования, работающие по технологии «прямой электронной записи», сканеры для бюллетеней, цифровые ручки и системы голосования в интернете³. В российских официальных документах дается аналогичное определение электронному

² Maurer A.D. *New Technologies in the Electoral Cycle*. 2020. URL: <https://rm.coe.int/electoralprocess-adrizamaurer-rev202003/1680a07b3b> (дата обращения: 23.03.2022).

³ Recommendation CM/Rec(2017)5 of the Committee of Ministers to member States on standards for e-voting (Adopted by the Committee of Ministers on 14 June 2017 at the 1289th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680726f6f (дата обращения: 24.03.2022).

голосованию с акцентом на использование электронных бюллетеней и применение комплексов средств автоматизации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Выборы»⁴.

Богатый опыт электронного голосования существует в Бразилии, где данная практика получила правовое оформление в 2005 г. На протяжении этого времени электронное голосование совершенствовалось и теперь оно проводится следующим образом: осуществляется идентификация избирателей посредством проверки биометрических данных, после чего избиратель вводит номер кандидата, осуществляя свой выбор, при этом на экране устройства для голосования выводится имя и фотография кандидата, а также наименование политической партии, и в заключение избиратель подтверждает правильность своего выбора [Старостина, Старостенко 2018: 23–27]. Автоматизация избирательного процесса наряду с удобством содержит в себе недостатки, связанные с внешними угрозами, возможностью проведения хакерских атак, недостатком транспарентности при подсчете голосов и т. д. Все это дало повод в президентской кампании 2018 г. кандидатам высказать свои сомнения относительно честности подсчета голосов и, соответственно, результатов выборов⁵.

Интересен опыт Эстонии, которая, как написано на правительственном сайте электронной Эстонии, «является самым цифровым обществом в мире»⁶. На этом сайте граждане Эстонии получили доступ к ряду электронных сервисов. Высокий навык использования цифровых технологий в процессе реализации политических прав и коммуникации власти и общества облегчает внедрение цифровых технологий в стране. Электронное голосование, включая голосование через интернет, впервые было проведено в 2005 г. В истории дистанционного электронного голосования сохранится факт: эстонцы впервые в Европе голосовали по интернету на муниципальных выборах 16 октября 2005 года. Чаще всего к ДЭГ прибегают эстонцы, находящиеся за границей (на сайте указано, что эстонцы проживают в 110 странах мира). Процедура электронного голосования включает в себя выборы в местные органы власти, депутатов национального парламента — Рийгикогу, а также депутатов Европейского парламента. Процесс электронного голосования основывается на использовании идентификационной карты, на которой хранится информация о ее владельце. Идентификационная карта используется как при электронном голосовании, так и при дистанционном электронном голосовании. Отличительной особенностью интернет-голосования в Эстонии является возможность граждан проголосовать повторно в рамках

⁴ Постановление ЦИК России от 27.08.2014 № 248/1529-6 «О внесении изменения в Порядок электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации, утвержденный постановлением Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 7 сентября 2011 года № 31/276-6». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168957/ (дата обращения: 24.03.2022).

⁵ Brazil's radical presidential frontrunner is questioning its voting machines — especially if he loses. URL: <https://qz.com/1416512/bolsonaro-questions-brazils-voting-machines-especially-if-he-loses> (дата обращения: 23.03.2022).

⁶ E-Estonia. URL: <https://e-estonia.com/> (дата обращения: 24.03.2022).

отведенного для голосования времени. О популярности интернет-голосования и доверии эстонских граждан к такой форме подачи голосов свидетельствует тот факт, что на выборах в 2019 г. дистанционным электронным голосованием воспользовались 43,8 % эстонских избирателей, принявших участие в выборах, по сравнению с 1,85 % в 2005-м [Выборы в мире... 2020: 152].

Российскими исследователями предлагается различная классификация видов электронного голосования. Г.У. Садекова и Е.А. Токарева предлагают различать средства электронного подсчета голосов (КОИБы), средства электронного голосования, голосование с помощью терминалов, установленных на избирательных участках (КЭГи), дистанционное голосование при помощи сети Интернет и при помощи мобильной связи и смартфонов [Садекова, Токарева 2011: 28–32]. А Е.В. Былинкина, основываясь на российском опыте, выделяет два вида в зависимости от применения технического средства либо программного обеспечения:

- 1) электронное голосование в контролируемой среде, включающее стационарное голосование в помещении для голосования, и удаленное (выездное) голосование вне помещения для голосования, но под контролем представителей избирательных комиссий с использованием переносных электронных терминалов с прямой записью;
- 2) электронное голосование в неконтролируемой среде — дистанционное электронное голосование (ДЭГ) с использованием технических средств в условиях, не контролируемых представителями избирательных комиссий [Былинкина 2021: 6–7].

Электронное голосование на избирательных участках проводится с применением комплексов обработки избирательных бюллетеней (КОИБ), комплексов электронного голосования (КЭГ) и технических средств с электронными бюллетенями на цифровых избирательных участках (ЦИУ).

Технология сканирования бюллетеней с помощью КОИБов применяется с 2001 г. Преимуществами КОИБов являются высокое доверие к результатам электронного голосования, высокая скорость получения результатов выборов, отсутствие недействительных голосов избирателей. В качестве недостатков специалисты отмечают непрозрачность работы оборудования для электронного голосования, высокие затраты на обслуживание комплексов, а также их быстрое устаревание. КОИБами оснащены более 10 тысяч избирательных участков в 82 российских регионах. По мнению российских исследователей, «использование КОИБов современных моделей на выборах в России в 2010–2020 гг. было эффективным инструментом для обеспечения легитимности результатов выборов» [Федоров, Ежов 2021: 152].

Менее распространенными в России являются комплексы электронного голосования (КЭГ), оборудованные устройствами сенсорного голосования, которые применяются с 2006 г. На президентских выборах 2018 г. такими устройствами было оснащено 806 избирательных участков в 14 регионах страны, как правило, в административных центрах субъектов федерации. Преимуществами КЭГ являются высокая точность и скорость получения итогов голосования, автоматизация подсчета голосов избирателей, а также верифицируемый алгоритм

действий членов избирательной комиссии, не ставящий под сомнение их деятельность. Недостатки КЭГ связаны с проблемой проверки итогов голосования и идентификации избирателя [Федоров, Ежов 2021: 153].

Цифровые избирательные участки появились в России в 2019 г. и впервые были применены на довыборах депутатов Государственной Думы по одномандатным округам и на выборах глав регионов. Здесь применяется такой же программно-технический комплекс, что и при дистанционном электронном голосовании. Преимуществами такой формы голосования является возможность принять участие на выборах в своем регионе, находясь за его пределами, что расширяет границы электоральной базы, вовлеченной в избирательный процесс. Недостатками электронного голосования на ЦИУ являются проблема идентификации и аутентификации избирателей, что может нарушить принцип тайного голосования, риск хакерских атак, недостаточная открытость для общественного контроля и сложности в обеспечении наблюдения, а также отсутствие транспарентности.

Дистанционное электронное голосование: проблемы и перспективы

Дистанционное электронное голосование в России проводится на «Едином портале государственных и муниципальных услуг» и на региональных порталах «Госуслуг». Экспериментальное дистанционное электронное голосование, не имеющее юридически обязательного значения, впервые было проведено в 2008 г. на выборах Собрания депутатов г. Новомосковска Тульской области, в 2009 г. — во Владимирской, Волгоградской, Вологодской и Томской областях, Ханты–Мансийском автономном округе, а в последующем — в Нижегородской области и в Москве.

В соответствии с российскими нормативно-правовыми актами дистанционное электронное голосование — это голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения, а электронный бюллетень — это бюллетень, подготовленный программно-техническими средствами в электронном виде, применяемый при проведении электронного голосования.

Специалисты выявили три группы проблем дистанционного электронного голосования: технические, связанные с уязвимостью программного обеспечения, психологические, обусловленные недоверием избирателей к ДЭГ и затруднением с голосованием у возрастных граждан, и правовые в связи с отсутствием избирательного законодательства, регулирующего ДЭГ. Последняя проблема была исключена после принятия соответствующих документов нормативно-правового характера.

В целях формирования нормативно-правовой базы 30 октября 2019 г. постановлением ЦИК РФ одобрены Основные направления развития Государственной автоматизированной системы (ГАС) Российской Федерации «Выборы» до 2022 г. В документе обозначены цели развития ГАС «Выборы»: «совершенствование

избирательного (референдумного) процесса Российской Федерации за счет его цифровизации, достижение нового уровня прозрачности и открытости, доступности избирательных (референдумных) процедур и действий для его участников за счет предоставления цифровых сервисов, и в том числе возможности голосования по месту нахождения, обеспечения полноты, актуальности и достоверности сведений, используемых в избирательном (референдумном) процессе, эффективности деятельности избирательных комиссий (комиссий референдума) за счет применения цифровых технологий и платформенных решений на основе преимущественно отечественных разработок, обеспечивающих безопасность и устойчивость их функционирования»⁷.

Среди задач отмечаются обеспечение предоставления цифровых сервисов для участников избирательного процесса, организация деятельности избирательных комиссий на основе цифровых данных об участниках избирательного процесса, создание цифровой платформы, предоставляющей техническую возможность проведения голосования на цифровых участках.

Несмотря на то, что в данном документе были обозначены задачи и механизмы, связанные с электронным голосованием в помещении для голосования, в то же время в нем содержатся положения, направленные на развитие механизмов ДЭГ. Однако новым шагом в развитии электронного голосования в Российской Федерации стало дистанционное электронное голосование, которое с 2019 г. проводилось четырежды — три раза на выборах, один раз при голосовании за поправки в Конституцию РФ (в 2020 г.).

Впервые в нашей стране ДЭГ применялось 8 сентября 2019 г. на выборах депутатов в Московскую городскую думу, и этот опыт был признан успешным, так как и организаторы выборов, и избиратели увидели в таком электронном голосовании ряд неоспоримых преимуществ — удобство, простота и экономия времени. При общей городской явке 21,77 % явка избирателей, зарегистрированных для участия в ДЭГ, составила 87,37 % (9810 избирателей из 11228 зарегистрированных) [Федоров 2019: 41]. Дистанционное электронное голосование проводилось на основании федерального закона «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»⁸. К этой форме голосования обратились в условиях пандемии — 1 июля 2020 г. в Москве и Нижегородской области на общероссийском голосовании по одобрению изменений в Конституцию Российской Федерации. В Москве правом проголосовать дистанционно уже воспользовались более 1 млн человек.

⁷ Постановление ЦИК России от 30.10.2019 № 231/1727-7 (ред. от 07.08.2020) «Об основных направлениях развития государственной автоматизированной системы Российской Федерации „Выборы“ до 2022 года» // Кодификация РФ. URL: https://rulings.ru/acts/Postanovlenie-TSIK-Rossii-ot-30.10.2019-N-231_1727-7/ (дата обращения: 24.03.2022).

⁸ Федеральный закон «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва» от 29.05.2019 № 103-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325552/ (дата обращения: 24.03.2022).

На федеральных выборах с юридически обязательным значением ДЭГ проводилось 13 сентября 2020 г. в течение трех дней, включая основной день голосования, в Курской и Ярославской областях, а также в Москве. Явка при ДЭГ в Курской области составила 90,59 %, а в Ярославской области 91,54 % [Федоров, Ежов 2021: 157].

На выборах 19 сентября 2021 г. по решению ЦИК ДЭГ проводилось в Москве, Курской, Нижегородской, Ярославской, Мурманской и Ростовской областях и Севастополе. Для проведения ДЭГ было принято Постановление ЦИК России от 20.07.2021 № 26/225-8 (ред. от 03.09.2021) «О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года»⁹.

Для подготовки и проведения дистанционного электронного голосования решением ЦИК России была сформирована территориальная избирательная комиссия дистанционного электронного голосования (ТИК ДЭГ) в количестве 12 членов комиссии с правом решающего голоса на основании предложений политических партий, выдвинувших федеральные списки кандидатов, допущенных к распределению депутатских мандатов в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, предложений других политических партий, Общественной палаты Российской Федерации и общественных палат субъектов Российской Федерации, в которых проводится дистанционное электронное голосование. Председатель ТИК ДЭГ назначен ЦИК России, заместитель председателя и секретарь комиссии избирались на ее первом заседании из числа членов ТИК ДЭГ с правом решающего голоса тайным голосованием.

По результатам ДЭГ на выборах 19 сентября 2021 г. член ТИК ДЭГ А.С. Керимханов выступил с особым мнением, в котором указал на техническое несовершенство программно-технического комплекса ДЭГ, в котором не соблюдены принципы тайного голосования и свободы выборов¹⁰.

По данным на 2021 г. на государственном уровне ДЭГ применяется¹¹: в Эстонии (на выборах всех уровней), в Армении (отдельные категории зарубежных армянских избирателей могут принимать участие в интернет-голосовании при проведении парламентских выборов), в Новой Зеландии (избиратели, находящиеся за границей, могут принимать участие в интернет-голосовании на парламентских выборах), во Франции (на выборах в законодательные органы власти могут проголосовать зарубежные избиратели), в Панаме (для отдельных категорий зарубежных панамских избирателей). На муниципальных выборах ДЭГ применяется в Канаде, Мексике и некоторых других странах. Имели опыт проведе-

⁹ Постановление Центральной избирательной комиссии РФ от 20 июля 2021 г. № 26/225-8 «О Порядке дистанционного электронного голосования на выборах, назначенных на 19 сентября 2021 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401480714/> (дата обращения: 24.03.2022).

¹⁰ Дистанционное электронное голосование // Официальный сайт ЦИК РФ. URL: <http://cikrf.ru/analog/ediny-den-golosovaniya-2021/distsionnoe-elektronnoe-golosovanie/> (дата обращения: 23.03.2022).

¹¹ Опыт проведения электронного голосования в мире // РИА-Новости. 25.06.2020. URL: <https://ria.ru/20200625/1573357895.html> (дата обращения: 23.03.2022).

ния ДЭГ и отказались от него Австралия, Великобритания, Индия, Нидерланды, Португалия, Финляндия.

В декабре 2017 г. Рабочая группа Министерства юстиции Финляндии обнародовала итоговый доклад¹², в котором отмечалось, что технически система онлайн-голосования осуществима, однако существующие технологии пока не позволяют гарантировать бесспорность выборов и отсутствие манипуляций, обеспечение тайны голосования, а также возможность избирателя удостовериться в том, что его электоральный интернет-голос правильно учтен.

Рабочая группа пришла к выводу, что онлайн-голосование не следует вводить на всеобщих выборах, поскольку риски превышают преимущества. Поэтому можно констатировать, что на настоящий момент, несмотря на удобства данной формы голосования, ни в одном государстве не созданы такие технологии и возможности, которые бы не вызывали вопросов у специалистов и экспертов.

Среди нерешенных проблем, с которыми сталкиваются граждане при интернет-голосовании, — это невозможность обеспечить секретность среды голосования и анонимность голоса после процедуры голосования. В дистанционном электронном голосовании применяется технология избирательного блокчейна, которая «предполагает, что голосование осуществляется анонимно с использованием каждым из голосующих виртуального аватара. Любой зарегистрированный в системе пользователь может реализовать предоставленное ему активное избирательное право независимо от места нахождения, однако, сделав выбор, не может поменять своего волеизъявления... Предполагается, что использование технологии избирательного блокчейна практически исключит возможность фальсификации результатов выборов» [Алексеев, Абрамов 2020: 11]. Однако французский аналитик Шанталь Энгехард полагает, что технология блокчейна не решает проблему достижения прозрачности и анонимности интернет-голосования. С его точки зрения, уязвимости возникают из-за сложности информационных технологий и неопределенности требований кибербезопасности [Enguehard 2019].

Исследователи отмечают, что у ДЭГ имеются бесспорные преимущества, так как этот способ наиболее удобен для молодых избирателей и продвинутых интернет-пользователей, минимизирует время, затраченное на голосование, и в эпоху цифровизации гармонично вписывается в стратегию развития российского общества. С точки зрения организации выборов — это повышение электоральной активности граждан [Гонтарь 2019; Котикова 2020], что является важной характеристикой демократического процесса. Динамика доверия к ДЭГ в России продемонстрирована цифрами участия в такой форме голосования. Однако общий вывод на этом основании сделать сложно, так как ДЭГ проводится лишь в отдельных субъектах. При освоении технологии в дальнейшем возможны

---

¹² *Nettiäänestyksen edellytykset Suomessa. Nettiäänestystyöryhmän loppuraportti.* Oikeusministeriö, Helsinki 2017. P. 39–40. URL: https://api.hankeikkuna.fi/asiakirjat/281c16de-87a0-4d48-a654-527ea93aec70/40e845f9-de05-4127-8ff5-7f052c90dc1c/RAPORTTI_20171219234502.pdf (дата обращения: 23.03.2022).

существенные снижения затрат на проведение голосования. Дистанционное электронное голосование повышает доступ к активному избирательному праву, удобно для избирателей с ограниченными возможностями, а также для тех, кто проживает отдаленно от избирательных участков.

Вместе с тем, по мнению некоторых российских исследователей (В.И. Федоров, Д.А. Ежов), «необходимо использовать смешанную форму голосования, сочетающую традиционное „бумажное голосование“ и электронное голосование. Дистанционное электронное голосование, являясь новой эффективной формой коммуникации власти и общества, должно проводиться досрочно, расширяя круг потенциальных избирателей» [Федоров, Ежов 2021: 158]. Однако тезис о досрочности голосования вызывает сомнение в силу недоверия ряда избирателей к работе избирательных комиссий. Российские политологи Р.А. Алексеев и А.В. Абрамов также подчеркивают необходимость сохранения многоканальности голосования: «Интернет-голосование не может и не должно полностью вытеснить традиционное волеизъявление, осуществляемое с помощью бумажных бюллетеней, но должно использоваться параллельно с ним в качестве альтернативы теми избирателями, которые в силу занятости, ограничений в передвижении в связи с состоянием здоровья, нахождения за границей либо просто нежелания посещать избирательные участки предпочитают проголосовать из дома, с работы, с дачного участка и т. п.» [Алексеев, Абрамов 2020: 19].

Заключение

Продвижение инновационных технологий во все сферы жизни, включая политическую, сложно остановить. Однако возможности использования технологических преимуществ в продвижении демократических практик сопровождаются расширением несанкционированного вмешательства в демократические процедуры, в частности, в выборном процессе, что приводит к разочарованию граждан результатами волеизъявления. Технология блокчейна, используемая в избирательном процессе и предназначенная для гарантии подлинности личности, обеспечения прозрачности и защиты конфиденциальной информации, тем не менее подвергается сомнению из-за централизации проекта. Отсутствие возможности избирателю проконтролировать свое голосование, а со стороны ответственности проверить весь процесс и результаты выборов не позволяет критически настроенным гражданам быть полностью уверенными в тайне голосования и подконтрольности процесса учета голоса.

В то же время следует отметить, что ни одна из форм голосования не является совершенной. Для повышения доверия к цифровым форматам необходимо совершенствовать цифровую грамотность населения, создавать условия для вовлечения граждан в технологический процесс, атмосферу сотрудничества всех участников избирательного процесса, включая избирателей.

Таким образом, новые технологии завоевывают все большее пространство для своего распространения. Став часть выборного процесса, они будут толь-

ко совершенствоваться, создавая новые технологические возможности для реализации политических прав гражданами. Общество, как правило, с недоверием относится к инновациям до тех пор, пока они не показали свою практичность, удобство и эффективность. Так же обстоит дело и с цифровыми технологиями в выборном процессе: их признание, а следовательно, легитимация произойдет, когда граждане убедятся в том, что достоинства инновационных процедур преобладают над недостатками.

Поступила в редакцию / Received: 20.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 05.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Алексеев Р.А., Абрамов А.В.* Проблемы и перспективы применения электронного голосования и технологии избирательного блокчейна в России и за рубежом // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2020. № 1. С. 9–21.
- Антонов Я.В.* Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // *Российский юридический журнал*. 2016. № 5. С. 101–113.
- Былинкина Е.В.* Понятие и виды электронного голосования в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ // *Российское право: образование, практика, наука*. 2021. № 5. С. 4–9.
- Выборы в мире: электронное голосование / И.Б. Борисов, А.Г. Головин, А.В. Игнатов; под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2020. 218 с.*
- Головина А.А.* Электронное голосование и трансформация права в современную цифровую эпоху // *Избирательное законодательство и практика*. 2019. № 2. С. 20–23.
- Гонтарь С.Г.* Электронное голосование — новая возможность участия граждан в формировании органов власти // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2019. № 4. С. 29–33. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-4-29-33>
- Котикова Д.В.* Правовое регулирование дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской думы: проблемы, их решение и перспективы совершенствования // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2020. № 5. С. 22–28.
- Курячая М.М.* Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // *Конституционное и муниципальное право*. 2017. № 11. С. 31–35.
- Кутейников Д.Л.* Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях // *Актуальные проблемы российского права*. 2019. № 9. С. 41–52.
- Либанова С.Э., Былинкина Е.В.* Технология блокчейн: возможности и риски применения в избирательном процессе // *Конституционное и муниципальное право*. 2021. № 2. С. 34–38. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-2-34-38>
- Потужняя М.А.* Электронное голосование: перспективы правовой регламентации в Российской Федерации // *Гражданин. Выборы. Власть*. 2019. № 3. С. 145–153.
- Садекова Г.У., Токарева Е.А.* Перспективы развития «электронного голосования»: совершенствование законодательства в условиях сближения международного и внутригосударственного права // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2011. № 4. С. 28–32.

- Саликов М.С., Несмеянова С.Э., Мочалов А.Н. и др. Права человека в сети Интернет: коллективная монография. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. 148 с.
- Старостина И.А., Старостенко М.В. Выборы федерального Президента Бразилии 2018 года: новые технологии в действии // Избирательное законодательство и практика. 2018. № 4. С. 23–27.
- Федоров В.И. Дистанционное электронное голосование и явка избирателей: опыт Эстонии и Москвы // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 4. С. 37–42.
- Федоров В.И., Ежов Д.А. Эволюция электронного голосования в России: проблемы классификации и периодизации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 23.05.2022).
- Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
- Baranski S., Szymanski Ju., Sobiecki A. Practical I-Voting on Stellar Blockchain // MDPI AG. October 2020. URL: <https://core.ac.uk/reader/355098322> (accessed: 23.03.2022).
- Baudier P., Kondrateva G., Ammi Ch., Seulliet E. Peace engineering: The contribution of blockchain systems to the e-voting process // Technological Forecasting and Social Change. 2021. Vol. 162. January 2021, 120397. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120397>
- Enguehard C. Blockchain and Electronic Voting // OpenEdition. 2019. № 124. URL: <https://journals.openedition.org/terminal/4190?lang=en> (дата обращения: 23.03.2022).
- Khan K., Arshad J., Khan M. Secure digital voting system based on blockchain technology // IGI Global. 2018. May. URL: https://core.ac.uk/display/155779036?utm_source=pdf&utm_medium=banner&utm_campaign=pdf-decoration-v1 (accessed: 23.03.2022).
- Maurer A.D. Digital technologies in elections — Questions, lessons learned, perspectives. Strasbourg, Council of Europe, 2020. 62 p.
- Taş R., Tanrıöver Ö. A Systematic Review of Challenges and Opportunities of Blockchain for E-Voting // Symmetry. 2020. № 12(8). P. 1328. <https://doi.org/10.3390/sym12081328>

References

- Alekseyev, R.A., & Abramov, A.V. (2020). Problems and prospects of using electronic voting and blockchain technology in elections in Russia and abroad. *Citizen. Elections. Power*, 1, 9–21. (In Russian).
- Antonov, Ya.V. (2016). E-democracy and e-voting: Constitutional and legal dimension. *Russian Law Journal*, (5), 101–113. (In Russian).
- Baranski, S., Szymanski, Ju., & Sobiecki, A. (2020). Practical I-Voting on Stellar Blockchain. *MDPI AG*, October 2020. URL: <https://core.ac.uk/reader/355098322>
- Bylinkina, E.V. (2021). The Concept and Types of Electronic Voting in Russia and Abroad: A Comparative Legal Analysis. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (5), 4–10. https://doi.org/10.34076/2410_2709_2021_5_4 (In Russian).
- Borisov, I.B., Golovin, A.G., & Ignatov, A.V. (eds.) (2020). *Elections in the world: electronic voting*. Moscow: Russian Public Institute of Electoral Law. (In Russian).
- Baudier, P., Kondrateva, G., Ammi, Ch., & Seulliet, E. (2021). Peace engineering: The contribution of blockchain systems to the e-voting process. *Technological Forecasting and Social Change*, 162, 120397. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2020.120397>
- Golovina, A.A. (2019). Electronic voting and law transformation in the modern digital epoch. *Electoral legislation and practice*, (2), 20–23. (In Russian).
- Gontar, S.G. (2019). Electronic voting is a new opportunity for civil participation in the establishment of government authorities. *State power and local self-government*, (4), 29–33. <https://doi.org/10.18572/1813-1247-2019-4-29-3> (In Russian).

- Enguehard, C. (2019). Blockchain and Electronic Voting. *OpenEdition*, 124. Retrieved March 23, 2022 from <https://journals.openedition.org/terminal/4190?lang=en>.
- Fedorov, V.I. (2019). Distant electronic voting and voter turnout: Experience of Estonia and Moscow. *Electoral legislation and practice*, (4), 37–42. (In Russian).
- Fedorov, V.I., & Ezhov, D.A. (2021). Evolution of electronic voting in Russia: Problems of classification and periodization. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 1. Retrieved May 23, 2022, from: www.evestnik-mgou.ru.
- Khabrieva, T.Ya. (2018). Law before the challenges of digital reality. *Journal of Russian Law*, 9, 5–16. (In Russian).
- Khan, K., Arshad, J., & Khan, M. (2018). Secure digital voting system based on blockchain technology. *IGI Global*. Retrieved March 23, 2022 from https://core.ac.uk/display/155779036?utm_source=pdf&utm_medium=banner&utm_campaign=pdf-decoration-v1.
- Kotikova, D.V. (2020). Legal regulation of remote electronic voting in the elections of deputies of the Moscow City Duma: problems, their solution and prospects for improvement. *State power and local self-government*, (5), 22–28. (In Russian).
- Kuryachaya, M.M. (2017). Electronic voting as a stage of development of direct democracy. *Constitutional and municipal law*, (11), 31–35. (In Russian).
- Kuteynikov, D.L. (2019). Features of the application of technologies of distributed registries and block chains (blockchain) in popular voting. *Actual problems of Russian law*, (9), 41–52. (In Russian).
- Libanova, S.E., & Bylinkina, E.V. (2021). Blockchain technology: opportunities and risks of application in the electoral process. *Constitutional and municipal law*, (2), 34–38. (In Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-2-34-38>
- Maurer, A.D. (2020). *Digital technologies in elections — Questions, lessons learned, perspectives*. Strasbourg, Council of Europe.
- Potuzhnyaya, M.A. (2019). Electronic voting: prospects of legal regulation in the Russian Federation. *Citizen. Elections. Power*, (3), 145–153. (In Russian).
- Sadekova, G.U., & Tokareva, E.A. (2011). Prospects for the development of “electronic voting”: improving legislation in conditions of convergence of international and domestic law. *State power and local self-government*, (4), 28–32. (In Russian).
- Salikov, M.S., Nesmeyanova, S.E., Mochalov, A.N. et al. (2019). Human rights on the Internet: a collective monograph. Yekaterinburg: Publishing house of UMTS UPI, 148 p. (In Russian).
- Starostina, I.A., & Starostenko, M.V. (2018). Election of the Federal President of Brazil 2018: new technologies in action. *Electoral legislation and practice*, (4), 23–27. (In Russian).
- Taş, R., & Tanrıöver, Ö. (2020). A Systematic Review of Challenges and Opportunities of Blockchain for E-Voting. *Symmetry*, 12(8), 1328. <https://doi.org/10.3390/sym12081328>

Сведения об авторе:

Баранов Николай Алексеевич — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: nicbar@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3547-3644)

About the author:

Nikolay A. Baranov — Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations, Northwest Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (e-mail: nicbar@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3547-3644).

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-447-459

Научная статья / Research article

Феномен «цифрового доверия» и его влияние на становление цифрового правительства в России

С.Г. Чепелюк

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

 sergey.chepeliuk@yandex.ru

Аннотация. В условиях развития в России проекта цифрового правительства доверие к технологическим новшествам становится темой, характеризующей качество перемен и внедрения цифровых технологий в государственное управление. Цель исследования — определить значение фактора доверия со стороны граждан для успешной реализации концепции цифрового правительства и показать, насколько он учитывается при проведении соответствующих государственных технологических реформ. В ходе исследования был рассмотрен феномен «цифрового доверия», а также проведен контент-анализ основных государственных программных и аналитических документов по реализации концепции цифрового правительства на предмет отражения в них данного феномена. На основе проведенного исследования было описано влияние доверия на эффективность реализации возможностей цифрового правительства, выявлены основные принципы формирования доверия, такие как открытость системы цифрового правительства для граждан, безопасность и надежность электронных сервисов, выстраивание двусторонней коммуникации с гражданами. Хотя некоторые из данных принципов учитываются государственными органами при формировании цифрового и электронного правительства, однако на основе исследования можно сделать вывод об отсутствии внятной стратегии формирования «цифрового доверия» в российской политике, а также системы показателей уровня цифрового доверия и мер по его повышению. Данное обстоятельство, в свою очередь, может послужить серьезным барьером на пути цифровизации государственных услуг.

Ключевые слова: цифровое правительство, цифровое доверие, кибербезопасность, цифровые услуги, государственное управление

Для цитирования: Чепелюк С.Г. Феномен «цифрового доверия» и его влияние на становление цифрового правительства в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 447–459. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-447-459>

© Чепелюк С.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Phenomenon of “Digital Trust” in the Context of Digital Government in Russia

Sergey G. Chepelyuk

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

 sergey.chepeliuk@yandex.ru

Abstract. In recent years new digital technologies have become an integral part of daily life of civilians, including their interaction with government. Trust in innovation in the government sector became the most important feature of the relations between government and civilians. The main purpose of this research is to explore how the factor of civil trust influences the implementation of digital technologies in government. We studied new phenomenon — “digital trust” and made content analysis of the main programmatic and analytical documents on the realization of the digital government concept. Based on the research results, we described the impact of the trust on the digital government effectiveness, and defined the basic principles of trust building, such as openness of the digital government system for citizens, security and reliability of electronic services, two-way communication with citizens. However, Russia lacks a clear strategy on how to build “digital trust” to government services. This circumstance could become a barrier for government’s digitalization in the future.

Keywords: digital government, digital trust, cybersecurity, digital services, public administration

For citation: Chepelyuk, S.G. (2022). The phenomenon of “digital trust” in the context of digital government in Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 447–459. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-447-459>

Введение

Начало XXI в. характеризовалось постепенным падением доверия населения к государственным институтам и политикам [West, West 2005: 40] по всему миру. Подобная тенденция прослеживалась и в России. Так, если брать последнее десятилетие, то устойчивое доверие у россиян вызывают только институт Президента и армия. Правительству же доверяет меньше половины россиян [Латов 2021: 173]. В данном контексте цифровизация государственного сектора была призвана повысить эффективность, результативность и открытость правительственных структур, что впоследствии должно было бы нивелировать накопившееся недоверие к государственным структурам и государственным служащим. Однако чуда не произошло. Особенно вопрос доверия граждан по отношению к государству обострился в период пандемии COVID-19, во время которой многие процессы взаимодействия между государством, обществом и бизнесом перешли в цифровую среду. Именно доверие напрямую влияло на восприятие принимаемых государством мер по борьбе с распространением пандемии и готовность идти на личные ограничения в угоду общественному здоровью [Balog-Way, McComas 2020: 839]. Однако, по данным некоторых исследований, уровень доверия к государственной власти за время

пандемии упал более чем у 60 % россиян¹. По данным ВЦИОМ, за время пандемии деятельность правительства одобряло менее 30 % россиян². При этом исследователи отмечают, что за период пандемии многие граждане по всему миру перестали доверять новым технологиям, что стало важным глобальным вызовом [Chaudhuri 2021: 3]. Можно сказать, что на настоящем этапе внедрение новых технологий не приводит к ожидаемым результатам. С другой стороны, очевидно, что цифровизация государственного управления, в особенности перевод государственных услуг в цифровой формат с дальнейшим переходом к цифровому правительству, — общий тренд, без которого нельзя представить современное государство. Представляется важным выработать методологию анализа формирования «цифрового доверия» в гражданском обществе к цифровому правительству, а также понять возможности управления им.

Основной целью исследования является выявление влияния фактора «цифрового доверия» на проект цифрового правительства в России и оценка, насколько данный фактор учитывается при проведении технологических реформ. Автор опирается на системный и структурно-функциональный подходы, позволяющие рассматривать цифровое доверие как важное условие успешной деятельности цифрового правительства. Основной методикой исследования является контент-анализ, позволяющий показать представление о цифровом доверии в основных государственных программных документах, частных и государственных аналитических материалах.

Понятие «цифрового доверия» в политическом дискурсе

Хотя в российском политическом дискурсе термин «цифровое доверие» (digital trust) появился сравнительно недавно, уже сейчас термин часто фигурирует в контексте цифрового правительства, цифровой экономики и общего прихода новых технологий в повседневную жизнь россиян.

Сам термин «доверие» имеет широкую коннотацию. Некоторые российские ученые даже склонны рассматривать категорию доверия как специфическую власть, определяющую качество взаимоотношений между обществом, бизнесом и государственными структурами [Дугин 2018: 61]. Само толкование слова «доверие» в мировой политической науке разнообразно. Так, зарубежные исследователи помимо термина доверия (trust) используют также термины «надежность» (trustworthiness), уверенность (confidence), вера (faith). В общем смысле доверие употребляется как дефиниция, описывающая состояние уверенности в том, что

---

¹ За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61 % россиян // Официальный сайт сетевого издания РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327> (дата обращения: 04.04.2021).

² Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и правительства, поддержка политических партий // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-19022021> (дата обращения: 04.04.2021).

интересы тех, кому мы доверяем, согласованы либо совпадают с нашими интересами [Festenstein 2019: 447]. Данные дефиниции могут употребляться как в синонимичном значении, так и различаться. Доверие к правительству — важный аспект его легитимности, связанный с системной поддержкой принимаемых решений [Citrin, Stoker 2018: 50].

Кроме того, учеными принято рассматривать доверие в двух ипостасях: рациональной и эмоциональной. Рациональное доверие — доверие к тому, что объектом будут выполнены взятые на него обязательства. Эмоциональное же доверие зиждется на общности ценностей и целей, оценке доброй воли партнера [Дугин 2018: 62]. Из двух данных частей непосредственно проистекает доверие граждан к общественным и государственным институтам. При этом гражданину важнее его нормативная состоятельность (выполнение возложенных на институт функций) [Festenstein 2019: 455] и его эффективность [Малкина, Овчинников, Холодилин 2020: 82].

По сути, цифровое правительство — новый, еще не до конца сформированный государственный институт. Сама концепция образования цифрового правительства — относительно новая в отечественной политической науке и является развитием концепции электронного правительства. В общем смысле под «цифровым правительством» понимается правительство, использующее преимущества цифровых данных для оптимизации, трансформации и создания новых услуг [Василенко 2020: 225].

Если в электронном правительстве акцент делался на переводе услуг в цифровой формат, то цифровое правительство призвано изменить саму систему государственного управления. В первую очередь, это происходит за счет новых, более совершенных технологий BigData и искусственного интеллекта. Так, цифровое правительство обладает возможностью превентивного принятия решений за счет анализа данных граждан. Подобное правительство обладает рядом особенностей функционирования, среди которых гибкое (неиерархичное) управление, интерактивность, ориентированность на пользователя (ориентированность на желания пользователя и построение государственных стандартов, руководствуясь данным принципом), сильная зависимость от анализа данных при принятии решений, новый уровень привлечения IT-решений на основе открытых стандартов, открытость принятия решений, платформенность (включение в систему всех структур), ориентированность на горизонтальные структуры [Clarke 2020: 363].

Следует отметить, что в рамках концепций «электронного» и «цифрового» правительств с самого начала целью внедрения новых технологий в государственное управление становится повышение эффективности, результативности и открытости правительственных структур, что, в свою очередь, должно привести к повышению общего доверия к государственным органам со стороны граждан [Twizeyimana, Andersson 2019: 167]. Однозначность подобной цели подчеркивалась тем, что цифровые реформы долгое время носили чисто технологический характер, исключая идеологические распри [West, West 2005: 36].

Мы склонны рассматривать доверие в качестве важного структурного элемента цифрового правительства. С одной стороны, именно доверие влияет на качество проводимых цифровых изменений, с другой стороны, качество самих проводимых реформ способствует его росту.

В наиболее общем смысле «цифровое доверие» определяется как уверенность пользователей в способности людей, технологий и процессов создавать безопасный цифровой мир [Веселов 2020: 134] или как восприятие гражданином того, что элементы структуры цифрового правительства обладают атрибутами для охраны его интересов и соблюдают ряд ценностных для гражданина принципов [Venkatesh et al. 2016: 95]. В первую очередь, под «цифровым доверием» подразумевалось доверие к новым цифровым технологиям. В исследованиях доверия населения к цифровому правительству часто акцент делался на теоретические модели внедрения и распространения технологий, такие как модель принятия технологий, теория запланированного поведения, модель распространения инноваций и единая теория принятия и использования технологий [Venkatesh et al. 2016: 88]. В целом данная позиция актуальна и в настоящее время. Так, последние исследования подтверждают, что именно доверие к технологиям (точнее — личный опыт использования данных технологий) играет ключевую роль в формировании позитивного отношения граждан к услугам цифрового правительства [Попова 2020: 43].

В дополнение некоторые зарубежные исследователи в рамках рассмотрения вопроса о доверии к цифровому правительству склонны отдельно выделять категорию надежности (*trustworthiness*) [Janssen et al. 2018: 648]. Понятие надежности относится к свойствам, через которые доверенное лицо (будь то другое лицо или учреждение) обслуживает интересы доверителя (гражданина или бизнеса). Надежность можно определить как убежденность в отсутствии резких изменений и «целостности» доверенного лица. Данная дефиниция напрямую связана с такими категориями, как безопасность и конфиденциальность.

Отмечается, что активное использование новых цифровых сервисов правительства гражданами положительно сказывается на политическом доверии правительству в целом (на вере граждан в то, что правительство принимает правильные решения) [Horsburgh, Goldfinch, Gauld 2011: 233]. Однако следует отметить, что на настоящий момент данная связь не является основополагающей в контексте развития цифрового правительства (например, более важную роль здесь играют такие параметры, как уровень компьютерной грамотности и уровень доходов граждан) [Pérez-Morotea, Pontones-Rosaa, Núñez-Chicharro 2020: 10]. Вместе с тем прослеживается и обратная связь, когда более высокий уровень доверия к действующей власти положительно сказывался на одобрении предоставляемых государством услуг (в том числе и цифровых) [Herian 2014: 89].

Положительное влияние на доверие к правительству цифровые сервисы могут оказать только при соблюдении определенных принципов, таких как открытость (понятность алгоритмов обработки данных пользователей, интуитивность интерфейса, доступность информации о том, куда и как переда-

ются данные пользователя) и подотчетность (возможность пользователя защитить свои права в случае ошибок сервиса) [Mahmood, Weerakkody, Chen 2020: 721]. Соблюдение именно данных принципов, по мнению как зарубежных, так и российских специалистов, обеспечит необходимый общественный контроль за деятельностью государственных органов в цифровой среде [Кочетков 2020: 15].

Основными структурными элементами цифрового доверия можно считать: 1) ожидания (доверитель рассчитывает на определенное поведение доверенного лица), 2) убежденность, веру в поведение доверенного лица, которое основывается на его компетентности, честности и доброжелательности, 3) принятие доверителем определенного риска [Нурмухаметов 2019: 11]. Некоторые ученые предлагают такие структурные элементы, как надежность источника информации, открытость структурных элементов сервисов цифрового правительства, доброжелательность интерфейсов цифрового правительства к пользователю, прозрачность, оперативность, компетентность, подотчетность, конфиденциальность [Janssen et al. 2018: 665].

Проблема доверия стала краеугольной темой не только в научном сообществе, но и для бизнеса, который опережает государство по многим вопросам цифровизации [Venaу 2018: 3]. Исследованию доверия в цифровой среде посвящены многие проекты консалтинговых и аналитических агентств. Например, консалтинговая компания KPMG воспринимает цифровое доверие как «уверенность потребителей в технологиях». Специалисты KPMG приводят такие атрибуты цифрового доверия, как надежность (сервисы соответствуют запросам потребителей), авторитет (компания выполняет взятые на себя обязательства), открытость (пользователи знают, где и как используются их персональные данные), честность (соблюдение интересов потребителей), безопасность. В практической плоскости данные атрибуты выражаются в таких областях, как бренд компании, управление рисками, «гибкость» электронных сервисов компании, стандартизация сервисов, цифровая инфраструктура, безопасность и конфиденциальность³. Подчеркивается, что потребители в настоящее время больше фокусируются не на самих сервисах и продуктах, а на вере в сохранность их персональных данных. При этом в последние годы участились случаи утечки персональных данных, в том числе из баз данных государственных структур. Так, громкая утечка данных базы «Госуслуг» произошла в 2019 г., когда в сети оказались данные более чем 30 тысяч клиентов сервиса⁴. Уже в начале 2020 г. в открытый доступ попали данные 300 тысяч москвичей, переболевших коронавирусом. При этом причиной утечки назвали не техно-

³ Digital Trust // Официальный сайт консалтинговой компании KPMG. URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/pdf/2015/12/digital-trust.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).

⁴ СМИ узнали об утечке данных пользователей сайта госуслуг // Официальный сайт сетевого издания РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/12/2019/5e08a43d9a7947345490f23e> (дата обращения: 04.04.2021).

логический, а человеческий фактор⁵. В декабре 2021 г. в открытом доступе также оказался исходный код сайта «Госуслуг»⁶. С одной стороны, столь частые утечки персональных данных и ненадежность информационных систем можно обосновать техническим фактором. С другой стороны, в мире (и в особенности в России) пока не развита культура обращения с персональными данными. Данный аспект может являться серьезной проблемой и вызывать серьезные опасения при использовании сервисами со стороны граждан.

Похожие структурные элементы выделяют и специалисты компании Deloitte. По их мнению, цифровое доверие держится на четырех столпах: этика и ответственность компаний перед клиентами, контроль конфиденциальности данных пользователей, открытость и доступность (в контексте используемых цифровых практик), безопасность и надежность. В рамках первой категории подчеркивается значимость обратной связи с пользователями и быстрое реагирование на возникающее недовольство электронными сервисами, а также значимость борьбы с недостоверной информацией об услугах и разработки методик исследования отзывов пользователей. В рамках второй категории подчеркивается значимость участия пользователей в контроле за своими данными (например, выбор пользователями данных, которые они размещают на онлайн-сервисах), принцип «экономности» и точности при сборе персональных данных пользователей. В рамках третьей категории говорится о важности легкой оценки пользователями цифровых предложений компании (их преимуществ) и возможности понимания пользователями алгоритмов, по которым работают цифровые системы. В рамках четвертой категории рассматривается важность проактивного оповещения пользователей о возможных угрозах и совершенствование средств защиты данных⁷.

Консалтинговая компания Accenture заявляет, что для построения доверительных отношений с пользователями электронных сервисов компаниям необходима четкая стратегия. Данная стратегия должна основываться на стандартах открытости, конфиденциальности и безопасности работы с данными пользователей. Следует учитывать, что цифровое доверие не ограничивается программным обеспечением безопасности данных, а является более широким понятием, отражающим характеристику самой компании. В целях завоевания доверия пользователей необходимо придерживаться принципов клиентоориентированности,

---

⁵ «Ситуация критическая»: чем грозит крупнейшая утечка данных заболевших коронавирусом // Официальный сайт сетевого издания Forbs.ru. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/415857-situaciya-vesma-kritichna-chem-grozit-krupneyshaya-utechka-dannyh-zabolevshih> (дата обращения: 04.04.2021)

⁶ «Привлечь внимание к проблеме»: кто слил исходный код «Госуслуг» и чем это грозит // Официальный сайт сетевого издания Forbs.ru. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/451375-privlec-vnimanie-k-probleme-kto-slil-ishodnyj-kod-gosuslug-i-chem-eto-grozit> (дата обращения: 15.01.2022)

⁷ Building digital trust: Technology can lead the way // Официальный сайт консалтинговой компании Deloitte. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/lu/Documents/Innovation/lu-building-digital-trust.pdf> (дата обращения: 04.04.2021)

целостности системы (построение цифрового доверия становится миссией организации, а не отдельным элементом ее сервисов), партнерства⁸.

Цифровое доверие — сложное явление, заключающееся в доверии к новой технологии, включающее в себя рациональные и эмоциональные аспекты поведения граждан. Подобное доверие является важным аспектом легитимности новых государственных цифровых институтов и должно строиться на определенных принципах, таких как открытость элементов и принципов работы, особое внимание к конфиденциальности данных пользователей, надежности и однозначности источника информации о сервисе. Соблюдение приведенных принципов и повышение доверия к цифровым сервисам может повысить доверие граждан к государству в целом.

Особенности формирования цифрового доверия к сервисам цифрового правительства

Представляется важным посмотреть, как категория доверия представлена в основных стратегических и нормативно-правовых документах России, регулирующих развитие цифрового правительства, а также в иных материалах по внедрению концепции электронного и цифрового правительства в России. Данный анализ может помочь ответить на вопрос, рассматривается ли вопрос доверия как вопрос стратегической важности и какие меры используются в целях повысить доверие граждан к цифровым сервисам государства. Среди данных документов: федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.), «Концепция формирования в РФ электронного правительства до 2010 года», Государственная программа РФ «Информационное общество» (2011–2020 гг.), «Стратегия развития информационного общества в РФ (2008 г.)», «Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде» (от 2013 г.) и др.

Сам термин «цифровое доверие» встречается в стратегических документах редко (упомянуто в двух документах). В государственной программе «Информационное общество» говорится об отсутствии на современном этапе доступных механизмов обеспечения доверия к электронной цифровой подписи, об отсутствии целостной системы удостоверяющих центров, а также объединения удостоверяющих центров электронной подписи в домены взаимного доверия. В связи с данными обстоятельствами поставлена задача по формированию единого пространства доверия электронной подписи, включающего инфраструктуру, систему удостоверяющих центров, систему авторизации и идентификации пользователей⁹. В государственной программе «цифровая экономика» также ста-

⁸ Re-imagining Trust in the Digital Age // Официальный сайт консалтинговой компании Accenture. URL: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF-47/Accenture-Trust-Digital-Age.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 октября 2010 г. № 1815-р г. Москва «О государственной программе Российской Федерации „Информационное общество (2011-2020 годы)“» // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2010/11/16/infobchestvo-site-dok.html> (дата обращения: 04.04.2021).

вится задача по формированию «единой цифровой среды доверия»¹⁰. В первую очередь, рассматриваются вопросы совершенствования правовых механизмов регулирования цифровой среды, в том числе вопросы международного нормативного регулирования безопасности в интернет-среде. Несмотря на то, что в стратегических документах обозначены общие направления изменений, данные меры не связаны между собой. Следует отметить, что на настоящий момент не разработаны показатели повышения доверия граждан к цифровым услугам и система оценки опыта граждан во взаимодействии с цифровыми сервисами. Под вопросом остается участие граждан в управлении своими данными, в особенности при взаимодействии с сервисами правительства. Гражданский контроль за деятельностью цифрового правительства остается особенно важной сферой. Эксперты отмечают важность внесения поправок в основные нормативно-правовые акты, которые должны контролировать деятельность цифрового правительства и препятствовать превышению полномочий со стороны государственных служащих, а также обеспечить публичную дискуссию по вопросам цифрового правительства уже на уровне пилотных проектов.

Распространенной практикой является принятие нормативно-правовых актов, контролирующих общие принципы функционирования той или иной технологии. Примером такого подхода является принятая в Нидерландах Хартия 5G, контролирующая внедрение сетей 5G как в частном, так и в государственном секторах¹¹. В России также вырабатываются общие принципы взаимодействия в рамках конкретных технологий. Например, в августе 2020 г. Правительством России была утверждена Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г. Важно подчеркнуть, что в принятии подобного рода документов огромное значение имеет удовлетворение интересов всех сторон, включающих бизнес, общество и государство.

Несмотря на все трудности, Правительству России удалось создать некоторый «задел доверия» к своим цифровым решениям. Последнее исследование ВШЭ «Оценка цифровой готовности населения России», учитывающее уровень цифрового доверия, показало относительно высокий его уровень. Так 85 % взрослого населения России (от 17 до 75 лет) доверяет действующим государственным электронным сервисам. По мнению специалистов ВШЭ, показатель цифрового доверия непосредственно влияет на активность россиян в использовании цифровых сервисов¹². В исследовании подчеркивается, что данный пока-

---

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // Официальный сайт Федерального агентства связи. URL: https://rossvyaz.gov.ru/upload/gallery/87/21087_4464749e911aff89e843adb0b71c474381da42b3.pdf (дата обращения: 04.04.2021).

¹¹ Официальный электронный ресурс организации Netherlands Digital // Хартия 5G. URL: <https://www.nederlanddigitaal.nl/initiatieven/handvest-5g> (дата обращения: 21.04.2020).

¹² Исследование: порядка 85 % взрослого населения доверяет цифровым госсервисам // Официальный сайт информационного агентства ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11121571> (дата обращения: 12.04.2021).

затель на настоящем этапе может быть исчерпывающим. Для его дальнейшего роста государству необходимо выработать общую стратегию кибербезопасности и стимуляции населения к использованию новых цифровых технологий. В некоторых аналитических докладах, посвященных разным областям цифрового правительства, также отмечается важность создания мультимедийного взаимодействия между государством и обществом, а также возможность для пользователя контролировать использование своих данных¹³.

Заключение

Проведенное исследование показало, что цифровое доверие — сложное явление, состоящее из множества структурных элементов. Наиболее важными принципами построения данного доверия в рамках цифрового правительства является его открытость для граждан (в том числе за счет возможностей граждан контролировать распространение своих данных) (примером здесь может служить опыт Нидерландов, где в 2005 г. была принята «Хартия электронного гражданина», позволяющая гражданам выбирать каналы связи с государственными органами и получать от них информацию о передачи их личных данных), безопасность и надежность электронных сервисов (исключение критических ошибок и некорректной работы цифровых сервисов), выстраивание двусторонней коммуникации с гражданами (возможности обратной связи, активная разъяснительная работа с пользователями сервисов цифрового правительства). Некоторые из данных принципов заложены в государственные программные документы, посвященные цифровой трансформации, однако общая стратегия построения цифрового доверия не выработана. Игнорирование данной проблемы может в итоге привести к бойкотированию гражданами государственных цифровых сервисов, а также общему снижению доверия к государственным институтам.

Несмотря на общий высокий уровень доверия к сервисам цифрового правительства в России в настоящее время, под вопросом остается разработка показателей уровня цифрового доверия и дальнейших мер по его повышению.

Поступила в редакцию / Received: 13.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 07.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

¹³ Буров В.В., Петров М.В., Шклярчук М.С., Шаров А.В. «Государство-как-платформа»: (кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация // Доклад Центра Стратегических разработок. 2018. // Официальный сайт Центра стратегических разработок. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/313/3132b2de9ccef0db1eecd56071b98f5f.pdf> (дата обращения: 12.04.2021).

Библиографический список

- Василенко И.А.* Особенности формирования концепции цифрового правительства в политической науке и перспективы ее реализации в России // Государственное управление. Электронный журнал ФГУ МГУ. 2020. № 82. С. 218–244.
- Веселов Ю.В.* Доверие в цифровом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 129–143.
- Дугин Е.Я.* Власть доверия и доверие власти // Власть. 2018. Т. 26. № 8. С. 60–66.
- Кочетков А.П.* Роль цифрового правительства в повышении эффективности взаимодействия власти и гражданского общества в современной России // PolitBook. 2020. № 2. С. 6–24.
- Латов Ю.В.* Институциональное доверие как социальный капитал в современной России (по результатам мониторинга) // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 161–175.
- Малкина М.Ю., Овчинников В.Н., Холодильни К.А.* Институциональные факторы политического доверия в современной России // Journal of Institutional Studies. 2020. № 4. С. 77–93.
- Нурмухаметов Р.К.* К вопросу о цифровом доверии // Алтайский вестник Финансового университета. 2019. № 4. С. 8–17
- Нурмухаметов Р.К., Торин С.С.* Цифровое доверие (digital trust): сущность и меры по его повышению // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 1. С. 32–39
- Орехова Е.А.* Цифровое доверие как фактор развития в условиях турбулентности // Вестник Саратовского социально-экономического университета. 2020. № 3. С. 24–27
- Попова О.В.* Использование услуг цифрового правительства: границы и аутсайдеры // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 2. С. 38–44.
- Balog-Way D.H. P., McComas K.A.* COVID-19: Reflections on trust, tradeoffs, and preparedness // Journal of Risk Research. 2020. Vol. 23, no. 7. P. 838–848.
- Benay A.* Government Digital: The Quest to Regain Public Trust, Toronto, Dundurn Press, 2018.
- Chaudhuri A.* Transformation with trustworthy digital: policy desiderata for businesses in post COVID-19 world // The EDP Audit, Control, and Security Newsletter. 2021. Vol. 63, no. 1. P. 1–8.
- Citrin J., Stoker L.* Political Trust in a Cynical Age // Annual Review of Political Science. 2018. Vol. 21. P. 49–70.
- Clarke A.* Digital government units: what are they, and what do they mean for digital era public management renewal? // International Public Management Journal. 2020. Vol. 23, no. 3. P. 358–379
- Festenstein M.I.* Political Trust, Commitment and Responsiveness // Political Studies. 2019. Vol. 62, no. 2. P. 446–462.
- Herian M.N.* Trust in Government and Support for Municipal Services // State and Local Government Review. 2014. Vol. 46, no. 2. P. 82–90.
- Horsburgh S., Goldfinch S., Gauld R.* Is Public Trust in Government Associated With Trust in E-Government? // Social Science Computer Review. 2011. Vol. 29, no. 2. P. 232–241.
- Janssen M., Rana N.P., Slade E.L., Dwivedi Y.K.* Trustworthiness of digital government services: deriving a comprehensive theory through interpretive structural modeling // Public Management Review. 2018. Vol. 20, no. 5. P. 647–671.
- Mahmood M., Weerakkody V., Chen W.* The role of information and communications technology in the transformation of government and citizen trust // International Review of Administrative Sciences. 2020. Vol. 86, no. 4. P. 708–728
- Pérez-Morotea R., Pontones-Rosaa C., Núñez-Chicharro M.* The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries // Technological Forecasting & Social Change. 2020. Vol. 154. P. 1–14.
- Twizeyimana D.J., Andersson A.* The public value of E-Government — A literature review // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36, no. 2. P. 167–178.

Venkatesh V., Thong J.Y.L., Chan F.K. Y., Hu P.J. H. Managing Citizens' Uncertainty in EGovernment Services: The Mediating and Moderating Roles of Transparency and Trust // *Information Systems Research*. 2016. Vol. 27, no. 1. P. 87–111.

West D.M., West M.M. *Digital Government: Technology and Public Sector Performance*. Princeton NJ, Princeton University Press, 2005.

References

- Balog-Way, D.H.P., & McComas, K.A. (2020). COVID-19: Reflections on trust, tradeoffs, and preparedness. *Journal of Risk Research*, 23(7), 838–848.
- Benay, A. (2018). *Government Digital: The Quest to Regain Public Trust*. Toronto: Dundurn Press.
- Chaudhuri, A. (2021). Transformation with trustworthy digital: policy desiderata for businesses in post COVID-19 world. *The EDP Audit, Control, and Security Newsletter*, 63(1), 1–8.
- Citrin, J., & Stoker, L. (2018). Political Trust in a Cynical Age. *Annual Review of Political Science*, 21, 49–70.
- Clarke, A. (2019). Digital government units: what are they, and what do they mean for digital era public management renewal? *International Public Management Journal*, 23(3), 358–379.
- Dugin, E. Ya. (2018). The power of trust and confidence in power. *The Authority*, 8, 60–66 (In Russian).
- Festenstein, M.I. (2019). Political Trust, Commitment and Responsiveness. *Political Studies*, 62(2), 446–462.
- Herian, M.N. (2014). Trust in Government and Support for Municipal Services. *State and Local Government Review*, 46(2), 82–90.
- Horsburgh, S., Goldfinch, S., & Gauld, R. (2011). Is Public Trust in Government Associated With Trust in E-Government? *Social Science Computer Review*, 29(2), 232–241.
- Janssen, M., Rana, N.P., Slade, E.L., & Dwivedi, Y.K. (2018). Trustworthiness of digital government services: deriving a comprehensive theory through interpretive structural modeling. *Public Management Review*, 20(5), 647–671.
- Kochetkov, A.P. (2020) The role of digital government in improving the effectiveness of interaction between government and civil society in modern Russia. *PolitBook — Political science journal*, (2), 6–24 (In Russian).
- Mahmood, M., Weerakkody, V., & Chen, W. (2020). The role of information and communications technology in the transformation of government and citizen trust. *International Review of Administrative Sciences*, 86(4), 708–728.
- Majorov, A.V., Volkova, A.M., & Potapov, A.D. (2019). Digital transformation of state and municipal administration: main theses in a new technological reality. *Towards a “digital society”: Expert estimates and forecasts*. Expert Institute for Social Research. Moscow: Nauka (In Russian).
- Malkina, M.Yu., Ovchinnikov, V.N., & Kholodilin, K.A. (2020). Institutional Factors Influencing Political Trust in Modern Russia. *Journal of Institutional Studies*, 12(4), 77–93. (In Russian).
- Nurmukhametov, R.K. (2019). To the question of digital trust. *Altai Vestnik of the Financial University*, (4), 8–17 (In Russian).
- Nurmukhametov, R.H., & Torin, S.S. (2020). Digital trust: the essence and measures to increase it. *Izvestiya Tula State University*, (1), 32–39 (In Russian).
- Orekhova, E.A. (2020). Digital trust as a contributor to development under uncertainty and turbulence. *Vestnik of Saratov state socio-economic university*, (3), 24–27 (In Russian).
- Popova, O.V. (2020). Using digital government services: frontiers and outsiders. *Proceedings of Voronezh State University*, (2), 38–44 (In Russian).
- Pérez-Morotea, R., Pontones-Rosaa, C., & Núñez-Chicharro, M. (2020). The effects of e-government evaluation, trust and the digital divide in the levels of e-government use in European countries. *Technological Forecasting & Social Change*, 154, 1–14.

- Twizeyimana, D.J., & Andersson, A. (2019). The public value of E-Government — A literature review. *Government Information Quarterly*, 36(2), 167–178.
- Vasilenko, I.A. (2020). Formation of “Digital Government” Concept in Political Science and Prospects for Its Implementing in Russia. *Public administration electronic bulletin*, 82, 218–244 (In Russian)
- Veselov, Yu. V. (2020). Trust in a digital society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 13, 129–143 (In Russian).
- Venkatesh, V.L., Thong, J.Y., Chan, F.K.Y., & Hu, P.J.H. (2016). Managing Citizens’ Uncertainty in EGovernment Services: The Mediating and Moderating Roles of Transparency and Trust. *Information Systems Research*, 27(1), 87–111.
- West, D. M., & West, M.M. (2005). *Digital Government: Technology and Public Sector Performance*. Princeton NJ: Princeton University Press.

Сведения об авторе:

Чепелюк Сергей Георгиевич — аспирант кафедры российской политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. (e-mail: sergey.chepeliuk@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4925-1244)

About the author:

Sergey G. Chepelyuk — Postgraduate of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (e-mail: sergey.chepeliuk@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-4925-1244)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479

Научная статья / Research article

Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ

В.В. Таишева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 taisheva-vv@rudn.ru

Аннотация. IT-отрасль сегодня является одним из приоритетных направлений развития экономики не только в России, но и в зарубежных странах. Российское правительство проводит политику по содействию развитию информационных технологий в стране и поддержке специалистов в данной области. IT-сфера является одной из наиболее привлекательных среди соискателей, а объем IT-рынка показывает стабильный рост. Однако в условиях ужесточения западных санкций и обострения политической обстановки в феврале-марте 2022 г. российская IT-отрасль столкнулась с массовым оттоком квалифицированных специалистов из России. И хотя проблема нехватки кадров (в том числе по причине миграции) существует в России не первый год, объем миграционного потока специалистов за указанный период явился существенным для отечественной IT-индустрии. Автор делает попытку выявить причины миграции специалистов в области информационных технологий, рассматривая различные факторы выталкивания и притяжения, существующие в контексте российского IT-рынка. Для достижения поставленной цели был проведен полуструктурированный опрос среди представителей IT-сферы. Респондентами выступили IT-специалисты, которые уже переехали или планируют переезд в ближайшем будущем, а также те, кто принял решение остаться в России. По итогам исследования были определены некоторые частные и общие факторы миграции IT-специалистов. Кроме того, приводятся предложения в области информационных технологий относительно поддержки IT-индустрии со стороны государства.

Ключевые слова: миграция, информационные технологии, цифровой кочевник, идентичность, IT, релокация

Для цитирования: Таишева В.В. Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 460–479. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479>

© Таишева В.В., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и КН РА в рамках научного проекта № 20-511-05025 — арм_а «Развитие гражданской идентичности на пост-советском пространстве: тенденции, вызовы, риски (на примере России и Армении)».

Digital Nomads and Migration Processes in the Russian IT: A Political Analysis

Vasilya V. Taisheva

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

 taisheva-vv@rudn.ru

Abstract. IT industry is one of the top priority areas for economic development not only in Russia, but also in other countries worldwide. The Russian government is pursuing a policy to promote the development of information technology in the country and support specialists in this field. The IT sphere is one of the most attractive among applicants, and the IT market volume shows stable growth. However, in the context of tightening Western sanctions and the aggravation of the political situation in February-March 2022, the Russian IT industry faced a massive outflow of qualified specialists from Russia. And although the problem of personnel shortage (including due to migration) has existed in Russia for a long time, the volume of the migration flow of IT specialists over the specified period was significant for the domestic IT industry. The author attempts to identify the reasons for the migration of IT specialists, considering various push and pull factors that exist in the context of the Russian IT market. To achieve this goal, the author conducted a semi-structured survey among representatives of the IT sector, including professionals who have already moved or are planning to move in the near future, as well as those who have decided to stay in Russia. Based on the results of the study, some particular and general factors for the migration of IT specialists were identified. In addition, the article gives the proposals of the interviewed specialists regarding state support for the IT industry.

Keywords: migration, information technology, digital nomad, identity, IT, relocation

For citation: Taisheva, V.V. (2022). Digital nomads and migration processes in the Russian IT: A political analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 460–479. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-460-479>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR and SC RA, project 20-511-05025 «The development of civic identity in the post-Soviet space: trends, challenges, risks (on the example of Russia and Armenia)».

Введение

Сфера информационных технологий (ИТ) является одним из наиболее перспективных и динамичных секторов мировой экономики, а также наиболее привлекательным для трудоустройства. Стремительное развитие и инновации в области информационных технологий способствуют дальнейшему развитию и прочих отраслей экономики, и социальной сферы. Информационно-коммуникационные технологии трансформируют принципы ведения трудовой деятельности, устанавливают новые стандарты и требования к специалистам, а также способствуют

ют исчезновению прежних и появлению новых профессий. Сегодня информационные технологии не только определяют технологическое развитие страны, но и обеспечивают стратегическое превосходство, а также безопасность государства и национальной экономики. Необходимость цифровизации и распространения информационных технологий актуализировала в 2020 г. пандемия COVID-19, которая способствовала переходу привычной жизни и работы людей в онлайн-формат. Однако в настоящее время российская IT-сфера испытывает на себе тяжелые последствия экономических санкций Запада, действующих в отношении России. В частности, особо остро встал вопрос миграции специалистов в области информационных технологий за рубеж. Очевидно, что катализатором массового оттока IT-специалистов в феврале-марте 2022 г. стало резкое обострение социально-политической ситуации и последовавшие западные санкции, оказывающие серьезное негативное влияние на российскую экономику в целом и на IT-отрасль в частности. Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на сложную политическую обстановку, именно экономические факторы становятся определяющими и в наибольшей степени способствуют принятию того или иного решения об эмиграции.

Таким образом, целью данной работы является определение основных мотивов массовой эмиграции IT-специалистов из России в феврале-апреле 2022 года. В данном контексте в статье рассматриваются несколько групп факторов: политические, социальные, финансово-экономические, технологические.

Для того чтобы ответить на вопрос, какие факторы стали наиболее значимыми для российских IT-специалистов в процессе принятия решения о миграции, были проведены опросы среди представителей IT-индустрии (N = 15). Опрос был проведен посредством заполнения анонимной формы онлайн, а также ряда экспертных интервью, результаты которых представлены в настоящей работе в обобщенном виде. В опросе приняли участие как те работники, которые уже покинули Россию или планируют это сделать в ближайшем будущем, так и те, кто принял решение остаться и продолжить трудовую деятельность в России. Респондентам предлагалось ответить как на открытые, так и закрытые вопросы.

Следует также отметить, что в процессе опроса респондентов выявились существенные ограничения исследования, связанные с недоверием IT-специалистов к принципиальной возможности полной анонимности в Интернете, проявлением осторожности в ответах, а в некоторых случаях и полным отказом отвечать на вопросы.

Исследование IT-миграции: обзор литературы

Теме профессиональной миграции в российской науке посвящено множество работ, среди которых труды С.В. Рязанцева и Е.Е. Письменной, В.И. Мукомеля, А.С. Максимовой, В.Ю. Леденовой и других авторов. Вопрос миграции специалистов в области информационных технологий из России является одним из наиболее актуальных в контексте профессиональной миграции и привлекает немало внимания со стороны как государственных органов власти и СМИ, так и научного сообщества.

Так, например, различные стратегии, механизмы и причины миграции специалистов в сфере информационных технологий рассматривают в своих работах ряд российских авторов [Земнухова 2015; Антощук, Леденева 2019; Шибанов 2020].

Другие исследователи изучают влияние миграции IT-специалистов на развитие отрасли информационных технологий в России, а также на инновационное развитие страны в целом. При этом авторы отмечают дестабилизирующий характер влияния оттока IT-специалистов [Варавва 2017] и предлагают решения, направленные на устранение возникающих препятствий, связанных с вопросами миграции [Краснов, Краснова 2020].

В контексте вопроса о профессиональной миграции на современном этапе говорят о феномене «цифровых кочевников» (digital nomad), который рассматривается в трудах ряда зарубежных [Makimoto, Manners 1997; Müller 2016; Thompson 2019; Mancinelli 2020; Hannonen 2020; Woldoff, Litchfield 2021; Ehn, Jorge, Marques-Pita 2022 и др.] и отечественных [Арпентьева 2017; Кужелева-Саган, Сучкова 2019; Мельков, Салтыкова, Лябах 2019; Добринская 2020 и др.] ученых в качестве особой группы людей, осуществляющих свою трудовую деятельность при использовании современных цифровых телекоммуникационных технологий, что позволяет им свободно перемещаться из одной страны в другую.

Идея о «новых кочевниках» (номадах) была выдвинута канадским культурологом и философом Г.М. Маклюэном в 60-е гг. XX в. [McLuhan, 1994: 283]. Впоследствии в результате «философской рефлексии о вечной оппозиции власти Государства и свободы индивидов» [Кужелева-Саган 2017: 167] формируется метафорическая постмодернистская концепция «нового трайбализма» Ж. Делеза и Ф. Гваттари [Deleuze, Guattari 1986, 1992].

В социально-политическом и экономическом контекстах феномен нового кочевничества рассматривает французский социолог Ж. Аттали [Attali 1991], который говорит о «кочевых предметах», предполагая, что в будущем и человек превратится в «кочевой предмет» [Кужелева-Саган 2017: 168].

С дальнейшим развитием информационно-коммуникационных технологий развитие получила и концепция нового номадизма, в рамках которой ученые стали говорить уже не просто о новом кочевнике, но о «цифровом номаде», например, Ц. Макимото и Д. Мэннерс в работе «Цифровой кочевник» («Digital Nomad») [Makimoto, Manners 1997].

Цифровые кочевники в современных условиях все более стремительного развития цифровых технологий по всему миру представляют интерес как социальная группа, которая не только трансформирует социальную структуру современного общества, «но и способна изменить систему управления обществом и, соответственно, государственную политику» [Мельков, Салтыкова, Лябах 2019: 80].

Как показывает анализ существующей литературы в контексте исследования цифрового номадизма для российского и зарубежного научного сообщества, особый интерес представляют вопросы идентичности цифровых кочевников как «граждан мира» или «людей без корней».

Исследователи говорят о свойственной цифровым кочевникам множественной идентификации (например, теория «флагов» (flag theory)¹), поиске собственных ответов на важнейшие вопросы и познании мира и себя, отсутствии «мечты о родине» [Peters 1999; Gussekloo, Jacobs 2016; Sisson 2013; Арпентьева 2017: 7]. При этом отмечается, что стремление к свободе и благополучию, познанию себя и окружающего мира в конечном итоге формирует маргинальную, расщепленную или лоскутную, гибридную идентичность [Bogard 2000].

Термин «цифровой кочевник» в большей степени может быть применим и к мигрантам среди IT-специалистов, чья деятельность непосредственным образом связана с информационно-коммуникационными технологиями. Тем не менее следует отметить, что термин «цифровой номад» предполагает мобильный образ жизни человека, и использование его применительно к мигрантам, которые осели в стране приема на длительный срок, не вполне корректно. Вместе с тем в условиях кризиса у рассматриваемой группы мигрантов сократился горизонт планирования: значительная часть IT-специалистов не определилась со страной пребывания окончательно (как правило, миграция в феврале-марте происходила в основном в те страны, с которыми у Российской Федерации действует безвизовый режим), поэтому в данном исследовании использование термина представляется оправданным.

IT-сфера в России: перспективы и проблемы

Для исследования миграции IT-специалистов из России и выявления причин массового оттока работников данной области целесообразным является изучение российской сферы информационно-коммуникационных технологий и политики государства по развитию данного сектора экономики.

В России вопрос цифрового развития и информационных технологий является одним из наиболее приоритетных. В мае 2017 г. Указом Президента Российской Федерации была утверждена Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 гг., на основании которой Правительством РФ была разработана и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». В 2020 г. были внесены поправки в Конституцию

---

¹ Теория флагов (flag theory) была сформирована американским инвестором Г.Д. Шульцем в 60-х гг. XX в. и была направлена на получение крупными инвесторами и предпринимателями большей финансовой и политической свободы от государства. Флаги в данном контексте предполагают страны, юрисдикции, где осуществляет свою деятельность «вечный турист». На момент создания теория включала три флага (теория трех флагов): второй паспорт/гражданство в стране, где нерезиденты не облагаются налогом; создание офшорной компании; «игровая площадка» — страна проживания с высоким уровнем жизни и отсутствием НДС. В дальнейшем теория трех флагов была дополнена еще двумя «флагами»: налоговое резидентство и офшор для активов, — и стала теорией пяти флагов. В настоящее время теория трансформировалась в теорию семи флагов: были добавлены два флага, затрагивающих цифровое пространство, а именно защита цифровой конфиденциальности и идентичности, цифровые активы. Подробнее см.: The Flag Theory // Globalisation Guide. URL: <https://globalisationguide.org/flag-theory/> (accessed: 10.06.2022); Smith S.Z. Global Flag Theory: Your Personal Wealth Strategy. URL: https://globalflagtheory.com/wp-content/uploads/2020/01/GlobalFlagTheory_Rev_update6.pdf (accessed: 10.06.2022).

РФ, которые затрагивали в том числе и IT-индустрию: информационные технологии теперь находятся в ведении Российской Федерации, что говорит о высокой степени важности и необходимости регулирования данной сферы на государственном уровне.

Говоря о развитии сектора IT в России, можно отметить его устойчивый рост в период 2012–2020 гг., хотя его доля ВВП составляет менее 1,3 % (для сравнения в западноевропейских странах этот же показатель составляет порядка 3 %, в США и Японии — еще выше) [Яковлев, Кузык, Седых 2021: 9–10]. В мировом IT-рынке на Россию приходится лишь небольшая доля. Доля российского IT-сектора в 2021 г. насчитывала более 31 млрд долл. США, что составляет менее 1 % от мирового IT-рынка (около 4,2 трлн долл. США)². Тот же показатель для США составляет более 34 %, ЕС — 15 %, Китай — более 11 %³. В 2022 г. прогнозируется существенное сокращение рынка IT в России по сравнению с предыдущим годом в связи с действием западных санкций, из-за которых возникает дефицит технологического оборудования и ограничение доступа к программному обеспечению, замена которого российскими аналогами пока представляется затруднительной⁴.

Несмотря на прогнозируемое сокращение IT-рынка в России, карьера в области IT является одной из наиболее привлекательных на российском рынке труда. Опрос, проведенный Home Credit Bank, показал, что 16 % (1-е место) респондентов предпочитают профессию в области информационных технологий⁵. По данным опроса агентств Outside Digital и ResearchMe, 82 % россиян считают IT-сферу наиболее привлекательной для трудовой деятельности, а 90 % опрошенных готовы пройти бесплатную стажировку, чтобы в будущем продолжить работать в IT-индустрии⁶.

Исследования hh.ru также подтверждают популярность IT-сферы среди россиян: 24 % респондентов думают о переходе в IT в течение всего 2021 г., а 75 % — задумываются об этом с февраля 2022 г.⁷ О популярности IT-индустрии может

² Gartner Forecasts Worldwide IT Spending to Reach \$4.4 Trillion in 2022 // Gartner. April 6, 2022. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2022-04-06-gartner-forecasts-worldwide-it-spending-to-reach-4-point-four-trillion-in-2022> (accessed: 15.05.2022).

³ Global market share of the information and communication technology (ICT) market from 2013 to 2022, by selected country // Statista. 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/263801/global-market-share-held-by-selected-countries-in-the-ict-market/#:~:text=Ranking%20as%20one%20of%20the,of%20technology%20in%20today's%20society> (accessed: 15.05.2022).

⁴ Russia-Ukraine war: The Conflict will Generate a \$5.5 Billion Loss for the ICT Market in 2022 // IDC. May 2, 2022/ URL: <https://blogs.idc.com/2022/05/02/russia-ukraine-war-the-conflict-will-generate-a-5-5-billion-loss-for-the-ict-market-in-2022/> (accessed: 15.05.2022).

⁵ Опрос Банка Хоум Кредит: IT-специалист — самая привлекательная профессия для россиян // Home Credit Bank. 11.04.2022. URL: https://www.homecredit.ru/about/bank_news/hcb-sredi-naibolee-privlekatelnyh-professij-na-pervom-meste-nahoditsya-specialist-v-oblasti-it-11-04-2022/ (дата обращения: 15.05.2022).

⁶ Опрос жителей России показал их желание сменить профессию на специалиста из сферы IT // Газета.ru. 11.02.2022. URL: <https://m.gazeta.ru/tech/news/2022/02/11/17272261.shtml> (дата обращения: 15.05.2022).

⁷ Опрос: 75 % респондентов хотят стать IT-специалистами из-за недовольства текущим уровнем зарплаты // RB.RU. 18.02.2022. URL: <https://rb.ru/news/bad-salary-goes-it/> (дата обращения: 15.05.2022).

свидетельствовать и возрастающий спрос абитуриентов в 2021 г. на специальность «Информатика и вычислительная техника», которая стала вторым по востребованности направлением, уступив только «Здравоохранению»⁸.

Такая популярность профессий в IT-секторе может объясняться высоким уровнем заработной платы: по данным исследования Хабр Карьера, медианная зарплата IT-специалистов во втором полугодии 2021 г. составила 140 тыс. руб. (в Москве — 191 тыс. руб., в регионах — 130 тыс. руб.)⁹.

Существует распространенное мнение о том, что в IT можно прийти практически из любой области, освоив ту или иную IT-специальность. Тем более что навыки и опыт в индустрии информационных технологий представляют большую ценность, чем образование, высшее или среднее специальное. Так, по данным исследования Ozon, только 30 % работников, занятых в IT-сфере, имеют профильное образование, столько же — осваивали профессию путем самообразования¹⁰. Как отмечают представители IT-индустрии, вузы не успевают адаптироваться к потребностям рынка, а университетское образование специалистам заменили онлайн-курсы и YouTube¹¹.

Рынок IT-кадров в 2021 г. показывал рост около 50 %, в 2022 г. также ожидается повышение данного показателя¹². Однако, несмотря на спрос со стороны соискателей, некоторые исследователи говорят о нехватке квалифицированных кадров в IT-сфере: широкомасштабная цифровизация российской экономики, образования, управления и пр. способствует повышению спроса на IT-специалистов [Томакова, Томаков 2022: 151], порождая кадровый дефицит [Брага, Жураховская 2021: 42]. При этом, хотя и наблюдается большой прием в российские вузы на IT-специальности, качество подготовки выпускников часто не соответствует запросам компаний [Яковлев, Кузык, Седых 2021: 13]. Вместе с тем сами соискатели стали более избирательно подходить к выбору места работы, растут запросы по зарплате¹³.

⁸ Профессия педагога вышла на третье место по популярности среди абитуриентов // Минпросвещения России. 14.02.2022. URL: <https://edu.gov.ru/press/4695/professiya-pedagoga-vyshla-na-trete-mesto-po-populyarnosti-sredi-abiturientov/> (дата обращения: 15.05.2022).

⁹ Зарплаты айтишников во втором полугодии 2021: +17 % за счет поддержки и администрирования в регионах // Хабр. 03.02.2022. URL: <https://habr.com/ru/article/649423/> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁰ Каждый третий айтишник в России — самоучка // Хабр. 11.09.2020. URL: <https://habr.com/ru/company/ozontech/blog/518722/> (дата обращения: 15.05.2022).

¹¹ Выживут только айтишники // Новая газета. 11.03.2022. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2022/03/11/vyzhivut-tolko-aitishniki> (дата обращения: 15.05.2022) (ИД «Новая газета» признана иностранным агентом на территории Российской Федерации).

¹² Рынок IT-кадров: «кандидатский» уклон и рекордный рост зарплат // Comnews. 17.01.2022. URL: <https://www.comnews.ru/content/218275/2022-01-17/2022-w03/rynok-it-kadrov-kandidatskiy-uklon-i-rekordnyy-rost-zarplat> (дата обращения: 15.05.2022).

¹³ Там же.

Так, по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ в России наблюдается нехватка от 500 тысяч до 1 млн специалистов ИТ, как узкоспециализированных, так и кросс-функциональных¹⁴.

В целом можно отметить, что в российских реалиях профессия в области информационных технологий, различного уровня и специализации, на сегодняшний день является одной из наиболее востребованных и престижных на рынке труда среди соискателей, но, тем не менее, наблюдается дефицит квалифицированных специалистов ИТ, особенно в контексте задач по реализации национальных интересов и стратегий по инновационному развитию и развитию цифровой экономики в России.

ИТ-миграция из России

Дефицит квалифицированных кадров в ИТ-секторе усугубляется в значительной степени и по причине массового оттока специалистов из России. При этом, стоит отметить, что в эмиграции участвуют преимущественно квалифицированные ИТ-специалисты, чей профессиональный уровень позволяет рассчитывать на востребованность и трудоустройство на зарубежном ИТ-рынке в условиях высокой конкуренции. Отмечается, что отток ИТ-специалистов усилился после 2014 г. [Яковлев, Кузык, Седых 2021: 13], а на сегодняшний день данный вопрос стоит наиболее остро: по данным Российской ассоциации электронных коммуникаций в «первую волну» эмиграции (февраль-март 2022 г.) из России уехали 50–70 тыс. специалистов ИТ-сферы. В дальнейшем, в случае самого негативного сценария, прогнозируется отток еще более 100 тысяч специалистов¹⁵. По другим оценкам, после всплеска миграционной активности в конце февраля — начале марта ситуация стабилизировалась и число выезжающих за рубеж ИТ-специалистов начало выравниваться¹⁶.

Власти России предпринимают различные меры по улучшению и повышению привлекательности российского ИТ-рынка, а также по поддержке работников, занятых в этой области. Среди таких мер можно выделить меры, касающиеся финансирования ИТ-компаний, чья деятельность отвечает стратегическим задачам по инновационному развитию России, налогообложения (в частности уменьшение налога на прибыль ИТ-компаний), страхования (понижение ставки страховых взносов), предоставления грантов и субсидий (как компаниям-лидерам в сфере ИТ, так и стартапам) на развитие отрасли информационных технологий, разработку программного обеспечения (ПО), а также проведения НИОКР

---

¹⁴ Не сбиться с айти. Как государство разберется с дефицитом технологичных кадров // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. 16.02.2021. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/40402/> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁵ Сергей Плуготаренко принял участие в обсуждении развития ИТ-отрасли в условиях санкций на заседании ИТ-комитета Госдумы // РАЭК. 22.03.2022. URL: https://raec.ru/live/branch/12995/?sphrase_id=150873 (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁶ Об эмиграции и возвращении ИТ-специалистов — первые итоги и перспективы // D-russia.ru. 12.04.2022. URL: <https://d-russia.ru/ob-jemigracii-i-vozvrashhenii-it-specialistov-pervye-itogi-i-perspektivy.html> (дата обращения: 15.05.2022).

при производстве высокотехнологичной продукции и пр. Ряд инициатив касается поддержки непосредственно отечественных разработок и ПО: субсидирование малого бизнеса для закупки отечественного ПО, предоставление покупателям российского IT-оборудования и ПО кредитов на льготной основе, освобождение от НДС операций по реализации прав на использование программных продуктов, включенных в реестр российского программного обеспечения.

Отдельно следует упомянуть меры по развитию индустрии информационных технологий, направленные на подготовку квалифицированных специалистов для работы в данной сфере: увеличение контрольных цифр приема в российские вузы на специальности в области информационных технологий, софинансирование расходов на прохождение программ по подготовке и формированию цифровых компетенций (для граждан и компаний), подготовка кадров для внедрения современных цифровых решений в экономическую сферу. Поддержка же уже занятых в сфере информационных технологий специалистов включает предоставление им льгот на ипотеку, отсрочку от армии, повышение зарплат и пр.

Тем не менее, несмотря на меры и инициативы правительства по поддержке IT-бизнеса, факторы выталкивания оказываются сильнее факторов притяжения [Lee 1966] в российском IT-сегменте.

Существует и иная точка зрения (более оптимистичная) относительно масштабов и последствий массового исхода IT-специалистов из России. Президент ассоциации «Руссофт» Валентин Макаров говорит о возвращении уехавших после 24 февраля IT-специалистов, которое началось через две-три недели после «спонтанной релокации». По оценкам аналитиков ассоциации, можно ожидать возвращения около половины из 40 тысяч уехавших IT-специалистов до конца года¹⁷. Возвращение в данном случае обуславливается условиями жизни за рубежом, требующими разрешения вопросов, связанных с медицинским обслуживанием, образованием для детей, высокой стоимостью жилья и прочими расходами, а также русофобией в странах ЕС¹⁸.

Премьер-министр РФ Михаил Мишустин на конкурсе «Лидеры России» в конце мая также заявил о возвращении 85 % ранее уехавших IT-специалистов. Такие выводы были сделаны на основе анализа данных sim-карт¹⁹. С подобными заявлениями выступал и министр цифрового развития связи и массовых коммуникаций РФ Максуд Шадаев²⁰.

¹⁷ Эксперты оценили отток IT-специалистов к концу первого полугодия // РБК. 28.05.2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/05/2022/628fa85d9a7947dabe3b3e30?from=from_main_1 (дата обращения: 05.06.2022).

¹⁸ Об эмиграции и возвращении IT-специалистов — первые итоги и перспективы // D-russia.ru. 12.04.2022. URL: <https://d-russia.ru/ob-jemigracii-i-vozvrashhenii-it-specialistov-pervye-itogi-i-perspektivy.html> (дата обращения: 15.05.2022).

¹⁹ Мишустин заявил, что в Россию вернулись около 85 % уехавших IT-специалистов // Российская газета. 27.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/27/mishustin-zaiavil-cto-v-rossiiu-vernulis-okolo-85-uehavshih-it-specialistov.html?> (дата обращения: 05.06.2022).

²⁰ В Минцифры рассказали о вернувшихся в Россию IT-специалистах. URL: <https://lenta.ru/news/2022/05/17/comeback/> (дата обращения: 17.05.2022); Возвращение уехавших из России IT-специалистов объяснили. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/20/explained/?ysclid=14y9yx19zo438397247> (дата обращения: 20.06.2022).

Согласно исследованию hh.ru крупные работодатели потеряли не более 3 % IT-сотрудников. Из 100 компаний со штатом более 500 человек, опрошенных hh.ru, 42 % заявили о том, что часть их сотрудников из штата IT-специалистов покинули Россию (от 5 до 30 % сотрудников IT), в то время как 58 % компаний говорят о том, что никто из IT-специалистов не уехал²¹.

В релокации принимают значительное участие три большие группы IT-мигрантов, которые преимущественно связаны с иностранными предприятиями:

- 1) сотрудники иностранных компаний, свернувших свою деятельность на территории РФ и вынужденных прибегнуть к полной релокации персонала (в таких компаниях на релокацию согласились 30–40 % российских сотрудников, 20–30 % — обдумывают предложение о переезде²²);
- 2) специалисты, работающие в российских компаниях на зарубежных клиентов, получающих доход из-за рубежа;
- 3) фрилансеры, работающие на маркетплейсах, прекративших свою деятельность в России²³.

Помимо прочего, говоря о последствиях массовой миграции специалистов для IT-рынка, некоторые представители индустрии замечают, что рынок для работодателей в IT-сфере стал «более удобным», так как ранее кандидаты могли диктовать свои условия при трудоустройстве, сегодня же соискатели чаще идут на уступки. Сокращение предложений на IT-рынке труда вследствие ухода большого числа иностранных компаний из России наблюдается и в исследовании hh.ru: после 24 февраля количество вакансий для IT-специалистов сократилось на 28 %, тогда как число резюме возросло на 42 %²⁴. В мае 2022 г. тенденция по снижению вакансий в IT-секторе на фоне роста числа соискателей сохранялась²⁵.

Таким образом, на сегодняшний день можно наблюдать тенденцию по увеличению миграционного потока профессионалов в области информационных технологий из России, несмотря на проводимую государством политику поддержки IT-сектора. И, хотя отток IT-специалистов рассматривается как негативный фактор развития индустрии информационных технологий в России, имеются и оптимистические настроения относительно изменений на рынке IT вследствие миграционных процессов.

²¹ Как изменился рынок труда IT-специалистов с конца февраля // Хабр. 12.05.2022. URL: <https://habr.com/ru/news/t/665336/> (дата обращения: 15.05.2022).

²² Эксперты оценили отток IT-специалистов к концу первого полугодия // РБК. 28.05.2022. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/05/2022/628fa85d9a7947dabe3b3e30?from=from_main_1 (дата обращения: 05.06.2022).

²³ Об эмиграции и возвращении IT-специалистов — первые итоги и перспективы // D-russia.ru. 12.04.2022. URL: <https://d-russia.ru/ob-jemigracii-i-vozvrashhenii-it-specialistov-pervye-itogi-i-perspektivy.html> (дата обращения: 15.05.2022).

²⁴ Как изменился рынок труда IT-специалистов с конца февраля // Хабр. 12.05.2022. URL: <https://habr.com/ru/news/t/665336/> (дата обращения: 15.05.2022).

²⁵ Названы IT-вакансии с самой высокой зарплатой в мае 2022 года // CNews. 20.05.2022. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-05-20_nazvan_spisok_vakansij_s (дата обращения: 23.05.2022).

Результаты исследования

Особенностью массовой миграции IT-специалистов в феврале-марте 2022 г. является то, что многие иностранные компании, покинувшие российский рынок, способствуют переезду своих российских работников за рубеж, организуя программы релокации.

Как показал опрос, лишь 36,4 % респондентов приняли решение о миграции самостоятельно вне зависимости от компании, тогда как большая часть опрошенных (63,3 %) переехала в рамках организованной работодателем программы релокации, хотя 2 человека отметили, что давно планировали переезд из России, а предложение о релокации от работодателя послужило поводом для миграции. Также один из опрошенных подчеркнул, что *«решение о миграции принял самостоятельно, но с переездом помогла организация»*.

Очевидно, что участники организованных программ релокации в большинстве случаев не принимали участие в выборе направления миграции, а для тех, кто организовывал переезд самостоятельно, основными факторами при выборе страны назначения стали опыт коллег и/или друзей, переехавших ранее и осуществляющих там трудовую деятельность, а также желание оказаться в новой культурной и языковой среде.

Согласно результатам опроса, 45,5 % респондентов планируют долгосрочную миграцию на 5 лет и более. На один или два года готовы переехать 18,2 %, в то время как 27,3 % участников опроса намерены навсегда покинуть Россию. Причем, говоря об условиях возвращения, большинство опрошенных готовы вернуться в Россию после смены политического режима в стране, 18,2 % заинтересованы в более высокой оплате труда, а 9,1 % ожидают окончания активной фазы специальной военной операции России на Украине (СВО).

Причины миграции

При исследовании причин миграции факторы, которые стали основным мотивом для переезда, не всегда очевидны для самих опрашиваемых. В случае с миграцией IT-специалистов мы выделяем четыре группы таких факторов, связанных с технологическими вопросами и особенностями работы в IT-сфере, политическими аспектами, социальной сферой и, наконец, финансово-экономическими причинами.

Политические факторы

Вопросы миграции неразрывно связаны с политическими процессами, происходящими в мире. Массовая миграция IT-специалистов из России также является последствием складывающейся в настоящее время политической ситуации, связанной с началом СВО. Для того чтобы определить, как политические факторы влияют на принятие решений среди IT-специалистов, необходимо выявить их отношение к сфере политики в целом. Как показал опрос, политика интересует представителей IT-индустрии, причем более половины

(60 %) призналась, что по большинству вопросов они имеют определенную позицию. Только один из респондентов отметил, что предпочитает избегать политических тем. Причем начало СВО никак не повлияло на изменение политической позиции у 80 % опрошенных, об изменениях, но не кардинальных, говорят 3 респондента, 2 из которых уехали или планируют покинуть Россию в ближайшем будущем.

Более показательными и не столь однозначными в этом отношении являются ответы респондентов о восприятии российской политики и чувстве принадлежности к гражданству России. Почти половина (46,7 %) опрошенных говорят об остром конфликте идентичности и эмоциональных переживаниях в связи с происходящими событиями. 26,7 % также отметили, что чувствуют внутренний конфликт, хотя и не ощущают тягости и страданий, столько же опрошенных в принципе не связывают свою гражданскую идентичность с проводимой государством политикой. Как можно было предположить, о внутреннем конфликте между восприятием политики России и чувством принадлежности к государству в большинстве своем (82 %) упоминали респонденты, уехавшие из России или планирующие покинуть страну в ближайшем будущем.

Что же касается политических факторов, способствующих миграции IT-специалистов, то в ходе опроса не удалось выявить какой-либо единой позиции по данному вопросу среди тех, кто уже покинул Россию или планирует переезд в ближайшем будущем. 54,6 % опрошенных не смогли выделить какую-либо определенную политическую причину миграции, называя такие факторы, как боязнь призыва в армию или ареста, невозможность выражать свою позицию в социальных сетях, несогласие с политикой властей или точкой зрения окружающих. Наиболее категоричны были 27,3 % респондентов, которые высказали свое несогласие с политикой властей и нежелание иметь ничего общего с Россией. Один из опрошенных признался, что опасается возможности объявления мобилизации: *«Боюсь, что объявят мобилизацию и я не смогу покинуть страну»*. И один человек также отметил, что ощущает *«дискомфорт от того, что вокруг присутствуют люди с иной политической позицией»*.

Финансово-экономические факторы

В контексте профессиональной миграции одним из важнейших факторов принятия решения о переезде является финансово-экономическая составляющая. Западные санкции в отношении России направлены на существенное ограничение экономической и банковской деятельности, финансовых и валютных операций, международной торговли и пр. Для представителей IT-индустрии, чья деятельность финансировалась за счет зарубежных компаний, подобные ограничения, в частности на перевод денежных средств и отключение российских банков от SWIFT, стали существенным препятствием для осуществления трудовой деятельности на территории РФ.

Так, 18,2 % респондентов ответили, что получали оплату в валюте, работая на иностранного заказчика, и в настоящее время не могут получать заработную плату ввиду санкций в банковской системе. Столько же IT-специалистов признались, что после переезда работодатель предложил зарплату в валюте, что поспособствовало принятию решения о переезде.

Однако большинство опрошенных (54,4 %) в качестве основной причины миграции, связанной с финансово-экономическим вопросом, назвали повышение заработной платы: *«Мой работодатель предложил зарплату выше, чем та, на которую я могу рассчитывать в России в нынешних обстоятельствах»*.

Также в процессе рассуждения о финансовых и экономических причинах миграции респонденты отмечали рост инфляции и дефицит товаров, а также невозможность инвестирования в ценные бумаги: *«...ужасная инфляция в РФ. Невозможно инвестировать на фондовой бирже. Дефицит и плохое качество товаров. Будущий дефицит электроники и техники»*.

Социальные факторы

Западные санкции, действующие в России на протяжении нескольких лет и усилившиеся за последние несколько месяцев, существенно повлияли и на социальную сферу в стране, о чем свидетельствуют ограничение авиасообщений, запрет и ограничение ряда СМИ и социальных сетей, «оторванность» от глобального интернет-сообщества, риск роста безработицы, в том числе из-за ухода с российского рынка некоторых зарубежных компаний, ограничения использования банковских карт и пр.

Мнения IT-специалистов относительно социальных факторов, как показал опрос, значительно разнятся. 27,3 % респондентов стремятся начать новую жизнь в другой стране, *«попробовать свои силы»*. Столько же опасаются безработицы в условиях санкций и роста конкуренции на рынке труда: *«...боюсь безработицы и что не смогу найти нормальную работу в своей сфере. Я не хочу тут жить и заводить семью»*. 18,2 % IT-работников боятся потерять свой профессиональный уровень вне мирового контекста развития IT-сферы. Для такого же количества опрошенных важно наличие возможности путешествовать. Также респонденты (9,1 %) отмечали желание пользоваться социальными сетями без ограничений: *«Хочу спокойно вести социальные сети»*.

Технологические факторы

Развитие IT-индустрии в России, как и во многих прочих странах, напрямую связано с глобальными игроками IT-рынка, предоставляющими как оборудование, так и программное обеспечение, а также иные сервисы для осуществления эффективной деятельности IT-отрасли. Являющиеся преимущественно западными (США и ЕС), крупные IT-компании после 24 февраля приняли решение об уходе и/или приостановке своей деятельности на территории Российской Федерации, что существенно отразилось на деятельности российских компаний

как IT-сферы, так и других секторов экономики, использующих продукты зарубежных IT-компаний. Так, о приостановке деятельности и предоставлении услуг в России заявили Microsoft, SAP, Oracle, Cisco Systems Inc, Nvidia, Autodesk, Adobe, IBM и пр. Наибольшее волнение также создавали многочисленные слухи об отключении России от сети Интернет.

Так 45,5 % респондентов среди технологических факторов переезда назвали именно риск отключения или ограничения доступа к интернету, а еще для 27,3 % препятствием для работы в России стало отсутствие тех или иных IT-продуктов: *«Невозможность работать из-за отключения от интернета. Ну и без новых и качественных девайсов и софта будет сложнее работать»*. Один из опрошенных отметил, что ему *«нравится работа в IT и уровень зарплат в этой области»* и высказал опасения *«быть невостребованным в России»*.

В целом, как показало исследование, среди четырех групп факторов миграции только в контексте финансово-экономических причин наблюдается некоторая согласованность в ответах респондентов, хотя и этот показатель составил чуть более половины (54,4 %) от общего числа опрошенных, принявших положительное решение о миграции. Можно сделать вывод, что для большинства специалистов, решивших пойти по пути цифрового кочевничества, главными причинами стали экономические. Что же касается политических и социальных аспектов, то в этом случае можно отметить наличие различных мнений относительно факторов, способствующих релокации IT-специалистов.

Причины не уезжать

Наряду с факторами выталкивания, целесообразным будет рассмотреть и факторы, которые побудили IT-специалистов остаться и продолжить свою профессиональную деятельность в России в условиях санкций и сложной политической обстановки.

Говоря о таких факторах, респонденты, оставшиеся в России, заявляют о своей некомпетентности в вопросах внутренней и внешней политики и не стремятся каким-либо образом выражать свою политическую позицию (25 %). Три четверти респондентов среди причин, по которым они остались в России, политику вообще не упоминали.

В отношении социальных причин респонденты также не показали единодушия. Так, для кого-то определяющим стало наличие в России родственников и друзей и опасение разрыва отношений с ними из-за переезда. Другие респонденты не готовы *«коренным образом менять свою жизнь»* и могут *«жить только в России, в русской языковой и культурной среде»*. Также среди причин нежелания переезжать упоминалось отсутствие приглашения на работу за рубежом от работодателя и нежелание искать работу за границей самостоятельно.

Говоря о финансово-экономических причинах, респонденты, оставшиеся в России, отметили такие факторы, как наличие достаточно высокого заработка в России, а также различных обязательств, в частности невыплаченные кредиты (ипотека).

Господдержка IT-отрасли как мера по противодействию оттоку IT-специалистов

Правительство России уже не первый год проводит активную политику по содействию развития российской IT-отрасли и поддержке IT-специалистов. Значительную поддержку IT-компании получили в период коронакризиса в 2020 г., а в 2022 г. перечень мер господдержки расширился еще на несколько позиций.

Президент Российской Федерации 2 марта 2022 г. подписал Указ «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации»²⁶, согласно которому для российских IT-компаний будут действовать льготы на кредитование и грантовая поддержка, они будут освобождены от уплаты налогов на прибыль и проверок контролирующими органами в течение трех лет и пр. Сотрудники IT-компаний получают отсрочку от армии и возможность улучшения жилищных условий, а также повышение зарплат. Иностранцам соискателям специалистам в области IT будет проще устроиться на работу и получить ВНЖ.

Тем не менее меры правительства по поддержке IT-отрасли не вызывают доверия у 87 % опрошенных IT-специалистов. И даже при наличии доверия к подобным инициативам, *«нет желания сотрудничать»*. При этом только 47 % респондентов внимательно следят за деятельностью правительства России по поддержке IT-индустрии, а 20 % о такой деятельности не слышали и не интересуются подобными вопросами.

Сами участники опроса, размышляя о необходимых мерах по поддержке отечественной IT-сферы, обращают внимание на различные аспекты, среди которых необходимость организации эффективного процесса обучения специалистов в области информационных технологий и подготовки профессиональных кадров, чьи навыки и компетенции отвечали бы требованиям рынка: *«Организовать адекватную программу обучения в IT-сфере, в первую очередь для студентов и для тех, кто желает переобучить/освоить новую профессию»*.

Вопросы финансирования и налогообложения также беспокоят представителей IT-индустрии: *«Полностью исключить налоги в IT, так как налоги уже оплачивает бизнес, который является заказчиком у IT»*.

Также остро стоит вопрос разработки отечественных IT-продуктов, что позволило бы российской IT-отрасли быть менее зависимой от зарубежных компаний: *«Всесторонняя и всеобъемлющая поддержка внутренней разработки и производства микроэлектроники и чипов, чтобы государство было независимо в этой области от проблем за рубежом»*;

«Перестать тратить деньги на ненужных чиновников, бесполезные контракты на оборудование и услуги в госсекторе. Реальные деньги специалистам, а не менеджерам».

---

²⁶ Указ «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 02.03.2022. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203020001> (дата обращения: 15.05.2022).

Одной из проблем развития отрасли, требующей решения, согласно результатам опроса является наличие ограничений в интернет-пространстве: «...перестать цензурировать интернет», «Перестать все подряд блокировать и запрещать...»

В контексте поддержки сотрудников IT-компаний респонденты чаще всего говорили о «льготной ипотеке» и «достойных зарплатах».

В то же время некоторые участники опроса склонны пессимистично воспринимать какие-либо меры и инициативы правительства по поддержанию ответственного IT-бизнеса: «Считаю, наша IT-сфера канула в лету еще в конце 90-х годов и ей придется очень долго наверстывать».

Таким образом, можно заметить, что предложения респондентов в большей мере затрагивают финансовую и экономическую сторону, будь то содействие развитию IT-отрасли в целом или же поддержка непосредственно IT-специалистов. Также значимыми представляются социальные аспекты, такие как образование и свобода интернет-активности.

Кроме того, следует отметить, что предложения опрошенных IT-специалистов коррелируют с уже принятыми правительством мерами по поддержке IT-индустрии в России (налоги, льготная ипотека, вопрос повышения заработной платы и др.). Однако, очевидна проблема доверия между государством и гражданами — объектами государственной поддержки, в данном случае IT-специалистами. Именно в этом направлении необходимы первоочередные усилия государства.

Заключение

Развитие IT-отрасли в России является одной из приоритетных задач государства, о чем свидетельствуют многочисленные меры и инициативы правительства, направленные на поддержку данного сектора экономики. И хотя доля IT-сферы в российской экономике остается небольшой, согласно исследованиям рынка информационных технологий, отечественная IT-индустрия показывает стабильный рост в последние несколько лет, в том числе в период COVID-19.

Тем не менее сегодня индустрия информационных технологий в России переживает спад: прогнозируются снижение объема российского IT-рынка, нехватка кадров, снижение эффективности деятельности в связи с уходом из России ряда зарубежных IT-компаний.

Одной из наиболее существенных на сегодняшний день проблем для российской отрасли информационных технологий является массовый отток IT-специалистов из страны в результате сложной политической обстановки и действия западных санкций. И, как показало исследование, правительственные меры по поддержке отрасли не вызывают доверия среди IT-сообщества и не способствуют снижению темпов миграции среди IT-специалистов.

Процессы миграции, в свою очередь, инициируют вопросы трансформации идентичности мигрантов или, в соответствии с нынешними реалиями,

цифровых кочевников. Как показал опрос, респонденты ощущают внутренний конфликт между своей гражданской идентичностью происходящими процессами в политической сфере. Подобные противоречия и образ жизни цифрового кочевника, предполагающий стремление к свободе и финансовому благополучию и постижению своего Я и мира вокруг, способствуют, с одной стороны, утрате гражданской идентичности, а с другой — усилению идентичности, основанной на принципах космополитичности.

В результате проведенного исследования было выявлено, что причины оттока IT-специалистов носят комплексный характер и включают как финансово-экономические и социально-политические факторы, так и факторы, связанные с особенностями работы в сфере информационных технологий. Опрос IT-специалистов показал неоднозначность позиций респондентов, особенно в контексте политических и социальных причин миграции. При этом наибольшее согласие было достигнуто по вопросам финансово-экономического характера и технологическому аспекту. Подобная разрозненность в ответах участников опроса затрудняет дать однозначную оценку того, какие из факторов являются наиболее приоритетными при принятии решения о миграции. Однако, основываясь на предложениях IT-специалистов по поддержке отечественной отрасли информационных технологий, можно заметить обеспокоенность респондентов по поводу финансовых вопросов развития IT-индустрии, а также дальнейшего развития сферы информационных технологий, в том числе в контексте разработки отечественных IT-продуктов.

Поступила в редакцию / Received: 10.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 25.05.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Антощук И.А., Леденева В.Ю.* Из России в Великобританию: о механизмах миграции молодых ученых в области компьютерных наук // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 108–118. <https://doi.org/10.31857/S013216250004015-9>
- Арпентьева М.Р.* Медиатизация жизни и цифровое кочевничество: типы цифрового кочевничества и их идентичность // Медиаисследования. 2017. № 4–1. С. 5–16.
- Брага И.В., Жураховская И.М.* Материальная и нематериальная мотивация IT-специалистов // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2021. № 2. С. 41–50. <https://doi.org/10.37691/2311-5351-2021-0-2-41-50>
- Варавва М.Ю.* Интеллектуальная миграция как дестабилизирующий фактор на пути к инновационной модели развития России // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник / отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2017. С. 536–539.
- Добринская Д.Е.* О феномене цифрового кочевничества // ЭКО. 2020. № 2(548). С. 37–59. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59>
- Земнухова Л.В.* IT-специалисты на мировом рынке: стратегии миграции и использование языка (на примере русских в Лондоне) // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 4. С. 154–164.

- Краснов А.С., Краснова С.А. Кадры как решающий фактор успешного развития цифровой экономики // Управленческий и сервисный потенциал цифровой экономики: проблемы и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Омск, 14–15 мая 2020 года / редколл. Е.В. Яковлева (отв. ред.), А.А. Белолобова. Омск: Омский государственный технический университет, 2020. С. 165–169.
- Кужелева-Саган И.П. Культура цифровых кочевников и возможные подходы к ее изучению // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции, Томск, 24–26 мая 2016 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 166–182. <https://doi.org/10.17223/9785946216104/25>
- Кужелева-Саган И.П., Сучкова Н.А. Онтология сетевого общества и культура цифровых кочевников: методологические подходы // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 58–63. <https://doi.org/10.17223/15617793/440/8>
- Мельков С.А., Салтыкова М.В., Лябах А.Ю. «Цифровые кочевники»: проблематизация появления и влияния на развитие современного общества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1 (834). С. 76–94.
- Томакова Р.А., Томаков В.И. Российский рынок труда в сфере информационных технологий в 2021 году // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 150–166. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166>
- Шибанов А.П. Социологическое исследование миграции из Российской Федерации специалистов в сфере ИТ // Особенности государственной политики России в условиях санкций: сборник трудов Восьмой межвузовской научной конференции. Химки, 15 декабря 2020 года / Академия гражданской защиты МЧС России. Химки: Академия гражданской защиты МЧС России, 2020. С. 511–516.
- Яковлев А.А., Кузык М.Г., Седых И.А. Влияние пандемии и государственной антикризисной политики на российский ИТ-сектор // ЭКО. 2021. № 5. С. 8–28. <https://doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2021-5-8-28>
- Attali J. Millennium: winners and losers in the coming world order. New York: Random House, 1991.
- Bogard W. Simmel in cyberspace // Space and Culture. 2000. Vol. 4/5. P. 40–59.
- Deleuze G., Guattari F. Nomadology: The War Machine. New York: Semiotext (e), 1986.
- Deleuze G. Guattari F. Capitalism and Schizophrenia. Vol. 2. A Thousand Plateaus. London and New York: Continuum, 2004.
- Ehn K., Jorge A., Marques-Pita M. Digital Nomads and the COVID-19 Pandemic: Narratives About Relocation in a Time of Lockdowns and Reduced Mobility // Social Media + Society. 2022. January-March. P. 1–11. <https://doi.org/10.1177/20563051221084958>
- Gussekkloo A., Jacobs E. Digital Nomads. N. Y., 2016.
- Hannonen O. In search of a digital nomad: defining the phenomenon // Information Technology & Tourism. 2020. № 22. P. 335–353. <https://doi.org/10.1007/s40558-020-00177-z>
- Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. 3(1). P. 47–57.
- Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Wiley, New York, 1997.
- Mancinelli F. Digital nomads: freedom, responsibility and the neoliberal order // Information Technology & Tourism. 2020. № 22. P. 417–437. <https://doi.org/10.1007/s40558-020-00174-2>
- McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man (1st MIT Press, ed.). Cambridge, Mass.: MIT Press, 1994.
- Müller A. The digital nomad: Buzzword or research category? // Transnational Social Review. 2016. № 6(3). P. 344–348. <https://doi.org/10.1080/21931674.2016.1229930>

- Peters J.D. *Exile, nomadism, and diaspora // Home, exile, homeland: film, media, and the politics of place*. New York, 1999.
- Sisson N. *The Suitcase Entrepreneur: Create freedom in business and adventure in life*. New York, 2013.
- Thompson B.Y. *The Digital Nomad Lifestyle: (Remote) Work/Leisure Balance, Privilege, and Constructed Community // International Journal of the Sociology of Leisure*. 2019. № 2. P. 27–42. <https://doi.org/10.1007/s41978-018-00030-y>
- Woldoff R.A., Litchfield R.C. *Digital nomads: In search of freedom, community, and meaningful work in the new economy*. USA: Oxford University Press, 2021.

References

- Antoshchuk, I., & Ledeneva, V. (2019). From Russia to the UK. On migration mechanism of young Russian computer scientists. *Social Research*, (2), 108–118. <https://doi.org/10.31857/S013216250004015-9> (In Russian).
- Arpentieva, M.R. (2017). Mediatization of life and digital nomadism: Types of digital nomadism and their identity. *Media Research*, (4-1), 5–16 (In Russian).
- Attali, J. (1991). *Millennium: Winners and losers in the coming world order*. New York: Random House.
- Bogard, W. (2000). Simmel in cyberspace. *Space and Culture*, 4(5), 40–59.
- Braga, I.V., & Zhurakhovskaya, I.M. (2021). Material and non-material motivation of IT-specialists. *Bulletin of the Moscow Humanitarian and Economic Institute*, (2), 41–50. <https://doi.org/10.37691/2311-5351-2021-0-2-41-50> (In Russian).
- Deleuze, G., & Guattari, F. (2004). *Capitalism and schizophrenia* (Vol. 2. A Thousand Plateaus). London and New York: Continuum.
- Deleuze, G., & Guattari, F. (1986). *Nomadology: The war machine*. New York: Semiotext(e).
- Dobrinskaya, D.E. (2020). On phenomenon of digital nomadism. *ECO*, 2(548), 37–59. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-2-37-59> (In Russian).
- Ehn, K., Jorge, A., & Marques-Pita, M. (2022). Digital nomads and the COVID-19 pandemic: Narratives about relocation in a time of lockdowns and reduced mobility. *Social Media + Society*, January-March, 1–11. <https://doi.org/10.1177/20563051221084958>
- Gussekloo, A., & Jacobs, E. (2016). *Digital Nomads*. N. Y.
- Hannonen, O. (2020). In search of a digital nomad: Defining the phenomenon. *Information Technology & Tourism*, (22), 335–353. <https://doi.org/10.1007/s40558-020-00177-z>
- Krasnov, A.S., & Krasnova, S.A. (2020). Personnel as a decisive factor in the successful development of the digital economy. In *Management and Service Potential of the Digital Economy: Problems and Prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 165–169). Omsk: Omsk State Technical University (In Russian).
- Kuzheleva-Sagan, I.P. (2016). Culture of digital nomads and possible approaches to its study. In *Digital Nomadism as a Global and Siberian Trend: Proceedings of the III International transdisciplinary scientific and practical WEB-conference* (pp.166-182). Tomsk: National Research Tomsk State University. <https://doi.org/10.17223/9785946216104/25> (In Russian).
- Kuzheleva-Sagan, I.P., & Suchkova, N.A. (2019). Ontology of the network society and the culture of digital nomads: Methodological approaches. *Tomsk State University Bulletin*, (440), 58–63. <https://doi.org/10.17223/15617793/440/8> (In Russian).
- Lee, E. (1966). A theory of migration. *Demography*. 1966, 3(1), 47–57.
- Makimoto, T., & Manners, D. (1997). *Digital Nomad*. New York: Wiley.
- Mancinelli, F. (2020). Digital nomads: freedom, responsibility and the neoliberal order. *Information Technology & Tourism*, (22), 417–437. <https://doi.org/10.1007/s40558-020-00174-2>

- McLuhan, M. (1994). *Understanding Media: The Extensions of Man* (1st MIT Press, ed.). Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Melkov, S.A., Saltykova, M.V., & Lyabakh, A.Yu. (2019). “Digital nomads”: problematization of the appearance and impact on the development of the modern society. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(834), 76–94 (In Russian).
- Müller, A. (2016). The digital nomad: Buzzword or research category? *Transnational Social Review*, 6(3), 344–348. <https://doi.org/10.1080/21931674.2016.1229930>
- Peters, J.D. (1999). *Exile, nomadism, and diaspora. Home, exile, homeland: film, media, and the politics of place*. New York.
- Shibanov, A.P. (2020). Sociological study of it specialists migration from the Russian Federation. In *Features of the State Policy of Russia in the Context of Sanctions: Proceedings of the Eighth Interuniversity Scientific Conference*. Khimki: Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia (In Russian).
- Sisson, N. (2013). *The Suitcase Entrepreneur: Create freedom in business and adventure in life*. New York.
- Tomakova, R.A., & Tomakov, V.I. (2022). The Russian labor market in the information technology industry in 2021. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, 12(1), 150–166. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166> (In Russian).
- Thompson, B.Y. (2019). The digital nomad lifestyle: (Remote) work/leisure balance, privilege, and constructed community. *International Journal of the Sociology of Leisure*, (2), 27–42. <https://doi.org/10.1007/s41978-018-00030-y>
- Varava, M.Yu. (2017). Intellectual migration as a destabilizing factor on the way to an innovative model of Russia’s development. In *Russia: Trends and Development Prospects. Yearbook* (pp. 536–539). Moscow (In Russian).
- Woldoff, R.A., & Litchfield, R.C. (2021). *Digital nomads: In search of freedom, community, and meaningful work in the new economy*. Oxford University Press. USA.
- Yakovlev, A., Kuzyk, M., & Sedykh, I. (2021). The impact of crisis and government’s anti-crisis policy on the Russian it sector. *ECO*, (5), 8–28. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-5-8-28> (In Russian).
- Zemnukhova, L.V. (2015). IT-specialists on the global market: Migration strategies and professional networks (the case of Russian IT in London). *Sociology of Science and Technology*, 6(4), 154–164 (In Russian).

Сведения об авторе:

Таишева Василия Варисовна — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (e-mail: taisheva-vv@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-0459-7380)

About the author:

Vasilya V. Taisheva — PhD in Political Science, Senior Lecturer of the Department of Comparative Politics, RUDN University (e-mail: taisheva-vv@rudn.ru) (ORCID: 0000-0002-0459-7380)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ИНТЕРНЕТ-ПРОТЕСТ

POLITICAL POLARIZATION AND INTERNET PROTEST

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498

Научная статья / Research article

Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга?

Д.К. Стукал¹ , А.С. Ахременко¹ , А.П. Петров²

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*

² *Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

 dstukal@hse.ru

Аннотация. Многочисленные исследования указывают на прогрессирующий рост показателей политической поляризации в странах мира в целом, а также ее разновидности — аффективной поляризации. Предшествующие работы, посвященные данной проблеме, опирались почти исключительно на реактивные методы исследования (включая опросы и экспериментальные методики), не позволяющие наблюдать за поведением объектов анализа в естественной среде. В данном исследовании мы предлагаем альтернативный подход, основанный на анализе наблюдаемого поведения пользователей социальных сетей и выявлении ключевых поляризирующих расколов путем анализа использования языка вражды в отношении различных целевых групп. Предложена оригинальная методика кодировки текстовых сообщений, включающая два ключевых компонента: операционализированное определение языка вражды как явления, содержащего хотя бы один из трех признаков: оскорбление, дискриминация, агрессия; а также оригинальный гайд для кодирования случаев использования языка вражды. Предлагаемая методика апробируется в работе на эмпирическом материале, включающем более 5000 сообщений, опубликованных в социальной сети ВКонтакте по тематике встреч Президентов России и Беларуси в 2020–2021 гг. Была проведена кодировка собранных данных, и на ее основе проведен анализ, выявивший две устойчивые линии раскола, связанные с внутривнутриполитическими размежеваниями в этих странах и противопоставлением России/Беларуси странам Запада, а также третью, соответствующую противопостав-

© Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

лению по страновому российско-белорусскому признаку и являющуюся специфической для анализируемого массива. Проведенный анализ позволил также выявить макрогруппы объектов языка вражды во временном разрезе. Отметим, что этот результат, как и вообще обращение к динамическим аспектам процесса, были бы труднодоступными для исследования, опирающегося на реактивные методы. Полученные результаты указывают на возможность применения предлагаемой методики к широкому кругу текстовых материалов, а использование методов разведывательного анализа к обработке получаемых данных позволяет избежать ограничений, характерных для опросных инструментов.

Ключевые слова: поляризация, аффективная поляризация, язык вражды, язык ненависти, ВКонтакте, социальные сети

Для цитирования: Стукал Д.К., Ахременко А.С., Петров А.П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480–498. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31340 «Политическая поляризация в России и Беларуси: эмпирический анализ „языка вражды“ в социальных медиа». Авторы благодарят за помощь в проведении исследования студентов НИУ ВШЭ: Д.А. Болатаяеву, Д.А. Гончарову, Н.А. Деревцову, О.В. Золотову, К.А. Колесникову, А.В. Курбатова, Д.И. Левена, Е.А. Салтыкова, Н.С. Суханову, Д.Н. Чернова, А.Н. Шилину.

Affective Political Polarization and Hate Speech: Made for Each Other?

Denis K. Stukal¹ , Andrei S. Akhremenko¹ , Alexander P.C. Petrov²

¹ National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

² Keldysh Institute for Applied Mathematics (Russian Academy of Sciences), Moscow, Russian Federation

 dstukal@hse.ru

Abstract. Abundant academic research has shown evidence of the growing polarization across the globe both in general and in terms of affective polarization. Previous research on this topic primarily employed reactive research methods like surveys or experiments, which however do not allow researchers to observe the behavior of the units of analysis in a natural setting. Presents an alternative approach that involves analyzing the observed behavior of social media users and identifying the key polarizing cleavages through the study of hate speech with respect to distinct target groups. We present a novel coding schema for textual data, which includes two components: first, an operationalized definition of hate speech as a phenomenon with at least one of the three elements — insult, discrimination, or aggression; and second, an original coding guide for human coders annotating the use of hate speech. We apply our approach to the analysis of empirical data that includes over 5000 posts on the social media platform VK about the meetings between the Presidents of Russia and Belarus in 2020–2021. After coding the collected data, we performed the empirical analysis that identified two generic cleavages. One is about domestic politics in Belarus and Russia, whereas the other is related to the opposition between these two countries on the one hand, and Western countries on the other. We also found an additional Russian/Belarusian cleavage that is peculiar to the collected dataset. Our methodology also allowed us to identify

and analyze the dynamics of macro-groups that were targets of hate speech. Importantly, these results — as any other dynamic aspect of analysis — would be highly challenging in research based on reactive methods. Thereby our results highlight the prospects of applying the proposed methodology to a broad range of textual data, as well as the benefits of exploratory analysis that helps overcome the limitations of survey instruments.

Keywords: polarization, affective polarization, hate speech, VK, social media

For citation: Stukal, D.K., Akhremenko, A.S., & Petrov, A.P. (2022). Affective political polarization and hate speech: Made for each other? *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 480–498. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>

Acknowledgements: The study was supported of the RFBR and ANO EISS in the framework of scientific project No. 21-011-31340 “Political Polarization in Russia and Belarus: an empirical analysis of the “hate speech” in social media”. The authors are grateful for the help of HSE students in conducting the study: D.A. Bolataeva, D.A. Goncharova, N.A. Derevtsov, O.V. Zolotova, K.A. Kolesnikov, A.V. Kurbatov, D.I. Leven, E.A. Saltykov, N.S. Sukhanova, D.N. Chernov, A.N. Shilina.

Аффективная поляризация и язык ненависти в современной политической науке

В политической науке последнего десятилетия ключевым трендом в исследовании феномена политической поляризации стал переход от одномерного представления, связанного с идеологией и ее проекциями на вопросы повестки дня, к гораздо более объемной и многомерной картине. Традиционным для политологии является понимание поляризации как расхождения позиций (positional polarization) между партиями и индивидами в некотором политическом измерении [Fiorina, Abrams 2008]: очень наглядным представлением здесь является центробежное движение по классической лево-правой шкале, восходящей еще к Великой французской революции. Разумеется, расхождение позиций может происходить и в иных широких ценностно-политических измерениях, и гораздо более локально — по какому-то вопросу текущей повестки или по отношению к определенной политической фигуре или группе. В последние годы позиционный взгляд дополняется еще как минимум двумя самостоятельными исследовательскими фокусами, связанными с концептами структурной и аффективной поляризации.

Понятие структурной поляризации (иногда называемой также поляризацией взаимодействий, interactional polarization [Yarchi, Baden, Kligler-Vilenchik 2021] сформировалось в рамках исследований цифровой политической коммуникации. Первоначальный взгляд на интернет как на среду, в наибольшей степени благоприятную конструктивному обмену различными точками зрения [Paracharissi 2002], по мере накопления исследовательских результатов менялся на почти противоположный. И сейчас для значительной части ученых один из ключевых отправных пунктов состоит в том, что особенности структурирования коммуникации, получения информации в рамках социальных медиа способствуют фрагментации поля дебатов, размежеванию политических позиций.

Это происходит за счет, во-первых, феномена «гомофилии» [McPherson, Smith-Lovin, Cook 2001] — склонности поддерживать общение с людьми, близкими по политическим взглядам, и дистанцироваться от идейных оппонентов [Settle 2018]. Именно в интернете, предоставляющем широкие возможности для установления / расторжения коммуникационных связей, по сравнению с «физическим» миром, и в целом для «фильтрации» контента (selective exposure [Bode 2016]), этот эффект наиболее силен. Во-вторых, доступность широкой палитры разнообразных точек зрения подталкивает многих пользователей социальных медиа скорее к поиску источников, подтверждающих их уже сложившиеся представления, нежели к участию в дебатах с оппонентами [Wolleback et al. 2019]. Наконец, свой вклад вносят и алгоритмы рекомендательных и поисковых систем самих социальных медиа, учитывающих предшествующую активность пользователей и их социально-демографические характеристики [Cho et al. 2020]. В результате формируются почти закрытые от внешнего мира «эхо-камеры» (echo chambers) или «информационные пузыри» (filter bubbles), склонные концентрироваться на полюсах политических дискуссий [Bodrunova et al. 2019]. В этом, в очень кратком изложении, состоит суть и механизм структурной поляризации.

Третий тип политической поляризации, центральный для нашей работы, — аффективная поляризация (affective polarization). Она заключается в возрастании враждебности и агрессии по отношению к политическим оппонентам, а также разделяемым ими идеям и ценностям. При этом сами эти идеи и ценности могут не претерпевать никаких изменений. Примечательно, что авторы концепции аффективной политической поляризации¹ исходно рассматривали ее как сугубо северо-американский феномен, связанный с нарастающей неприязнью, вплоть до ненависти, между демократами и республиканцами [Iyengar, Sood, Lelkes 2012: 405]. Однако очень быстро концепт аффективной поляризации стал востребован исследователями самых различных страновых кейсов — от Израиля [Harel, Jameson, Maoz 2020] до Эфиопии [Gagliardone 2014] — и лег в основу самостоятельного и быстро развивающегося направления политических исследований.

Внимание к концепту аффективной поляризации обусловлено несколькими причинами, помимо явных эмпирических свидетельств в пользу ее значимости как фактора восприятия политики и коммуникаций в этой сфере [Iyengar et al. 2019].

Во-первых, это вписывается в наметившийся в последние годы тренд к большему учету эмоциональной составляющей принятия решений и эффектов внутри- и межгруппового влияния, в свою очередь ведущего к более широкому использованию в политической науке результатов социальной психологии. Именно эта дисциплина дает общую рамку рассмотрения аффективной поляризации, основанную на теории социальной идентичности (social identity theory) [Tajfel,

---

¹ «Программным», наиболее широко цитируемым текстом здесь является статья Ш. Ийенгара, Г. Соода и И. Лелкеса (из Стэнфордского, Принстонского и Амстердамского университетов соответственно) «Аффект, а не идеология», опубликованная в журнале *Public Opinion Quarterly* в 2012 г. [Iyengar, Sood, Lelkes 2012]

Turner 1979]. В соответствии с ними идентификация с некоторым — формальным или неформальным — сообществом (ингруппой) автоматически приводит к конструированию представления о противостоящей ему аутгруппе. Такое разделение порождает у индивида склонность положительно оценивать членов ингруппы и отрицательно — представителей аутгруппы только на основании воспринимаемой групповой принадлежности. Одно из важных следствий такого взгляда на механизм аффективной поляризации состоит в том, что это явление отражает размежевание *не только и не столько индивидов, сколько групп и сообществ*; мы будем делать на этом особый акцент в части описания эмпирического инструментария нашего исследования.

Во-вторых, аффективная поляризация в значительной мере связана с использованием цифровых каналов и платформ коммуникации, которые находятся в фокусе одного из наиболее динамично развивающихся направлений политической науки. Затронутые выше механизмы структурной поляризации — селективное восприятие, сетевая гомофилия, эхо-камеры — вполне могут быть одновременно и механизмами аффективной поляризации. В целом имеется большой потенциал для синтеза этих двух (как минимум) аспектов политической поляризации как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне. Однако пока он реализован лишь в очень слабой мере; соответствующих работ на удивление мало (например: [Wolleback et al. 2019]).

Более того, «мейнстримом» эмпирических исследований аффективной поляризации остаются традиционные социологические методы. Частично это связано с американским происхождением самого концепта: именно в США оказались накоплены подходящие данные массовых социологических опросов. Так, в лонгитюдном проекте «Американское национальное исследование выборов» (American National Election Study, ANES) имеется вопрос-термометр относительно степени «теплоты» в отношении респондента к Республиканским и Демократическим партиям и их представителям: используется шкала от «холодного» (0) до «теплого» (100). Индивидуальная мера аффективной поляризации рассчитывается как расстояние между оценкой партии, к которой принадлежит респондент, и оценкой оппозиционной партии [Mason 2013].

Сходные социологические инструменты предполагают соотнесение респондентами представителей партий с этически и эмоционально окрашенными характеристиками: «доброжелательный», «умный», «открытый», «щедрый» vs «эгоистичный», «злобный», «лицемерный» и т.п. [Iyengar, Sood, Lelkes 2012]. Еще один подход опирается на традиции исследований социального капитала и выводит меру аффективной поляризации из оценок степени доверия, испытываемого респондентами по отношению к оппозиционным политическим сообществам. В этом же русле лежит измерение социальной дистанции через оценку приемлемости и комфорта вступления в близкие личные отношения с оппонентами: например, отношение к перспективе брака ребенка с представителем оппозиционной партии [Iyengar et al. 2019; Druckman, Levendusky 2019].

Наряду с опросными методиками, основанными на самоотчетах (self-report), используются и поведенческие (behavioral) подходы, основанные на фиксации

наблюдаемых реакций. Основные экспериментальные техники, используемые для выявления и оценки аффективной поляризации, основываются на играх по распределению некоторого ограниченного объема финансовых средств — игра диктатора (dictator game), игра доверия (trust game) и т.п. [Carlin, Love 2013]. Уровень проявления аффективной поляризации измеряется здесь как разность в количестве денег, распределенных представителям своей группы по сравнению с «чужаками».

Характеризуя приведенные методики для выявления и оценки уровня аффективной поляризации, отметим, что все они являются реактивными: исследователь создает определенный стимул (в виде вопроса или правил игры) и оценивает реакцию респондента или испытуемого. Такая ситуация является искусственной в том смысле, что она может быть никак не связана с повседневным поведением и представлениями индивида. Будет ли естественное, невынужденное поведение соответствовать тем закономерностям, которые выявляют опросы и эксперименты? Однозначно положительного ответа на этот вопрос, вообще говоря, нет. В случае с разными формами самоотчета проблема усугубляется эффектом социальной желательности.

Отметим и более технический, но важный момент: с помощью экспериментальных техник и опросов со сложным дизайном трудно набирать длинные временные ряды наблюдений. По данной тематике доступны лишь лонгитюдные исследования с простейшими вопросами вроде «термометров» в названном ANES, которые исходно не планировались как инструменты измерения собственно аффективной поляризации. А наличие рядов динамики очень важно хотя бы потому, что само понятие поляризации отражает не только явление, но и процесс.

Наконец, опросные методы хороши, когда известно, какие вопросы следует задавать. Другими словами, когда понятны ключевые линии политических размежеваний и те группы, которые противостоят друг другу. В отличие от США, где политический процесс четко структурирован вокруг борьбы двух ведущих партий, в России (и многих других странах) это совсем не очевидно.

Мы полагаем, что указанные проблемы способен преодолеть подход, основанный на фиксации элементов языка вражды (hate speech) в онлайн-дискурсе вокруг значимых политических событий. Язык вражды (ненависти²) мы пока в общем виде определим как вербальное поведение, направленное на унижение достоинства, в том числе через призывы к насилию или дискриминации³. Таким образом, язык вражды может рассматриваться как наблюдаемое проявление аффективной поляризации уже как минимум в том отношении, что он отражает ее ключевую эмоциональную (собственно аффективную) составляющую — враждебность и агрессию по отношению к оппонентам.

² В данной работе понятия «язык вражды» и «язык ненависти» употребляются как синонимы.

³ Детальное операциональное определение будет дано в разделе, посвященном авторской методике.

Однако эти явления родственны и на более глубоком теоретическом уровне. В современной литературе одним из ключевых признаков языка вражды является адресация к групповой принадлежности объекта ненависти [Olteanu et al. 2018; Siegel 2020; Kennedy et al. 2018]. Так, оскорбительные высказывания или даже призывы к насилию в отношении конкретного индивида не определяются как язык вражды, если нет явной или скрытой отсылки к целевой группе (target group); достоинство индивида подвергается унижению в силу его или ее принадлежности к некоторой социальной общности, которая и является действительным объектом ненависти. Та же логика, как мы отмечали выше, справедлива и применительно к аффективной поляризации, понимаемой в русле теории социальной идентичности: размежевание проходит на уровне групп и сообществ, а не персональных.

С эмпирической точки зрения язык ненависти также выглядит естественным индикатором аффективной поляризации. Это явно наблюдаемое поведение, регистрируемое по набору вполне операциональных признаков. При этом исследователь не создает контролируемой ситуации с заданными вариантами поведения: выборка сообщений формируется из возникающей естественным путем совокупности. Также не ожидается каких-либо форм самоотчета со стороны обследуемых. Использование данных социальных медиа позволяет сравнительно легко решить проблемы сбора ретроспективной информации и формирования рядов динамики. Наконец, огромные массивы данных интернет-коммуникаций позволяют оптимально организовать поисковое исследование: определить неочевидные заранее линии аффективной поляризации и идентифицировать противоборствующие группы.

Однако в политической науке мы располагаем лишь сравнительно небольшим числом исследований, в которых аффективная поляризация и язык вражды используются в прямой связке (см., например: [Harel, Jameson, Maoz 2020; Kennedy et al. 2018]). На фоне сказанного выше это выглядит почти парадоксальным.

Мы полагаем, что дело в своего рода инерции исследовательских традиций, сложившихся независимо друг от друга в изучении аффективной политической поляризации и языка вражды. Последний еще с 1990-х гг. рассматривается почти исключительно в контексте отношения к расовым, этническим, религиозным, сексуальным меньшинствам. Причем такой взгляд сформировался не только у исследователей (например: [Jacobs, Potter 1998]), но и на уровне официальных организаций — вплоть до Европейского союза⁴. Такой фокус фактически оставляет «за бортом» проблематики аффективной поляризации расколы по собственно политическим линиям. В исследованиях же аффективной поляризации наметилась своя «колея», связанная с изучением партийной поляризации, прежде всего в США.

⁴ Council of Europe (1997). Recommendation No. R (97) 20 of the Committee of Ministers to Member States on “hate speech”. Доступно по ссылке: URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=0900001680505d5b

В результате подход к исследованию аффективной политической поляризации на основе анализа языка ненависти в социальных медиа представляется нам существенно недооцененным. Далее мы покажем, как созданная авторами методика работает на материале сообщений в социальной сети ВКонтакте, организованных вокруг встреч президентов В. Путина и А. Лукашенко в 2020–2021 гг.

Выявление языка ненависти в социальных медиа

Методики выявления и кодирования языка ненависти в социальных медиа различаются в нескольких измерениях. Так, различаются те из них, что проводятся с использованием ручного кодирования, и те, что используют лишь машинную обработку (при этом обучение алгоритма может проводиться с использованием ручных процедур). В настоящей работе формирование выборки сообщений, содержащих язык ненависти, происходит в два этапа: машинный сбор данных по тематическому принципу и ручное выявление таких сообщений, которое происходит в рамках той же процедуры, что и кодирование, главной целью которого является классификация таких сообщений. Сходным образом поступили, в частности, авторы работы [Gitari et al. 2015]. На первом этапе они провели первоначальный отбор сообщений с так называемых «сайтов ненависти», а на втором классифицировали их как содержащие сильно выраженный, слабо выраженный и не содержащие язык вражды (strongly hateful, weakly hateful, non-hateful).

Другой подход (в частности [Olteanu et al. 2018]) предполагает, что данные уже изначально собираются так, чтобы выборка содержала лишь сообщения с языком ненависти. Это достигается за счет того, что сбор сообщений идет по ключевым словам, присущим языку вражды. Фундаментальная проблема состоит в том, что как ручной анализ, так и, тем более, машинный не всегда позволяют удовлетворительно решить вопрос о наличии языка вражды в том или ином сообщении. В целом более «машинные» процедуры ориентированы на высокую чувствительность (high recall, high sensitivity, собрать как можно больше сообщений, содержащих язык вражды), а более «ручные» — на высокую специфичность (high precision, high specificity, избежать попадания в выборку сообщений, не содержащих его).

Другой аспект процедур отбора и кодирования связан с тем, что, в зависимости от цели исследования, некоторые методики ориентированы на выявление языка вражды в отношении лишь некоторых групп как объектов ненависти, другие методики носят в этом плане универсальный характер. Например, при изучении языка вражды в адрес мусульман в качестве ключевых слов используются специфические ключевые слова, характерные для исламофобских групп [Olteanu et al. 2018]. В противоположность этому, в работе [Kennedy et al. 2018] формирование выборки происходит по алгоритму, допускающему различные группы в качестве объекта ненависти, а частью анализа было кодирование, определяющее конкретную группу: направлена ли нена-

висть данного сообщения на группу по признаку расы (этничности), национальности (в смысле принадлежности к той или иной стране, *nationality*), пола, религии, сексуальной ориентации, идеологии, политической (партийной) ориентации, состояния ментального или физического здоровья.

Наконец, отметим еще один вопрос, специфический для эмпирических исследований данной области. Высказывание считается содержащим язык вражды, лишь если объект ненависти определяется по признаку принадлежности к определенной социальной группе. Другими словами, если ненависть направлена на индивида как такового, то это не считается языком вражды. При кодировании возникает вопрос о том, каким образом определять наличие групповой направленности. Проблема не возникает, если указание на группу содержится в самом агрессивном высказывании. Однако иногда такое указание отсутствует в агрессивном высказывании, но содержится в более широком контексте. Относить ли такие случаи к языку вражды? В случае положительного ответа, каким образом возможно формализовать контекст, чтобы критерий имел четкую форму?

Покажем, как может быть формализован контекст, на примере работы [Olteanu et al. 2018], в которой под языком вражды понимаются высказывания, которые могут быть восприняты как оскорбительные, унижительные или каким-либо образом вредные и которые мотивированы, полностью или частично, чьей-либо предвзятостью в отношении какого-либо аспекта группы людей, либо комментариями такой речи другими людьми, либо речью, направленной на противодействие языку вражды. Проиллюстрируем понимание контекста, принятое в данном определении, с помощью следующего примера.

Пользователь А: Оскорбление в адрес какой-либо социальной группы. (1)

Пользователь В: Ответное оскорбление в адрес А, не называющее его групповую принадлежность. (2)

Пользователь А: Ответное оскорбление в адрес В, не называющее его групповую принадлежность. (3)

Пользователь С: Оскорбление в адрес В, не называющее его групповую принадлежность. (4)

В данном примере очевидно, что высказывание (1) содержит язык вражды, а высказывание (2) — не содержит. Высказывания (3) и (4) не содержат указания на групповую принадлежность объекта ненависти (т.е. пользователя В), однако мотивированы его высказыванием (2), направленным на противодействие высказыванию (1), содержащему язык вражды. Следовательно, (3) и (4) также являются проявлениями языка вражды.

В противоположность использованному здесь определению, если исследовательский подход требует, чтобы указание на групповую принадлежность объекта ненависти содержалось в самом агрессивном высказывании (а не в контексте), то (3) и (4) не признаются языком вражды. Заметим, что обращение к контексту существенно повышает техническую сложность работы, так как требует анализа не только отдельных сообщений, но также связей между ними. Очевидно, методики, принимающие групповую направленность ненависти, содержащуюся

в контексте, относят к языку вражды большее количество сообщений, чем методики, требующие указания на группу в самом высказывании. Таким образом, здесь также имеет место указанная выше дилемма между чувствительностью и специфичностью.

Методология исследования

В данной работе осуществлен машинный сбор данных на основе тематического принципа, а кодировка, выделяющая из общего массива сообщения, содержащие язык ненависти, проведена вручную.

Исследование проводилось на материале публикаций (постов и комментариев) пользователей социальной сети ВКонтакте в связи с тематикой российско-белорусских отношений, более конкретно — в связи с переговорами президентов В.В. Путина и А.Г. Лукашенко, прошедшими в сентябре 2020 г., а также феврале, мае и сентябре 2021 г.

В соответствии с данной тематикой с помощью API ВКонтакте был собран корпус постов, в которых одновременно упоминались оба Президента, а также всех доступных комментариев к ним. Как правило, посты представляли собой информационные сообщения, например: «Лукашенко передал Бастрыкину привет от Путина и рассказал, о чем они до ночи говорили в Кремле» (и ссылка на публикацию в издании масс-медиа). В то же время комментарии не были сконцентрированы на обсуждении переговоров. По большей части они были посвящены обсуждению российско-белорусских отношений в общем смысле; но соизмеримое место занимал обмен мнениями и оценками по самому широкому кругу политических, идеологических и смежных с ними вопросов (включая, например, расстрел царской семьи, политическую ситуацию в Афганистане и т.д.).

Для ручной кодировки и анализа из этого корпуса методом случайной выборки был выбран 101 пост. Суммарно эти посты содержали 5503 комментария пользователей. Распределение собранных данных по времени представлено в табл. 1.

Таблица 1

Распределение комментариев из выборки по времени, 2020–2021

Месяц, год	Число постов	Общее число комментариев	Минимальное число комментариев к посту	Среднее число комментариев к посту	Максимальное число комментариев к посту
Сентябрь 2020	20	1100	1	55.0	100
Февраль 2021	14	801	18	57.2	100
Май 2021	17	951	20	55.9	100
Сентябрь 2021	50	2651	20	53.0	100

Примечание. Максимальное число комментариев к посту (100) обусловлено ограничениями API VK.
Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Distribution of comments from the sample by time, 2020–2021

Month, Year	Number of posts	Total number of comments	Min number of comments to the post	Mean number of comments to the post	Max number of comments to the post
September 2020	20	1100	1	55.0	100
February 2021	14	801	18	57.2	100
May 2021	17	951	20	55.9	100
September 2021	50	2651	20	53.0	100

Note. the maximum number of comments to a post (100) is due to restrictions of API VK.

Source: compiled by the authors based on the results of the study.

Отобранные таким образом комментарии были закодированы вручную в соответствии с разработанным в рамках данного исследования протоколом. Цель кодирования состояла в выявлении признаков языка ненависти и классификации комментариев в соответствии с этими признаками, а также оценки дополнительных переменных, необходимых для анализа (см. ниже).

Определение языка вражды, принятое в данной работе, имеет следующий вид. *Язык вражды — это агрессивные, оскорбительные и/или дискриминационные высказывания в отношении человека или группы лиц из-за их социальной, политической, национальной, этнической, религиозной, гендерной или иной принадлежности / идентичности.*

Соответственно, относительно конкретного комментария протокол кодировки требует указать наличие или отсутствие следующих признаков:

- призыв к насилию или угроза применения насилия в отношении человека или группы лиц из-за их принадлежности к той или иной группе;
- оскорбление в отношении человека или группы лиц из-за их принадлежности к той или иной группе;
- призыв к дискриминации или угроза дискриминации человека или группы лиц из-за их принадлежности к той или иной группе;
- является ли комментарий спамом / оффтопиком;
- выражает ли комментарий прямое несогласие — например, с исходным постом или другими комментариями;
- являются ли насилие, оскорбление или дискриминация основным посылом комментария.

Кроме того, в случае наличия признаков насилия, оскорбления или дискриминации кодировщикам следовало указать, кто/что является объектом ненависти (открытый вопрос, краткая формулировка).

Каждый комментарий рассматривался двумя либо тремя кодировщиками. Наличие признака фиксировалось, если его указали не менее половины кодировщиков (т.е. не менее одного из двух либо не менее двух из трех).

Всего в исследовании участвовало 11 кодировщиков, в качестве которых выступали студенты НИУ ВШЭ. Нагрузка на каждого кодировщика составляла примерно 510 комментариев в неделю в домашних условиях. Перед выполнением

ем задания проводился групповой онлайн-инструктаж, в ходе которого кодировщики были ознакомлены с заданием. Был проведен тренировочный раунд кодирования с последующим разбором наиболее сложных кейсов. Во время первичного инструктажа, а также обсуждения результатов тренировочного раунда особое внимание кодировщиков было обращено на то, что языком вражды считаются лишь те проявления агрессии, оскорбления и дискриминация, которые направлены на индивидов ввиду их групповой принадлежности (применительно к данной работе чаще всего — ввиду принадлежности к числу сторонников того или иного политического направления). При том, что существуют различные подходы к тому, каким образом определять наличие указания на групповую принадлежность, в данной работе принят узкий критерий, требующий, чтобы указание на групповую принадлежность объекта языка вражды содержалось в том же комментарии, что и агрессия / оскорбление / дискриминация.

Результаты обработки комментариев всеми кодировщиками сводились в таблицу Excel с последующим статистическим анализом полученных данных методами описательной статистики.

Эмпирические результаты

Описательные статистики, характеризующие результаты кодирования собранных данных, представлены в табл. 2. Первая строка носит справочный характер и отражает общее число комментариев в данный период. Строки 2–4 содержат число комментариев с одним из трех типов языка вражды, а также процент таких комментариев от общего числа комментариев в данный период. Последняя строка является обобщением трех предыдущих строк и указывает на число комментариев с любым из трех признаков языка вражды. Поскольку один и тот же комментарий может иметь сразу несколько признаков языка вражды, число таких комментариев необязательно является суммой строк 2–4.

Как видно из данных табл. 2, язык вражды по анализируемой тематике выражается преимущественно, в оскорбительных комментариях. Комментарии дискриминирующего характера существенно уступают оскорблениям по частоте, в то время как угрозы насилия встречаются крайне редко. В целом частотность комментариев с признаками языка вражды оставалась относительно стабильной на протяжении рассматриваемого года, с небольшим ростом в середине 2021 г. (с 7 до 10–11 %).

Наибольший интерес в данном случае представляют не числовые характеристики динамики, а содержательные аспекты использования языка вражды. В ходе анализа полученных в результате кодирования данных была проведена классификация групп — объектов языка вражды. Были выделены шесть макрогрупп:

- 1) национально-территориальная;
- 2) политико-идеологическая;
- 3) профессиональная;
- 4) возрастная;
- 5) гендерная;
- 6) ЛГБТ;

**Описательные статистики
результатов кодирования комментариев, 2020–2021**

Число комментариев	Сент. 2020	Февр. 2021	Май 2021	Сент. 2021	ИТОГО
Общее число комментариев	1100	801	951	2651	5503
Число комментариев с оскорблениями	66 (6%)	48 (6%)	96 (10%)	252 (10%)	462 (8%)
Число комментариев с угрозой насилия	5 (<0.5%)	1 (<0.5%)	11 (1%)	17 (1%)	34 (1%)
Число комментариев с дискриминацией	20 (2%)	17 (2%)	31 (3%)	23 (1%)	91 (2%)
Общее число комментариев с признаками языка вражды	72 (7%)	55 (7%)	107 (11%)	275 (10%)	509 (9%)

Примечание. К числу комментариев с оскорблениями, угрозами насилия, дискриминацией — в соответствии с определением языка вражды — относились лишь комментарии, содержащие высказывания в отношении человека или группы лиц из-за их социальной, политической, национальной, этнической, религиозной, гендерной или иной принадлежности / идентичности. Последняя строка (число комментариев с признаками языка вражды) может не являться суммой комментариев с оскорблениями, угрозой насилия или дискриминацией, поскольку эти разновидности языка вражды могут одновременно встречаться в одном комментарии.

Источник: составлено авторами по результатам исследования

Table 2

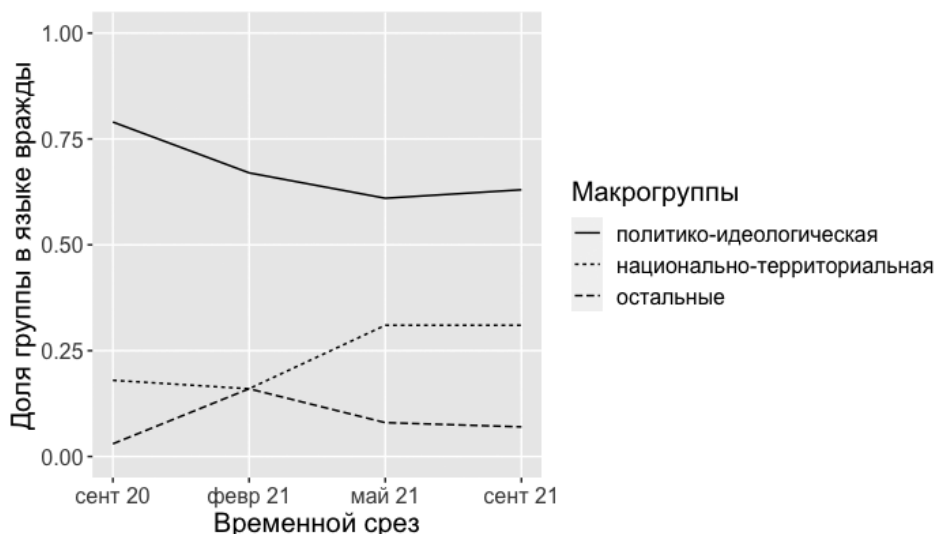
Descriptive statistics of the results of coding comments, 2020–2021

Number of comments	September 2020	February 2021	May 2021	September 2021	Total
Total number of comments	1100	801	951	2651	5503
The number of comments with insults	66 (6%)	48 (6%)	96 (10%)	252 (10%)	462 (8%)
The number of comments with the threat of violence	5 (<0.5%)	1 (<0.5%)	11 (1%)	17 (1%)	34 (1%)
Number of comments with discrimination	20 (2%)	17 (2%)	31 (3%)	23 (1%)	91 (2%)
Total number of comments with signs of hate speech	72 (7%)	55 (7%)	107 (11%)	275 (10%)	509 (9%)

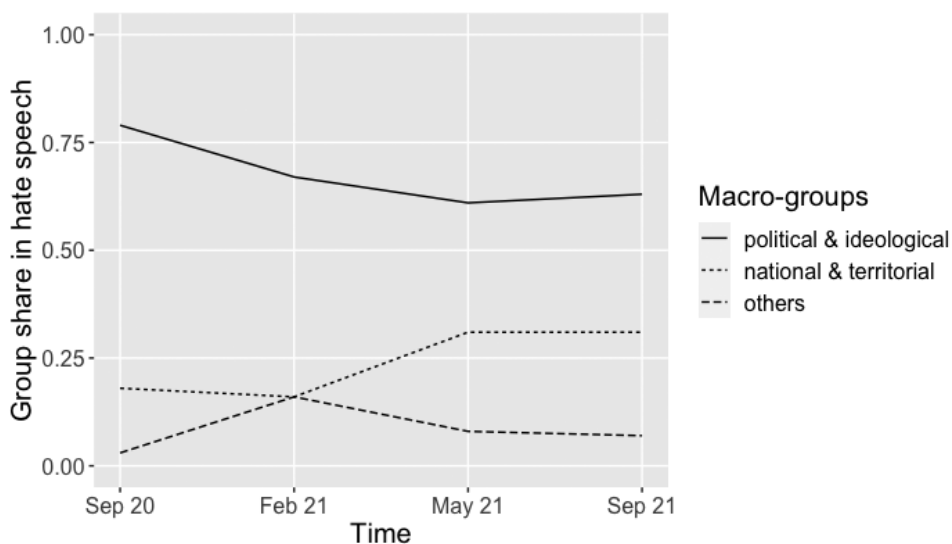
Note. Comments with insults, threats of violence, discrimination — in following the definition of the hate speech — included only comments containing statements against a person or group of persons because of their social, political, national, ethnic, religious, gender or other affiliation/identity. The last line (the number of comments with signs of hate speech) may not be the sum of comments with insults, threats of violence or discrimination, since these varieties of hate speech may occur simultaneously with one comment.

Source: compiled by the authors based on the results of the study.

К национально-территориальной макрогруппе относятся различные национальные (американцы, белорусы, русские, украинцы и др.), расовые (афроамериканцы), региональные (выходцы с Донбасса, европейцы) группы. К политико-идеологической макрогруппе относятся политические элиты двух стран, группы сторонников и противников действующей власти в России и Беларуси, идеологические группы (либералы, консерваторы, коммунисты). Профессиональная макрогруппа образована в основном тремя группами: силовики, чиновники и мигранты. Возрастная макрогруппа состоит из молодежи и пожилых; гендерная и ЛГБТ — соответственно названию.

Рис. 1. Динамика долей макрогрупп объектов языка вражды
 Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Fig. 1. Dynamics of the shares of macro groups of objects of the hate speech
 Source: compiled by the authors based on the results of the study.

Данные рис. 1 показывают, как доли этих макрогрупп объектов языка вражды менялись во времени. Как видно из графика, доминирующее положение занимает политико-идеологическая макрогруппа, на долю которой приходилось от 60 до 80 % случаев использования языка вражды. Преобладание этой макрогруппы объектов неудивительно, поскольку тематика отобранных постов носила политический характер, в связи с чем политические позиции героев сообщений или участников обсуждений становились объектом оскорблений или других форм языка вражды.

Более интересна вторая по частотности, национально-территориальная, макрогруппа, на долю которой приходится около 25 % случаев использования языка вражды. Достаточно частое появление этой макрогруппы в контексте тематики анализируемых постов неудивительно: встречи двух Президентов были связаны с темой углубления интеграции двух государств и развития Союзного государства, что могло спровоцировать апелляцию к национальным и территориальным сюжетам (табл. 3). Интерес представляет другое. Во-первых, обращает на себя внимание динамика доли этой макрогруппы: она демонстрирует явный скачок в середине 2021 г., когда стали понятны контуры планируемых мер по дальнейшей интеграции. Во-вторых, любопытен тот факт, что наиболее часто фигурирующей в языке вражды национальной группой являются не русские и белорусы, а украинцы, упоминаемость которых в 2–3 раза превышает упоминаемость русских и белорусов. Не единичны также случаи упоминания американцев или европейцев — часто в контексте оскорбительных или дискриминационных высказываний в отношении ЛГБТ. Эти закономерности указывают на достаточно прочную укорененность ряда шаблонов (связка США/Европа — ЛГБТ) и повесток (упоминания США при обсуждении встреч В.В. Путина и А.Г. Лукашенко) в сознании участников онлайн-обсуждений.

Таблица 3

Группы объектов языка вражды с высокой частотностью

Политико-идеологическая макрогруппа		Национально-территориальная макрогруппа	
Руководство стран	178 (58 %)	Украинцы	55 (43 %)
Оппозиция	57 (19 %)	Русские / россияне	25 (19 %)
Сторонники власти	54 (18 %)	Белорусы	20 (16 %)
Либералы	15 (5 %)	Евреи	8 (6 %)
		Американцы	4 (3 %)
		Европейцы	3 (2 %)

Примечание. Проценты рассчитаны от числа комментариев, относящихся к данной макрогруппе объектов. Таблица содержит лишь одну идеологическую группу («либералы»), поскольку другие идеологические группы встречаются редко: «коммунисты» — 2 раза, «консерваторы» — 1 раз.

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Groups of objects of hate speech with high frequency

Political and ideological macrogroup		National-territorial macrogroup	
Country leadership	178 (58 %)	Ukrainians	55 (43 %)
Opposition	57 (19 %)	Russians	25 (19 %)
Supporters of the government	54 (18 %)	Belarusians	20 (16 %)
Liberals	15 (5 %)	Jews	8 (6 %)
Other ideological groups are rare		Americans	4 (3 %)
		Europeans	3 (2 %)

Note. Percentages are calculated from the number of comments related to this macro group of objects. The table contains only one ideological group ("liberals"), since other ideological groups are rare: "communists" — twice, "conservatives" — once.

Source: compiled by the authors based on the results of the study.

Высокая встречаемость политико-идеологической и национально-территориальной макрогрупп объектов языка вражды, а также частотность конкретных групп внутри выделенных макрогрупп (см. табл. 3) позволяет выявить несколько ключевых расколов, возникших в онлайн-сообществах ВКонтакте в контексте обсуждения встреч В.В. Путина и А.Г. Лукашенко.

Первый раскол пролегает по линии отношения к действующей власти: лоялисты — оппозиция. Можно утверждать, что именно этот раскол обладает наибольшей эмоциональной окраской и характеризуется наибольшей аффективной поляризацией в политической онлайн-коммуникации. При этом объектами языка вражды выступают как сторонники и противники власти, так и сами представители власти. Показательно, что последние являются наиболее частотной группой среди объектов языка вражды. Общий характер данного раскола, не связанный с тематикой отобранных сообщений, позволяет предполагать, что выявленный раскол носит устойчивый системный характер и выходит за рамки тематической выборки, анализируемой в данном проекте.

Второй раскол, также претендующий на статус системного, пролегает по линии противопоставления России/Беларуси странам Запада. В рамках этого национально-территориального раскола зачастую актуализируется также тематика ЛГБТ-сообществ, придающая расколу не только национальный или политический, но и ценностный характер.

Наконец, специфическим для анализируемого массива эмпирических данных расколом является противопоставление россиян и белорусов. Конкретные формы проявления этого раскола достаточно разнообразны и включают в себя экономические факторы (от негативного отношения к российским предпринимателям до обвинения белорусов в намерении получить дотации из российского бюджета), геополитических аллюзий («быть польскими холопами») или их смесью («Прощай Белаз — здравствуй польский унитаз!»). Достаточно часто данный раскол возникал также параллельно расколу по линии отношения к действующей власти и выражал негативное отношение комментаторов, поддерживающих власть/оппозицию в одной стране, к комментаторам, поддерживающим противоположный лагерь в другой стране.

Таким образом, анализ эмпирических данных, характеризующих политическую онлайн-коммуникацию по достаточно узкой тематике встреч двух президентов, позволил выявить две общие линии политического раскола и дополнить их более специфическим, тематически обусловленным расколом.

Заключение

Несмотря на то, что исследования аффективной поляризации переживают в последние годы бум, методология этих исследований до сих пор находится на ранних стадиях своего развития. Исследователи в значительной мере остаются ограниченными теми инструментами реактивного характера, которые доступны им благодаря межстрановым социологическим опросам, в первую очередь Сравнительное исследование избирательных систем (Comparative Study of Electoral Systems, CSES). Несмотря на преимущества использования сопоставимых в страновом и временном разрезах данных, опора на подобные стандартизированные инструменты имеет и ряд недостатков, связанных с низкой адаптивностью к быстро меняющемуся политическому контексту либо уникальным особенностями конкретного странового контекста, а также с зависимостью исследователей от конкретных вопросов, сформулированных группой разработчиков опроса.

В данной статье мы предлагаем альтернативную — нереактивную — методологию исследования, опирающуюся не на опросы общественного мнения или экспериментальные методы, а на разведывательный анализ поведенческих данных текстового характера. С опорой на существующую литературу мы разработали авторскую методику кодирования языка вражды, позволяющую выявлять как факты использования языка вражды в отношении тех или иных групп, так и ее разновидности. Далее мы предлагаем выявлять актуальные линии раскола, характеризующиеся высоким уровнем аффективной поляризации, на основании выявляемых в онлайн-коммуникации наиболее частотных групп объектов языка вражды. Данная методика апробируется нами на эмпирическом материале большого числа русскоязычных комментариев пользователей социальной сети ВКонтакте, посвященных встречам Президентов России и Беларуси в сентябре 2020 — сентябре 2021 г.

Проведенная нами эмпирическая апробация предлагаемой методики указывает на высокий аналитический потенциал последней: в массиве нескольких тысяч комментариев были выявлены две устойчивые линии раскола, связанные с отношением к действующей власти, а также противопоставлением России/Беларуси странам Запада, а также достаточно специфическая для анализируемого массива линия раскола по страновому российско-белорусскому признаку.

Предлагаемая методика может быть применена к исследованию более широкого круга вопросов и политико-страновых контекстов. Действительно, предлагаемая нами методика кодирования может применяться к разнообразным текстам на различных языках, охватывающим произвольно широкий круг вопросов, а разведывательный характер анализа данных о выявленных в текстах группах объектов языка вражды позволяет избежать жестких априорных шаблонов вопросов, неизбежных при использовании опросных методик. При этом предла-

гаемая нами методика может выступать как субститутом, так и компонентом опросных методик: в одном варианте наша методика может использоваться на ранних стадиях исследования и служить основой для разработки контекстуально-информированных опросов; в другом варианте эмпирическое исследование, опирающееся на предлагаемую нами методику, может использоваться для насыщения фактурой результатов проведенных опросов.

Совмещение обеих методик эмпирического исследования, опирающихся на реактивные и нереактивные методы, открывает новые возможности для исследования как аффективной поляризации, так и в целом политического поведения в сравнительной перспективе.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 01.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

References / Библиографический список

- Bode, L. (2016). Pruning the news feed: Unfriending and unfollowing political content on social media. *Research & Politics*, July 2016, 1–8. <https://doi.org/10.1177/2053168016661873>
- Bodrunova, S., Blekanov, I., Smoliarova, A., & Litvinenko, A. (2019). Beyond left and right: Real-world political polarization in Twitter discussions on inter-ethnic conflicts. *Media and Communication*, 7(3), 119–132. <https://doi.org/10.17645/mac.v7i3.1934>
- Carlin, R.E., & Love, G.J. (2013). The politics of interpersonal trust and reciprocity: An experimental approach. *Political Behavior*, 35(1), 43–63. <https://doi.org/10.1007/s11109-011-9181-x>
- Cho, J., Ahmed, S., Hilbert, M., Liu, B., & Luu, J. (2020). Do search algorithms endanger democracy? An experimental investigation of algorithm effects on political polarization. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 64(2), 150–172. <https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1757365>
- Druckman, J., & Levendusky, M. (2019). What do we measure when we measure affective polarization? *Public Opinion Quarterly*, 83(1), 114–122. <https://doi.org/10.1093/poq/nfz003>
- Fiorina, M.P., & Abrams, S.J. (2008). Political polarization in the American public. *Annual Review of Political Science*, 11(1), 563–588. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.053106.153836>
- Gagliardone, I. (2014). Mapping and analysing hate speech online. Retrieved April 24, 2022 from SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2601792>
- Gitari, N.D., Zuping, Z., Damien, H., & Long, J. (2015). A lexicon-based approach for hate speech detection. *International Journal of Multimedia and Ubiquitous Engineering*, 10(4), 215–230. <https://doi.org/10.14257/ijmue.2015.10.4.21>
- Harel, T.O., Jameson, J.K., & Maoz, I. (2020). The normalization of hatred: Identity, affective polarization, and dehumanization on Facebook⁵ in the context of intractable political conflict. *Social Media + Society*, April–June, 1–10. <https://doi.org/10.1177/2056305120913983>
- Iyengar, S., Lelkes, Y., Levendusky, M., Malhotra, N., & Westwood, S.J. (2019). The origins and consequences of affective polarization in the United States. *Annual Review of Political Science*, 22(1), 129–146. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051117-073034>
- Iyengar, S., Sood, G., & Lelkes, Y. (2012). Affect, not ideology: Social identity perspective on polarization. *Public opinion quarterly*, 76(3), 405–431. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs038>

⁵ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Jacobs, J., & Potter, K. (1998). *Hate crimes: Criminal law and identity politics*. New York, NY: Oxford University Press.
- Kennedy, B., Atari, M., Davani, A.M., Yeh, L., Omrani, A., Kim, Y., Coombs, K., Havaldar, S., Portillo-Wightman, G., Gonzalez, E., & Hoover, J. (2018). The Gab Hate Corpus: A collection of 27k posts annotated for hate speech. *PsyArXiv Preprint*. Retrieved April 24, 2022, from <https://psyarxiv.com/hqjxn/>
- Mason, L. (2013). The rise of uncivil agreement: Issue versus behavioral polarization in the American electorate. *American Behavioral Scientist*, 57(1), 140–159. <https://doi.org/10.1177/0002764212463363>
- McPherson, M., Smith-Lovin, L., & Cook, J. (2001). Birds of a feather: homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 27, 415–444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>
- Olteanu, A., Castillo, C., Boy J., & Varshney K. (2018). The effect of extremist violence on hateful speech online. *arXiv preprint*. Retrieved April 24, 2022, from arXiv:1804.05704
- Papacharissi, Z. (2002). The virtual sphere: The internet as a public sphere. *New Media & Society*, 4(1), 9–27. <https://doi.org/10.1177/14614440222226244>
- Settle, J.E. (2018). *Frenemies: how social media polarizes America*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Siegel, A. (2020). Online Hate Speech. In N. Persily & J. Tucker (Eds.), *Social Media and Democracy: The State of the Field, Prospects for Reform* (56-88). Cambridge: Cambridge University Press.
- Tajfel, H., & Turner, J.C. (1979). An integrative theory of intergroup conflict. In W.G. Austin, & S. Worchel (Eds.), *The social psychology of intergroup relations* (33-37). Monterey, CA: Brooks/Cole.
- Wolleback, D., Karlsen, R., Steen-Johnsen, K., & Enjolras, B. (2019). Anger, fear, and echo chambers: The emotional basis for online behavior. *Social Media + Society*, 5(2), 1–14. <https://doi.org/10.1177/2056305119829859>
- Yarchi, M., Baden, C., & Kligler-Vilenchik, N. (2021). Political polarization on the digital sphere: A cross-platform, over-time analysis of interactional, positional, and affective polarization on social media. *Political Communication*, 38(1-2), 98–139. <https://doi.org/10.1080/10584609.2020.1785067>

Сведения об авторах:

Стукал Денис Константинович — кандидат политических наук, PhD, ведущий научный сотрудник Института прикладных политических исследований, Национальный исследовательский университет „Высшая школа экономики“ (e-mail: dstukal@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-6240-5714)

Ахременко Андрей Сергеевич — доктор политических наук, профессор факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: aakhremenko@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-8002-7307)

Петров Александр Пхоун Чжо — доктор физико-математических, ведущий научный сотрудник Института прикладной математики имени М.В. Келдыша РАН (e-mail: petrov.alexander.p@yandex.ru) (ORCID: 0000-0001-5244-8286)

About the authors:

Denis K. Stukal — Cand. Sci. (Pol. Sci.), PhD, Leading Research Fellow, Institute for Applied Political Studies, HSE University, Moscow (e-mail: dstukal@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-6240-5714)

Andrei S. Akhremenko — Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, School of Social Sciences, HSE University (e-mail: aakhremenko@hse.ru) (ORCID: 0000-0001-8002-7307)

Alexander P.C. Petrov — Dr. Sci. (Applied Math.), Senior Researcher, Keldysh Institute for Applied Mathematics (Russian Academy of Sciences) (e-mail: petrov.alexander.p@yandex.ru) (ORCID: 0000-0001-5244-8286)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516

Review article / Обзорная статья

Digital Echo Chambers as Phenomenon of Political Space

Mikhail A. Beznosov¹ , Alexander S. Golikov²

¹University of West Georgia, Carrollton, United States of America

²V.N. Karazin Kharkov National University, Ukraine

 mbeznosov@westga.edu

Abstract. This article attempts to provide a comprehensive overview of the academic literature on the subject, examining the different approaches, their similarities and general differences, advantages and disadvantages, and providing a consolidated and critical perspective that will hopefully be useful for future research in the field. The paper presents the results of a systematic review of Western academic studies on the existence of echo chambers in social media, an initial classification of the literature and the identification of research patterns. The authors show how conceptual and methodological choices influence research findings on the topic. Future research should take into account the potential shortcomings of different approaches and the significant potential of linking data.

Keywords: echo chambers, social media, digital platforms, filter bubbles, political polarization

For citation: Beznosov, M.A., & Golikov, A.S. (2022). Digital echo chambers as phenomenon of political space. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 499–516. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516>

Цифровые эхо-камеры как феномен политического пространства

М.А. Безносов¹ , А.С. Голиков²

¹ Университет Западной Джорджии, Карролтон, Соединенные Штаты Америки

² Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, Харьков, Украина

 mbeznosov@westga.edu

Аннотация. В исследовании приводится всесторонний обзор академической литературы по теме эхо-камер в цифровом пространстве как политического феномена, рассмотрены различные подходы, их сходства и общие различия, преимущества и недостатки, а также раскрывается консолидированная и критическая перспектива, которая, как мы надеемся,

© Beznosov M.A., Golikov A.S., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

будет полезна для будущих исследований в данной области. Представлены результаты систематического обзора западных академических исследований о существовании эхо-камер в социальных медиа, первоначальная классификация литературы и выявление моделей исследований. Авторы показывают, как концептуальный и методологический выбор влияет на результаты исследований по данной теме. Будущие исследования должны учитывать потенциальные недостатки различных подходов и значительный потенциал связывания данных.

Ключевые слова: эхо-камеры, социальные медиа, цифровые платформы, пузыри фильтров, политическая поляризация

Для цитирования: *Beznosov M.A., Golikov A.S. Digital echo chambers as phenomenon of political space // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 499–516. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-499-516>*

Introduction

The world of politics has been markedly transformed in recent decades. This is true both in the world of political production and in the world of political consumption (to continue with the metaphors of political marketing). The agora and the forum have been replaced by networks and forums — but already in the electronic, Internet sense. The intensification of communications, the growth of communicative and digital power, has produced a variety of effects in this sense, often paradoxical. The public and the intimate, openness and closedness, consistency and subjectivity, regularity and randomness, free decision and control technologies, agreement and disagreement, fabrication of agreement and imitation of disagreement have come into collision. All these clashes are only intensified and dramatized in the context of the latest processes associated with the transformation of the lifeworld and the technical sphere of modern society [Habermas 1991]. One of these processes is the crystallization and consolidation of the walls of “echo chambers”.

We are talking about “echo chambers” as specifically and operationally closed (though relatively open) topoi of digital and social space, in which multiple reproduction and constant repetition (and thereby affirmative, amplifying retransmission) of the same communicative acts take place. The “chamberness” of such communication does not imply the absence of communicative receipts from the outside; this “chamberness” means joint, collective, communal elaboration, processing, comprehension of these communicative receipts; it means specific regulation of these receipts (and limitation of alternative opinions and positions); it means a special mode of functioning of external “issuing” from such chamber both information (communicative aggregates) and individual people.

The digital nature of these echo chambers implies not only their functioning in digital (Internet, communicative) space, but also their quantifiability in principle. In this sense, the world-famous case of Cambridge Analytica [Kaiser 2019] was the most important signal for all sociology and political science: it turned out that “echo chambers” and the communicative communities populating them can be counted, quantified, structured, architected from the outside, subjected to professional operation. This raises questions

about both the “naturalness” of such communities and the “fragmentation of democracy,” about both “distributed freedom” and “exclusivity of political action,” about both the “right to limit the other” and the “politics of subjectivity”.

Two recent political events triggered a significant interest to the research of the effects social media on democracy: the 2016 presidential elections in the U.S. and the British vote to leave the EU. The focus of such fears and concerns is the belief that social media function as an “echo chamber,” where like-minded voters, through self-selecting and tuned algorithms based on big data, aggregate to consume and share ideologically satisfying news and information [Bartlett 2016¹; Benton 2016; Preston 2016; Tait 2016; Wolff², series on articles in *Economist*³]. Those close circles of like-mindedness are allegedly formed at the cost of a comprehensive, multidimensional, fact-based understanding of public affairs, which ultimately leads to political polarization between ideologically rooted and/or emotionally charged segments of society. Right-wing ideological polarization among anti-establishment segments of society, which has been seen as a key factor in Brexit and the Trump presidency, has been attributed to the functioning of social platforms like Facebook⁴ and how they have been misused for political marketing by companies like Cambridge Analytica.

All this is amplified and further emphasized in “digital echo chambers,” where all of the above becomes tangible, easily detectable, empirically measurable, visible not only to the researcher, but also to direct social actors, participants in the political process, producers of communicative processes. These “digital echo chambers” in this sense can be considered as peculiar sociological and political science “petri dishes” in which the processes latent in many other conditions are emphatically accentuated.

Such “digital echo chambers” are not only the most important stage in the development of political marketing and political science, but also a significant threat to the very phenomenon of democracy and political space — precisely as space. The disintegration of space into such (operationally closed) topoi destroys politics as a spatial phenomenon, as openness, as publicity — in short, as everything that J. Habermas [1991] or H. Arendt [1972] wrote about. However, it is only possible to understand and evaluate this phenomenon in direct objective research.

---

¹ Bartlett, B. (2016). It's not too late to fix Fox News. *New York Times* (19 September). Retrieved from <https://www.nytimes.com/2016/09/19/opinion/its-not-too-late-to-fix-fox-news.html>. Access date: 07.06.2022.

² Wolff, M. (2016). Michael Wolff on Brexit: How ‘stupid’ beat ‘smart’ media (and how Trump benefits). *Hollywood Reporter*. Retrieved June, 7, 2022 from <https://www.hollywoodreporter.com/news/michael-wolff-brexit-why-stupid-906430>.

³ Scandal, outrage politics: Do social media threaten democracy? *Economist*, 4 November 2017. Retrieved from <https://www.economist.com/leaders/2017/11/04/do-social-media-threaten-democracy>; Once considered a boon to democracy, social media have started to look like its nemesis. *Economist*, 4 November 2017. Retrieved from <https://www.economist.com/briefing/2017/11/04/once-considered-a-boon-to-democracy-social-media-have-started-to-look-like-its-nemesis>.

⁴ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

Sociologists and psychologists have recorded similar phenomena before. Thus, the “bandwagon” or the “spiral of silence” [Henshel, Johnston 1987; Noelle-Neumann 1974], in essence, represent the same “echo chambers”, only produced and supported by other technical means. However, in this case the change of technical means generates a change in the structure and even the nature of social phenomena, supported and provided by these technical means. This is explained by the fact that communicative Internet digital media are characterized by:

- a) their permanent and universal presence in human life;
- b) their high penetrability in different spheres of life;
- c) the diversity of channels of influence (text, audio, video, photo, etc.);
- d) the speed and ease of transmission and retransmission;
- e) the diversity of organization (channel, forum, agora, chatboard, club, etc.).

The variety of external designs they generate creates the illusion of multiple and heterogeneous echo chambers. This also gives rise to the insecure illusion that the heterogeneity of such “digital echo chambers” also preserves the chance for multiplicity, diversity, and ultimately, the reality of democracy itself.

This article is an attempt to look at the history and logic of the development of the term “echo chamber” in the Western academic discourse. Specifically, in this literature review, we examine social science writings that provide evidence for the existence, causes, and effects of online echo chambers.

Much of the existing research focuses on the United States, which is in many ways an extreme outlier among high-income democracies because political elites, the media system, and public opinion are more polarized there than in otherwise similar countries.

Research in this area is extensive in some respects, almost non-existent in others. To avoid an overlong review, we focus our efforts on recent studies primarily in the social sciences that have a direct bearing on the possible links between media use and how the public understands the world around them.

In the literature review we aim to summarize relevant empirical research and clarify the meaning of terms that are used both in public and policy debate and in more specialized scientific research, and not always in the same way.

Our hypothesis, however, is that external representation, formality, and external structuredness are exclusively multiple forms for essentially homologous phenomena. It is to investigate — in this publication primarily theoretically and in an outline exploratory format — the essence of these phenomena that will be the goal of our article.

To achieve this goal, we will use a combination of research methods, including desk research and uninvolved observation.

Echo chambers and filter bubbles as a social problem

Against the backdrop of recent decades, the advent of the Internet and World Wide Web has drawn the attention of researchers to their potential impact on democracy and the public sphere. There are diverging trends in the literature on this topic in the modern Western academia.

Many see these new technological innovations as contributing to a diversity of communicative activities and diverse perspectives [Papacharissi, de Fatima, Oliveira 2012], and creating opportunities for public engagement and increasing access to news and political opinion [Bode 2012; de Zúñiga et al. 2012; Xenos et al. 2014]. The other group of scholars have been more pessimistic, believing that digital technology will lead to polarization suggesting it fosters users' cautious selection of information according to previous beliefs and the formation of increasingly homogeneous online groups [McPherson et al. 2001].

Among the most typical expressions of this pessimistic vision are Sunstein's [2002; 2009] metaphor of the echo chamber and Pariser's [2011] image of the online filter bubble. The idea underlying the echo chamber is that social media users are selectively interacting with like-minded people and ideologically similar content, and hence rarely engage with the contradictory ideas. Perhaps this process is complicated by the algorithmic processing of content by social media platforms based on previous user activity (see "filter bubbles"), which reduces the novelty and diversity of content that users encounter, and which, instead of encouraging a diversity of viewpoints, leads to clustering and polarization online.

Very often "echo chambers" are being used in the academic discourse along with the term "filter bubbles". It is necessary to underline the difference between an echo chamber and a filter bubble. While many scholars do not find the difference between "filter bubble" and "echo chamber", we suggest that there is a conceptual difference between those terms. There is a basic understanding of the definition of the two. Internet communication has meant individuals only access ideas by those with like-minded beliefs. A narrow information consumption pattern leads to increasing polarization and misunderstanding of those who are part of the same community.

More and more specialists and researchers are using the phrase "filter bubble" to describe only online mechanisms of information polarization, like the algorithms you find on social media and search engines. In contrast, "echo chamber" refers to both online and offline mechanisms, that act simultaneously. Usually, the concept of "echo chamber" describes the situation when information consumers mostly communicate with people with the same interests and receive information from them. This situation is often recognized as "homophily" — the tendency of individuals to interact and associate with similar people [McPherson et al. 2001]; selective exposure, which is related to the processes of avoiding challenges and reinforcing demand and expressed in a tendency to consume ideologically consistent information [Garrett, 2013; Garrett et al. 2013]; or confirmation bias — the tendency to seek, select and interpret information according to one's belief system [Nickerson 1998]. It has been suggested that these tendencies are due to our desire to avoid cognitive dissonance [Festinger 1957].

In general, there is no a coherent approach to understanding of this issue. What we observe is that different scholars select different empirical approaches and utilize different concepts for their analysis. And yet, the problem that remains is the forecasted breakdown of the information-seeking, debate and opinion-forming environment. Social media has the prospective to be a free and autonomous space for information-

seeking and communication between people, fostering the development of the public sphere as was viewed by Habermas [1991] and Dahlgren [2019]. At the same time, this mechanism is not used when there is a lack of diversity, when there is no (or little) exchange of views, there is no debate between opponents, which means that there is no common opinion and common problems.

Information sharing, likely the result of echo chambers and filter bubbles, poses a significant threat given the growing focus of social media on news consumption (Pew Research Center, 2018) and the fact that political reflection and knowledge of the views of other politicians is foundation of a healthy democracy.

Either way, echo chambers and filter bubbles are telling illustrations of the general public fear that the use of social media can lead to limiting the information users encounter or receive online, thereby not contributing to the overall free flow of information experience.

For the purposes of this paper, the allegories of the echo chamber and the filter bubble are interpreted as a situation or space in which pre-existing beliefs are repeated and reinforced — similar to the echo in an acoustic echo chamber. For the sake of clarity, we will use the term “echo chambers in social media” (ECSM) to refer to both the echo chamber problem and filter bubbles.

Background: politics, internet and echo chambers

Following the 2016 US election, concerns have grown about the threats that digital platforms pose to functioning Western liberal democracies. However, despite the vast body of academic work in this area, the precise nature of these threats, empirical solutions, and their relationship to the broader digital political economy remain under-theorized. The four main threats have been identified as: fake news, filter bubbles/echo chambers, networked hate speech, and surveillance. Although these threats are widely discussed in academic and popular discussions, there is little understanding of them: of their exact scope and scope (mutual) connections or how to fight against them. With so much information in circulation, the state of empirical knowledge is often obscured by the volume and interdisciplinary forces themselves, as well as by the political and economic programs of competing interests (academics, platforms, regulators, activists,).

ECSM emerge from the interplay between filter bubbles and people’s tendency to search for information that fits comfortably with what they already know [“confirmation bias”; Berentson-Shaw 2018]. ECSM can operate as a shield of identity against epistemological and ontological uncertainty induced by viewpoints that contradict our worldviews [Ceron, Memoli, 2016; Lu & Yu 2020]. Political substance often exploits this vulnerability to amplify tendencies and a strong polarization effect [Ceron & Memoli 2016].

ECSM form when people with similar views or opinions share information within their group. They try to find and disseminate information that is consistent with their group’s norms and reinforces existing attitudes [Jamieson, Cappella 2008;

Sunstein 2009]. Social psychology has shown that this tendency to associate with like-minded people is common across cultures. Recently, however, there have been concerns that the current media system is helping people get into echo chambers more easily than ever before. The research in the 1950s showed that people tend to avoid dissonance and gravitate towards agreement [Festinger 1957]. This is related to concepts such as groupthink [Janis 1982] and selective influence theory [Klapper 1960]. In social networks, there are relevant theories about homophilia — the tendency to form social bonds with similar people [McPherson, Smith-Lovin, & Cook 2001]. There are two main ways in which the Internet and related technologies can contribute to the development of ECSM: allowing people to make choices that reinforce existing preferences, and algorithmic filter bubbles. The “filter bubble” argument suggests that algorithmic filtering, which personalizes content presented on social media and through search engines, may exacerbate people’s tendency to choose media and content that reinforce their existing preferences [Pariser 2011].

**«Echo chambers»
in the modern media coverage:
the dangers to democracy**

Social media as an “echo chamber” (ECSM in our words) has been a part of the media discourse for the last ten years. Eli Pariser [2011] published a rather worrying book warning about the rise of “filter bubbles” in social media. And it received a very substantial response from the journalist community resulting in the additional attention to this issue eventually also raising the interest in the problem of “echo chamber” [Bruns 2019] — and its potential harms to the ways we live and operate.

There was also a considerable concern about the future of social media where growing reliance on personalized social networks will cause the people to trust their friends more than the professional experts, which would have serious consequences for social life [Keen 2007].

Eventually the issue of “echo chambers” presenting the danger for democracy became a part of the mainstream media discourse following the elections of 2016 and Brexit. The media people expressed their concerns with the voters’ behavior in Facebook⁵ communities when the people are “forced” to interact with like-minded peers, which contradicts the initial assumption that social media and free internet should make the users less isolated from new ideas and values. The other concern was that in such situation it is more likely for those people to develop more extreme views, resulting in greater political polarization [Benton 2016; Tait 2016].

Bartlett [2015] describes this as a process of “self-brainwashing”, “where certain ideas are reproduced so frequently and without an opposing or alternative viewpoint that it meets the classical definition of brainwashing” [Bartlett 2015]. This has been particularly troubling for journalists because polarization has proven to be a gas pedal

---

⁵ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

of misinformation in social media. Peter Preston [2016] bemoaned that the first loss in a post-truth world would be the further degradation of public trust in mainstream news. Applying the concept of “epistemic closure”, Preston feared that an increasingly polarized political world might force people to leave quality journalism in favor of biased reporting or no reporting at all.

**«Echo chamber» in the research literature:
divergent facts. Evidence of the existence
and manifestation of echo chambers**

Sociologists and political scientists mostly focus on surveys, passive observation data, and social media data when analyzing the presence and distribution of ECSM. From these data sources, only surveys and surveillance data can reveal a broader picture of what media space people live in, because conclusions based on data from a single social media platform that is almost never used alone cannot reveal whether people live in limited, closed media space. For example, data from Twitter is often used for analysis because it is more readily available, but is necessarily limited to Twitter and says nothing about the wider use of media by people, not to mention the vast majority of the population who do not use Twitter. In the UK, only 31 % of respondents say they use Twitter, and only about half say they use it to get messages [Newman et al. 2021].

In various countries, including the highly polarized United States, several cross-platform studies — both based on surveys and passive surveillance — have shown that relatively few people live in politically engaged news-ECSM.

To some extent, the concept of the “echo chamber” is supported by selective exposure theory, which has been around for decades, stating that users of information selectively choose messages that conform to their views while avoiding inconsistent opinions [Sears, Freedman 1967]. Previously, when the number of existing news channels was limited, studies found that selective influence in information seeking in general does not happen in situations of mass persuasion. However, with the emergence of the Internet, users have greater access to a wealth of information and can choose what they want, so they are more selective about content [Garrett 2013; Sunstein 2009; Tewksbury 2005]. Social media seem to have taken this situation to new heights with their shared ability to allow users to interact with news in unprecedented ways and use sophisticated user-tracking algorithms to provide them with ideologically relevant information [Beam, Kosicki 2014; Spohr 2017].

Looking closer, however, the assumption of the ECSM concept must be closely examined and tested. At its simplest level, it has a tendency to reduce the social news audience to a very passive role of a group of people easily sculpted by algorithms. This, as has been shown by decades of audience studies, is at the very least too oversimplified and does not help us comprehend the sophisticated socio-psychological dynamism of public perception and the connection to news and media content. Even more important, public discourse about the ECSM ignores the growing empirical evidence that directly contradicts this notion.

The main research methods that were used to analyze the effects of ECSM were primarily surveys, passive tracking data, and social media data. The single social media platforms do not constitute a sufficient unit of analysis because the available data in this case is limited to the specific platform and does not say anything about individual's wider media use.

There is a number studies conducted in various countries, which utilized a cross-platform research relying on survey data and on passive tracking data, and found that few people inhabit politically one-sided news-ECSM.

One latest study [Fletcher et al. 2021], relied on survey data from 2020 to analyze the number of people in politically biased news-ECSM in the UK, Norway, Denmark, Germany, Austria, and the US by looking at how many people only use news sources with left- or right-leaning viewpoints (measured in terms of the overall ideological angle of each group of audience). The results were quite intriguing, demonstrating that the US case was very distinctive from the rest and the only one where more than 10% of the respondents indicated that they rely only on partisan news sources. In every country included in this study, more internet users indicated that they do not consume online news on a regular basis, thus not inhabiting any politically partisan echo chambers.

What was particularly interesting is that the UK results from this study were comparable to a previous analysis, also based on survey data, that found that around 10% in the UK said they almost never get political content on social media that they disagree with [Dubois, Blank 2018].

These results were similar to other studies of several European countries. In the Netherlands, the research conducted by Bos et al. [2016] found some evidence of selective exposure to news but acknowledged that the formation of ECSM was largely weakened by people's common use of moderately impartial public TV broadcasting. Similarly, in Sweden, for instance, Dahlgren et al. [2019] discovered that while some people did involve in selective exposure to news sources, this involvement was limited demonstrating the suggesting a pattern of cross-cutting exposure to the news from ideologically different sources. The study by Masip et al. [2020] in Spain did not find solid evidence for widespread news-ECSM and detected that most people accessed other side media at least sometimes.

Even in the politically polarized United States, scholars discovered that ECSM are smaller and less prevalent than commonly assumed. The study by Gentzkow, Shapiro, Sinkinson [2011] detected that internet news consumers with homogeneous news consumption are in minority, while the study by Garrett [2013] discovered that the notion that large numbers of people inhabit ideological news-ECSM, is exaggerated and wrong.

There are also studies based on passive tracking that have similar results as analyses of survey data from nationally representative samples, but such studies were mostly conducted in the US.

A study by Fletcher et al. [2020] found a relative lack of political news-ECSM in the UK when analyzing web tracking data. Likewise, in Israel, Dvir-Gvirsman et al. [2016], while using web tracking data collected during the 2013 election, discovered that 3% of people were in a completely one-way political partisan ECSM, and that

in most cases, people in Israel either had a relatively mixed media diet or did not consume online news at all.

As it is evident, the existence of moderately neutral public service broadcasting leads to the smaller likelihood of existence of political echo chambers. This is revealed by the fact that the emergence and the size of ECSM is limited by the fact that many people do not consume much online news in the first place. For instance, in the UK, around 25 % of internet users admitted that they consume no online news at all each week [Newman et al. 2021].

There is also a series of studies that, while not intending to measure the size of ECSM, nevertheless often arrives at similar conclusions by analyzing patterns of media use. It should be noted, that in rather polarized U.S. the results are largely similar. The study by Webster and Ksiazek [2012] discovered that the news consumers tend to significantly overlap across news sources. In 2018 A. Guess, B. Nyhan, B. Lyons and J. Reifler in their study based on analysis of tracking data found that there is a significant degree of equilibrium in respondents' media consumption regardless of political affiliation. Much of their media consumption is grouped around the center of the ideological spectrum. Shortly before, Nelson and Webster [2017] discovered that consumers focus on a few popular political news sites and that political news sites in general, regardless of popularity, have ideologically diverse audiences.

Later study by Yang et al. [2020], analyzing desktop and mobile data found observe that ideologically dissimilar US audiences join on mainstream news outlets online, and also noticed discovered little evidence of ideological selective exposure and, despite what some researchers suggested, discovered growing co-exposure to news sources over time. Based on the results from survey data, the authors also indicated that significantly more internet users consume no online news at all not rely exclusively on one-sided sources.

We have previously discussed that single platform studies are rather problematic for identifying ECSM. But in the process of our review we found but there are several interesting studies that detect like-minded groups emerged within specific social media platforms, and this happened through various ways like self-selection, or algorithmic selection, or a combination of both [Bakshy et al. 2015; Barberá et al. 2015; Kaiser and Rauchfleisch 2020; Vaccari et al. 2016]. Nevertheless, they [Barberá 2015], often conclude that most social media users acquire information from diverse viewpoints. Due to the absence of data on what other media (other than the social media platform) the people studied use, this study does make it impossible to conclude if people live in a limited, closed media space in which certain messages are celebrated and defended from being disputed.

Other studies revealed that the social media have demonstrated either a limited effect [Dimitrova et al. 2014] or a significant positive effect (de Zúñiga et al. 2012) on political knowledge. Furthermore, social media is only one of many likely media-related drivers that foster political polarization. Yang et al. [2020], in a largescale cross-national survey, discovered that the general use of online news consistently predicted polarization on divisive political issues that were at the top of the agenda in the countries examined. Turcotte et al. [2015] found in an experiment that while exposure

to news shared by friends on social media boosts users' trust in the relevant media and their intention to use it, the potency of this connection largely rests on whether the recommender is seen as an opinion leader.

In addition, it should be noted that there is a wealth of research showing that social media can encourage political similarity and uniformity as well as promote political heterogeneity and diversity. As Messing and Westwood (2014) have shown, social news users are more likely to read news shared by their friends, even if that news does not align with their political ideology.

Indeed, as Barberá [2015] and Barberá et al. [2015] have shown, online networks not only replicate offline networks, but also facilitate the formation and reinforcement of weak ties, allowing for greater political diversity. Even in the presence of ideological similarities, exposure to heterogeneous content is still a typical outcome in a social media environment [Vaccari et al. 2015]. Furthermore, users may choose to view news site content that reflects their political views, but the amount of self-selected influence through intentional selection of individual news sites or political groups accounts for a small share of online activity. Moreover, much of the influence of news via social media is incidental, and users may be exposed to a broader range of news and views [Kim et al. 2013].

Relatively recent work provides further evidence. As shown by Bruns [2017] who analyzed a large dataset of Twitter accounts with more than thousands of followers, there is moderate evidence that these Twitter accounts form distinctive clusters, but there is rather significant interaction between these clusters. In 2018 study based on a national survey in the UK, Dubois and Blank discovered that people interested in politics are generally able to elude echo chambers. Therefore, the authors concluded that fears of the creation of echo chambers may be exaggerated.

Following the U.S. elections in 2016 events the studies demonstrated that it is unlikely that the rise of populist politics was due to the polarizing effect of social media. In 2017 the study by Allcott and Gentzkow determined from a U.S. post-election survey that despite the fact that the ECSM effect was positively connected to beliefs in fake election news, social media was the most important source of election news for only 14 percent of U.S. voters. Later, study by Benkler et al. [2017] demonstrated profoundly deep-seated sociopolitical and structural factors, rather than ideological ECSM effect as a key factor in Trump's victory. At the same time, Groshek and Koc-Michalska [2017] discovered that, despite the popular assumption, social media users are less likely to vote for Trump.

This does not necessarily indicate that there is insufficient convincing evidence to support the argument for an ECSM effect. A study conducted two months after the 2016 US presidential election [Justwan et al. 2018], discovered that Republican supporters exposed to the ECSM were more likely to feel satisfied with American democracy. According to the authors, the post-election polarization resulted in significant differences between voters of the winning and losing parties. On the other hand, in 2017 Bae examined survey data for social media users and discovered that social media use influenced the users from South Korea to believe in political rumors that matched with their beliefs, which he also explained by the effect of "echo chambers".

While social media is not the only reason for the development of ECSM [Beam, Hutchens, & Hmielowski 2018], research on Twitter [Guo et al. 2020; Himelboim, McCreery, Smith 2013] demonstrates how certain platform features contribute to ideological similarity and therefore polarization of the political views [Himmelboim et al. 2013]. Research on Reddit by Massanari in 2015 has found that a content selection algorithm that favors the most popular and recent posts can contribute to a toxic ‘technoculture’ that leads to divergent views on contemporary issues. This creates the impression that some views are more widespread than they really are, which legitimizes the systematic segregation of marginalized groups or people with different views.

Some scholars argue that the debate around ECSM is exaggerated and that technology should be blamed for human problems [Bruns 2019]. Empirical research on political communication shows that it is user choice, not algorithms, that limits the diversity of information [Fletcher et al. 2018; Moeller et al. 2016]. There are human factors that reduce the ECSM effect including: communication methods [Zimmer, Scheibe, Stock 2019], network homogeneity [Allcott, Gentzkow 2017], root beliefs [Nguyen, Vu 2019], level of political interest, and diverse media choices [Dubois, Blank 2018].

To summarize, the depiction of the ECSM effect in political news consumption has received ambiguous empirical support, with the more evidence in favor of rejecting this effect.

It should be noted that besides the Western research on echo chambers there is a lively discussion on this topic going on in other parts of the world. It is interesting to highlight that most of the empirical studies conducted in Russia confirm the echo chamber phenomenon. According to Martyanov and Bykov, traditional political ideologies in today’s information society do not lose their importance, although their ideas and values are transformed and modernized in online space [Martyanov, Bykov 2017]. Users, belonging to different political ideologies, form stable “echo chambers” in their online environment, rigidly filtering the information they receive, locking themselves in and reproducing attributes only of their political ideology and not allowing outsiders in. At the same time, on the margins of social media there are fierce clashes between supporters of different political currents, often crossing the line between online and offline interactions. These conclusions are supported by a number of other Russian scholars [Martyanov, Martyanova 2019; Volodenkov, Fedorchenko 2021; Zamkov 2019; Barsukov 2018, and others].

Conclusion

In this review, we have looked at the evidence concerning the existence, causes, and effects of online echo chambers and have considered what related research can tell us about scientific discussions online and how they might shape public understanding of science and the role of science in society.

To conclude, let us make several final points about the state of the Western research of the echo chambers.

First, a lot of empirical studies demonstrating that ECSM are smaller than commonly assumed, and the mounting volume of research rejecting the filter bubble hypothesis, should not be confused with the assumption that our increasingly digital, mobile and platform-dominated media environment poses no serious social problems. There are a number of them, including the often overlooked reality of significant inequality in the use of news and information documented in many of the studies reviewed here, as well as a host of others, such as widespread online harassment and abuse, various types of misinformation, often invasive data collection by dominant platforms, serious disruption of established news businesses and market concentration, and many other problems that are beyond the scope of this review. The research show that people who are not interested in politics and do not use a variety of media are more likely to be in an ECSM. They are less likely to check multiple sources or discover things that change their minds. This is an argument that the ECSM exists, but for a certain segment of the population.

Second, the perils associated with people primarily seeking out information that matches their views, let alone living in a confined media space where their pre-existing views are rarely challenged, may be far less than many believe, and yet they are ever-present, and it is clearly possible for people to come to hold very polarized views, often the views that contradict the best available scientific research — without living in echo chambers or filter bubbles. Sometimes minorities, however small, play an important role in driving public and political debate and decision-making. As was noted, in the U.S. context, despite the fact that most Americans do not live in ECSM, they are influenced by those who do. And in many cases confirmation bias, motivated reasoning, and social reinforcement from the off-line communities where we were politically socialized for most of our life, will cause us to have very distinct views, even though we also encounter a wide variety of different kinds of information through digital media.

Third, research in the field is broadly developed in some aspects and almost absent in others. Among other things, there is often a lack of research outside the US, there is much less research specifically on academic issues rather than on policy and media use in general.

Finally, the research suggests that ECSM may exist for a certain segment of the population leading to conclusion that increasing media literacy may help people learn to avoid ECSM. Media literacy campaigns often argue that people should not rely solely on social media and that people with a wider choice of media are better able to avoid ECSM.

Received / Поступила в редакцию: 17.01.2022

Revised / Доработана после рецензирования: 07.06.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.06.2022

References

- Allcott, H., Braghieri, L., Eichmeyer, S., & Gentzkow, M. (2020). The welfare effects of social media. *American Economic Review*, 110(3): 629–76. Retrieved June, 7, 2022, from https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257%2Faeer.20190658&utm_campaign=Johannes.
- Allcott, H., & Gentzkow, M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of Economic Perspectives*, 31(2), 211–236. <https://doi.org/10.1257/jep.31.2.211>
- Arendt, H. (1972). *Crises of the Republic: Lying in Politics; Civil Disobedience; On Violence; Thoughts on Politics and Revolution*. Harcourt, Brace & Co.
- Bakshy, E., Messing, S., & Adamic, L.A. (2015). Exposure to ideologically diverse news and opinion on Facebook⁶. *Science*, 348(6239), 1130–1132.
- Barberá, P. (2015). How social media reduces mass political polarization. Evidence from Germany, Spain, and the U.S. *Paper presented at the 2015 APSA conference*. Retrieved June, 7, 2022, from: http://pablobarbera.com/static/barbera_polarization_APSA.pdf. Barberá, P., Jost, J.T., Nagler, J., Tucker, J.A., & Bonneau, R. (2015). Tweeting from left to right: Is online political communication more than an echo chamber? *Psychological Science*, 26(10), 1531–1542. <https://doi.org/10.1177/0956797615594620>
- Barsukov, N. (2018). “Echo Chamber” Effect in the Internet: An Exploration of Brexit Case. *The state and citizens in the electronic environment*, 2, 3–86. (In Russian)
- Bartlett, B. (2015). How Fox News changed American media and political dynamics. SSRN. Retrieved June, 3, 2022, from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2604679.
- Beam, M.A., & Kosicki, G.M. (2014). Personalized news portals: Filtering systems and increased news exposure. *Journalism & Mass Communication Quarterly*, 91(1), 59–77. <https://doi.org/10.1177/1077699013514411>
- Beam, M.A., Hutchens, M.J., & Hmielowski, J.D. (2018). Facebook⁷ news and (de)polarization: Reinforcing spirals in the 2016 US election. *Information, Communication & Society*, 21(7), 940–958. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1444783>
- Benkler, Y., Faris, R.M., Hal, R., Etling, B., Bourassa, N., & Zuckerman, E. (2017). *Partisanship, Propaganda, and Disinformation: Online Media and the 2016 U.S. Presidential Election*. Berkman Klein Center for Internet & Society Research Paper. Retrieved June, 7, 2022, from <https://ssrn.com/abstract=3019414>
- Benton, M.C., & Radziwill, N.M. (2016). “Bot or Not? Deciphering Time Maps for Tweet Interarrivals.” ArXiv:1605.06555 [Cs], May. Retrieved June, 7, 2022, from <http://arxiv.org/abs/1605.06555>
- Berentson-Shaw, J. (2018). *A matter of fact: Talking truth in a post-truth world*. Wellington, New Zealand: Bridget Williams Books.
- Bode, L. (2012). Facebooking⁸ It to the Polls: A Study in Online Social Networking and Political Behavior. *Journal of Information Technology and Politics*, 9(4), 352–369. <https://doi.org/10.1080/19331681.2012.709045>
- Bos, L., Kruike-meier, S., & de Vreese, C. (2016). Nation binding: How public service broadcasting mitigates political selective exposure. *PLoS ONE*, 11(5). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0155112>
- Bruns, A. (2019). Filter bubble. *Internet Policy Review*, 8(4). <https://doi.org/10.14763/2019.4.1426>

⁶ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

⁷ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

⁸ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Centola, D., & Macy, M. (2007). Complex contagions and the weakness of long ties. *American Journal of Sociology*, 113(3), 702–34.
- Ceron, A., & Memoli, V. (2016). Flames and debates: Do social media affect satisfaction with democracy? *Social Indicators Research*, 126(1), 225–240. <https://doi.org/10.1007/s11205-015-0893-x>
- Dahlgren, P.M. (2019). Selective exposure to public service news over thirty years: The role of ideological leaning, party support, and political interest. *International Journal of Press/Politics*, 24(3), 293–314.
- Dimitrova, D.V., Shehata, A., Strömbäck, J., & Nord, L.W. (2014). The effects of digital media on political knowledge and participation in election campaigns: Evidence from panel data. *Communication Research*, 41(1), 95–118. <https://doi.org/10.1177/0093650211426004>
- Dizney, H.F., Roskens, R.W. (1962) An Investigation of the ‘Bandwagon Effect’ in a College Straw Election. *The Journal of Educational Sociology*, 36(3), 108–114.
- Dubois, E. (2015). The strategic opinion leader: Personal influence and political networks in a hybrid media system (Doctoral dissertation). Retrieved June, 7, 2022, from <https://ora.ox.ac.uk/objects/uuid:35b1e408-a70a-4ea0-9c41-10d7df024ee9>
- Dubois, E., & Grant Blank, G. (2018). The echo chamber is overstated: The moderating effect of political interest and diverse media. *Information, Communication & Society*, 21(5), 729–745. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1428656>
- Dvir-Gvirzman, S., Tsfati, Y., & Menchen-Trevino, E. (2016). The extent and nature of ideological selective exposure online: Combining survey responses with actual web log data from the 2013 Israeli elections. *New Media & Society*, 18(5), 857–877.
- Festinger, L. (1957). *A theory of cognitive dissonance*. New York, NY: Row, Peterson
- Fletcher, R., Cornia, A., & Nielsen, R.K. (2018). *Measuring the Reach of „Fake News” and Online Disinformation in Europe*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism. Retrieved June, 7, 2022 from <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/our-research/measuring-reach-fake-news-and-online-disinformation-europe>
- Fletcher, R., Cornia, A., & Nielsen, R.K. (2020). “How Polarized Are Online and Offline News Audiences? A Comparative Analysis of Twelve Countries.” *The International Journal of Press/Politics*, 25(2), 169–195.
- Fletcher, R., Robertson, C.T., & Nielsen, R.K. (2021). How Many People Live in Politically Partisan Online News Echo Chambers in Different Countries? *Journal of Quantitative Description: Digital Media*, 1. <https://doi.org/10.51685/jqd.2021.020>
- Garrett, R.K. (2013). Selective exposure: New methods and new directions. *Communication Methods and Measures*, 7(3–4), 247–256.
- Garrett, R.K., & Stroud, N.J. (2014). Partisan paths to exposure diversity: Differences in pro- and counterattitudinal news consumption. *Journal of Communication*, 64(4), 680–701.
- Garrett, R.K., Carnahan, D., & Lynch, E.K. (2013). A turn toward avoidance? Selective exposure to online political information, 2004–2008. *Political Behavior*, 35(1), 113–134.
- Gentzkow, M., Shapiro, J.M. & Sinkinson, M. (2011). The effect of newspaper entry and exit on electoral politics. *American Economic Review*, 101(7), 2980–3018.
- Groshek, J., & Koc-Michalska K. (2017). Helping populism win? Social media use, filter bubbles, and support for populist presidential candidates in the 2016 US election campaign. *Information, Communication & Society*, 20(9), 1389–1407.
- Guess, A.M. (2021). (Almost) everything in moderation: New evidence on Americans’ online media diets. *American Journal of Political Science*, 65(4), 1007–1022. <https://doi.org/10.1111/ajps.12589>
- Guess, A.M., Nyhan, B., Lyons, B., & Reifler, J. (2018). *Avoiding the echo chamber about echo chambers: Why selective exposure to like-minded political news is less prevalent than you think*. Miami, FL: Knight Foundation.

- Guo, L., Rohde, J.A. & Wu, H.D. (2020). Who is responsible for Twitter's echo chamber problem? Evidence from 2016 U.S. election networks, *Information, Communication & Society*, 23(2), 234–251. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1499793>
- Habermas, J. (1991). *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Henshel, R.L., & Johnston, W. (1987). The Emergence of Bandwagon Effects: A Theory. *The Sociological Quarterly*, 28(4), 493–511.
- Himelboim, I., McCreery, S., & Smith, M. (2013). Birds of a feather tweet together: Integrating network and content analyses to examine cross-ideology exposure on Twitter. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 18(2), 40–60. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12001>
- Jamieson, K.H., & Cappella, J.N. (2008). *Balkanization of Knowledge and Interpretation* (pp. 191–213). New York: Oxford University Press. Retrieved from https://repository.upenn.edu/asc_papers/609
- Janis, I.L. (1982). *Groupthink: Psychological Studies of Policy Decisions and Fiascos*. Boston: Houghton Mifflin.
- Justwan, F., Baumgaertner, B., Carlisle, J.E., Clark, A.K., & Clark, M.M. (2018). Social media echo chambers and satisfaction with democracy among Democrats and Republicans in the aftermath of the 2016 US elections. *Journal of Elections, Public Opinion and Parties*, 28(4), 424–442. <https://doi.org/10.1080/17457289.2018.1434784>
- Kaiser, B. (2019). *Targeted: The Cambridge Analytica Whistleblower's Inside Story of How Big Data, Trump, and Facebook⁹ Broke Democracy and How It Can Happen Again*. Harper Collins.
- Kaiser, J., & Rauchfleisch, A. (2020). The German Far-Right on YouTube: An analysis of user overlap and user comments. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 64(3), 373–396. <https://doi.org/10.1080/08838151.2020.1799690>
- Keen, Suzanne (2007). *Empathy and the Novel*. Oxford: Oxford UP.
- Kim, Y., Hsu, S.-H., & de Zuniga, H.G. (2013). Influence of social media use on discussion network heterogeneity and civic engagement: The moderating role of personality traits. *Journal of Communication*, 63(3), 498–516.
- Klapper, J.T. (1960). *The effects of mass communication*. New York: Free Press.
- Lu, J., & Yu, X. (2020). Does the Internet make us more intolerant? A contextual analysis in 33 countries. *Information, Communication & Society*, 23(2), 252–266. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1499794>
- Martyanov, D.S., & Martyanova, N.A. (2019). Manageability of Virtual Communities: A Comparative Analysis of Politicized Groups in Vkontakte. *Journal of Political Research*, 3(3), 79–93. (In Russian)
- Martyanov, D., & Bykov I. (2017). Ideological segregation in the Russian cyberspace: Evidences from St. Petersburg. In *Digital Transformation and Global Society Second International Conference* (pp. 259–270). DTGS 2017 St. Petersburg, Russia, June 21–23. Cham: Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-69784-0_22
- Masip, P., Suau, J., & Ruiz-Caballero, C. (2020). Incidental exposure to non-like-minded news through social media: Opposing voices in echo-chambers' news feeds. *Media and Communication*, 8(4), 53–62.
- Massanari, A. (2015). *Participatory culture, community, and play: Learning from reddit*. PeterLang Inc., International Academic Publishers.
- McPherson, M., Smith-Lovin, L., & Cook, J.M. (2001). Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 27(1), 415–444.

⁹ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Messing, S., & Westwood, S.J. (2014). Selective exposure in the age of social media: Endorsements Trump partisan source affiliation when selecting news online. *Communication Research*, 41(8), 1042–1063.
- Moeller, J., Trilling, D., Helberger, N., Irion, K., & De Vreese, C. (2016). Shrinking core? Exploring the differential agenda setting power of traditional and personalized news media. *Info*, 18(6), 26–41. <https://doi.org/10.1108/info-05-2016-0020>
- Nickerson, R. (1998). Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. *Review of General Psychology*, 2, 175–220. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.2.175>
- Nelson, J.L., & Webster, J.G. (2017). The myth of partisan selective exposure: A portrait of the online political news audience. *Social Media + Society*, 3(3). <https://doi.org/10.1177/2056305117729314>
- Newman, N., Fletcher, R., Schulz, A., Andı, S., Robertson, C.T., & Nielsen, R.K. (2021). *Reuters Institute Digital News Report 2021*. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism.
- Nguyen, A., & Vu, H.T. (2019). Testing popular news discourse on the “echo chamber” effect: Does political polarisation occur among those relying on social media as their primary politics news source? *First Monday*, 24(5). Retrieved June, 7, 2022, from: <https://firstmonday.org/article/view/9632/7807>
- Nickerson, R.S. (1998). Confirmation bias: A ubiquitous phenomenon in many guises. *Review of General Psychology*, 2(2), 175–220. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.2.2.175>
- Noelle-Neumann, E. (1974). The spiral of silence: a theory of public opinion. *Journal of Communication*, 24(2): 43–51. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1974.tb00367.x>
- Papacharissi, Z., & de Fatima Oliveira, M. (2012). Affective news and networked publics: The rhythms of news storytelling on #Egypt. *Journal of Communication*, 62(2), 266–282. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2012.01630.x>
- Pariser, E. (2011). *The filter bubble: What the internet is hiding from you*. London: Viking.
- Preston, P. (2016). Trust in the media is the first casualty of the post-factual world. *Guardian* (24 September). Retrieved June, 7, 2022 from <https://www.theguardian.com/media/2016/sep/24/trust-in-media-first-casualty-post-factual-war-corbyn-trump>
- Salari, Sonia & Sillito, Carrie. (2015). Intimate partner homicide suicide: Perpetrator primary intent across young, middle, and elder adult age categories. *Aggression and Violent Behavior*. 26. <https://doi.org/10.1016/j.avb.2015.11.004>
- Sears, D.O., & Freedman, J.L. (1967). Selective exposure to information: A critical review. *Public Opinion Quarterly*, 31(2), 194–213.
- Spoehr, D. (2017). Fake news and ideological polarization: Filter bubbles and selective exposure on social media. *Business Information Review*, 34(3), 150–160. <https://doi.org/10.1177/0266382117722446>.
- Sunstein, C. (2002). The Law of group polarization. *Journal of Political Philosophy*, 10(2), 175–195.
- Sunstein, C. (2009). *Republic. Com 2.0*. New York, NY: Princeton UP.
- Tait, A. (2016). Control, alt-right, retweet: How social media paved the way for President Trump. *New Statesman* (10 November). Retrieved June, 7, 2022, from <https://www.newstatesman.com/world/north-america/2016/11/control-alt-right-retweet-how-social-media-paved-way-president-trump>.
- Turcotte, J., York, C., Irving, J., Scholl, R.M., & Pingree, R.J. (2015). News Recommendations from Social Media Opinion Leaders: Effects on Media Trust and Information Seeking. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 20(5), 520–535. <https://doi.org/10.1111/jcc4.12127>
- Vaccari, C., Valeriani, A., Barberá, P., Bonneau, R., Jost, J.T., Nagler, J., & Tucker, J.A. (2015). Political expression and action on social media: Exploring the relationship between lower- and higher-threshold political activities among Twitter users in Italy. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 20(2), 221–239.

- Vaccari, C., Valeriani, A., Barberá, P., Jost, J.T., Nagler, J., & Tucker, J.A. (2016). Of echo chambers and contrarian clubs: Exposure to political disagreement among German and Italian users of Twitter. *Social Media + Society*, 2(3). <https://doi.org/10.1177/2056305116664221>
- Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2021) Digital Infrastructures of Civic and Political Activism: Current Challenges, Risks and Constraints. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 6, 97–118. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2014> (In Russian).
- Webster, J.G., & Ksiazek, T. (2012). The Dynamics of Audience Fragmentation: Public Attention in an Age of Digital Media. *Journal of Communication*. 62. 39–56. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2011.01616.x>
- Xenos, M., Vromen, A., & Brian, D. Loader (2014) The great equalizer? Patterns of social media use and youth political engagement in three advanced democracies, *Information, Communication & Society*, 17(2), 151–167, <https://doi.org/10.1080/1369118X.2013.871318>
- Yang, T., Majó-Vázquez, S., Nielsen, R.K., & González-Bailón, S. (2020). Exposure to news grows less fragmented with an increase in mobile access. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 117(46), 28678–28683.
- Zamkov, A.V. (2019). The Echo Chamber Effect as a Manifestation of the Principle of Self-Similarity on Social Networks. *Mediascope*, 2. (In Russian). Retrieved April, 15, 2022 from <http://www.mediascope.ru/2548> <https://doi.org/10.30547/mediascope.2.2019.7> (In Russian).
- Zimmer, K. Scheibe, M. Stock, & Stock, W.G. (2019). Echo chambers and filter bubbles of fake news in social media. Man-made or produced by algorithms? In *8th Annual Arts, Humanities, Social Sciences & Education Conference* (pp. 1–22). Prince Waikiki, Honolulu, Hawaii. January 3, 4, & 5, 2019, Hawaii University.
- Zúñiga, H.G. de, Nakwon Jung & Valenzuela, S. (2012). Social media use for news and individuals' social capital, civic engagement and political participation. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 17(3), 319–336. <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2012.01574.x>

About the authors:

Mikhail A. Beznosov — PhD in Political Sciences, PhD Candidate in Sociology, University of West Georgia, Political Department of Civic Engagement and Public Service, USA (e-mail: mbeznosov@westga.edu) (ORCID: 0000-0001-6146-1802)

Alexander S. Golikov — Doctor of Sociological Sciences (Dr. Hab. in Sociology), Associate Professor of Sociology Department and Political Sociology Department of V.N. Karazin Kharkov National University, Ukraine (e-mail: a.s.golikov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6786-0393)

Сведения об авторах:

Безносов Михаил Анатольевич — доктор философии в области политологии, кандидат социологических наук, кафедра гражданской активности и государственной службы, Университет Западной Джорджии, США (e-mail: mbeznosov@westga.edu) (ORCID: 0000-0001-6146-1802)

Голиков Александр Сергеевич — доктор социологических наук, доцент кафедры социологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, Украина (e-mail: a.s.golikov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-6786-0393)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-517-529

Научная статья / Research article

Политические последствия цифровизации риторики ненависти в эпоху постправды: влияние на эмоциональные режимы в ходе цифровых конфликтов

Ю.Ю. Колотаев

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

 yury.kolotaev@mail.ru

Аннотация. Повсеместное проникновение цифровой реальности в общественную жизнь ведет к видоизменению старых явлений. Некоторые из этих изменений имеют сильные негативные последствия в отдельных сферах, в частности в политике. Цифровая риторика ненависти (hate speech) является одним из наиболее показательных примеров влияния цифровизации на политические процессы. Проявление ненависти в сети стало серьезным вызовом для политических систем по всему миру. Для противодействия новой угрозе требуется ее теоретическое и практическое осмысление. Целью данной работы является выявление социальных механизмов, делающих риторику ненависти инструментом в информационных кампаниях. Для этого в рамках работы рассматриваются дискурсивные и эмоциональные аспекты, связанные с публичной манифестацией ненависти. Теоретической основой выступает теория «эмоциональных режимов» и концепция «дискурсов правды», выражающие взаимовлияние субъективности и общественного дискурса. Сопоставление теоретических рамок с практическими аспектами риторики ненависти демонстрирует, что цифровые платформы и социальные сети формируют среду, ускоряющую и облегчающую проникновение ненависти в общественное пространство. Результатом этого процесса становится принятие различных форм ненависти в качестве новой социальной нормы, что приводит к таким явлениям, как притеснение, унижение или даже физическое преследование. Современные технические реалии позволяют инструментализировать риторику ненависти в целях манипуляций. Подобные манипуляции приводят к трем основным сценариям воздействия на общество: 1) широкое воздействие с низкой персонализацией; 2) точечное воздействие с высокой персонализацией; 3) перспективный сценарий децентрализованного широкого точечного воздействия с применением искусственного интеллекта. Ключевой задачей в контексте противодействия каждому из сценариев является сочетание долгосрочных и специализированных мер.

© Колотаев Ю.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: риторика ненависти, язык вражды, постправда, эмоциональный режим, онлайн-платформы

Для цитирования: Колотаев Ю.Ю. Политические последствия цифровизации риторики ненависти в эпоху постправды: влияние на эмоциональные режимы в ходе цифровых конфликтов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 517–529. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-517-529>

Political Implications of Hate Speech Digitalization in a Post-Truth Era: Impact on Emotional Regimes in Digital Conflicts

Yury Y. Kolotaev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 yury.kolotaev@mail.ru

Abstract. The digitalization of public life modifies old phenomena. Some of these changes prove to be detrimental to certain public spheres, including politics. Digital hate speech is one of the most obvious examples of digitalization's impact on political processes. The manifestation of hatred online became an urgent challenge to political systems globally. In this respect, a theoretical and practical elaboration is necessary to counter the new threat. This study aims to identify the social mechanisms that make hate speech an instrument in information campaigns. The article illustrates the discursive and emotional aspects of the public manifestation of hatred. The theoretical basis of this work is the theory of “emotional regimes” and the concept of “regimes of truth”, which express the mutual influence of subjectivity and public discourse. Comparing the theoretical framework with the practical aspects of hate speech demonstrates that digital platforms and social networks form an environment that accelerates and facilitates the dissemination of hatred in the public space. As a result, various forms of hatred are accepted as a new social norm, which leads to such phenomena as harassment, humiliation, or even physical persecution. The modern technical reality allows to instrumentalize hate speech for manipulation, which results in three main scenarios for social impact: 1) large impact with low personalization; 2) targeted impact with high personalization; 3) broad and decentralized targeted impact using artificial intelligence. While countering each of these scenarios, a key challenge is to combine long-term and specialized measures.

Keywords: hate speech, post-truth, emotional regimes, online platforms

For citation: Kolotaev, Y.Y. (2022). Political implications of hate speech digitalization in a post-truth era: Impact on emotional regimes in digital conflicts. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 517–529. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-517-529>

Введение

Современные цифровые медиа, служащие одновременно и информационным каналом, и средством коммуникации, создали среду, в которой классические информационные угрозы приобрели новую форму и содержание. За последнее десятилетие активизировались проблемы, связанные с распространением ложной или вредоносной информации, способной нанести существенный социальный урон. В научном и публицистическом пространстве это явление получило

название *политика* или *эпоха постправды* [Попова и др. 2018; Kalpokas 2019; Cosentino 2020; Vufacchi 2021]. Ключевыми характеристиками, свойственными этим условиям, становятся децентрализация источников информации, беспрецедентный рост цифровых данных и персонализированного контента при явной социальной поляризации, приводящей к изоляции различных дискурсов и снижению значимости верификации в социальном пространстве, уступающей место эмоциям [d'Ancona 2017]. Иначе говоря, «постправда» — это ситуация, в которой фактические данные перестают иметь универсальное значение, так как информационный поток любого пользователя ведет к созданию субъективного, эмоционального потока информации, соответствующего мировоззрению пользователя.

Данные условия становятся удобной средой для манипулирования или оказания давления на общество в политических целях. На сегодняшний день эта проблема получает все большее рассмотрение в работах отечественных [Субочев 2019; Мартыанов и др. 2019; Золян С.Т. и др. 2021] и зарубежных исследователей [d'Ancona 2017; Ali, Zain-ul-abdin 2021]. В особенности активно развивается изучение проблемы цифровой дезинформации или фейковых новостей [Morgan 2018; Золян и др. 2021; Karantai et al. 2021]. Вместе с тем информационные манипуляции в форме распространения заведомо ложных сведений являются не единственной угрозой, проистекающей от проникновения цифровых медиа в социальную реальность. Одной из наиболее актуальных проблем становится «риторика ненависти» или «язык вражды» (от англ. hate speech) [Хлопотунов 2020; Sellars 2016; Castaño-Pulgarín et al. 2021], т.е. публичное проявление ненависти к какому-либо индивиду или сообществу через оскорбительные или уничижительные высказывания. В рамках Стратегии и плана действий ООН по борьбе с риторикой ненависти обращается внимание на то, что поводом для нее могут выступать любые коммуникативные акты, нацеленные на дискриминацию по каким-либо групповым или индивидуальным признакам¹. Поводом для риторики ненависти могут быть политические, этнические (и т.д.) различия [Matamoros-Fernández, Farkas 2021]. Подобные враждебные акты и высказывания в сети расширяют представление о вредоносном контенте в сети за рамки простой лжи и фейков.

Риторика ненависти сама по себе не является уникальным явлением, так как присуща общественной коммуникации в условиях конфликта социальных групп и личностей. Однако цифровая реальность повысила скорость ее распространения и обострила проблему посредством новых инструментов и платформ, способных превратить язык ненависти в инструмент стратегических коммуникаций или информационного воздействия. В данной статье раскрываются ключевые аспекты инструментализации языка вражды в рамках цифровых конфликтов. Целью является установление теоретических и практических предпосылок, по-

¹ ООН. Стратегия и план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с ненавистнической риторикой. 2019. URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/advising-and-mobilizing/Action_plan_on_hate_speech_RU.pdf (дата обращения: 06.06.2022).

звolyающих использовать риторику ненависти в информационных кампаниях. Теоретической основой служит теория «эмоциональных режимов» [Reddy 2001; Wahl-Jorgensen 2018] в сочетании с концепцией «дискурсов правды» Мишеля Фуко [Foucault 2017]. В статье рассматривается взаимное влияние социального конструирования правды на общественное восприятие «ненависти».

Эмоциональные режимы, ненависть и (пост-)правда как взаимосвязанные дискурсивные категории

Формирование современной цифровой «эпохи постправды» имеет глубокие социальные корни, уходящие в область общественного конструирования категории «правды» и ее влияния на эмоциональный отклик людей на факты [Попова и др. 2018]. Связь между правдой и эмоциями обусловлена двойственностью каждой из категорий. С одной стороны, в общественном пространстве правду, как понятие близкое к фактам, принято противопоставлять эмоциям, как явлениям психологического характера [Sullivan 2013]. Вместе с тем существуют и альтернативные воззрения, характеризующие эмоции (в частности и ненависть) как проявление «заученных когнитивных паттернов» [McGrath 2017; Süselbeck 2019: 282]. Такой подход, получивший название «история эмоций» [Reddy 2001; McGrath 2017], позволяет трактовать эмоции шире, учитывая культурное и социальное влияние.

В контексте такого видения, в общественных науках появилось понятие «эмоциональных режимов», выражающих доминирующие в обществе модели восприятия эмоций [Reddy 2001]. Эмоциональные режимы формируются через нормы, обычаи и политические институты, что позволяет говорить об их «управляемости» и интерпретируемости [Colwell 2016: 7]. Особенно характерно проявление эмоциональных режимов в контексте «политических эмоций», таких как ненависть и ярость [Lytan 2004: 133]. Их политическая составляющая проистекает от того, что они обладают особенно выраженной способностью мотивировать социальные общности на активное проявление своей политической воли. При этом, воспринимая эмоции как когнитивное явление, следует отметить, что важное влияние на восприятие ненависти оказывает окружающая людей реальность и «правда» как характеристика отношения и восприятия людьми реальности. Те явления, которые воспринимаются людьми как приемлемые, в контексте эмоционального режима могут трактоваться как правдивые или «оправдывающие». Эти обстоятельства во многом усиливаются в эпоху постправды, когда на передний план выходит эмоциональная связь с фактами. Однако существует и обратная взаимосвязь между правдой и влиянием на эмоциональный режим.

С точки зрения постструктурализма этот аспект раскрывается посредством обращения к категории «дискурсов правды», разработанной М. Фуко [Foucault 2017]. В его понимании существование дискурса, претендующего обозначить правду, не означает, что существует прямая связь между дискурсом и той реальностью, о которой он говорит [Foucault 2017: 221]. Фуко проблематизирует параллельное существование реальности и правды [Foucault 2017: 237]. Для него реальность мира не является правдой самой для себя, так как дискурс-

сы правды не только документируют, что является частью реальности, а сами представляют собой фрагмент реальности, которая не нуждается в их появлении [Prozorov 2019: 21]. Правда, таким образом, является сущностью не обязательной для реальности, но дополняющей ее в случае своего появления. То обстоятельство, что эмоции во многом определяют наше понимание «реальности», указывает на то, что дискурс правды в равной степени зависит от действующего эмоционального режима, как и сам режим от дискурса правды.

Взаимное дополнение представлений о дискурсах правды и эмоциональных режимах позволяет создать комплексное представление, объясняющее предпосылки для роста угрозы от дезинформации и риторики ненависти. Если сама «контролируемость» и эмоций, и правды в социально-политическом плане существует с момента формирования любых сообществ, то ускорение через цифровизацию динамики изменения коллективных сентиментов, равно как и сила новых рычагов воздействия, меняет характер этих процессов.

Ненависть как политическая эмоция и ее цифровая инструментализация

Ключевым свойством языка вражды, как политической категории, становится ее связь с одним из наиболее активных стимулов в рамках общественного дискурса — ненавистью. Распространение в современных условиях политкорректности и снижение социальной приемлемости агрессии вызвали особое порицание ненависти из-за увеличения внимания к чувствам и стремлению не допускать их оскорбления. Однако повышенное внимание к темам эмоционального или психологического насилия не снизило значимость ненависти как политического триггера. В отдельных случаях ненависть стала культивироваться как обратная реакция на политкорректность [Wilber 2017].

Важно отметить, что ненависть позволяет направлять недовольство в конкретное русло, превращая его в совокупность действий, варьирующихся от уничижения объекта ненависти, до прямого насилия [Chetty, Alathur 2018]. В этой связи ненависть имеет тесную связь с насильственными правонарушениями и даже экстремизмом. Действия различных экстремистских групп часто сопровождаются разжиганием ненависти в сети [Olteanu et al. 2018]. При этом, даже при отмечаемом глобальном снижении уровня насилия [Pinker 2011], цифровое насилие или насилие, провоцируемое языком вражды, остается актуальным, особенно в условиях роста количества ненавистнического контента.

Вопрос культивации ненависти связан с формируемыми в политическом пространстве представлениями о приемлемости тех или иных форм языка вражды. Если один контекст предусматривает жесткое порицание ненависти, то другой смещает эмоциональный режим в сторону более открытого выражения неприязни, что может спровоцировать серьезные последствия. К примеру, в конфликтной ситуации общество предрасположено к открытой неприязни по отношению к оппоненту. В этом случае дискурс правды, находящийся под давлением эмоционального режима [Reddy 2001; Colwell 2016], зависит

от действий политических и социальных акторов. И если раньше такими акторами выступали государства (со своей правовой системой) и СМИ (с собственной редакторской этикой), то теперь большую роль начинают играть *цифровые платформы*, вмешивающиеся в процесс информационной модерации. Вместе с тем суть вовлечения платформ состоит не только в модерации, но и в самом создании универсальных площадок для распространения информации.

Открытость цифровых платформ дает доступ к информационному воздействию широкому кругу сторон. Пользователи и различные политические группы имеют открытые рычаги влияния на эмоциональный режим сообщества через распространение различного, зачастую эмоционально окрашенного контента. При этом, при всем разнообразии эмоциональных сообщений в интернете, именно риторика ненависти вызывает наибольшие опасения. Об этом свидетельствует наличие специальных программ, мер или законов на глобальном, региональном и национальном уровнях.

Каждому из уровней свойствен собственный акцент в предпринимаемых мерах. Так, на глобальном уровне особое место занимают адаптивные меры. Их основным свойством выступают гибкие механизмы взаимодействия общества, государства и бизнеса. Примерами глобальных инициатив выступают Стратегия ООН², а также рекомендации ЮНЕСКО [Gagliardone et al. 2015], определяющие этические кодексы, исследования риторики ненависти, а также развитие цифровой грамотности и критического мышления в качестве ключевых мер. В силу их рекомендательного характера саморегуляция выступает основной моделью противодействия. В сравнении с глобальными мерами региональные инициативы смещают основной акцент в пользу совместного регулирования. К примеру, Европейский союз³ стремится расширить сферу права ЕС для обеспечения юридических обязательств со стороны цифровых платформ. Однако до сих пор основные инициативы имеют необязательный характер.

Нехватка регулятивного потенциала международных организаций компенсируется нормотворчеством на национальном уровне. Происходит это через создание новых законов или применение старых норм к цифровому пространству. При этом государства избирают различные механизмы ответственности. К примеру, в рамках немецкого законодательства ответственность за язык вражды и, соответственно, за модерацию лежит на цифровых платформах. В других странах, в частности и в РФ, помимо платформ ответственность несут и сами пользователи. Вместе с тем возложение ответственности на различных субъектов за язык вражды вызывает немало опасений касательно ограничений свободы слова [Gagliardone et al. 2015; Pitruzzella, Pollicino 2020], что, в зависимости

---

² ООН. Стратегия и план действий Организации Объединенных Наций по борьбе с ненавистнической риторикой. 2019. URL: https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/advising-and-mobilizing/Action_plan_on_hate_speech_RU.pdf (дата обращения: 06.06.2022).

³ Proposal for a *Regulation of the European Parliament and of the Council on a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and amending Directive 2000/31/EC COM/2020/825 final*. Brussels, 2020.

от юридической практики и культурных особенностей, приводит к различным правоприменительным практикам.

Артикуляция риторики ненависти на глобальном и национальном уровнях как принципиальной цифровой угрозы совпала с ростом социальных сетей. В современном мире множится количество примеров, когда через цифровой язык вражды происходит не только сетевая травля различных меньшинств или социальных групп, но и их физическое преследование. Наиболее показательным в этой связи стал геноцид в Мьянме, где ключевую роль в распространении ненависти сыграли именно социальные сети [Siddiquee 2020]. Аналогичная ситуация складывалась в период пандемии COVID-19, когда сторонники и противники вакцинации в разных странах мира подвергали друг друга сетевой травле. В актуальных же реалиях наблюдается начало аналогичного процесса в отношении российского сегмента интернета после нового витка украинского кризиса.

С технической точки зрения, распространение риторики ненависти в ходе социального конфликта может происходить по нескольким каналам и с различными целями. Каналами чаще всего выступают информационные ленты цифровых платформ и соцсетей, распространяющие эмоционально привлекательные заголовки. Такие каналы могут пользоваться системой таргетинга самой социальной сети либо сбором открытых данных о пользователях. Цифровая революция позволила существенно увеличить масштаб и качество самих кампаний. При этом для персонализации риторики ненависти активно привлекаются и передовые технологии, в частности искусственный интеллект, способный на основе данных формировать систему определения предпочтений пользователей. Такие тенденции делают цифровое пространство все более привлекательным для манипуляций.

Следует учитывать, что риторика ненависти не всегда основана на внешних манипуляциях. Пользователи могут самостоятельно, без внешнего вмешательства, распространять контент, наносящий социальный ущерб, личный урон или вызывающий общественную поляризацию. Архитектура современных платформ, персонализирующих информационный поток пользователей, делает их информационное поле более изолированным, снижая понимание и терпимость к членам других информационных систем или пузырей [Flaxman, Goel, Rao 2016]. В этой связи при разработке мер по противодействию цифровой риторике ненависти важно учитывать, что сама угроза имеет различные источники и масштабы, но при этом сохраняет в каждом случае значительный потенциал к социальной поляризации. Особое значение в этом вопросе занимают цифровые платформы, являющиеся одновременно и инструментом в руках распространителей языка вражды, и актором, способным ограничить ее распространение.

Сценарный анализ социального воздействия риторики ненависти и перспективы противодействия

Наибольшую опасность в контексте эмоциональных режимов риторика ненависти представляет в форме манипулятивного инструмента в рамках цифрового конфликта (т.е. намеренное использование языка вражды для трансформации

общественных настроений). Логику манипулятивной атаки позволяют объяснить три базовых сценария, основывающиеся на двух переменных: масштаб кампании и степень персонализации.

Первый потенциальный сценарий включает в себя широкий или средний охват аудитории при низкой степени персонализации. К таким кампаниям по управлению восприятием относятся самые распространенные сейчас инструменты в виде «бот-ферм», генерирующих необходимую риторику в контексте конкретных событий [Bailurkar, Raul 2021]. В значительной степени целью таких кампаний должно стать смещение эмоционального режима всего общества в сторону большей допустимости ненависти к отдельным явлениям или группам. Так как степень персонализации в таких кампаниях низкая, ответом становится попытка платформ распознать «неаутентичное поведение» в сети и пресечь его на уровне модерации. К «неаутентичному» при этом относится результат активности не самих пользователей платформ, а ботов и основанных на ИИ систем.

Второй, более усовершенствованный сценарий подразумевает меньший охват аудитории при большей степени персонализации. В таких ситуациях качество эмоционального контента увеличивается, так как учитывает личностные характеристики пользователей. В данном случае подключается психологический профайлинг (т.е. составление психологического портрета пользователей на основе цифровых следов) отдельных социальных групп, предрасположенных к определенному контенту и информации. Для этого используются инструменты таргетинга (индивидуального подбора отображаемой информации) платформы. Одним из наиболее показательных примеров политического использования таргетинга стал скандал с Cambridge Analytica, проявившийся в ходе президентской кампании в США в 2016 г. Аналогичную ситуацию можно спрогнозировать и в сфере распространения ненависти со стороны других заинтересованных акторов. Опасения по поводу манипуляций в рамках политической онлайн-рекламы заставили множество стран, а также надгосударственных акторов начать разработку соответствующих законодательных ограничений для платформ в дополнение к уже существующим практикам контроля политической рекламы [Furnémont, Kevin 2020]. Среди них существуют страны, принявшие нормы, призванные повысить прозрачность рекламы для пользователей (Франция), а также нацеленные на применение правил по защите персональных данных (Великобритания) [Helberger, Dobber, de Vreese 2021]. Одной из наиболее масштабных инициатив в этой сфере можно считать проект Европейской комиссии, нацеленный на прозрачность политического таргетинга в преддверии выборов в Европарламент в 2024 г.⁴

Третий сценарий является наиболее сложным в реализации на текущий момент, но возможным в будущем. Речь идет о крупномасштабных попытках влия-

---

⁴ *European Commission*. European Democracy: Commission sets out new laws on political advertising, electoral rights and party funding. Press release, 25.11.2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6118 (дата обращения: 08.06.2022).

ния на эмоциональный режим всего общества посредством децентрализованного, но синхронного воздействия на большую часть населения через персонализированные и эмоционально оптимизированные сообщения в социальных сетях. По сути, такой подход подразумевает совмещение охвата первого сценария с практической реализацией второго. Подобная ситуация требует подключения мощных ресурсов, возможных к реализации лишь при применении искусственного интеллекта. Ключевым аспектом должна стать автоматизация создания, персонализации и распространения контента, способного изменить мнение людей, создав эмоциональный контекст, толкающий их к вражде [Kolotaev 2021]. Несмотря на все сложности, технический прогресс в сфере ИИ демонстрирует, что такой сценарий весьма вероятен в среднесрочной перспективе. При таком сценарии ответные действия должны осуществляться на двух уровнях. На техническом уровне требуется разработка контрмер, способных вычислять неаутентичный контент и, основываясь на сетевом анализе, вычислять структуры распространения этого контента.

Вместе с тем более сложным в реализации, но более результативным на практике может стать выработка цифровой грамотности населения. К этому процессу относятся образовательные инициативы⁵, а также действия гражданского общества и бизнеса по популяризации механизмов модерации и выдачи контента⁶. Такие инициативы имеют длительный процесс воплощения, что обуславливает необходимость дополнять их другими инициативами.

Таким образом, дальнейшее развитие цифровых платформ и технических инструментов, формирующихся уже сейчас, может спровоцировать более совершенные процессы в сфере распространения риторики ненависти. В то же время существуют различные механизмы противодействия, применимые к каждому из сценариев. Важно отметить, что их применение должно быть не ситуационным, а непрерывным, так как цифровая среда требует постоянного реагирования на угрозы. Кроме того, методы противодействия, рассчитанные на долгосрочную перспективу, требуют более длительной реализации, что также обуславливает необходимость их постоянного применения и совершенствования.

Выводы

Цифровая риторика ненависти демонстрирует, как новые технологии могут обострять проблемы, свойственные общественной и политической коммуникации. В политическом контексте особенно важно воздействие риторики ненависти на трансформацию эмоциональных режимов. Теоретическая концептуализация, представленная в работе, демонстрирует, в силу каких общественных механизмов язык вражды способен мотивировать широкую общественность или

⁵ Council of Europe. No Hate Speech Online Training Course. URL: <https://www.coe.int/en/web/youth/no-hate-speech-online-training-course> (дата обращения: 07.06.2022).

⁶ Code of Conduct on Countering Illegal Hate Speech Online. 2016. URL: https://ec.europa.eu/info/files/code-conduct-countering-illegal-hate-speech-online_en (дата обращения: 07.06.2022).

отдельные группы к вражде или насилию. С практической точки зрения, ключевым звеном в процессе разжигания ненависти становятся платформы, играющие роль и инструмента, и посредника. Эта взаимосвязанность требует сбалансированного ответа, выраженного в применении технических и социальных механизмов, смягчающих последствия цифровизации политических угроз. При этом важно учитывать не только реализующийся сценарий применения языка вражды, но и долгосрочные факторы, способствующие адаптации механизмов под эволюцию самой угрозы.

Поступила в редакцию / Received: 19.04.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 11.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Золян С.Т.* и др. Фейки: коммуникация, смыслы, ответственность / под ред. Г.Л. Тульчинского. СПб.: Алетейя, 2021.
- Мартьянов Д.С.* и др. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды / под ред. Д.С. Мартьянова. СПб.: ЭлекСис, 2019
- Попова О.В.* и др. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. — СПб.: Скифия-принт, 2018.
- Субочев В.В.* Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху постправды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 29–43.
- Хлопотунов Я.Ю.* Риторика ненависти в американском политическом дискурсе (функционально-лингвистический анализ) // Дискурс профессиональной коммуникации. 2020. Т. 2, № 2. С. 20–30.
- Ali K., Zain-ul-abdin K.* Post-Truth Propaganda: Heuristic Processing of Political Fake News on Facebook⁷ During the 2016 US Presidential Election // *Journal of Applied Communication Research*. 2021. Vol. 49, no. 1. P. 109–128.
- Bailurkar R., Raul N.* Detecting Bots to Distinguish Hate Speech on Social Media // 12th International Conference on Computing Communication and Networking Technologies (ICCCNT). IEEE, 2021. P. 1–5.
- Bufoacchi V.* Truth, Lies and Tweets: A Consensus Theory of Post-Truth // *Philosophy & Social Criticism*. 2021. Vol. 47, no. 3. P. 347–361.
- Castaño-Pulgarín S.A.* et al. Internet, Social Media and Online Hate Speech. Systematic Review // *Aggression and Violent Behavior*. 2021. Vol. 58. P. 101608.
- Chetty N., Alathur S.* Hate Speech Review in the Context of Online Social Networks // *Aggression and Violent Behavior*. 2018. Vol. 40. P. 108–118.
- Colwell T.M.* I.2 Emotives and Emotional Regimes // *Early Modern Emotions*. Routledge, 2016. P. 45–47.
- Cosentino G.* Social Media and the Post-Truth World Order. London: Palgrave Pivot, 2020.
- d'Ancona M.* Post-truth: The New War on Truth and How to Fight Back. Random House, 2017.
- Flaxman S., Goel S., Rao J.M.* Filter Bubbles, Echo Chambers, and Online News Consumption // *Public opinion quarterly*. 2016. Vol. 80, no. S1. P. 298–320.

⁷ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Foucault M.* Subjectivity and Truth: Lectures at the Collège de France, 1980–1981: Michel Foucault, Lectures at the Collège de France / M. Foucault; eds. F. Ewald, A. Fontana, F. Gros. London: Palgrave Macmillan, 2017.
- Furnémont J.-F., & Kevin D.* Regulation of Political Advertising: A Comparative Study with Reflections on the Situation in South-East Europe. Council of Europe, 2020.
- Gagliardone I. et al.* Countering Online Hate Speech. UNESCO Publishing, 2015.
- Helberger N., Dobber T., de Vreese C.* Towards Unfair Political Practices Law: Learning lessons from the regulation of unfair commercial practices for online political advertising // Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law. 2021. Vol. 12.
- Kalpokas I.* A Political Theory of Post-Truth. London: Palgrave Macmillan, 2019.
- Kapantai E. et al.* A Systematic Literature Review on Disinformation: Toward a unified taxonomical framework // New media & society. 2021. Vol. 23, no. 5. P. 1301–1326.
- Kolotaev Y.* Sentiment Analysis: Challenges to Psychological Security and Political Stability // ECIAIR 2021 3rd European Conference on the Impact of Artificial Intelligence and Robotics. Academic Conferences and publishing limited, 2021. P. 8–2-89.
- Lyman P.* The Domestication of Anger: The Use and Abuse of Anger in Politics // European Journal of Social Theory. 2004. Vol. 7, no. 2. P. 133–147.
- Matamoros-Fernández A., Farkas J.* Racism, Hate Speech, and Social Media: A Systematic Review and Critique // Television & New Media. 2021. Vol. 22, no. 2. P. 205–224.
- McGrath L.S.* Historiography, Affect, and the Neurosciences // History of Psychology. 2017. Vol. 20, no. 2.
- Morgan S.* Fake News, Disinformation, Manipulation and Online Tactics to Undermine Democracy // Journal of Cyber Policy. 2018. Vol. 3, no. 1. P. 39–43.
- Olteanu A. et al.* The Effect of Extremist Violence on Hateful Speech Online // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2018. Vol. 12, no. 1.
- Pinker S.* The Better Angels of Our Nature: The decline of violence in history and its causes. London: Penguin Books, 2011.
- Pitruzzella G., Pollicino O.* Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective. Milano: Bocconi University Press, 2020.
- Prozorov S.* Why is There Truth? Foucault in the Age of Post-Truth Politics // Constellations. 2019. Vol. 26, no. 1. P. 18–30.
- Reddy W.M.* The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Sellars A.* Defining Hate Speech // Berkman Klein Center Research Publication. 2016. No. 20. P. 16–48.
- Siddiquee M.A.* The Portrayal of the Rohingya Genocide and Refugee Crisis in the Age of Post-Truth Politics // Asian Journal of Comparative Politics. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 89–103.
- Sullivan E.* The History of the Emotions: Past, Present, Future // Cultural History. 2013. Vol. 2, no. 1. P. 93–102.
- Süselbeck J.* Sprache und emotionales Gedächtnis. Zur Konstruktion von Gefühlen und Erinnerungen in der Literatur und den Medien // Emotionen. JB Metzler, Stuttgart. 2019. P. 282–295.
- Wahl-Jorgensen K.* Media Coverage of Shifting Emotional Regimes: Donald Trump's Angry Populism // Media, Culture & Society. 2018. Vol. 40, no. 5. P. 766–778.
- Wilber K.* Trump and a Post-Truth World. Shambhala Publications, 2017.

References

- Ali, K., & Zain-ul-abdin, K. (2021). Post-truth propaganda: Heuristic processing of political fake news on Facebook⁸ during the 2016 US presidential election. *Journal of Applied Communication Research*, 49(1), 109–128.
- Bailurkar, R., & Raul, N. (2021). Detecting bots to distinguish hate speech on social media. In *12th International Conference on Computing Communication and Networking Technologies (ICCCNT)*. IEEE, 1–5.
- Bufacchi, V. (2021). Truth, lies and tweets: A consensus theory of post-truth. *Philosophy & Social Criticism*, 47(3), 347–361.
- Castaño-Pulgarín, S.A., Suárez-Betancur, N., Vega, L.M. T., & López, H.M. H. (2021). Internet, social media and online hate speech: Systematic review. *Aggression and Violent Behavior*, 58, 101608.
- Chetty, N., & Alathur, S. (2018). Hate speech review in the context of online social networks. *Aggression and violent behavior*, 40, 108–118.
- Colwell, T.M. (2016). I. 2 Emotives and emotional regimes. In *Early Modern Emotions*. Routledge. 45–47.
- Cosentino, G. (2020). *Social Media and the Post-Truth World Order*. London; Cham: Palgrave Pivot.
- d’Ancona, M. (2017). *Post-truth: The New War on Truth and How to Fight Back*. Random House.
- Flaxman, S., Goel, S., & Rao, J.M. (2016). Filter bubbles, echo chambers, and online news consumption. *Public opinion quarterly*, 80(S1), 298–320.
- Foucault, M. (2017). *Subjectivity and Truth: Lectures at the Collège de France, 1980–1981: Michel Foucault, Lectures at the Collège de France*. Palgrave Macmillan.
- Furnémont, J.-F., & Kevin, D. (2020). *Regulation of Political Advertising: A comparative study with reflections on the situation in South-East Europe*. Council of Europe.
- Gagliardone, I., et al. (2015). *Countering Online Hate Speech*. UNESCO Publishing.
- Helberger, N., Dobber, T., & de Vreese, C. (2021). Towards unfair political practices law: Learning lessons from the regulation of unfair commercial practices for online political advertising. *Journal of Intellectual Property, Information Technology and E-Commerce Law*, 12
- Kalpokas, I. (2019). *A Political Theory of Post-Truth*. London: Palgrave Macmillan.
- Kapantai, E., et al. (2021). A systematic literature review on disinformation: Toward a unified taxonomical framework. *New media & society*, 23(5), 1301–1326.
- Khlopotunov, Y.Y. (2020). Hate speech in American political discourse: Functional-linguistic analysis. *Professional Discourse & Communication*, 2(2), 20–30 (In Russian).
- Kolotaev, Y. (2021). Sentiment analysis: Challenges to psychological security and political stability. In *ECLAIR 2021 3rd European Conference on the Impact of Artificial Intelligence and Robotics*. (pp. 82–89). Academic Conferences and publishing limited.
- Lyman, P. (2004). The domestication of anger: The use and abuse of anger in politics. *European Journal of Social Theory*, 7(2), 133–147.
- Martyanov, D.S., Bykov, I.A., Lukyanova, G.V., Martyanova, N., Rubtsova, M.V., & Podlesskaya, N.S. (2019). *Manageability and Discourse of Virtual Communities in the Context of Post-Truth Politics*. ElecSys. (In Russian).
- Matamoros-Fernández, A., & Farkas, J. (2021). Racism, hate speech, and social media: A systematic review and critique. *Television & New Media*, 22(2), 205–224.
- McGrath, L.S. (2017). Historiography, affect, and the neurosciences. *History of Psychology*, 20(2).
- Morgan, S. (2018). Fake news, disinformation, manipulation and online tactics to undermine democracy. *Journal of Cyber Policy*, 3(1), 39–43.

---

⁸ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

- Olteanu, A., et al. (2018). The effect of extremist violence on hateful speech online. *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 12(1).
- Pinker, S. (2011). *The Better Angels of Our Nature: The decline of violence in history and its causes*. London: Penguin Books.
- Pitruzzella, G., & Pollicino, O. (2020). *Disinformation and Hate Speech: A European Constitutional Perspective*. Milano: Bocconi University Press.
- Popova, O.V., et al. (2018). *“Post-Truth Politics” and Populism*. St. Petersburg: Scythia-print. (In Russian).
- Prozorov, S. (2019). Why is there truth? Foucault in the age of post-truth politics. *Constellations: An International Journal of Critical and Democratic Theory*, 26(1). 18–30.
- Reddy, W.M. (2001). *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge University Press.
- Sellars, A. (2016). *Defining Hate Speech*. Berkman Klein Center Research Publication, (2016–20), 16–48.
- Siddiquee, M.A. (2020). The portrayal of the Rohingya genocide and refugee crisis in the age of post-truth politics. *Asian Journal of Comparative Politics*, 5(2), 89–103.
- Subochev V. (2019). Political-legal manipulation as the basis for the governance of society in the era of post-truth. *Tomsk State University Journal. Law*, (34), 29–43. (In Russian).
- Sullivan, E. (2013). The history of the emotions: Past, present, future. *Cultural History*, 2(1), 93–102.
- Süselbeck, J. (2019). Sprache und emotionales Gedächtnis. Zur Konstruktion von Gefühlen und Erinnerungen in der Literatur und den Medien. In J.B. Metzler, *Emotionen* (pp. 282–295). Stuttgart. (In German).
- Wahl-Jorgensen, K. (2018). Media coverage of shifting emotional regimes: Donald Trump’s angry populism. *Media, Culture & Society*, 40(5), 766–778.
- Wilber, K. (2017). *Trump and a Post-Truth World*. Shambhala Publications.
- Zolyan, S.T., Probst, N.A., Śladkiewicz, Ż., & Tulchinsky, G.L. (2021). *Fake: Communication, Meanings and Responsibility*. Independent Alliance. St. Petersburg: Aleteyya. (In Russian).

Сведения об авторе:

Колотаев Юрий Юрьевич — аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: yury.kolotaev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8372-1193)

About the author:

Yury Y. Kolotaev — postgraduate of the School of International Relations of Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation (e-mail: yury.kolotaev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-8372-1193)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-530-544

Научная статья / Research article

«Московское дело» как фактор активности протестной коммуникации в социальной сети «ВКонтакте»

И.Б. Филиппов

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация*
 ibfilippov@gmail.com

Аннотация. Исследуется влияние юридических негативных санкций по отношению к участникам протестного движения в Москве в 2019 г. на протестную коммуникацию в социальной сети «ВКонтакте». В ходе исследования корпуса упоминаний протестов и негативных санкций в социальных сетях был оценен масштаб обсуждения судебного преследования в сравнении с обсуждениями самих протестов и очерчены основные факторы, влиявшие на магнитуду коммуникации вокруг различных эпизодов негативных санкций. Оказалось, что освещение уголовного преследования активистов вызывает существенно меньший интерес авторов и читателей, чем обсуждение самих митингов. Всплеска комментаторской активности не происходит, а сама публикационная активность оказывается сконцентрированной в крупных сообществах. Вклад в протестную коммуникацию для санкций против различных фигурантов не был одинаковым: наибольшее влияние оказывалось тогда, когда публичной кампании в защиту подсудимого удавалось вовлечь персон с высоким медиакапиталом либо большое число внешних по отношению к протестному движению людей. В случае, когда вокруг фигуранта было много информационных поводов, интересных только для других активистов, всплеск онлайн-коммуникации оказывался менее заметным. Таким образом, сами по себе юридические негативные санкции не становятся существенным информационным поводом автоматически, но создают потенциал для всплеска протестной коммуникации в случае, если информирование о преследовании дополняется традиционными формами политической мобилизации или вовлечением лидеров общественного мнения.

Ключевые слова: социальные медиа, политическое участие, состязательная политика, политический протест, политическая коммуникация

Для цитирования: *Филиппов И.Б.* «Московское дело» как фактор активности протестной коммуникации в социальной сети «ВКонтакте» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 530–544. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-530-544>

© Филиппов И.Б., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90078 «Влияние применения негативных санкций в отношении протестующих на коммуникацию вокруг протестного движения в социальных медиа».

The “Moscow Case” as a Factor of Protest Communication Activity in the Social Network “VK”

Илья В. Philippov

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

 ibfilippov@gmail.com

Abstract. This paper addresses the impact of negative juridical sanctions implemented against the participants of the 2019 protest movement in Moscow on the communication in the social network “VK”. The empirical analysis of the mentions of protests and juridical prosecutions allowed to estimate the volume of discussions about the negative sanctions, to compare it with the discussions around the protest rallies and to outline the main factors affecting how active the discussion is on different episodes of negative sanctions. The results show that the coverage of the criminal persecution of activists provokes substantively less interest among the authors and the readers than the communication on the protest movement itself. Increased activity in comments is not observed, while the communication is concentrated in large communities. The input in the protest communication was not the same for sanctions against different activists: the impact was more notable when the media campaign in defense of the accused managed to involve persons with high media capital or a considerable number of people outside the protest movement. In the cases when the events around the accused were only relevant for other activists the surge in online communication turned out to be less noticeable. This implies that negative juridical sanctions are not a newsbreak themselves but have the potential to provoke an outburst in protest communication if the coverage is complemented by the traditional forms of political mobilization or includes opinion leaders.

Keywords: social media, political participation, contentious politics, political protest, political communication

For citation: Philippov, I.B. (2022). The “Moscow Case” as a Factor of protest communication activity in the social network “VK”. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 530–544. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-530-544>

Acknowledgements: The reported study was funded by RFBR, project number 20-311-90078 «The Impact of Negative Sanctions against Protesters on the Communication around Protest Movement on Social Media».

Введение: цифровое и классическое протестное участие

В последнее время исследователи constituzatelyной политики все чаще обращаются к изучению цифрового аспекта протестных движений, так как оказывается, что по мере распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и расширения медиатизации политической сферы происходит

трансформация повседневности протестной активности [Wong, Wright 2019; Earl 2015]. С одной стороны, интернет оказывается инструментом, который расширяет коммуникативные и организационные возможности участников протестного движения [Farrell 2012], а с другой — является важнейшим пространством деятельности активистов [Архипова и др. 2018]. Зачастую в условиях недостатка социального капитала или высокой репрессивной активности государства деятельность протестного движения принимает форму цифрового [Christensen 2011; Halupka 2014] или гибридного активизма [Ним 2016]. Такие трансформации протестного репертуара даже вызывают определенные сомнения в перспективах сохранения состязательной политики в том классическом и (сравнительно) эффективном виде, в котором она существовала до начала цифровой трансформации политической сферы [Morozov 2009]. Пока что это опасение не находит строгого эмпирического подтверждения, и даже в ситуации стремительной медиатизации всех взаимодействий в условиях пандемии цифровое политическое участие не отменяет различные формы уличного активизма [Ismangil, Lee 2021; Gerbaudo 2020].

В действительности цифровое участие дополняет классические формы протестного репертуара, работая на формирование и расширение социальных последствий проходящих митингов. Социальные сети предоставляют протестующим возможность донести свою версию событий до широкой аудитории, но это не происходит автоматически. Сторонники протестов должны создавать и продвигать различный протестный контент, чтобы попасть на экраны к большому числу различных пользователей, в том числе неполитизированных, что требует либо попадания в повестку крупных сообществ, контролирующих основную часть медиапотребления в социальных сетях [Gonzalez-Bailon 2013], либо усилий активистов по принудительному вовлечению часто посещаемых площадок в политическую коммуникацию. Все это означает, что события состязательной политики в офлайне и онлайн находятся в сложных взаимозависимых отношениях. В этих отношениях влияние цифровой реальности на физическую происходит постоянно [Della Porta 2011], но физической реальности присуща ригидность, которая обеспечивает постепенный характер воздействия накопленных изменений в онлайн-сфере на уличную протестную активность. Напротив, сетевая коммуникация (во всяком случае, политическая) изначально находится в зависимости от физической реальности, поэтому быстро реагирует на события уличной политики. Влияние социальных сетей на уличную активность может быть более фундаментальным, так как это часть более широкого процесса медиатизации, но в краткосрочной перспективе доминирует влияние в направлении от офлайна к онлайн.

Правящий режим располагает различными стратегиями в ответ на успешное коллективное действие протестного движения, которое вылилось в уличные акции протеста. В случае, когда принимается решение о необходимости воздействия, методы воздействия являются в той или иной мере насильственными и ранжируются от физического воздействия со стороны полиции до судебных преследований и летального насилия [Tanneberg 2020]. Если силовой разгон протеста — это всегда

решение, принимаемое полицейской, муниципальной или политической администрацией [Earl 2006], то уголовное или административное преследование — нет, так как оно может возникать в результате действий самих протестующих и автоматической реакции на них правоохранительной системы [Barkan 2006].

Влияние судебного преследования участников протестов на протестную коммуникацию в социальных медиа

Характерная особенность подобных санкций — растянутость во времени. От момента возбуждения уголовного дела до приговора может пройти несколько месяцев, а сам приговор может быть обжалован, и в течение всего этого времени так или иначе возникает поток информационных поводов [Steinhoff 2016; Barkan 2006]. Все это гипотетически порождает для симпатизантов протестного движения возможность обогатить сетевую коммуникацию протестной повесткой спустя ощутимое время после того, как последний крупный протестный эпизод уже закончился и перестал обсуждаться. Если им удастся сделать тему юридического преследования участников митингов обсуждаемой, то для общественного мнения это может быть равнозначно повторению ситуации полицейского насилия с сопутствующими эффектами, такими как возрастание претензий к режиму [Drury, Reicher 2000], делегитимация [Peterson, Wahlström 2015] и формирование протестной идентичности [Farrell 2012]. В то же время, по сравнению с коммуникацией вокруг митингов и полицейского насилия, участникам протестной коммуникации будет сложнее активизировать широкое обсуждение как минимум по двум причинам. Во-первых, судебное преследование приводит к возникновению менее ярких визуальных стимулов, в то время так как современные социальные сети достаточно сильно завязаны на визуальный контент [Poell, van Dijck 2018]. Во-вторых, уголовные дела, по сравнению с полицейским насилием менее интересны обывателю с рациональной точки зрения: полицейское насилие потенциально может затронуть множество людей, допускающих присоединение к протестным акциям или просто случайно попавших в место проведения акции протеста, а судебное преследование — только тех, кто допускает конфронтацию с сотрудниками полиции или применение насилия (по крайней мере, в странах, где не карается сам факт участия в протестных мероприятиях).

Эмпирическое исследование проводится на корпусе текстов и их метаданных из социальной сети «ВКонтакте». В выборку попали оригинальные публикации и комментарии, размещенные в период с 27 июля 2019 г. по 16 февраля 2020 г. Начало периода охарактеризовано заведением уголовного дела по статье 212 Уголовного кодекса Российской Федерации, в рамках которого следствие охарактеризовало события серии Московских митингов, проходивших с 20 июля 2019 г. по 3 августа 2019 г. как массовые беспорядки. В рамках следственных мероприятий 15 сторонникам протестного движения были предъявлены обвинения по этой статье. В конечном итоге доказать вину обвиняемых в организации массовых беспорядков следствию не удалось, но 17 его фигурантов и других участников митингов были обвинены в применении насилия в отношении предста-

вителей органов правопорядка (статья 318 УК РФ), одного человека обвинили в разжигании ненависти (статья 282 УК РФ) и еще один фигурант оказался под обвинением в публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности (статья 280 УК РФ). С момента заведения уголовного дела в организации массовых беспорядков оно стало известно как «Дело 212» или «Московское дело»¹, по аналогии с «Болотным делом» 2012–2013 гг. — уголовным преследованием участников «Марша миллионов», и «Ленинградским делом» — одним из эпизодов сталинского террора. Позднее к этому делу были также причислены четверо осужденных по антиэкстремистскому законодательству (статьи 296 УК РФ), дела в отношении которых были заведены по факту их публикаций в социальных сетях, направленных против силовиков и судей, размещенных в ходе обсуждения «Московского дела».

Самые поздние публикации, попавшие в рассматриваемый набор данных, были размещены спустя два дня после апелляции по последнему приговору «Московского дела». В выборку публикаций попали все сообщения с упоминаниями ключевых слов: фамилий фигурантов и самого «Московского дела». Принцип фильтрации не требовал полного совпадения имени и фамилии, написанных подряд, — достаточно было, чтобы в тексте публикации одновременно находилось и упоминание имени, и упоминание фамилии в любой форме. Для понимания масштабов коммуникации также представлены данные об упоминаемости самих митингов, события которых легли в основу уголовных дел (табл. 1). Ранее подробное рассмотрение коммуникации вокруг этих митингов показало, что полицейское насилие является важным фактором активизации цифровых активистов и успешности протестной коммуникации [Ахременко, Филиппов 2019].

Таблица 1

Число упоминаний «Московского дела» и реакций на них по типам авторов и публикаций

Тип публикации и автора	Авторы	Посты	Просмотры	Лайки	Репосты	Комментарии
Ответ	964	1 201	-	3 375	34	1 040
Пользователь	887	1 031	-	2 513	27	1 021
Сообщество	77	170	-	862	7	19
Пост	5 655	9 263	30 509 678	431 099	29 527	53 586
Пользователь	1 755	2 598	1 918 906	44 040	4 330	3 428
Сообщество	3 900	6 665	28 590 772	387 059	25 197	50 158
Общий итог	6 571	10 464	30 509 678	434 474	29 561	54 626

Источник: составлено автором по результатам исследования.

¹ Московское дело // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B5_%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE (дата обращения: 06.03.2022); Какие уголовные дела были заведены? // Дело 212 URL: <https://delo212.ru/about#ugolovnye-dela> (дата обращения: 06.03.2022).

**The number of “Moscow case” mentions
and reactions by actor and publication types**

Publication and actor type	Authors	Posts	Views	Likes	Reposts	Comments
Reply	964	1 201		3 375	34	1 040
User	887	1 031		2 513	27	1 021
Community	77	170		862	7	19
Post	5 655	9 263	30 509 678	431 099	29 527	53 586
User	1 755	2 598	1 918 906	44 040	4 330	3 428
Community	3 900	6 665	28 590 772	387 059	25 197	50 158
Total	6 571	10 464	30 509 678	434 474	29 561	54 626

Source: made by author, data collected in the research.

Суммарно за период с 27 июля 2019 г. по 16 февраля 2020 г. фамилии подсудимых назывались в 10 464 посте, которые получили 30,5 млн просмотров (не следует путать с 30,5 млн читателей, так как один пользователь может прочитать несколько публикаций по теме). Собранные публикации получили 434 тыс. лайков, 54 тыс. комментариев и 30 тыс. репостов. Таким образом, обсуждение «Московского дела» было действительно публичным и привело к созданию специфического контента, который действительно потреблялся пользователями.

В табл. 2 представлены аналогичные метрики магнитуды коммуникации, наблюдавшейся за три дня обсуждения двух митингов, состоявшихся 20 июля и 27 июля 2019 г. Сообщения отфильтровывались по принципу наличия слова «митинг» в любой форме. Если смотреть на общее число публикаций, то обсуждение негативных юридических санкций за полгода имело примерно такой же размах, какой за три дня с 20 июля по 22 июля 2019 г. получило обсуждение первого крупного митинга серии протестов. При этом число размещенных публикаций ощутимо меньше, чем масштаб коммуникации вокруг протестной акции 27 июля 2019 г. С точки зрения макропоказателей, судебное преследование митингующих приводит к тому, что протестный эпизод вдобавок к ситуативному обсуждению самого митинга получает длинный «хвост» упоминаемости. Объем этого растянутого во времени «хвоста» оказывается сопоставим с обсуждением многочисленной протестной акции без вмешательства сил правопорядка.

Тем не менее при более детальном рассмотрении данных о коммуникации становятся явными другие характерные черты, отличающие коммуникацию вокруг судебного преследования активистов от обсуждения непосредственных событий протестного эпизода. Во-первых, при сравнении табл. 1 и 2 во второй заметно существенное преобладание публикаций-ответов над оригинальными публикациями. Как следует из данных табл. 2, самым часто встречающимся типом поста, где упоминается протестная активность,

является публикация-ответ, сделанная от лица обычного пользователя, а не сообщества. В случае массовой мобилизации написание подобных комментариев является вторым по популярности способом политического участия в социальных сетях после проставления «лайков». Рассмотрение данных о трехдневном обсуждении событий митингов показывает, что комментарии пишут даже чаще, чем делают репосты оригинальных публикаций, хотя написание некоторого текста требует от пользователя больше усилий. Коммуникация вокруг судебных процессов намного больше завязана на оригинальных постах. Снижение комментаторской активности не приводит к перемещению «центра тяжести» обсуждений из сообществ на личные страницы пользователей: вместе с изменением баланса между типами публикаций меняется и баланс между авторами уникальных публикаций. При обсуждении митингов как таковых основным читаемым материалом были публикации развлекательных и новостных сообществ, что является естественным следствием распределения числа подписчиков в социальных сетях, но основная масса постов была написана обычными пользователями. При обсуждении судебного процесса и самым популярным, и самым массовым поставщиком контента стали сообщества.

Таблица 2

**Число упоминаний митингов и реакций на них
по типам авторов и публикаций в 2019 г.**

Тип	Авторы	Посты	Просмотры	Лайки	Репосты	Комментарии
С 20.07.2019 по 22.07.2019	12 711	19 526	16 460 386	385 573	23 625	59 072
Ответ	6 352	8 922		28 430	49	8 998
Пользователь	6 289	8 827		28 086	49	8 870
Сообщество	63	95		344	0	128
Пост	6 578	10 604	16 460 386	357 143	23 576	50 074
Пользователь	3 746	5 558	1 512 983	61 099	5 606	7 005
Сообщество	2 832	5 046	14 947 403	296 044	17 970	43 069
С 27.07.2019 по 29.07.2019	46 398	83 013	48 311 686	1 144 045	55 646	278 482
Ответ	31 180	53 589		233 717	224	76 539
Пользователь	30 954	53 184		230 976	218	76 137
Сообщество	226	405		2 741	6	402
Пост	16 107	29 424	48 311 686	910 328	55 422	201 943
Пользователь	10 792	16 466	2 686 759	97 370	11 528	18 283
Сообщество	5 315	12 958	45 624 927	812 958	43 894	183 660

Источник: составлено автором по результатам исследования.

The number of mentions of political rallies and reactions by actor and publication types, 2019

Type	Authors	Posts	Views	Likes	Reposts	Comments
From 2019-07-20 until 2019-07-22	12 711	19 526	16 460 386	385 573	23 625	59 072
Reply	6 352	8 922		28 430	49	8 998
User	6 289	8 827		28 086	49	8 870
Community	63	95		344	0	128
Post	6 578	10 604	16 460 386	357 143	23 576	50 074
User	3 746	5 558	1 512 983	61 099	5 606	7 005
Community	2 832	5 046	14 947 403	296 044	17 970	43 069
From 2019-07-27 until 2019-07-29	46 398	83 013	48 311 686	1 144 045	55 646	278 482
Reply	31 180	53 589		233 717	224	76 539
User	30 954	53 184		230 976	218	76 137
Community	226	405		2 741	6	402
Post	16 107	29 424	48 311 686	910 328	55 422	201 943
User	10 792	16 466	2 686 759	97 370	11 528	18 283
Community	5 315	12 958	45 624 927	812 958	43 894	183 660

Source: made by author, data collected in the research.

Таблица 3

Среднее число читательских реакций на один пост в 2019 г.

Обсуждение	Авторы	Просмотры на пост	Лайки	Репосты	Комментарии
Публикации пользователей					
Митинг 20.07.2019	1,48	272,22	10,99	1,01	1,26
Митинг 27.07.2019	1,53	163,17	5,91	0,70	1,11
Судебное преследование	1,48	738,61	16,95	1,67	1,32
Публикации сообществ					
Митинг 20.07.2019	1,78	2962,23	58,67	3,56	8,54
Митинг 27.07.2019	2,44	3520,99	62,74	3,39	14,17
Судебное преследование	1,71	4289,69	58,07	3,78	7,53

Источник: составлено автором.

Average number of readers' reactions per post, 2019

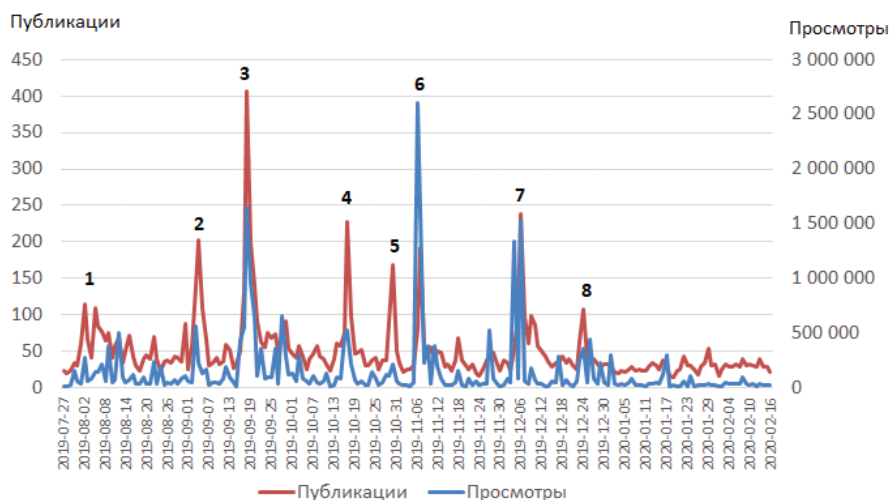
Discussion	Authors	Views per post	Likes	Reposts	Comments
Users Publications					
Political Rally 2019-07-20	1,48	272,22	10,99	1,01	1,26
Political Rally 2019-07-27	1,53	163,17	5,91	0,70	1,11
Legal Prosecution	1,48	738,61	16,95	1,67	1,32
Communities Publications					
Political Rally 2019-07-20	1,78	2962,23	58,67	3,56	8,54
Political Rally 2019-07-27	2,44	3520,99	62,74	3,39	14,17
Legal Prosecution	1,71	4289,69	58,07	3,78	7,53

Source: made by author, data collected in the research.

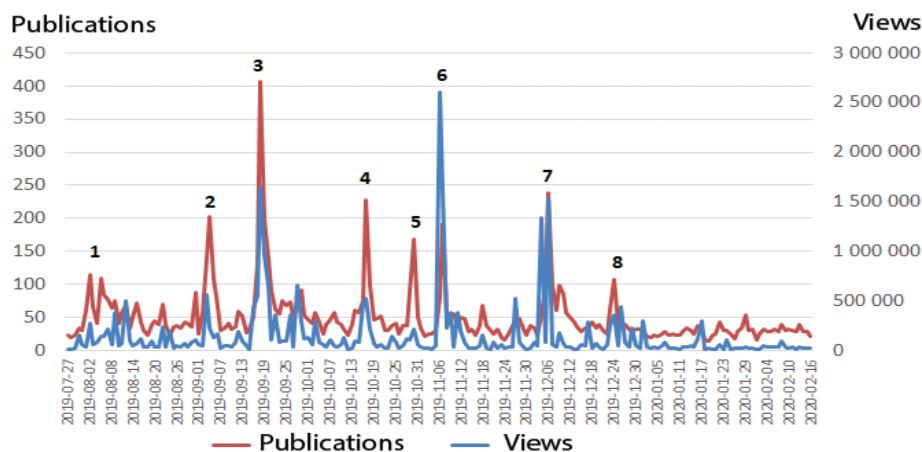
Рассмотрение показателей виральности публикаций требует обратить внимание на два необычных аспекта коммуникации вокруг судебного преследования участников протестного движения. Обсуждение последовавших негативных санкций охарактеризовалось наибольшим средним числом просмотров на пост, но одновременно с этим эти же публикации получили меньшее число пользовательских реакций. Это означает, что публикации в среднем делались в более крупных сообществах, но при этом их содержание меньше располагало к вовлечению читателей: значительную часть публикаций по теме составляли «сухие» информационные сводки. Вторым необычным наблюдением оказывается среднее число постов от каждого автора: за полгода обсуждения юридического преследования на каждого активного автора приходится даже меньше публикаций, чем при трехдневном обсуждении самих митингов.

В среднем за рассматриваемый период фамилии обвиняемых и само «Московское дело» упоминали 50 раз в сутки (рис. 1). Данное среднее значение складывается из доминирующих периодов малой обсуждаемости (в районе 30–50 сообщений в сутки) и ярких всплесков интереса к данным ключевым словам, в которые ежедневное число публикаций кратно превышает 100 постов. Переход из одного режима коммуникации в другой происходит в результате возникновения новостей о развитии возбужденных уголовных и административных дел. На рис. 1 заметны 8 всплесков публикационной активности.

Рис. 1. Подневная динамика публикационной активности
 Источник: составлено автором по результатам исследования.

Fig. 1. Daily dynamics of publishing activity
 Source: compiled by the authors based on research results.

1. 2–5 августа: произошли массовые задержания первой волны фигурантов, было заведено уголовное дело о массовых беспорядках и параллельно прошла очередная акция протестной серии.
2. 3–4 сентября: приговоры нескольким фигурантам и признание 9 фигурантов политзаключенными правозащитным центром «Мемориал» (организация признана иностранным агентом и ликвидирована).
3. 17–18 сентября: судебные заседания по делу Айдара Губайдуллина, публикация нескольких открытых писем в поддержку различных фигурантов.
4. 17 октября: апелляция по делу Евгения Коваленко, свадьба фигуранта «Московского дела» Константина Котова и фигурантки другого резонансного дела Анны Павликовой, новость об отъезде Айдара Губайдуллина из России.

5. 30 октября: судебные заседания по мерам пресечения.
6. 6 ноября: выход совместного трека начинающего репера и фигуранта «Московского дела» Самариддина Раджабова и популярного исполнителя Охххутирон (Оксимилона).
7. 3–6 декабря: приговор Егору Жукову.
8. 24 декабря: приговоры нескольким фигурантам².

Самые масштабные всплески приходятся на 17–18 сентября и 6 ноября. В эти дни происходило вовлечение в протестную повестку внешних акторов — свою поддержку тем или иным образом выразили некоторые деятели шоу-бизнеса и представители различных «корпораций» (актеры, IT-специалисты, священнослужители РПЦ). При этом «внешнее» вовлечение наиболее положительно сказалось на распространении публикаций, то есть на числе просмотров. Всплеск публикационной активности 17 октября не получил аналогичного всплеска числа прочтений, несмотря на то что повестка была насыщенной — случилось сразу несколько примечательных информационных поводов. Все эти инфоповоды оказались загерметизированы внутри протестного сообщества. В то же время приговор Егору Жукову вызвал значительное вовлечение читателей в протестную коммуникацию, так как кампания в защиту этого подсудимого вовлекла значительное число публичных симпатизантов не из числа протестных активистов, а сам Егор Жуков был блогером с по крайней мере некоторым медийным капиталом.

Обращает на себя внимание то, как по-разному сработала активизация протестной коммуникации в двух различных случаях: первая, вызванная написанием открытых писем от лица различных частей российского общества, и вторая, относящаяся к публикации совместной музыкальной композиции Самариддина Раджабова и Оксимилона. В первом случае имела место более активная мобилизация авторов, в ходе которой большее число пользователей или сообществ написало большее число постов. При этом публикации в среднем имели средний пользовательский успех, по сравнению с менее многочисленными публикациями о совместной музыкальной композиции — во втором случае менее заметная публикационная активизация привела к очень заметному росту числа просмотров. Это различие демонстрирует два различных возможных стиля политической медиатизации: более классический, связанный с вовлечением большего числа людей в традиционные способы политического участия, такие как подписание открытых писем, и более «гибридный» — подразумевающий совмещение развлекательного контента с политическим. Конечно, уже само вовлечение лидера общественного мнения уровня Оксимилона позволило протестной коммуникации выйти на популярные площадки для размещения контента, но, кроме того, сам формат размещаемого контента позволил публикациям быть более успешными у публики: Оксимирон участвовал и в кампании по защите Егора Жукова, но такого медийного эффекта это не имело.

---

² Московское дело // Медиазона. URL: <https://zona.media/theme/moscow-trial> (дата обращения: 06.03.2022). Организация признана иностранным агентом или выполняющей функции иностранного агента.

Выводы

В рамках данного исследования была рассмотрена динамика коммуникации вокруг серии уголовных дел, объединяемых в публицистике в зонтичное «Московское дело». Оппозицией это дело фреймировалось как репрессии, а фигуранты дела были признаны заключенными по политическим мотивам по крайней мере некоторыми НКО в России («Мемориал»³) и за рубежом (Human Rights Watch⁴), что позволяет на примере данного случая изучать реакцию новых медиа на применение юридических негативных санкций по отношению к протестующим. Исследование показало, что судебное преследование участников митингов не приводит к одномоментному массовому всплеску протестной коммуникации, общий объем упоминаний оказывается сравним с трехдневным обсуждением акций протеста. Реакция протестной коммуникации в социальных сетях на юридические негативные санкции по отношению к протестующим принципиально отличается от реакции на силовой разгон уличной акции. В отличие от обсуждений полицейского насилия обсуждение судов и следствия не вызывает явного всплеска активности комментаторов и явной мобилизации политического участия в социальной сети в целом. Вся коммуникация оказывается чрезвычайно замкнута на публикационную активность сообществ, которые активизируются лишь эпизодически и не в той мере, чтобы создать заметный информационный фон, позволяющий протестной повестке доминировать за счет долговременного попадания в механизмы рекомендаций социальных сетей и выхода обсуждений информационных поводов за пределы оппозиционных и новостных сообществ. При этом вовлечение политизированных сообществ оказывается ниже ожидаемого: только половина всех сообществ, обсуждавших всю серию протестных акций лета 2019 г., хотя бы раз упомянула фамилии фигурантов «Московского дела» или само дело.

Тем не менее протестная коммуникация может подпитываться как креативностью участников протестного движения, вовлекающих лидеров общественного мнения в создание политизированного контента, так и мобилизацией в классических формах. Такие усилия редко позволяют сделать повестку негативных санкций намного более заметной в информационном потоке, но, по крайней мере, позволяют одним преследуемым выделиться на фоне остальных. С точки зрения действий правящего режима, применение негативных санкций оказывается «бесшумным» настолько, насколько бессобытийно проходит следствие, и насколько удается отделить образ подследственного от прошедших акций протеста.

Библиографический список

Архипова А.С., Радченко Д.А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. «Пересборка митинга»: интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 12–35.

³ Организация признана иностранным агентом и ликвидирована.

⁴ Российское представительство ликвидировано Министерством юстиции РФ.

- Ахременко А.С., Филиппов И.Б.* Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 200–225.
- Ним Е.Г.* «Игрушко митингу»: в поисках теории медиатизации гражданского протеста // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 1. С. 55–70.
- Barkan S.* Criminal prosecution and the legal control of protest // *Mobilization: An International Quarterly*. 2006. Vol. 11, no.2. P. 181–194. <https://doi.org/10.17813/maiq.11.2.a8671t532kww2722>
- Christensen H.S.* Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means? // *First Monday*. 2011. <https://doi.org/1010.5210/fm.v16i2.3336>
- Della Porta D.* Communication in movement: social movements as agents of participatory democracy // *Information, Communication & Society*. 2011. Vol. 14, no.6. P. 800–819. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.560954>
- Drury J., Reicher S.* Collective action and psychological change: The emergence of new social identities // *British journal of social psychology*. 2000. Т. 39, no.4. P. 579–604. <https://doi.org/10.1348/014466600164642>
- Earl J.* The future of social movement organizations: The waning dominance of SMOs online // *American Behavioral Scientist*. 2015. Vol. 59, no.1. P. 35–52. <https://doi.org/10.17813/maiq.11.2.u1wj8w41n301627u>
- Earl J., Soule S.* Seeing blue: A police-centered explanation of protest policing // *Mobilization: An International Quarterly*. 2006. Vol. 11, no. 2. P. 145–164.
- Farrell H.* The consequences of the internet for politics // *Annual review of political science*. 2012. Vol. 15. P. 35–52. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-030810-110815>
- Gerbaudo P.* The pandemic crowd // *Journal of International Affairs*. 2020. Vol. 73, no. 2. P. 61–76.
- González-Bailón S., Borge-Holthoefer J., Moreno Y.* Broadcasters and hidden influentials in online protest diffusion // *American behavioral scientist*. 2013. Vol. 57, no. 7. P. 943–965. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2017808>
- Halupka M.* Clicktivism: A systematic heuristic // *Policy & Internet*. 2014. Vol. 6, no. 2. P. 115–132. <https://doi.org/10.1002/1944-2866.POI355>
- Ismangil M., Lee M.* Protests in Hong Kong during the COVID-19 pandemic // *Crime, Media, Culture*. 2021. Vol. 17, no. 1. P. 17–20. <https://doi.org/10.1177/1741659020946229>
- Morozov E.* The brave new world of slacktivism // *Foreign policy*. 2009. Vol. 19, no. 05.
- Nassauer A.* Effective crowd policing: Empirical insights on avoiding protest violence // *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. 2015. Vol. 38, no. 1. P. 3–23. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-06-2014-0065>
- Peterson A., Wahlström M.* Repression: the governance of domestic dissent // *The Oxford handbook of social movements*. 2015. P. 634–652. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.2>
- Poell T., van Dijck J.* Social media and new protest movements // *The SAGE Handbook of Social Media*. London: Sage, 2018. P. 546–561.
- Steinhoff P.G.* Going to court to change Japan: Social movements and the law in contemporary Japan. University of Michigan Press, 2016.
- Tanneberg D.* How to Measure Dictatorship, Dissent, and Political Repression // *The Politics of Repression Under Authoritarian Rule*. Springer, Cham, 2020. P. 43–75.
- Van Dijck J., Poell T.* Understanding social media logic // *Media and communication*. 2013. Vol. 1, no. 1. P. 2–14. <https://doi.org/10.12924/mac2013.01010002>
- Wong S.C., Wright S.* Hybrid mediation opportunity structure? A case study of Hong Kong's Anti-National Education Movement // *New Media & Society*. 2019. P. 1–22. <https://doi.org/10.1177/1461444819879509>

References

- Akhremenko, A., & Philippov, I. (2019). Impact of the violent suppression of protest on its discussion in social networks. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 153(5), 200–225. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.10> (In Russian).
- Arkipova, A., Radchenko, D., Titkov, A., Kozlova, I., Iugai, E., Belianin, S., & GavriloVA, M. (2018). «Rally rebuild»: Internet in protest and protest on the Internet. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 143(1), 12–35. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.02> (In Russian).
- Barkan, S. (2006). Criminal prosecution and the legal control of protest. *Mobilization: An International Quarterly*, 11(2), 181–194. <https://doi.org/10.17813/maiq.11.2.a8671t532kww2722>
- Christensen, H.S. (2011). Political activities on the Internet: Slacktivism or political participation by other means? // *First Monday*, 16(2). <https://doi.org/10.1010.5210/fm.v16i2.3336>
- Della Porta, D. (2011). Communication in movement. *Information, Communication & Society*, 14(6), 800–819. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2011.560954>
- Drury, J., & Reicher, S. (2000). Collective action and psychological change: The emergence of new social identities. *British journal of social psychology*, 39(4), 579–604. <https://doi.org/10.1348/014466600164642>
- Earl, J. (2015). The future of social movement organizations: The waning dominance of SMOs online. *American Behavioral Scientist*, 59(1), 35–52. <https://doi.org/10.1177/0002764214540507>
- Earl, J., & Soule, S. (2006). Seeing blue: A police-centered explanation of protest policing. *Mobilization: An International Quarterly*, 11(2), 145–164. <https://doi.org/10.17813/maiq.11.2.u1wj8w41n301627u>
- Farrell, H. (2012). The consequences of the internet for politics. *Annual review of political science*, 15, 35–52. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-030810-110815>
- Gerbaudo, P. (2020). The pandemic crowd. *Journal of International Affairs*, 73(2), 61–76.
- González-Bailón, S., Borge-Holthoefer, J., & Moreno, Y. (2013). Broadcasters and hidden influentials in online protest diffusion. *American behavioral scientist*, 57(7), 943–965. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2017808>
- Halupka, M. (2014). Clicktivism: A systematic heuristic. *Policy & Internet*, 6(2), 115–132. <https://doi.org/10.1002/1944-2866.POI355>
- Ismangil, M., & Lee, M. (2021). Protests in Hong Kong during the COVID-19 pandemic. *Crime, Media, Culture*, 17(1), 17–20. <https://doi.org/10.1177/1741659020946229>
- Morozov, E. (2009). The brave new world of slacktivism. *Foreign policy*, 19(05).
- Nassauer, A. (2015). Effective crowd policing: empirical insights on avoiding protest violence. *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*, 38(1), 3–23. <https://doi.org/10.1108/PIJPSM-06-2014-0065>
- Nim, E. (2016). “I can haz toy protezt”: in search of a theory of social movement mediatisation. *The Journal of Social Policy Studies*, 14(1), 55–70. (In Russian).
- Peterson, A., & Wahlström, M. (2015). Repression: the governance of domestic dissent. *The Oxford handbook of social movements*, 634–652. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.2>
- Poell, T., & van Dijck, J. (2018). Social Media and new protest movements. In J. Burgess, A. Marwick & T. Poell (Eds.), *The SAGE Handbook of Social Media* (pp. 546–561). London: Sage.
- Steinhoff, P.G. (Ed.). (2016). *Going to court to change Japan: Social movements and the law in contemporary Japan*. University of Michigan Press.

- Tanneberg, D. (2020). How to Measure Dictatorship, Dissent, and Political Repression. In *The Politics of Repression Under Authoritarian Rule* (pp. 43–75). Springer, Cham.
- Van Dijck, J., & Poell, T. (2013). Understanding social media logic. *Media and communication*, 1(1), 2–14. <https://doi.org/10.12924/mac2013.01010002>
- Wong, S.C., & Wright, S. (2020). Hybrid mediation opportunity structure? A case study of Hong Kong's Anti-National Education Movement. *New Media & Society*, 22(10), 1741–1762. <https://doi.org/10.1177/1461444819879509>

Сведения об авторе:

Филиппов Илья Борисович — студент аспирантской школы по политическим наукам; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (e-mail: ibfilippov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-1464-2923)

About the author:

Ilya B. Philippov — postgraduate in the PhD School of Political Science, National Research University “Higher School of Economics” (e-mail: ibfilippov@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-1464-2923)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-545-561

Научная статья / Research article

Восприятие российскими пользователями социальных медиа массовых протестов при попытке государственного переворота в Казахстане

Е.В. Бродовская² , Р.В. Парма² , К.А. Подрезов¹ ,
М.А. Давыдова²

¹Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Российская Федерация,

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
 brodovskaya@inbox.ru

Аннотация. Контекст исследования обусловлен существенным пересечением российских и казахстанских сегментов социальных медиа и взаимным влиянием политических процессов. В условиях политической мобилизации массовых протестов в Казахстане, переросших в попытку государственного переворота, активизировалась деятельность российских контролит в различных субъектах Российской Федерации. Применение гибридной стратегии исследования в сочетании когнитивного картирования и социально-медийного анализа позволило выявить динамические, структурные и содержательные характеристики репрезентации событий в Казахстане в российских социальных медиа. По результатам исследования авторами сделан вывод о том, что масштабность протестов в Казахстане позволила привлечь кратковременный интерес российской аудитории преимущественно в приграничных регионах. Использование экономических триггеров (рост цен, неэффективная социальная политика и др.) обусловило вовлечение взрослой аудитории в обсуждение казахстанских событий, существенная часть младшей и старшей молодежи была выключена из информационных потоков, посвященных событиям в Казахстане. В ходе исследования была выявлена попытка российских оппозиционных акторов через применение манипулятивной технологии «заражения» экстраполировать политико-экономическое недовольство в Казахстане на ситуацию в Российской Федерации. При этом наибольший резонанс в российском сегменте пользователей был вызван непосредственно включением Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в процесс урегулирования внутривнутриполитического конфликта.

Ключевые слова: массовые протесты, государственный переворот, социальные медиа, дискуссии, информационный поток, социально-медийный анализ, технологии манипуляции

© Бродовская Е.В., Парма Р.В., Подрезов К.А., Давыдова М.А., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Бродовская Е.В., Парма Р.В., Подрезов К.А., Давыдова М.А. Восприятие российскими пользователями социальных медиа массовых протестов при попытке государственного переворота в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 545–561. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-545-561>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-33041 «Цифровые платформы как инструмент мобилизации протестных настроений граждан Республики Беларусь и Российской Федерации в 2020–2021 гг.».

Perception by Russian Social Media Users of Mass Protests During the Attempted Coup in Kazakhstan

Elena V. Brodovskaya¹ , Roman V. Parma² , Konstantiv A. Podrezov¹ ,
Maria A. Davydova²

¹ *Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation,*

² *Financial University under the government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

 brodovskaya@inbox.ru

Abstract. The article presents the results of an applied political research on the representation of the 2022 Kazakh events in the Russian segment of social media. The context of the study stems from the significant intersection of the Russian and Kazakh segments of social media and the mutual influence of political processes. Under the political mobilization of the mass protests in Kazakhstan, which turned into an attempted coup, the activities of Russian counter-elites intensified in various regions of Russia. Using a hybrid research strategy combined with cognitive mapping and social media analysis the authors managed to identify dynamic, structural and substantive characteristics of the information representation of the Kazakh events in the Russian segment of the Internet. The authors concluded that the scale of the Kazakh protests allowed to draw the short-term interest of the Russian audience, mainly from the regions bordering Kazakhstan. The use of economic triggers (rising prices, inefficient social policy, etc.) led to the involvement of the adult audience in the discussions around the Kazakh events, while a significant part of youth and young adults was excluded from information flows around the events. The study revealed that the Russian opposition attempted to use manipulative “contamination” technology in order to extrapolate the political and economic discontent in Kazakhstan to the situation in Russia. At the same time, the greatest resonance in the Russian segment of users was caused directly by the participation of the Collective Security Treaty Organization (CSTO) in the settlement, and not by the social and economic triggers that led to the events.

Keywords: mass protests, coup d’etat, social media, discourses, information flow, social media analysis, manipulation technologies

For citation: Brodovskaya, E.V., Parma, R.V., Podrezov, K.A., & Davydova, M.A. (2022). Perception by Russian social media users of mass protests during the attempted coup in Kazakhstan. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 545–561. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-545-561>

Acknowledgements: The research was carried out with the financial support of the RFBR and the EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-33041 “Digital platforms as a tool for mobilizing protest sentiments of citizens of the Republic of Belarus and the Russian Federation in 2020–2021.”

Постановка проблемы

За свою постсоветскую историю Казахстан переживал различные кризисные ситуации. Вместе с тем кризис начала января 2022 г. был настолько стремительным и радикальным, что угрожал скатыванием страны в состояние гражданской войны.

С одной стороны, события в Казахстане в начале января текущего года соответствуют по своим целям (смена режима), масштабам протестной мобилизации (были мобилизованы граждане в большинстве регионов Казахстана) и, отчасти, по примененным технологиям (первоначально мирный ненасильственный протест, социальные сети как инструмент мобилизации, пул манипулятивных технологий) так называемым «цветным революциям». С другой стороны, у несостоявшегося в Казахстане благодаря, прежде всего, усилиям РФ и других стран ОДКБ государственного переворота есть свои характерные особенности. Обращает на себя внимание время разворачивания данных событий — начало января 2022 г. Например, период Евромайдана в конце декабря 2013 г. — начале января 2014 г. — это период отката массовой волны протеста, при котором люди покинули площади и улицы Киева. И только с помощью масштабной мобилизации в социальных медиа их вернут обратно в офлайн уже ближе к середине января, когда на «народном сходе» произойдет символическая передача власти лидерам неконвенциональной оппозиции. В Казахстане мы наблюдали старт массовых протестов в самом начале января. При этом очень нетипичной для разворачивания «цветных» сценариев выглядит динамика процессов в Казахстане. Скорость масштабирования протеста: от локального, охватывающего преимущественно западные территории — к общенациональному; скорость конверсии репертуара протеста: от экономических требований — к политическим; скорость трансформации характера действий: от «мирного» протеста — к бандитизму, мародерству, терроризму. Такие скорости распространения и переформатирования протеста свидетельствуют о его подготовленности и управляемости, что выразилось в оперативном разворачивании протестных сетей в социальных медиа, высокой подготовленности и организованности участников протестных акций, не только публично выразивших недовольство реализуемой политикой, но и оказавших централизованное сопротивление органам правопорядка и захватившим административные здания.

Раскол элит, деморализация силовых структур, распространение хаоса усугубляли сложившуюся в Казахстане ситуацию и требовали решительных мер. Интересно, что своего рода «репетицией» обуздания неконвенционального протеста в Казахстане стали действия Н. Назарбаева в 2016 г., президента РК на тот момент. В ответ на массовые несанкционированные протесты и события в Актобе участие в подобной деятельности было приравнено к терроризму. Специфика

ситуации в 2022 г. заключается в том, что президент К.-Ж. Токаев, в том числе под влиянием консультаций с лидерами стран ОДКБ и, прежде всего, с Россией, через официальное информационное сопровождение январских событий провел водораздел между протестующими и террористами.

Как данные события восприняли российские пользователи социальных медиа? Отразились ли массовые протесты в Казахстане на протестных настроениях российских юзеров глобальной сети? Какие группы россиян оказались вовлечены в информационный поток вокруг кризиса в Казахстане начала 2022 г.? Эти и другие исследовательские вопросы потребовали реализации эмпирического исследования цифровых следов в российском сегменте социальных медиа.

Обзор современных исследований

В современных российских и зарубежных исследованиях особое место занимает изучение влияния социальных медиа на гражданскую активность, в частности политические протесты. В существующей действительности социальные сети способствуют трансформации существующих моделей политической и гражданской активности [Castells 2015: 218–234].

Развитие цифровой среды во многом предопределило расширение возможностей для гражданского неполитического вовлечения в общественную активность, что становится основой для участия в политических действиях [Theocharis 2015: 1–14]. Цифровая среда способствует росту общественной активности граждан, усилению поляризации и протестных настроений в обществе [Boulianne 2017: 1–16].

Сервисы информационных сайтов и платформ социальных медиа способствуют оперативному распространению информации среди различных пользователей, а доступный порог входа в виде низкой стоимости позволяет рассматривать данные ресурсы как альтернативу традиционным СМИ в контексте распространения политической информации. Кроме того, функционал социальных медиа позволяет осуществлять вовлечение пользователей и управление ими в рамках протестной активности, а также подкреплять протестную деятельность распространяемыми эмоциональными и мотивационными сообщениями.

События от «Арабской весны» до протестов в Белоруссии 2020 г. подрывают тезис о слактивизме пользователей (слактивизм (диванный активизм) — практика поддержки политической или социальной активности через социальные сети или онлайн-петиции, не требующая усилий и принятия дополнительных обязательств). Социальные медиа рассматриваются исследователями как эффективный инструмент организации и управления протестами [Andres 2017: 55]. Последние эмпирические исследования выделяют прямую связь между усилением цифровизации социально-политической сферы и ростом онлайн гражданской активности, имеющей кликтивистский характер (т.е. предполагающей исключительно онлайн-участие посредством лайков, комментариев или репостов).

При этом исследователи отмечают, что наметился переход молодого поколения от традиционных форм политического участия к различным альтернатив-

ным формам от подписания онлайн-петиций до участия в цифровых демонстрациях [Sloam 2016: 521–537].

До сих пор остается актуальным вопрос о природе конверсии различных форм политического участия в реальной и цифровой средах. По результатам исследований широкие сообщества, построенные на дружеских связях и заинтересованности влияют на рост офлайн политической активности. В то время как сообщества, основанные исключительно на заинтересованности, во многом будут более активны в политическом участии онлайн [Kahne, Bowyer 2018: 1–24]. При этом «слабые сети» цифровых коммуникаций позволяют решать задачу по вовлечению пользователей в общественную и политическую активность. Сетевые структуры, создаваемые цифровыми платформами, способствуют формированию коллективных целей и идентичностей, которые способны становиться источником протестного потенциала для предстоящих акций [Ахременко, Стукал, Петров 2020: 73–91].

Особую роль в активизации цифровой активности пользователей выполняют содержательные характеристики информационного потока, которые во многом формируются на основании различных манипулятивных технологий и приемов. Э. Лакло и Ш. Муфф обозначили, что дискурс решает ряд социальных задач, оказывая на индивидов информационно-психологическое воздействие. Ключевая цель политического дискурса сводится к убеждению и побуждению действовать [Laclau, Mouffe 2001: 47–93].

В рамках концепции критического дискурс-анализа дискурс рассматривается как коммуникативное событие, происходящее в ходе коммуникативного действия в конкретном временном и пространственном контексте [Fairclough 1995: 85–183]. При этом информационное воздействие понимается Дейком как манипуляция, основная задача которой — формирование конкретных установок на идеологическое подчинение [Дейк 2013: 46–88].

Методология и методика исследования

Методологической основой исследования выступает комбинация сетевого подхода, когнитивного подхода и теории дискурсивной психологии. Сетевой подход, отражающий гибридизацию медиасферы и мобилизационную природу цифровых коммуникаций для выявления противоречий, связанных с управляемыми/стихийными, однонаправленными/разнонаправленными и противоборствующими/кооперативными информационными социально-медийными потоками. Данный подход устанавливает правила интерпретации силы и плотности связей между участниками цифровых/нецифровых сообществ с позиций общности разделяемых ценностей внутри социальных сетей [Howard 2010: 132–157]. Когнитивный подход, нацеленный на исследование базового противоречия цифровой эпохи — соотношения рационального (построенного на логике и разумной аргументации), иррационального (построенного на эмоциях) и псевдорационального (построенного на разумной аргументации, опосредованной эмоциональными приемами) компонентов в стратегиях онлайн-пользователей

[Dalton 1984: 264–284]. Теория дискурсивной психологии позволяет анализировать дискурсы, формируемые представителями различных социальных и национальных групп с учетом специфики перцепции социальной действительности [Harre 1986: 2–14].

Методика исследования строилась в соответствии с гибридной исследовательской стратегией, заключающейся в сочетании качественных и количественных методов. Основу исследования составили когнитивное картирование и социально-медийный анализ.

На первом этапе было реализовано когнитивное картирование [Лукушин, Давыдова 2021: 47–49] цифрового контента в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Instagram¹, а также мессенджере Telegram. Применение данного метода позволило определить содержательную специфику построения информационных потоков сообществами, которые генерировали контент о событиях в Казахстане; выделить основные дискурсы, использованные российскими социальными медиа в процессе освещения январских событий в Казахстане; проанализировать структуру информационного потока; а также основные технологии и приемы, которые позволили обеспечить вовлечение российских пользователей в информационные потоки о событиях в Казахстане. Для анализа были отобраны аккаунты различных типов: оппозиционные сообщества, информационные агентства, СМИ-иноагенты (признанные в период до 15.01.2022 г.), сообщества протестных лидеров общественного мнения. Датасет составил 600 публикаций. Глубина анализа 02.01.2022–15.01.2022.

На втором этапе был применен социально-медийный анализ [Бродовская, Домбровская 2018]. На основании словаря поисковых запросов, полученного по результатам когнитивного картирования через применение сервиса социально-медийной аналитики IQBuzz, были осуществлены выгрузки интернет-контента. Также для реализации социально-медийного анализа был использован сервис Google.Trends. Глубина выгрузки 27.12.2021–01.02.2022. Социально-медийный анализ позволил определить структурные и динамические особенности информационных потоков, а также характеристики аудитории вовлеченных в них. Датасет составил 100 тыс. сообщений.

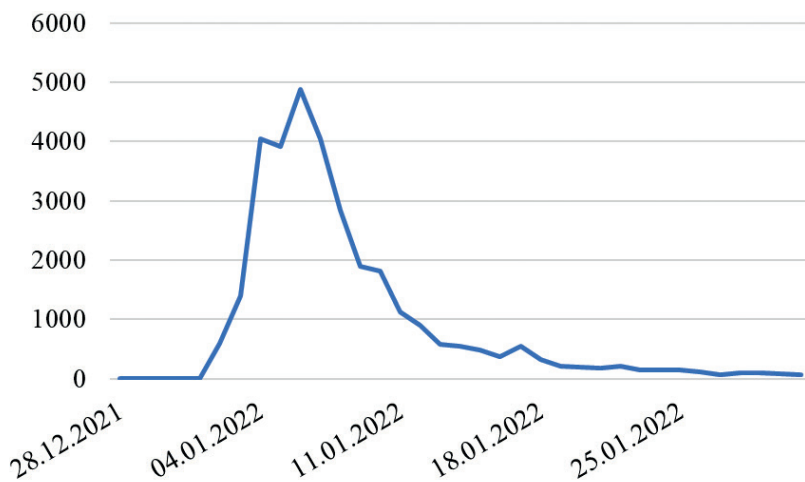
Основные результаты

По результатам применения социально-медийного анализа были выявлены динамические характеристики российских информационных потоков о событиях в январе 2022 г. в Казахстане. Как показывает динамика цифрового потока, наибольшее количество публикаций приходится на период с 4 по 7 января (рис. 1). Именно в эти даты разворачивается основной этап протестов в Казахстане, которые из экономических становятся политическими, затем трансформируясь в попытку военного переворота с актами мародерства, грабежами и разрушениями.

¹ 21 марта 2022 г. Тверской суд города Москвы признал Meta (продукты Facebook и Instagram) экстремистской организацией.

В последующие дни информационные потоки вокруг событий в Казахстане существенным образом сокращаются, до 15 января агрегаторам цифрового контента удается сохранять интерес на основании реализации миротворческой операции ОДКБ, в том числе сил России, по стабилизации ситуации и сохранению государственных и стратегических объектов Казахстана.

Результаты анализа веса и динамики информационных потоков вокруг событий в Казахстане показывают, что, несмотря на то, что на территории России в этот период продолжались новогодние праздники, российские пользователи активно включились в обсуждение происходящих событий. При этом сформировались две ключевые линии обсуждения: первая линия была построена на информационном освещении происходящих событий с преимущественно нейтральной повесткой; вторая — на представлении протестных событий в Казахстане как ролевой модели для россиян. Информационные потоки, поддерживающие протестные действия жителей Казахстана, были наполнены несколькими ключевыми темами: экономические требования граждан Казахстана как пример того, что должны требовать россияне; сравнение протестных действий граждан Казахстана и Белоруссии с позиции большей решительности граждан РК; проведение параллелей между руководством Казахстана и России; критика действий ОДКБ. Фактически модераторы оппозиционных сообществ, а также СМИ-иноагенты осуществили попытку протестной мобилизации российских граждан в контексте событий в Казахстане. Подобный сценарий уже был реализован в ходе событий в Республике Беларусь в 2020 г., когда участие белорусов в политических протестах становилось подкрепительным триггером для протестующих в Хабаровском крае [Бродовская, Давыдова, Еремин 2021: 6–13].

Рис. 1. Динамика российского информационного потока вокруг событий в Казахстане в январе 2022 г. (количество сообщений/дата)

Источник: составлено авторами по результатам исследования

Fig. 1. Dynamics of the Russian information flow about the events in Kazakhstan in January 2022

Source: compiled by the authors based on research results.

Цифровая инфраструктура представлена преимущественно социальной сетью «ВКонтакте», которая аккумулировала около 90 % контента, референтного протестам в Казахстане. 10 % информационных потоков были сосредоточены в социальных сетях «Одноклассники», Twitter, социальном медиа «Живой журнал» и др. Необходимо подчеркнуть, что существенная часть цифрового контента, поддерживающего действия жителей Казахстана, артикулировалась в мессенджере Telegram, специфика конфиденциальности которого не позволяет осуществлять анализ информационных потоков данной площадки.

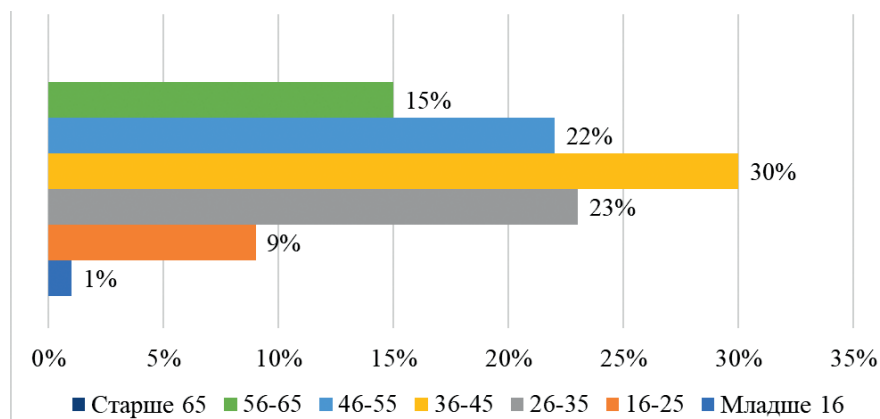
Информационный поток формировался сообществами разных типов. Первый тип — протестные сообщества, активность которых традиционно нацелена на формирование информационных потоков, критикующих действующую государственную политику. Второй тип — СМИ-иноагенты — также участвовали в презентации событий в Казахстане с точки зрения прозападной позиции. Третий тип сообществ — информационные агентства, которые обеспечили новостное сопровождение событий. Четвертый тип — иностранные СМИ на русском языке, которые демонстрировали события в Казахстане с позиции европейских СМИ и медиа, к данному типу могут быть отнесены Русская служба ВВС, а также Telegram-канал «Nexta», выполняющий роль модератора в белорусских протестах 2020 г. и включившийся в модерацию казахских протестов; а также лидеры общественного мнения, преимущественно оппозиционно настроенные, выражающие поддержку гражданам Казахстана.

Результаты анализа цифровой инфраструктуры показывают, что информационное освещение протестов в Казахстане во многом было обеспечено со стороны модераторов информационных потоков, традиционно осуществляющих протестную и оппозиционную мобилизацию российских пользователей. Модераторы оппозиционных российских информационных потоков предприняли попытку вовлечь россиян в протестные действия, экстраполируя общественное недовольство среди казахских граждан.

Наибольший интерес к событиям в Казахстане продемонстрировали регионы России, расположенные наиболее близко к границам Республики. По результатам выгрузки из сервиса Google.Trends наиболее вовлеченными в процесс обсуждения событий в Казахстане стали граничащие с ним регионы: Омская область, Алтайский край, Новосибирская область, Республика Алтай, Оренбургская область. Содержательный анализ потоков показывает, что информационная активность пользователей из данных регионов обуславливалась наличием родственных связей и оценкой рисков в контексте близости границ, однако почти не предпринимались попытки использовать казахские протесты как триггер для протестной мобилизации россиян в этих регионах.

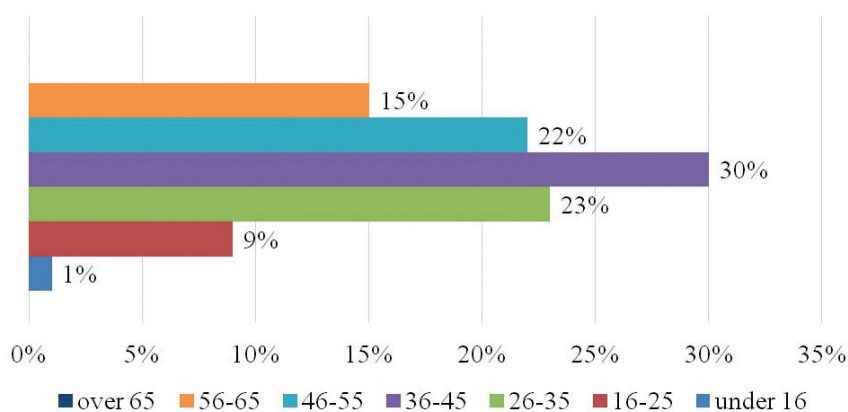
Говоря про аудиторию информационного потока, ее основным ядром стала возрастная группа 36–45 лет, пользователи в данном диапазоне были преимущественно включены в обсуждение происходивших событий (рис. 2). Вовлечение в информационные потоки о событиях в Казахстане пользователей 36–45 лет обосновывается тем набором триггеров, который был использован для мобилизации казахских протестов, а конкретно — ростом цен на энергоресурсы, недо-

вольством социально-экономической ситуацией. Младшие возрастные группы, а конкретно старшая молодежь (26–35 лет) начинает активно включаться в обсуждение протестов в Казахстане, когда социально-экономические триггеры дополняются дискурсами о политике, правовых аспектах, а также включением ОДКБ в урегулирование ситуации.

Рис. 2. Возрастные характеристики пользователей, вовлеченных в информационные потоки о событиях в Казахстане в январе 2022 г. (возрастная группа/% пользователей от общего числа вовлеченных)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

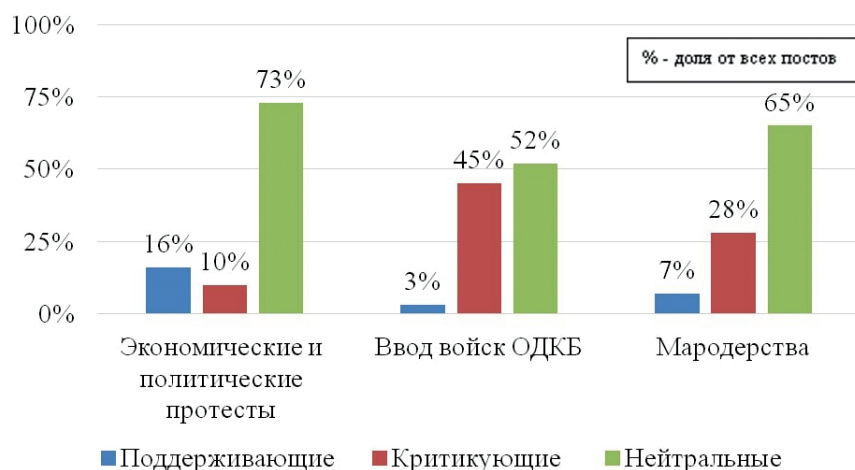

Fig. 2. Age characteristics of users involved in information flows about events in Kazakhstan in January 2022

Source: compiled by the authors based on research results.

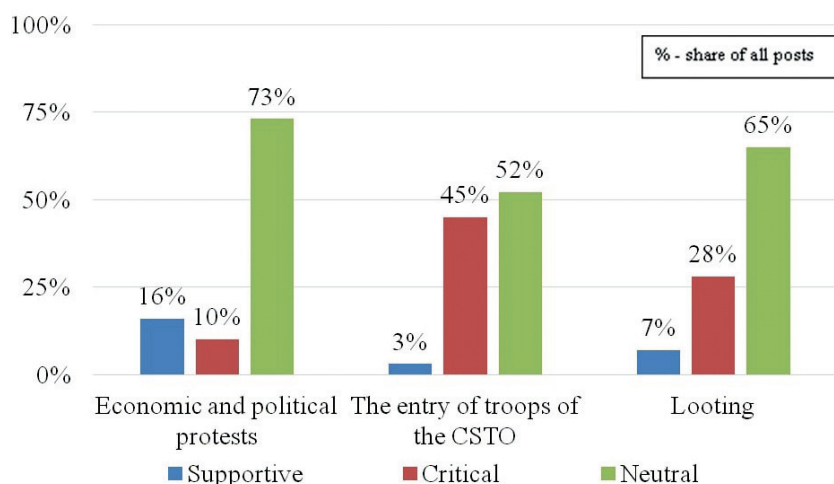
По результатам когнитивного картирования удалось выявить содержательные особенности формирования российских информационных потоков вокруг протестных событий в Казахстане в январе 2022 г. Анализ тональности образа казахстанских событий показал, что в российских социальных медиа преобладающее число публикаций характеризовались нейтральной оценкой происшедших событий. Данный сегмент информационного потока был сосредоточен на новостном сопровождении происходящих событий. При этом преимущественно поддерживающую оценку, заключающуюся в поощрении действий граждан Казахстана, получают экономические и политические протесты, сопровождающиеся призывами брать пример с граждан Республики Казахстан. Критическую

оценку, построенную на недовольстве конкретными действиями или событиями, получили события, связанные с актами мародерства и перерастанием протестов в попытку государственного переворота, а также введение войск ОДКБ. Мародерство рассматривались как негативный сценарий развития событий, который не может стать основой становления демократического общества. Подключение ОДКБ к урегулированию ситуации встретило массовую критику сообществ различных типов и было представлено как попытка вмешательства в суверенитет и независимость Казахстана (рис. 3).

Рис. 3. Характеристика репрезентации событий в январе 2022 г. в Казахстане в российских сегментах социальных медиа (% от общего количества публикаций/триггер)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Fig. 3. Characteristics of the representation of events in January 2022 in Kazakhstan in the Russian segments of social media

Source: compiled by the authors based on research results.

Фактически параллельно казахстанским протестам в российском сегменте социальных медиа формируются три ключевые линии репрезентации.

Во-первых, экономические и политические протесты представляются как акт волеизъявления граждан Казахстана. Российские оппозиционные струк-

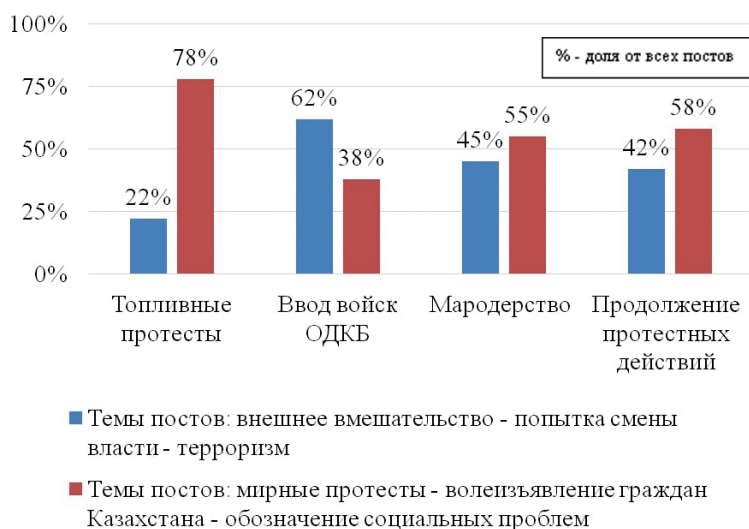

туры предпринимают попытку экстраполяции данных дискурсов на российскую действительность.

Во-вторых, критика мародерства, которая рассматривается как недопустимый путь к демократическому режиму. При этом критике подвергаются именно акты мародерства, а не попытки силовой смены руководства страны. Данные сюжеты нацелены на формирование установки неконвенционального протеста как одной из возможностей трансформации политической системы на постсоветском пространстве. Попытки противопоставить мирно протестующих граждан Республики Беларусь, которые не достигли существенных результатов по мнению оппозиции и казахстанцев, которые, применяя силовые методы, готовы менять политическую систему.

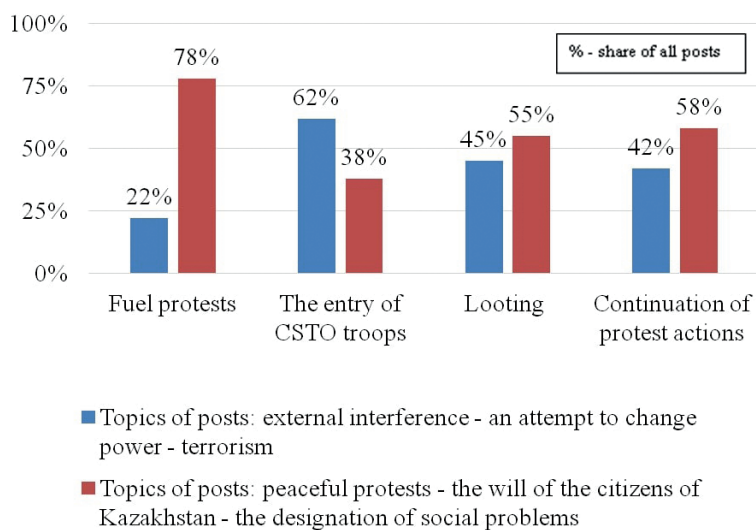
В-третьих, включение в стабилизацию ситуации войск ОДКБ. Данная линия репрезентации построена во многом на попытке представить Российскую Федерацию как страну, вмешивающуюся в деятельность суверенного государства под прикрытием международной организации вместо того, чтобы заниматься решением и урегулированием внутренних проблем. В рамках данного сюжета делался упор на аспекты международного права, внутренние проблемы, отсутствие юридических оснований для ОДКБ присутствовать там, а также развивался сюжет о потенциальном отделении части Казахстана в пользу России.

Как показали результаты когнитивного картирования, в поддерживающих протесты в Казахстане цифровых потоках преимущественно не были «подсвечены» неконвенциональная активность манифестующих, разрушенная инфраструктура, акты мародерства и грабежа. Основная задача, на решение которой было направлено данное информационное сопровождение, это демонстрация конвенциональной, мирной гражданской активности казахов как примера борьбы за свои социально-экономические и политические права (рис. 4).

Рис. 4. Содержательные характеристики информационных потоков о событиях в Казахстане в январе 2022 г. (% от общего количества публикаций/триггер)

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

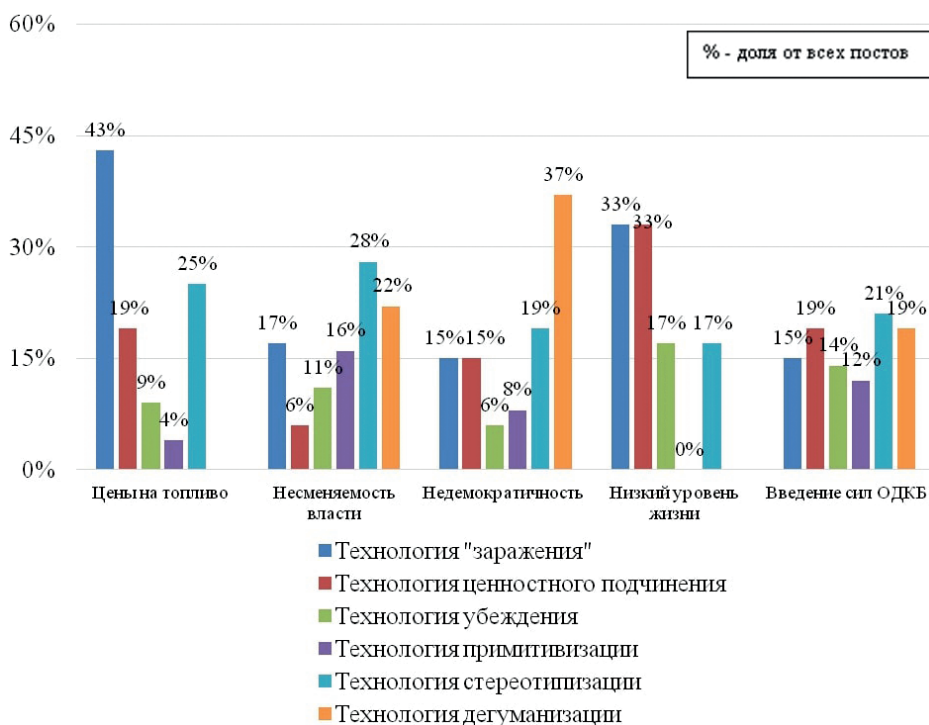

Fig. 4. Substantive characteristics of information flows about events in Kazakhstan in January 2022

Source: compiled by the authors based on research results.

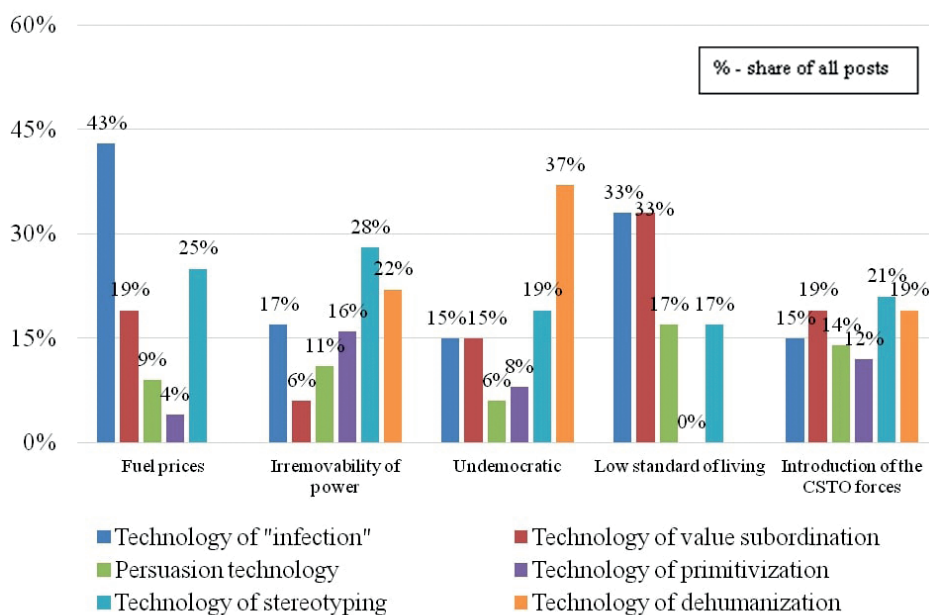
При этом необходимо учитывать, что существенная часть потока в казахских цифровых сообществах и каналах формировалась на русском языке, что позволяло российским пользователям получать не только новостные сообщения, но и следить за развитием событий, а также получать инструкции к конкретным действиям в ситуациях несогласия с реализуемой органами власти политикой и подвергаться манипулятивному воздействию не только от российских сообществ, но и непосредственно от каналов — участников событий в Казахстане.

Российские контрэлиты, предпринявшие попытки по протестной мобилизации российских граждан, масштабно использовали технологию «заражения», которая реализовалась через распространение контента, призывающего повторить действия граждан Республики Казахстан. Кроме того, использовались политические триггеры, среди которых несменяемость власти и недемократичность политического режима в России. Модераторы подобного контента через применение технологии внушения и приемов дегуманизации, выражающегося в формировании контента, обесчеловечивающего представителей органов государственной власти и представителей правопорядка, и стереотипизации, заключающейся в оценке событий и акторов на основе определенных, ангажированных, стереотипных представлений, выгодных оппозиции, предпринимают попытку по мобилизации массовых протестов по казахстанскому сценарию. В Казахстане недовольство действующей властью Токаева и Назарбаева стало вторичным триггером протестной мобилизации, который использовался в социально-медийном пространстве Рунета через применение технологии заражения и приемов ценностного подчинения, нашедших выражение в распространении контента, наполненного «идеальными» ценностями, которые разделяются большинством и при это преподнесены с точки зрения выгоды для модераторов протестных информационных потоков, преследуя цель по формированию установки недовольства текущей ситуацией в контексте (рис. 5).

Рис. 5. Характеристика, применяемых триггеров протестной мобилизации о событиях в Казахстане в январе 2022 г. в российском сегменте социальных медиа (% от общего количества публикаций/триггер)

Источник: составлено авторами по результатам исследования

Fig. 5. Characteristics of the applied triggers of protest mobilization about the events in Kazakhstan in January 2022 in the Russian segment of social media

Source: compiled by the authors based on research results.

Содержательный анализ российского информационного потока о событиях в Казахстане демонстрирует масштабное использование сложившегося протестного инфополя для реализации протестной мобилизации российских пользователей социальных медиа. Для работы с различными социальными, возрастными, региональными группами использовался широкий пул триггеров, при этом основной акцент был сделан на политические и экономические дискурсы, которые актуальны не только для казахстанской аудитории, но и для россиян. В совокупности через применение технологий и приемов манипуляции была совершена попытка целого пула оппозиционных сообществ и лидеров мнений эскалации социальной напряженности, конечная цель которого заключается в масштабном распространении массовых протестов в регионах страны.

Заключение

По результатам прикладного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, можно констатировать, что интерес российской аудитории к событиям в Казахстане носил кратковременный характер и в основном был связан с эффектом неожиданности при сформированном предоставлении о политической стабильности и относительном благополучии в соседнем государстве. Наибольшую заинтересованность к происходящему продемонстрировали граничащие с Казахстаном регионы. Вовлеченность в информационном потоке о происходящих событиях во многом была связана с наличием/отсутствием угроз для России, а также сложившимися родственными связями.

Во-вторых, совокупность социальных и экономических триггеров во многом определила возрастные характеристики пользователей информационного потока, ядром которого стали взрослые россияне (36–45 лет). Отсутствие ярких кейсов, связанных с правами и свободами, во многом способствовало выключению из данной повестки существенной части российской молодежи в цифровой среде, что подкрепилось также и продолжающимися праздничными днями.

В-третьих, несмотря на преобладающее нейтральное освещение происшедших протестов, события, связанные с включением ОДКБ в урегулирование ситуации, были представлены с негативной точкой зрения, в то время как экономические и политические протесты получают позитивную оценку. Модераторы российского контента решали следующие задачи: 1) формирование лояльности мирным протестам, что выразилось в освещении первого этапа массовых акций, посвященных экономическим триггерам, и слабой репрезентации в цифровых потоках попытки госпереворота и мародерства; 2) формирование недоверия к действующим российским органам власти и проводимой им политике за счет дегуманизации действий ОДКБ и соотнесения ее активности исключительно с политикой РФ.

И наконец, в-четвертых, модераторы протестных информационных потоков через использование пула манипулятивных технологий предпри-

няли попытку по переложению казахстанских триггеров на российскую действительность. При этом отсутствие значимого национального события-триггера, консолидированных действий со стороны оппозиции, а также конкретных инструкций способствовало отсутствию офлайн протестной активности россиян.

Поступила в редакцию / Received: 20.02.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 01.06.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П.* Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 73–91.
- Бродовская Е.В., Давыдова М.А., Еремин Е.А.* Пролонгированные политические протесты в России и в Республике Беларусь летом-осенью 2020 года: референтность российской аудитории социальных медиа // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 1. С. 6–13.
- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.* Большие данные в политических исследованиях. М.: Московский педагогический государственный университет, 2018.
- Лукушин В.А., Давыдова М.А.* Практика использования TikTok как инструмента политической мобилизации // Интернет и современное общество: труды XXIV Международной объединенной научной конференции. Санкт-Петербург: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет ИТМО», 2021. С. 47–49.
- Дейк Ван Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.
- Andres M.-H.* Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism // Colombia Journal of International Affairs. 2017. P. 230–246.
- Boulliane S.* Revolution in the making? Social media effects across the globe Inf. // Information Communication and Society. 2017. No. 22. P. 1–16.
- Castells M.* Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age. Polity, 2015.
- Dalton R.J.* Cognitive Mobilization and Partisan Dealignment in Advanced Industrial Democracies // The Journal of Politics. 1984. No. 1. P. 264–284.
- Fairclough N.* Critical discourse analysis. L.: Longman, 1995.
- Harré R.* An outline of the social constructionist viewpoint // Scruton D., Harré, R. The social construction of emotions. 1986. P. 2–14. <http://doi.org/10.2307/3341379>
- Howard P.N.* The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam. London: Oxford University Press, 2010.
- Kahne J., Bowyer B.* The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks // Political Communication. 2018. Vol. 35, P. 1–24.
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics. London, N. Y.: Verso. Second Edition, 2001.
- Sloam J.* Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union // The British Journal of Politics and International Relations. 2016. Vol. 18, P. 521–537.
- Theocharis Y.* The Conceptualization of Digitally Networked Participation // Social Media + Society. 2015. No. 2. С. 75–92.

References

- Akhremenko, A.S., Stukal, D.K., & Petrov, A.P. (2020). Network or text? Factors of protest dissemination in social media: theory and data analysis. *Polis. Political studies*, 2, 73–91. (In Russian).
- Andres, M.-H. (2017). Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism. *Colombia Journal of International Affairs*, 230–246.
- Boulliane, S. (2017). Revolution in the making? Social media effects across the globe. *Information Communication and Society*, 22, 1–16.
- Brodovskaya, E.V., Davydova, M.A., & Eremin, E.A. (2021). Prolonged political protests in Russia and in the Republic of Belarus in summer-autumn 2020: the reference of the Russian audience of social media. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 1, 6–13. (In Russian).
- Brodovskaya, E.V., & Dombrovskaya, A.Yu. (2018) *Big data in political research*. Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russian).
- Castells, M. (2015). *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity.
- Dalton, R.J. (1984) Cognitive Mobilization and Partisan Dealignment in Advanced Industrial Democracies. *The Journal of Politics*, (1), 264–284.
- Dijk Van, T. (2013). *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication*. Moscow: Librocom. (In Russian). [Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Power*. New York: Palgrave Macmillan]
- Fairclough, N. (1995). *Critical discourse analysis*. London: Longman.
- Harre, R. (1986) An outline of the social constructionist viewpoint. In D. Scruton & R. Harré, *The social construction of emotions*. 1986. P. 2–14. <http://doi.org/10.2307/3341379>
- Howard, P.N. (2010) *The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam*. London: Oxford University Press.
- Kahne, J., & Bowyer, B. (2018). The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*, 35, 1–24.
- Laclau, E., & Mouffe, Ch. (2001). *Hegemony and Socialist Strategy. Towards Radical Democratic Politics*. London, New York: Verso. Second Edition.
- Lukushin, V.A., & Davydova, M.A. The practice of using TikTok as a tool of political mobilization. *Internet and Modern Society: Proceedings of the XXIV International Joint Scientific Conference*. ITMO University, 2021. (In Russian).
- Sloam, J. (2016). Diversity and voice: The political participation of young people in the European Union. *The British Journal of Politics and International Relations*, 18, 521–537.
- Theocharis, Y. (2015). The Conceptualization of Digitally Networked Participation. *Social Media + Society*, (2), 75–92.

Сведения об авторах:

Бродовская Елена Викторовна — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра политических исследований Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: brodovskaya@inbox.ru) (ORCID: 0000-0001-5549-8107)

Парма Роман Васильевич — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: rvparma@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3413-4264)

Подрезов Константин Андреевич — кандидат политических наук, ректор Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (e-mail: podrezov@tspu.ru) (ORCID: 0000-0003-1309-1784)

Давыдова Мария Александровна — лаборант-исследователь Центра политических исследований Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуника-

ций Финансового университета при Правительстве РФ (e-mail: marchikdavydova@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3377-7679)

About the authors:

Elena V. Brodovskaya — Doctor of Political Sciences, Senior Research Fellow in the Center for Political Studies of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: brodovskaya@inbox.ru) (ORCID: 0000-0001-5549-8107)

Roman V. Parma — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: rvparma@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-3413-4264)

Konstantin A. Podrezov — PhD in Political Sciences, Rector at Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (e-mail: podrezov@tsput.ru) (ORCID: 0000-0003-1309-1784)

Maria A. Davydova — Research Assistant at the Center for Political Studies of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: marchikdavydova@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-3377-7679)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-562-572

Research article / Научная статья

Living with COVID-19: Opportunities for the Usual Socio-Political Life in an Unusual Situation

Daniela Pastarmadzhieva , Mina Angelova

University of Plovdiv Paisii Hilendarski, Plovdiv, Bulgaria

 daniela.pastarmadzhieva@uni-plovdiv.bg

Abstract. The COVID-19 pandemic stressed national and international systems and relations and demonstrated the vulnerability of modern societies. The governments were forced to implement restrictive measures in order to protect public health. The most challenging aspect was balancing between public health protection and the functioning of the economy. As this wasn't easy to reach, some of the governments faced challenges in communicating with the society, resulting in protests. Under these brand-new challenges, the protests only made the task of the governments harder and threatened to harm the fragile political stability. Thus, the aim of the current study is to identify the problems related to the communication between the society and the government and to identify the possible solutions for ensuring the dialogue in such situations. The study focuses on EU citizens and their attitudes toward government measures related to the pandemic in 2020 and 2021. Our materials and methods include review of scientific literature on the topics under considerations. We also performed a secondary processing of quantitative data from Eurobarometer using IBM SPSS v. 26. The results show that the measures limiting civil liberties lead to social tension even if the governments adapt their approach and search for new opportunities. This leads to the conclusion that in order to ensure the normal functioning of the social systems the governments should find ways to include the stakeholders in the decision-making. The latter is possible through digital tools and by developing a system to be implemented in times of crises even if the crisis is not caused by pandemics.

Keywords: COVID-19, political stability, Eurobarometer, digital solutions, digitalization

For citation: Pastarmadzhieva, D., & Angelova, M. (2022). Living with COVID-19: Opportunities for the usual socio-political life in an unusual situation. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 562–572. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-562-572>

Acknowledgements: The paper is part of a project № KP-06-DK-2/7/2021, funded by Bulgarian National Science Fund.

© Pastarmadzhieva D., Angelova M., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Жизнь в условиях COVID-19: новые возможности для обычной общественно-политической жизни в необычной ситуации

Д. Пастармаджиева , М. Ангелова

Пловдивский университет Паусия Хилендарского, Пловдив, Болгария

 daniela.pastarmadzhieva@uni-plovdiv.bg

Аннотация. Пандемия COVID-19 поставила под удар многие национальные и международные системы и отношения и продемонстрировала, насколько уязвимы общества. Правительства были вынуждены принять ограничительные меры в целях защиты общественного здравоохранения. Наиболее сложным аспектом было достижение баланса между охраной общественного здравоохранения и функционированием экономики. Поскольку этой цели было достичь нелегко, некоторые правительства столкнулись с проблемами в коммуникации с обществом вплоть до протестов. В условиях совершенно нового вызова протесты усложнили задачу правительств и грозили нанести ущерб хрупкой политической стабильности. Цель настоящего исследования заключается в выявлении проблем, связанных с коммуникацией между обществом и правительством, и определении возможного решения для обеспечения диалога в таких ситуациях. Объектом исследования являются граждане государств — членов ЕС, и в центре внимания находится их отношение к правительственным мерам, связанным с пандемией в 2020 и 2021 гг. Наши материалы и методы включают обзор научной литературы, посвященной этим темам. Параллельно мы провели вторичную обработку количественных данных Евробарометра с использованием IBM SPSS v. 26. Результаты показывают, что меры, ограничивающие гражданские свободы, приводят к социальной напряженности, даже если правительства адаптируют свой подход и ищут новые возможности. Это приводит к выводу, что для обеспечения нормального функционирования социальных систем правительствам следует найти способ вовлечения заинтересованных сторон в процесс принятия решений. Последнее возможно с помощью цифровых инструментов и разработки системы, которая будет внедряться во время кризисов, даже если этот кризис не вызван пандемиями.

Ключевые слова: COVID-19, политическая стабильность, Евробарометр, цифровые решения, цифровизация

Для цитирования: *Pastarmadzhieva D., Angelova M. Living with COVID-19: Opportunities for the usual socio-political life in an unusual situation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 562–572. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-562-572>*

Благодарности: Статья является частью научного проекта № КР-06-ДК-2/7/2021, выполняемого при поддержке Национального научного фонда Болгарии.

Introduction

The COVID-19 pandemic put under stress numerous national and international systems and relations and demonstrated how vulnerable the societies are. The processes of globalization and internationalization in fact forced the spread of the

disease all over the world. The governments had to change their priorities and transform the long-term policies. However, such transformations require adaptability, time, high expertise, considering the needs of numerous stakeholders, etc. and the effectiveness of such changes are highly dependent on the specific leadership of the country at that time. Thus, the approaches varied across the countries and across time. It seemed that there isn't a consistency in the policies, and this affected every social system on group level and personal level. Thus, it is important to think of a way to ensure normal functioning of the systems even if unusual situations occur. As the governments are responsible for the decisions in such critical situation, they need certain level of stability in order to develop a strategy. However, the society can be patient but for a limited time, and the governments need to learn how to maintain the political stability in time of crisis. Thus, the aim of the current study is to identify the problems related to communication between society and government and to identify the possible solution for ensuring the dialogue in such situations. The object of the study are the citizens of the EU member states and the focus is their attitudes toward government measures related to the pandemic in 2020 and 2021. Our materials and methods include review of scientific literature focused on the topics. We also performed a secondary processing of quantitative data from Eurobarometer using IBM SPSS v. 26.

COVID-19 and the political (in)stability

According to Hurwitz, political stability may refer to “the absence of violence”, “governmental longevity/duration”, “the existence of a legitimate constitutional regime”, “the absence of structural change” and “a multifaceted societal attribute” [Hurwitz 1973]. Furthermore, according to Eckstein, the term stability implies three conditions — “persistence of pattern, decisional effectiveness, and authenticity” [Eckstein 1966]. The first condition, namely persistence of pattern, refers to the fact that “a government will tend to be stable if its authority pattern is congruent with the other authority patterns of the society of which it is a part” [Eckstein 1966]. The congruence between the society's expectations and government's actions is required for ensuring the stability of the political system. Thus, this is the aspect of the stability that we are focused on in the current research. It should also be noted that the stability and sustainability of the state system can be assessed [Vilisov et al. 2021], which can work as an early prevention of system disruptions.

COVID-19 has caused an unbelievable and unpredictable change in our way of living and daily routines and has caused tremendous human suffering and challenging the most basic foundations of societal well-being. The pandemic changed our lives fundamentally, affecting both professional and personal relationships, including interpersonal trust and sense of security¹. This brand

---

¹ *COVID-19: Protecting people and societies* (OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)). (2020). [OECD Policy Responses to Coronavirus (COVID-19)]. Retrieved June 07, 2020, from <http://doi.org/10.1787/e5c9de1a-en>

new situation has forced the governments all over the world to act rapidly and to apply innovative solutions in order to ensure protection for various stakeholders [Hammad et al. 2021]. Furthermore, the international cooperation was hindered because each of the countries had its own serious challenges and it required time to adapt to the new situation and think of joint solutions [Pereirinha, Pereira 2021]. In such situation the governments need to act in flexible manner and to “provide critical tools to support real time sharing of lessons on what is working, what is not, what could work and for whom”².

In this context at the beginning of 2022 the Organization for economic cooperation and development identified fourteen key insights from evaluations of COVID-19 responses³. Alongside with the measures concerning healthcare system, economy, internal communication, care for most vulnerable groups, etc., there are two insights directly related to the current study, namely:

- “More targeted, informed and coherent messaging is needed to foster trust.”
- “Governments could involve civil society, the private sector and local actors more to increase transparency in decision-making and facilitate the implementation of crisis management responses.”

OECD stresses the importance of well-structured communication between the central and the local levels. It draws attention to the options of “using both traditional and new digital platforms for internal communication can lead to greater buy-in from stakeholders”⁴.

The pandemic put pressure on the governments and their decisions caused various reactions across the societies. “If populations suffer shortages of food, jobs, or medical supplies, one outcome, if governments are perceived as unable to respond to social concerns, we may see this become a source of political discontent or civil unrest in some areas” [Burns 2020]. There are studies which identified a correlation between the stringency of measures and political instability. The results show that “the introduction of stringent measures was less likely to occur in countries characterized by political instability” [De Simone Mourao 2021]. Such results are explainable as the pandemic itself and the measures against it led to civil movements, unrest and protests [van der Zwet et al. 2022]. In fact it became obvious that the Coronavirus is not threat only to health and economy but to the political stability as well [Woods et al. 2020]. One of the reasons is the economic insecurity, which is a prerequisite for decreasing level of trust and thus may cause political instability [Perry 2021]. There is evidence that protests against the governments are symptom for political instability and the restrictions, economic challenges and civil liberties limitations can trigger such civic unrest [Herbert, Marquette 2021].

---

² OECD. (2022). *First lessons from government evaluations of COVID-19 responses: A synthesis*. OECD. Retrieved June 7, 2022, from <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/first-lessons-from-government-evaluations-of-covid-19-responses-a-synthesis-483507d6/>

³ Ibid.

⁴ Ibid.

Methodology, Results and Discussion

In order to achieve our goal, we used a secondary processing of quantitative data. The latter comes from Eurobarometer 93.1⁵ performed in July-August 2020 and Eurobarometer 95.3⁶, performed in June-July 2021. We examined four main indicators:

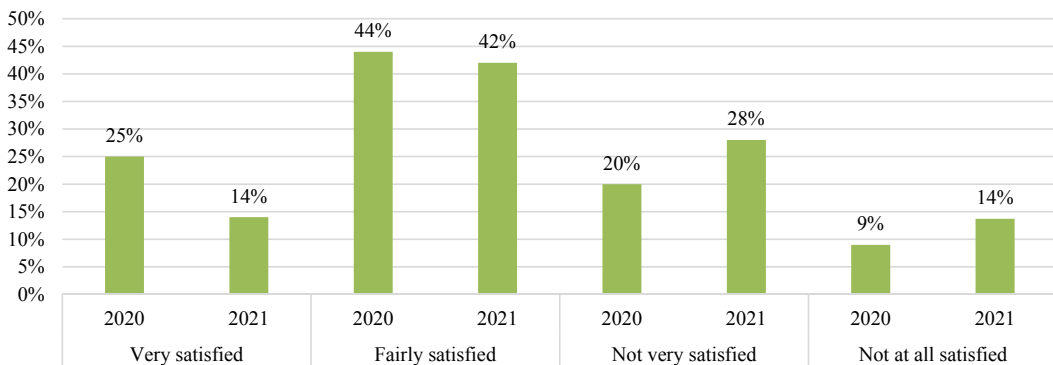
- 1) satisfaction with the coronavirus measures;
- 2) justification of coronavirus restrictions;
- 3) determination of the EU priorities in fighting the pandemic;
- 4) assessment of the balance between health and economy.

The relevance of the selected indicators is based on the main conceptual framework of the current study, namely the attitudes of the citizens and the potential for political instability based on these attitudes.

For data processing we used IBM SPSS Statistics Version 26. We performed Descriptive Statistics using Crosstabs.

Satisfaction with the coronavirus measures

The data presented on Fig. 1 shows that there is a decrease in the satisfaction with the COVID-19 measures, taken by the national governments of the EU member states.

Fig. 1. Satisfaction with the measures of the national governments, July-August 2020⁷ and June-July 2021⁸

Source: Based on data from Eurobarometer 93.1 and Eurobarometer 95.3.

⁵ European Commission, Brussels. (2022a). *Eurobarometer 93.1 (2020) Eurobarometer 93.1 (2020): Standard Eurobarometer 93 (COVID-19 Pandemic): Standard Eurobarometer 93 (COVID-19 Pandemic) (2.0.0)* [Data set]. GESIS. <http://doi.org/10.4232/1.13866>.

⁶ European Commission, Brussels. (2022b). *Eurobarometer 95.3 (2021) Eurobarometer 95.3 (2021): Standard Eurobarometer 95 (COVID-19 Pandemic): Standard Eurobarometer 95 (COVID-19 Pandemic) (1.0.0)* [Data set]. GESIS. <http://doi.org/10.4232/1.13826>.

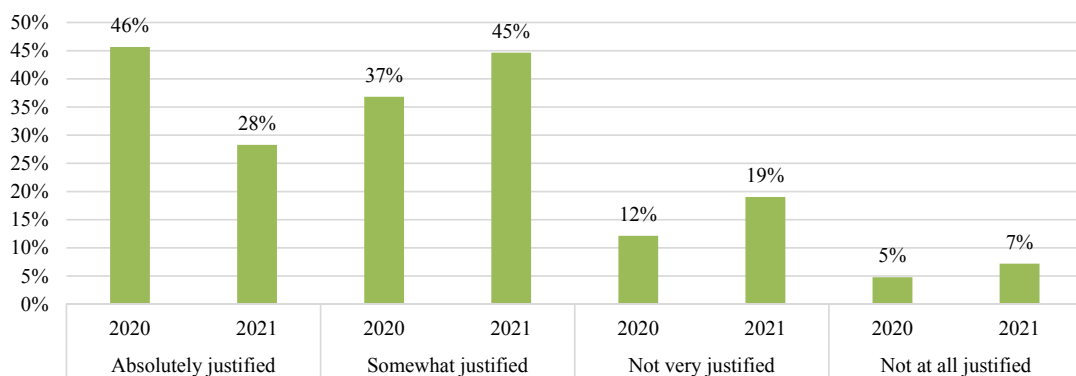
⁷ The respondents were asked “In general, how satisfied are you with the measures taken to fight the Coronavirus outbreak by the (NATIONALITY) government?”. The figure shows the share of the people who selected the corresponding answer.

⁸ The respondents were asked “In general, how satisfied are you with the measures taken to fight the coronavirus pandemic by the (NATIONALITY)?”. The figure shows the share of the people who selected the corresponding answer.

In the summer of 2020 ¼ of the EU citizens (25 %) were very satisfied with the anti-Covid measures, but obviously the governments didn't manage to keep the level of trust. Thus, in 2021 the level of absolute satisfaction decreased with 11 percent points reaching 14 %. As for the satisfaction of the EU citizens with the measures it is obvious that there is a decrease in the satisfaction in 2021 compared to 2020. The total share of citizens who were rather satisfied in 2020 is 69 % and in 2021 it is 56 %.

Justification of coronavirus restrictions

Dealing with the pandemic required measures to limit the spread of the disease. Such measures were grasped as limiting the civil liberties [Flood et al., 2020]. This belief may harm the trust in public authorities and lead to discontent and thus to instability. The data displayed on Fig. 2 shows that at the beginning of the pandemic in 2020 almost half of the citizens of the EU member states absolutely justified the measures while in 2021 they constituted less than 30 %. However, the overall share of citizens who rather justify the measure didn't decrease too much. In 2020 it was 83 % and in 2021 it was 73 %. This demonstrates a high level of rationality in the assessment of the situation. Nevertheless, it is not just the share of those who don't justify the restrictions but the level to which they disapprove them and whether they are determined to fight against the restrictions [van der Zwet et al., 2022].

Fig. 2. Justification of the restriction measures of the national governments, July-August 2020⁹ and June-July 2021¹⁰

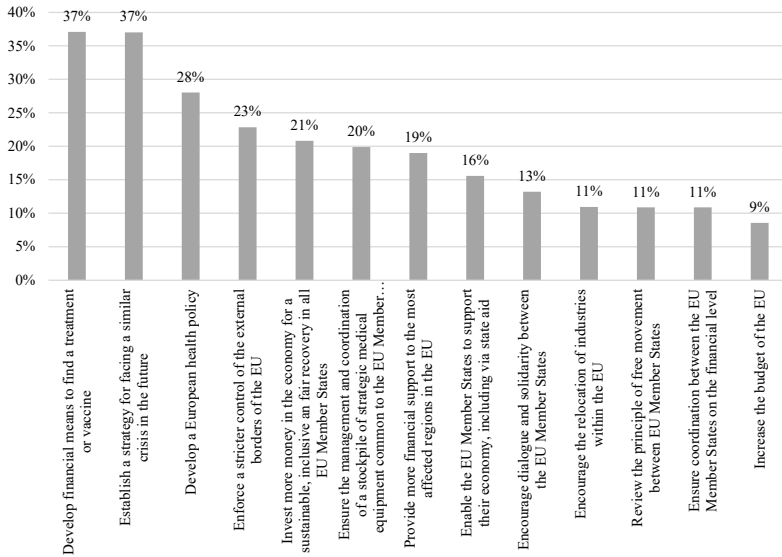
Source: Based on data from Eurobarometer 93.1 and Eurobarometer 95.3.

⁹ The respondents were asked “Thinking about the measures taken by the public authorities in (OUR COUNTRY) to fight the Coronavirus and its effects, would you say that...”. The figure shows the share of the people who selected the corresponding answer.

¹⁰ The respondents were asked “Thinking about the restriction measures taken by the public authorities in (OUR COUNTRY) to fight the coronavirus and its effects, would you say that they were...?”. The figure shows the share of the people who selected the corresponding answer.

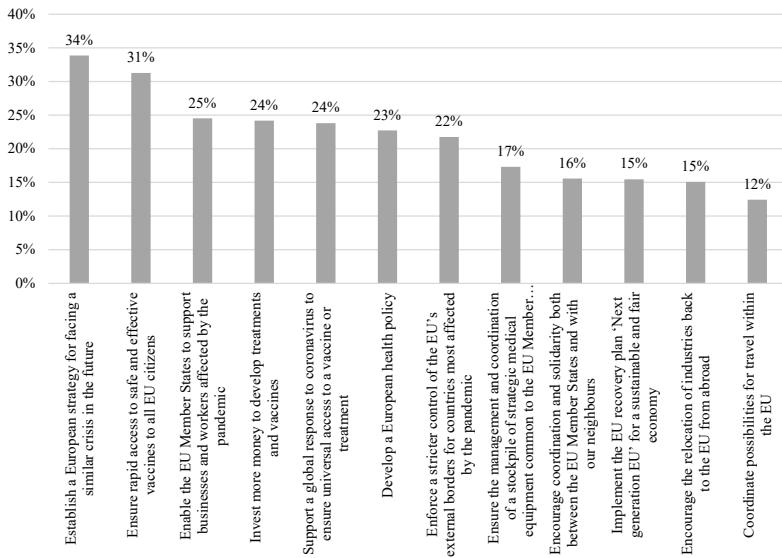
Determination of the EU priorities in fighting the pandemic

The data on Fig. 3 shows that in 2020 according to the EU citizens the top priorities of the EU regarding the response to Coronavirus are the vaccines and the development of strategy for facing similar crisis in the future. In 2021 the top priority for the EU according to its citizens should be the establishment of strategy for similar crisis (Fig. 4).

Fig. 3. Priorities of the EU response to Coronavirus, July-August 2020¹¹

Source: Based on data from Eurobarometer 93.1.

Fig. 4. Priorities of the EU response to Coronavirus, June-July 2021¹²

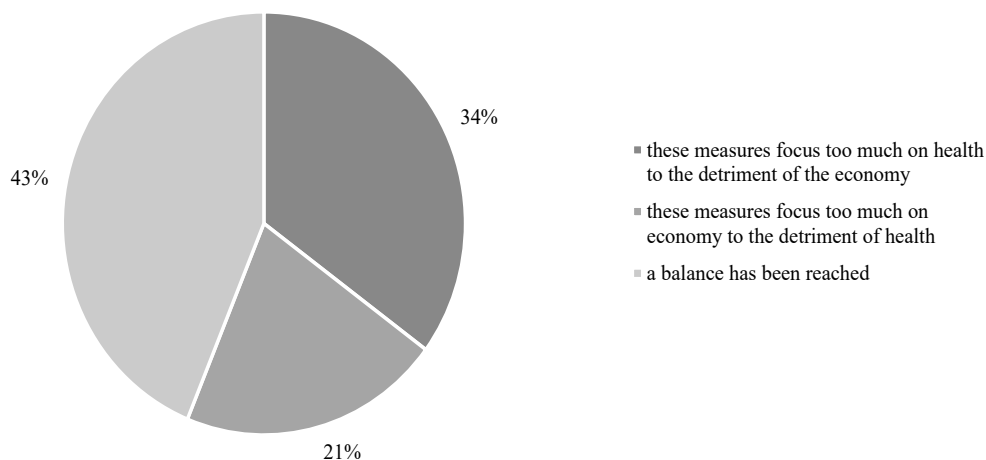
Source: Based on data from Eurobarometer 95.3.

¹¹ The respondents were asked “And what should the European Union now prioritise in its response to the Coronavirus outbreak?”. The figure shows the share of the people who selected the corresponding answer.

¹² The respondents were asked “And what should the European Union prioritise in its response to the coronavirus pandemic?”. The figure shows the share of the people who selected the corresponding answer.

Assessment of the balance between health and economy

A crucial issue in dealing with the pandemic and ensuring social peace is the balance between the protection of health and economy [Seghieri et al., 2021; Pronk & Kassler, 2020; Mandel & Veetil, 2020]. Thus, we aimed at testing the views of the citizens of the EU member states on whether the measures benefit health or economy. The results for 2020 displayed on Fig. 5 show that 43 % of the respondents thought that the measures ensured the balance between the health and the economy. It was followed by the group of those, who believed that the measures were in benefit of the health and only 21 % believed that measures benefitted the economy.

Fig. 5. Balance of health and economy, July-August 2020¹³

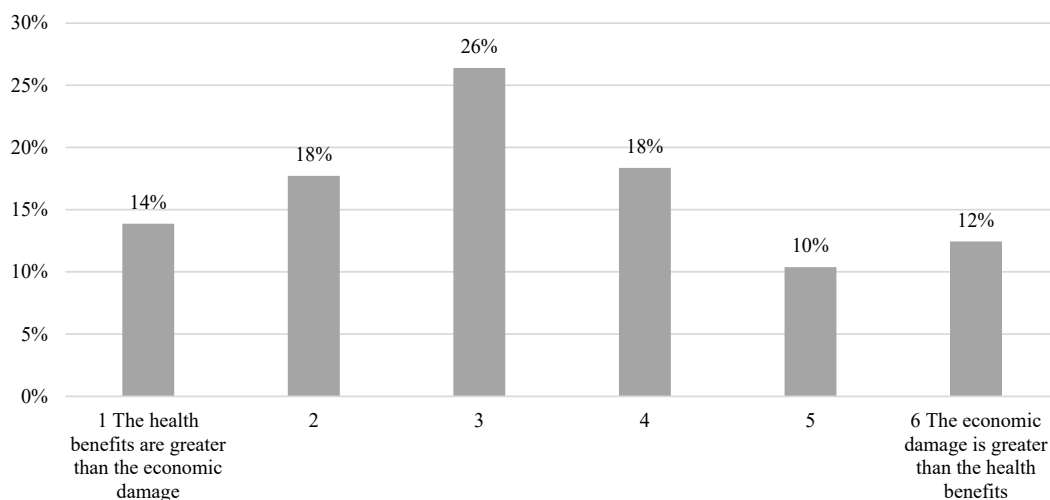
Source: Based on data from Eurobarometer 93.1

The study of 2021 lacked an identical question, but the Eurobarometer provides an assessment on the balance between the health benefit and economic damage. The first three columns of Fig. 6 display the share of citizens who would rather support the position that “the health benefits are greater than the economic damage.”. Their share in 2021 was 58 %.

The results show that the citizens give credit to their national governments in times of crises, but it is limited. During the crisis we have observed that the EU as a whole and its member states have made efforts to improve their approach in handling the crisis, while the satisfaction with the measures has decreased. On one hand, this can be an indication of the failure with the measures, but on the other hand, this can be a result of higher expectations and lack of patience among citizens. However, in both cases the governments need to be aware of society’s concerns and must be able to answer them before they grow into protests. The traditional approach for having data on citizens’

¹³ The respondents were asked “Thinking about the measures taken by the public authorities in (OUR COUNTRY) to fight the Coronavirus and its effects, would you say that...?”. The figure shows the share of the people who selected the corresponding answer.

attitudes and preferences is sociological study, but the processes of digitalization reinforced by the pandemic provided the governments with new tools to identify the expectations of citizens [Volodenkov, Fedorchenko 2022]. The authorities can also directly engage the stakeholders in decision making by creating a platform for such interaction [Pastarmadzhieva et al. 2022].

Fig. 6. Balance of health and economy, June-July 2021¹⁴

Source: Based on data from Eurobarometer 95.3.

Conclusion

COVID-19 forced politicians, experts, scientists to think of solutions in unusual situations to be able to continue living as usual. The biggest challenge is to consider the needs of all stakeholders. In this regard, the hardest choice for the governments is to balance between the healthcare system and the economy. The new digital tools provide opportunities for effective interaction between the authorities and the stakeholders. Thus, the government may adopt strategies in line with the expectations of the society, and this is a prerequisite for protecting political stability and preventing social unrest. However, such approach requires certain level of digitalization across the societies, and this is an area which needs further examination.

Received / Поступила в редакцию: 12.04.2022

Revised / Доработана после рецензирования: 11.06.2022

Accepted / Принята к публикации: 15.06.2022

¹⁴ The respondents were asked “Thinking about the measures taken by the public authorities in (OUR COUNTRY) to fight the Coronavirus and its effects, would you say that...?”. The figure shows the share of the people who selected the corresponding answer.

References

- Burns, L. (2020). *4 potential political risks arising from COVID-19*. Retrieved June 7, 2022, from <https://www.wtco.com/en-US/Insights/2020/04/four-potential-political-risks-arising-from-covid-19>
- De Simone, E., & Mourao, P.R. (2021). What determines governments' response time to COVID-19? A cross-country inquiry on the measure restricting internal movements. *Open Economics*, 4(1), 106–117. <http://doi.org/10.1515/openec-2020-0116>
- Eckstein, H. (1966). *Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway*. Princeton: Princeton University Press.
- Flood, C.M., MacDonnell, V., Thomas, B., & Wilson, K. (2020). Reconciling civil liberties and public health in the response to COVID-19. *FACETS*, 5(1), 887–898. <http://doi.org/10.1139/facets-2020-0070>
- Hammad, M., Bacil, F., & Soares, F.V. (2021). *Next Practices—Innovations in the COVID-19 social protection responses and beyond*. (Research Report No. 60 Research Report No. 60). United Nations Development Programme and International Policy Centre for Inclusive Growth.
- Herbert, S., & Marquette, H. (2021). *COVID-19, Governance, and Conflict: Emerging Impacts and Future Evidence Needs*. Institute of Development Studies (IDS). <http://doi.org/10.19088/K4D.2021.029>
- Hurwitz, L. (1973). Contemporary Approaches to Political Stability. *Comparative politics*, 5, 449.
- Mandel, A., & Veetil, V. (2020). The economic cost of covid lockdowns: An out-of-equilibrium analysis. *Economics of Disasters and Climate Change*, 4(3), 431–451. <http://doi.org/10.1007/s41885-020-00066-z>
- Pastarmadzhieva, D.D., Angelova, M.N., Raychev, S.A., Madzhurova, B.P., & Desev, K.V. (2022). Ensuring sustainability during a crisis using an innovative flexible methodology. *Sustainability*, 14(5), 2996. <http://doi.org/10.3390/su14052996>
- Pereirinha, J.A. C., & Pereira, E. (2021). Social resilience and welfare systems under COVID-19: A European comparative perspective. *Global Social Policy*, 21(3), 569–594. <http://doi.org/10.1177/14680181211012946>
- Perry, J. (2021). *The politics of economic insecurity in the COVID-19 era* (Policy Brief #91). United Nations Department of Economic and Social Affairs. Retrieved June 7, 2022, from https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2021/02/PB_91-1.pdf
- Pronk, N.P., & Kassler, W.J. (2020). Balancing health and economic factors when reopening business in the age of COVID-19. *Journal of Occupational & Environmental Medicine*, 62(9), e540–e541. <http://doi.org/10.1097/JOM.0000000000001955>
- Seghieri, C., La Regina, M., Tanzini, M., & Tartaglia, R. (2021). Looking for the right balance between human and economic costs during COVID-19 outbreak. *International Journal for Quality in Health Care*, 33(1), mzaa155. <http://doi.org/10.1093/intqhc/mzaa155>
- van der Zwet, K., Barros, A.I., van Engers, T.M., & Sloot, P.M. A. (2022). Emergence of protests during the COVID-19 pandemic: Quantitative models to explore the contributions of societal conditions. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1), 68. <http://doi.org/10.1057/s41599-022-01082-y>
- Vilisov, M., Telin, K., & Filimonov, K. (2021). Possible assessment of the stability and sustainability of modern state systems. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*, 76–83. <http://doi.org/10.22204/2587-8956-2020-102-05-76-83> (In Russian).

Woods, E.T., Schertzer, R., Greenfeld, L., Hughes, C., & Miller-Idriss, C. (2020). COVID-19, nationalism, and the politics of crisis: A scholarly exchange. *Nations and Nationalism*, 26(4), 807–825. <http://doi.org/10.1111/nana.12644>

Volodenkov, S.V., & Fedorchenko, S.N. (2022). Traditional political institutions in the context of digitalization: Risks and prospects of transformation. *Discourse-P*, 19(1), 84–103. https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_1_84 (In Russian).

About the authors:

Daniela D. Pastarmadzhieva — PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Political Sciences and National Security at the University of Plovdiv Paisii Hilendarski (e-mail: daniela.pastarmadzhieva@uni-plovdiv.bg) (ORCID: 0000-0002-5857-3595)

Mina N. Angelova — PhD in Economics and Management, Associate Professor of Management and Quantitative Methods in Economics at the University of Plovdiv Paisii Hilendarski (e-mail: mina.angelova@uni-plovdiv.bg) (ORCID: 0000-0002-1094-6356)

Сведения об авторах:

Пастармаджиева Даниела Добрева — кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и национальной безопасности Пловдивского университета Паисия Хилендарского (e-mail: daniela.pastarmadzhieva@uni-plovdiv.bg) (ORCID: 0000-0002-5857-3595)

Ангелова Мина Николаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и количественных методов в экономике Пловдивского университета Паисия Хилендарского (e-mail: mina.angelova@uni-plovdiv.bg) (ORCID: 0000-0002-1094-6356)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-573-585

Научная статья / Research article

Идеологическая акселерация школьной молодежи как эффект новых медиа: к постановке вопроса

С.П. Поцелуев , Т.А. Подшибякина , М.С. Константинов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 spotselu@mail.ru

Аннотация. Более ранняя идеологическая социализация школьной молодежи проявляется в заметном росте ее вовлеченности в политические (в том числе протестные) акции. В России проблемы вовлеченности школьной молодежи в политические процессы пока изучены слабо, хотя за рубежом такие исследования ведутся с середины прошлого века. Между тем в информационную эпоху все вопросы политического участия подростков должны рассматриваться в тесной взаимосвязи с процессами цифровой социализации молодого поколения, осуществляющейся в интернет-сообществах и социальных сетях. В связи с этим целью данной статьи является постановка вопроса о методологии исследования того, что до недавнего времени казалось несущественным в сознании школьников: вполне сформированных идеологических установок как эффекта влияния идеологического языка новых медиа. Для решения данной методологической проблемы потребовалось уточнить понятия политической и идеологической социализации в проекции на школу; сформулировать проблему идеологической акселерации школьной молодежи; методологически обосновать концепт идеологической социализации и описать среду новых медиа как главного «акселератора» идеологической социализации школьников. Авторы отмечают необходимость политологического исследования идеологической социализации школьной молодежи, используя достижения междисциплинарных исследований в области лингвистики, когнитивистики и идеологий. В основе предлагаемого подхода к исследованию идейно-политических установок школьников лежит теория метафорического фрейминга (Дж. Лакофф) и авторская концепция когнитивно-идеологических матриц. Авторы подчеркивают, что новые медиа выступают посредником в формировании когнитивно-идеологических матриц в индивидуальном и групповом сознании школьников, а также катализатором более ранней идеологической социализации.

Ключевые слова: политическая социализация, идеологическая социализация, идеологическая акселерация, когнитивно-идеологические матрицы, новые медиа, школьная молодежь

© Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А., Константинов М.С., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Поцелуев С.П., Подшибякина Т.А., Константинов М.С. Идеологическая акселерация школьной молодежи как эффект новых медиа: к постановке вопроса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 573–585. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-573-585>

Ideological Acceleration of Schoolchildren as an Effect of New Media: Formulating the Question

Sergey P. Potseluev , **Tatyana A. Podshibyakina** ,
Mikhail S. Konstantinov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 spotselu@mail.ru

Abstract. The early ideological socialization of schoolchildren is manifested in their increasing involvement in political (including protest) activities. In Russia, school students' involvement in political processes hasn't been properly studied, despite similar studies being conducted abroad since the middle of the last century. Meanwhile, in the information age, the students' political participation should be considered in close connection with the younger generation's digital socialization carried out in online communities and social networks. In this regard, the purpose of this article is to raise the question of the methodology for studying what until recently seemed insignificant in the minds of schoolchildren: fully formed ideological attitudes influenced by the ideological language of new media. To solve this methodological problem, we need to clarify the concepts of political and ideological socialization projected on the school; formulate the problem of ideological acceleration of schoolchildren; methodologically substantiate the concept of ideological socialization and describe the environment of new media as the main "accelerator" of the schoolchildren's ideological socialization. The authors note the need for a political study of the issue, using the achievements of interdisciplinary research in the fields of linguistics, cognitive science and ideologies. They propose an approach based on the theory of metaphorical framing (J. Lakoff) and the authors' concept of cognitive ideological matrices. The authors emphasize that new media act as an intermediary in the formation of cognitive-ideological matrices in the individual and group consciousness of schoolchildren, as well as a catalyst for earlier ideological socialization.

Keywords: political socialization, ideological socialization, ideological acceleration, cognitive-ideological matrices, new media, school youth

For citation: Potseluev, S.P., Podshibyakina, T.A., & Konstantinov, M.S. (2022). Ideological acceleration of schoolchildren as an effect of new media: Formulating the question. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 573–585. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-573-585>

Введение: в каком смысле можно говорить об идеологической акселерации школьной молодежи?

Изучение связи между онлайн-активностью школьников, их политической социализацией и политическим участием насчитывает около десятилетия, но уже позволяет исследователям сделать вывод о наличии положительной

корреляции между этими явлениями (см. обзор соответствующей литературы [Малькевич 2019]. При этом отмечается уменьшение роли семьи как агента политической социализации в пользу новых медиа [Malafaia et al. 2021]. Именно этот сдвиг, по-видимому, лежит в основе ускоренной политической социализации школьников, которая напрямую затрагивает их идеологические аттитюды, в связи с чем можно предположить наличие своего рода «идеологической акселерации». Разумеется, этот тезис требует солидного обоснования, в том числе на основе эмпирических исследований. Однако уже есть ряд моментов, говорящих в его пользу.

Свидельством ускоренной идеологической социализации молодежи является не только активное участие школьников в протестных акциях, что еще можно как-то списать на попытки взрослых политиков использовать детей для своих целей [Erpyleva 2021]. Но, независимо от этого, имеющиеся исследования идеологических установок подростков обнаруживают весьма дифференцированную картину, далекую от стереотипа наивных, пассивных и чуждых политики детей [Tsankova et al. 2020]. Социологические опросы (в том числе проведенные авторами данной статьи как соисполнителями двух научных проектов в период 2014–2020 гг.¹), показывают, что происходят изменения именно в сознании самой молодежи. С одной стороны, растет число молодых людей, поступающих в университет с уже готовой системой идейно-политических установок; с другой — уменьшается число студентов, существенно меняющих свои политические взгляды на протяжении университетского образования. Результаты массового опроса старшеклассников, проведенного, к примеру, в школах Сибирского федерального округа учеными Алтайского государственного университета, также показывают, что уже политическая социализация в школе формирует явно идентифицируемые идеологические предпочтения. В упомянутом кейсе оказалось, что патриотизм школьников носит милитаризированный и державнический (имперский) характер, а в топе исторических деятелей, вызывающих симпатии у опрошенных школьников, оказались Петр I и Сталин. При этом лишь 0,1 % опрошенных школьников выразили гордость переходом России к демократии [Асеева, Шашкова 2021: 124].

Любопытно, что эти данные 2020 г. по сибирским школьникам оказались весьма созвучны результатам нашего опроса студентов южно-российских университетов в 2019 г. Так, среди периодов, в наибольшей степени соответствующих представлениям молодых людей о том, какой должна быть Россия, чаще всего назывались Российская империя (20 %) и сталинский СССР (10 %), тогда как с периодами горбачевской перестройки и ельцинских

---

¹ Опрос студенческой молодежи Дона, а также других регионов Юга России производился сотрудниками Южного федерального университета и Южного научного центра РАН в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодежи Ростовской области» (2014–2016) и РФФИ «Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов» (2018–2020 гг.).

реформ идентифицировались чуть более 1 % респондентов. В топе исторических деятелей, вызывающих симпатии у опрошенных нами студентов, также оказались Петр I и Сталин. Кстати, более 40 % студентов согласились с мнением, что Россия была и должна оставаться великой державой [Когнитивно-идеологические матрицы... 2021: 144]. Эта корреляция между идеологическими установками студентов и школьников говорит в пользу того, что периодом формирования данных установок выступает скорее школа, чем университет; поэтому столь важно изучать процесс идеологической социализации у детей и подростков.

Однако как раз в политической науке внимание к идеологической социализации школьников до сих пор было незначительным. Гораздо чаще высказывались опасения относительно ухода школьников из реального мира в мир виртуальный, рост их аполитичности, идеологической инфантильности. По факту мы видим зачастую обратное: молодые взрослеют быстрее в идейно-политическом плане, но это взросление не всегда направлено в «мирное русло». Почему так происходит? Какие факторы оказываются при этом определяющими? Насколько обоснованы предположения экспертов о том, что идейно-политическая социализация современных школьников в решающей мере определяется интернетом, ставшим для них не просто технологией, но естественной средой обитания? Данная статья нацелена на рассмотрение данного круга вопросов. Осмысление этих вопросов позволяет в контексте реальной социополитической проблемы (идейно-политическая радикализация школьников) развить концепты идеологической и (шире) политической социализации, причем концепты, отвечающие эпохе новых медиа.

Исследование политической социализации находится ныне в поиске новых парадигм после своего расцвета в 1970-е гг. [Haegel 2020]. Здесь особенно интересны исследования следующих явлений: 1) политической идеологии в рамках анализа политической социализации; 2) политических ориентаций в подростковом возрасте; 3) гражданской активности молодежи. Предлагается пост-функционалистская повестка дня, закладывающая основу для «новой теории социализации, основанной на когнитивистике, прагматизме, изучении языка, переосмыслении ценностей и развитии идеологии в политической социализации» [Guhin et al. 2021: 109]. В контексте сетевой тематики исследуются проблемы «цифрового гражданства» и «сетевого молодежного активизма». Доказано, что интерес к теме участия детей в обсуждении политических или социальных проблем в онлайн-сетях растет; установлено также, что его доля составляет 5–17 % в структуре видов деятельности в сетях [Keeley, Little 2017].

Для более адекватного описания политического поведения подростков необходимо, во-первых, согласиться, что таковое вообще имеется; во-вторых, надо внимательно изучить, какие идеологические установки за этим поведением стоят. Методологической предпосылкой таких штудий должно стать уточнение понятий политической и в особенности идеологической социализации в проекции на школу.

Почему необходим концепт идеологической социализации?

Осмысление феномена идеологической акселерации предполагает ряд новых акцентов в трактовке политической социализации. Прежде всего, это означает отказ от тех упрощенных тезисов ее психокультурной трактовки, которые в политической науке еще полвека тому назад были подвергнуты критике Г. Алмондом и С. Верба. В частности, они отмечали, что политическая социализация — это непрерывный и пожизненный процесс, в котором семья необязательно является самым важным агентом, а латентные формы политической социализации — наиболее действенными. Не менее важна и явно манифестируемая политическая социализация в виде намеренного обучения политическим установкам в школе или в сообществах сверстников [Алмонд, Верба 2014: 356–358]. Свежее прочтение в связи с возрастающей ролью новых медиа в социализации получила концепция «интерпретирующего воспроизведения» В. Корсаро [Corsaro 1992], рассматривающая социализацию детей не как интернализацию навязанных извне ценностей, норм или привычек, а скорее как «социальный и коллективный процесс» в групповом взаимодействии сверстников.

Хотя за последние десятилетия роль школы как агента социализации стала объектом многочисленных исследований в западной социологии и политологии, все же оценка зрелости политических убеждений подростков оставалась весьма сдержанной. Во многом это объясняется тем, что интерес к политической социализации школьников был однобоким и к тому же идеологически пристрастным: исследователей интересовало, насколько у подростков сформированы какие-то определенные идеологические аттитюды, к примеру ценности гражданской культуры или, напротив, экстремистские установки; космополитические либо патриотические идеалы и т.д. При этом в поле зрения социологов и политологов попадали по преимуществу крайние сегменты школьной аудитории — проблемная (молодые преступники, экстремистские элементы и т.д.) либо перспективная (молодые таланты, будущие лидеры и т.п.) молодежь. А «средний» сегмент обычных школьников оставался без специального внимания. Считалось, что подростки склонны лишь к протестным эксцессам, мало что понимают в идеологических материях и вообще «они-же-дети». С этим традиционно было связано мнение, что школьная молодежь менее вовлечена в политическую жизнь, чем студенческая молодежь и старшее поколение [Ferreira et al. 2012].

Между тем политическое движение школьников «Fridays for Future» поставило такое мнение под сомнение, и на Западе уже появилось ряд интересных исследований идеологической социализации школьников в аспекте этого явно политического движения. В них, в частности, отмечается необходимость обратить внимание именно на «среднячков» — обычных подростков и молодых людей, которые могут быть разочарованы традиционной политикой, но от этого еще отнюдь не аполитичными субъектами; скорее они по-своему заинтересованы в политическом участии [Harris et al. 2010: 10]. Другое дело, что такое участие сегодня зачастую осуществляется в неинституционализированных формах, опосредованных социальными медиа. Поэтому важно анализировать

не только сами эти формы, но и стоящие за ними идеологические структуры молодежного сознания.

Далее, при анализе политической активности школьной молодежи следует учитывать специфику идеологического языка, на котором она выражает и осуществляет свою политическую социализацию. Для этого надо включить в опросы и язык упомянутой «середины» — обычных школьников, дать звук неслышимым голосам. В целом изучение «средних» форм политического участия как части политической социализации школьников начинает трактоваться сегодня как «огромная территория, открывшаяся для научного исследования» [Malafaia et al. 2021]. Идеологический аспект выступает органической частью этой программы, требующей участия именно политических ученых в рамках «политологии молодежи» как становящегося научного направления [Porova, Kazarinova 2021].

Заметим, что исследование проблемы детей в политике началось еще в 60-е гг. XX в., теоретическую основу заложили работы Д. Истона и Р. Хесса «The child's political world» [Easton, Hess 1962]. Наиболее масштабное исследование формирования политических установок у детей начальной школы в Америке было относительно недавно проведено Р. Гессом, Д. Торни и Я. Валсинером [Hess et al. 2017]. Авторы исследования «Toward a Developmental Science of Politics» [Patterson et al. 2019] обосновали необходимость создания такой науки о политике, которая описывала бы формирование и изменение политических знаний, отношений и поведения людей начиная с детства и на протяжении всей жизни.

Эта динамика, обычно описываемая широко известным термином «политическая социализация», требует, однако, спецификации, для которой вполне подходит концепт «идеологической социализации». Последний, однако, встречается в научной литературе гораздо реже, чем «политическая социализация». Одни авторы связывают с ним идеологическую легитимацию, усматривая задачу идеологической социализации в том, чтобы «передать значение институциональной сети и социальных структур новым поколениям, способствуя их преемственности» [Gil, Gil 2014: 90]. Другие авторы [Парубчак 2013: 25] трактуют идеологическую социализацию со ссылкой на К. Гирца, у которого мы находим важный аргумент в пользу этого концепта: понятие «идеологий в собственном смысле» или «систематических идеологий». По Гирцу, такие идеологии, как «матрицы, по которым создается коллективное сознание», впервые возникают в Новое время, когда формируется потребность в специализированной модели идеологической социализации вследствие «дифференциации особой самостоятельной культурной модели политического действия» [Гирц 2004: 249-250]. Подход Гирца позволяет себя развить в когнитивном ключе, и предложенное авторами данной статьи понятие когнитивно-идеологических матриц [Potseluev et al. 2020] идет именно в этом направлении.

Под когнитивно-идеологической матрицей мы подразумеваем последовательно развертывающуюся совокупность элементов когниции, которая рождает политически значимые смыслы индивидуальной и групповой деятельности в виде констелляций идеологем и систем концептов, реализующихся в дискур-

сивных аттитюдах и паттернах [Когнитивно-идеологические матрицы 2021]. Когнитивно-идеологическая матрица реализуется именно в динамике, что предполагает два уровня ее функционирования: на нижнем уровне когниции она похожа на физическое понятие матрицы, представляя собой как бы нейтральную среду, в которой находятся изолированные радикалы-идеологемы без их взаимодействия между собой и с окружающим миром. По мере повышения «градуса» социальных интеракций (в кризисных или спокойных условиях, в онлайн- или офлайн-режиме) идеологемы начинают связываться в идеологические концепты, и тогда когнитивно-идеологическая матрица начинает функционировать подобно типографской матрице — как «образец-шаблон (pattern)», серийно связывающий одни концепты с другими [Freeden 2003: 54]. Эти уровни когнитивно-идеологической матрицы можно использовать и для описания идеологического «созревания» идеологических установок школьников, особенно по «ускоренному» типу в современной медийной среде.

Среда новых медиа: главный «акселератор» идеологической социализации школьников?

Нынешние школьники политически социализируются не только в семье и школе, но все больше — в пространстве медиа, опосредованных интернетом. Этот момент требует осмысления в политической науке, однако для этого необходимо выработать адекватную методологию и апробировать ее на конкретном материале.

Ведущим мировым научным центром по исследованиям в области средств массовой информации и коммуникаций считается «Department of Media and Communications» в Лондонской школе экономики и политических наук. При его участии реализуются проекты «Global Kids Online» и «EU Kids Online», исследующие использование детьми новых медиа, в особенности рисков этого использования [Burne et al. 2016]. Россия также входит в число стран проекта «EU Kids Online», который реализуется в России под названием «Дети России онлайн». В нашей стране ведущими исследовательскими центрами, занимающимися вопросами социализации детей и подростков в информационном обществе, являются «Фонд развития Интернет» из МГУ и центр исследований современного детства Национального университета «Высшая школа экономики». Однако данные исследования мало касаются проблем идеологической социализации в Сети, сосредоточиваясь на опасностях интернет-общения для психофизического здоровья подростков (порнография, буллинг, секстинг и т.п.). Правда, и здесь отмечается тренд в сторону политизации: по сравнению с классификацией онлайн-рисков проекта EU Kids Online начала 2010-х гг. в последних версиях этой классификации в группе рисков, связанных с агрессией и насилием, указаны «радикализация, идеологическое убеждение и ненавистнические высказывания»².

² Children in a Digital World. The State of the World's Children. UNICEF. N. Y., December 2017. P. 211.

Изучение влияния новых медиа на политические (идеологические) взаимодействия ведется уже на протяжении трех десятков лет, и все же оно находится на стадии становления соответствующей отрасли научного знания. В России в качестве наиболее значимых работ по этой тематике можно упомянуть сборник работ «Интернет и идеологическое движение в России» [Интернет и идеологическое движение... 2016], а также материалы тематического номера «Молодежь и политика» журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология». Однако есть дефицит специальных исследований по данной теме в отношении групп пользователей подросткового возраста. Ряд исследователей указывают в этой связи на то, что для понимания ключевой роли новых медиа в процессе идеологической социализации молодежи требуется междисциплинарный подход, соединяющий психолингвистический анализ медийного общения с медиасоциологией и политическим дискурс-анализом [Hogg, Adelman 2013].

Среди работ отечественных психологов, идущих в сторону междисциплинарного анализа роли новых медиа в процессе социализации школьной молодежи, следует указать монографию Г.У. Солдатовой, Е.И. Рассказовой, Нестика Т.А. «Цифровое поколение России: компетентность и безопасность» [Солдатова et al. 2017] Эта работа (с хорошим обзором научной литературы) непосредственно подводит к проблематике исследования феномена идеологической акселерации, фиксируя когнитивные и личностные изменения, которые вызываются длительным погружением школьников в интернет-среду: сетевой эгалитаризм, клиповое мышление, транзактивная память и — что важно для политической активности тинейджеров — смещение «значимых других» с реальных родителей и учителей на персонажи из виртуального пространства новых медиа. Общим недостатком психологических исследований, касающихся так или иначе проблематики идеологической социализации подростковой молодежи, зачастую оказывается недооценка лингвистического и в особенности политического измерения социальной коммуникации в эпоху новых медиа.

Между тем обращение к собственно коммуникативной сфере быта школьной молодежи требует исследовательской фокусировки. Так, в коммуникативистике обращают внимание на фактор «эхо-камер» и «пузырей фильтров», способствующий радикализации участников интернет-общения. Однако такого объяснения недостаточно, ведь виртуальная радикализация зачастую выступает лишь эрзацем, а не предпосылкой реального политического действия. Далее, нельзя объяснить политическую активизацию школьников лишь особенностями их подростковой психологии. Ведь такие особенности существовали всегда, но почему именно сегодня мы имеем всплеск политизации школьников? Авторы исследования предлагают объяснение в рамках когнитивистского концепта идеологии, исходя из допущения, что новая (обусловленная интернетом) медиасреда сдвинула рубежи идеологической социализации молодежи в сторону школьного образования.

Продвижение подростков по формам и стадиям идеологической социализации — это, в первую очередь, не продукт их психологического склада или уеди-

ненных размышлений, а коммуникативное событие в пространстве языка новых медиа, там и надо искать ключи к характеру идеологической социализации молодежи, и в частности ее политической радикализации. Конечно, особенности школьного возраста смещают изучение идеологических установок с рефлексивного в дорефлексивный уровень, что требует учета психологического фактора. Однако следует иметь в виду, что подростки не так идеологически бездумны и легкомысленны, как это кажется на первый взгляд. Такое впечатление возникает вследствие того, что идеология понимается исследователями как набор академических конструкторов и пропагандистских клише из учебников и партийных программ. Но идеология есть прежде всего система концептов и установок, зачастую невидимых социологу или педагогу, функционирующая как аналог языка с его грамматикой, а не как формализованная система понятий.

По этой причине изучению подлежат идеологические аттитюды как старше-, так и младшеклассников. Относительно последних может возникнуть вопрос о наличии самого объекта исследования, поскольку традиционно предполагается, что идеологическая установка относится к более зрелому сознанию. Такая трактовка идеологического аттитюда редуцирует его к уровню идеологических концептов, игнорируя более ранний и глубокий уровень идеологем. С учетом этого уровень сознания младшеклассников чрезвычайно важен для исследования матриц идеологической социализации. Неслучайно авторы упомянутой западной статьи [Gil, Gil 2014], посвященной идеологической социализации, обратились к случаю детского восприятия мультипликационных фильмов.

В этой связи исключительно важным для исследования скрытых когнитивных процессов является обоснованная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном идея об «определении понятий концептуальной системы с помощью метафор» [Лакофф, Джонсон 2004: 147]. Для изучения когнитивной составляющей идеологических аттитюдов школьной молодежи важен тезис Дж. Лакоффа и М. Джонсона о метафорической природе обыденной понятийной системы, которая не осознается ее носителями [Лакофф, Джонсон 2004: 2], что типично для тинейджеров. Способность метафорических фреймов подталкивать к действию в ситуации низкой осведомленности аудитории о той или иной теме (проблеме) существенно усиливается в случае детей и подростков, еще не искушенных в политических материях, но уже открытых в новых медиа для всего спектра манипуляций. Принципиальное значение при этом приобретает гипотеза Дж. Лакоффа о метафорической связи ментального и физического пространства опыта, помогающая описать проекции когнитивно-идеологической матрицы на внешнюю среду в случае сознания школьника. Весьма любопытны для нашего исследования и результаты недавних исследований зарубежных [Brugman et al. 2019] и отечественных [Skrynnikova 2021] ученых, посвященные метафорическому фреймингу в политической сфере. В них предпринимается плодотворная попытка объединить представление о метафоре в когнитивной лингвистике и социальной психологии с исследованиями фрейминга в теории коммуникации.

Заключение

Исследование взаимосвязи процессов идеологической и цифровой социализации на уровне школьного сознания позволяет диагностировать реальные и возможные конфликты выбранных стратегий воспитания (со стороны семьи и школы) и стихийных процессов идейно-политической социализации (со стороны пространства новых медиа). Результатом усиления влияния медиасреды интернета на процессы становления личности стал феномен более ранней идеологической социализации (идеологической акселерации). Необходимы междисциплинарный теоретический анализ нового явления, его концептуализация на основе обобщения исследования различных практик политического участия, цифрового активизма школьной молодежи и накопление полученных результатов в эмпирических базах данных. Перед исследователями данного направления стоит задача выработки адекватной методологии, соединяющей психолингвистический анализ медийного общения с медиасоциологией и политическим дискурс-анализом. Когнитивистский концепт идеологии основывается на допущении, что новая медиасреда сдвинула рубежи идеологической социализации молодежи в сторону школьного образования. Идеология при этом рассматривается не как формализованная система понятий, а как система концептов и аттитюдов, функционирующая по аналогии с языком. Хотя школьники плохо осведомлены о теоретических постулатах идеологий, они реализуют идеологию как язык, описывающий идеологические ситуации, в которые они попадают не без посредства новых медиа. Новые медиа являются посредником в формировании языка, который способствует формированию в сознании школьников когнитивных идеологических матриц.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 20.05.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014.
- Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю.* Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. № 23 (1). С. 118–129.
- Гириц К.* Интерпретация культур / пер. с англ. М.: (РОССПЭН), 2004.
- Интернет и идеологическое движение в России: коллективная монография / под ред. Г. Никипорец-Токигава, Э. Панина. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов: монография / М.С. Константинов (отв. ред.), С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина, П.Н. Лукичев, Л.Б. Внукова. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2021.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

- Малькевич А.А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели личности // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 6. С. 88–97.
- Парубчак И.О. Идеологическая социализация: роль в социальных процессах государства // Вестник Поволжского института управления. 2013. № 5 (38). С. 24–31.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
- Brugman B.C., Burgers Ch., Vis B. Metaphorical framing in political discourse through words vs. concepts: a meta-analysis // Language and Cognition. 2019. Vol. 11, no. 1. P. 41–65.
- Byrne J., Kardefelt-Winther D., Livingstone S., Stoilova M. Global kids online: research synthesis 2015–2016. 2016. URL: https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/IRR_2016_01.pdf (accessed: 20. 02. 2022).
- Corsaro W.A. Interpretive reproduction in children's peer cultures Social Psychology // Quarterly. 1992. Vol. 55, no. 2. P. 160–177.
- Easton D., Hess R.D. The child's political world // Midwest Journal of Political Science. 1962. Vol. 6, no. 3. P. 229–246.
- Erypleva S. Active citizens under Eighteen: minors in political protests // Journal of Youth Studies. 2021. Vol. 24, no. 9. P. 1215–1233.
- Ferreira P.D., Azevedo C.N., Menezes I. The developmental quality of participation experiences: Beyond the rhetoric that “participation is always good!” // Journal of adolescence. 2012. Vol. 35, no. 3. P. 599–610.
- Freeden M. Ideology: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003.
- Gil J.M. V., Gil F.J. V. Ideological socialisation in the childhood: Cheburashka // Mundo Eslavo. 2014. No. 13. P. 89–97.
- Guhin J., Calarco J.M. C., Miller-Idriss C. Whatever happened to socialization? // Annual Review of Sociology. 2021. Vol. 47, no. 1. P. 109–129.
- Haegel F. Political Socialisation: Out of Purgatory? // European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie. 2020. Vol. 61, no. 3. P. 333–364.
- Harris A., Wyn J., Younes S. Beyond apathetic or activist youth: ‘Ordinary’ young people and contemporary forms of participation // Young. 2010. Vol. 18, no. 1. P. 9–32.
- Hess R.D., Torney J.V., Valsiner J. The development of political attitudes in children. Routledge, 2017.
- Hogg M., Adelman J. Uncertainty-Identity Theory: Extreme Groups, Radical Behavior, and Authoritarian Leadership. Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69, no. 3. P. 436–454.
- Keeley B., Little C. The State of the Worlds Children 2017: Children in a Digital World. — UNICEF. 3 United Nations Plaza. New York, NY 10017, 2017.
- Malafaia C., Neves T., Menezes I. The Gap Between Youth and Politics: Youngsters Outside the Regular School System Assessing the Conditions for Be(com)ing Political Subjects // YOUNG. February 19, 2021. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1103308820987996> (accessed: 02.06.2022).
- Patterson M.M. et al. Toward a developmental science of politics // Monographs of the Society for Research in Child Development. 2019. Vol. 84, no. 3. P. 7–185.
- Popova O.V., Kazarinova D.B. In search of political youth studies as a subfield of political science: Editorial introduction // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 9–17.
- Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Podshibyakina T.A. Flickering concepts of cognitive-ideological matrices (based on series of sociological studies during 2015–2020) // Revista gênero e direito. 2020. Vol. 9, no. 2. P. 807–826. URL: <https://periodicos.ufpb.br/index.php/ged/article/view/51305> (accessed: 02.06.2022).

- Skrynnikova I. Constructing the image of Russia through metaphorical framing // *Logos et Praxis*. 2021. Vol. 20, no. 1. P. 49–57.
- Tsankova I., Prati G., Eckstein K., Noack P., Anna E., Motti-Stefanidi F., Macek P., Cicognani E. Adolescents' Patterns of Citizenship Orientations and Correlated Contextual Variables: Results from a Two-Wave Study in Five European Countries // *Youth & Society*. 2020. Vol. 53, no 8. P. 1311–1334.

References

- Almond, G., & Verba, S. (2014). *Civic culture: political attitudes and democracy in five nations*. Moscow: Thought. (In Russian). [Almond, G.A., & Verba, S. (1989). *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. Sage Publications]
- Aseeva, T.A., & Shashkova, Ya.Yu. (2021). Ideas about patriotism of schoolchildren of the Siberian Federal District. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Political Science, 23(1), 118–129. (In Russian).
- Brugman, B.C., Burgers, Ch., & Vis, B. (2019). Metaphorical framing in political discourse through words vs. concepts: a meta-analysis. *Language and Cognition*. 11(1), 41–65.
- Byrne, J., Kardefelt-Winther, D., Livingstone, S., & Stoilova, M. (2016). *Global kids online: re-search synthesis 2015–2016*. Retrieved February 20, 2022, from https://www.unicef-irc.org/publications/pdf/IRR_2016_01.pdf.
- Corsaro, W.A. (1992). Interpretive reproduction in children's peer cultures. *Social Psychology Quarterly*, 55(2), 160–177.
- Easton, D., & Hess, R.D. (1962). The child's political world. *Midwest Journal of Political Science*, 6(3), 229–246.
- Erypleva, S. (2021). Active citizens under Eighteen: minors in political protests. *Journal of Youth Studies*, 24(9), 1215–1233.
- Ferreira, P.D., Azevedo, C.N., & Menezes, I. (2012). The developmental quality of participation experiences: Beyond the rhetoric that “participation is always good!” *Journal of adolescence*, 35(3), 599–610.
- Freeden, M. (2003). *Ideology: A very short introduction*. Oxford University Press.
- Geertz, C. (2004). *Interpretation of cultures*. Moscow: ROSSPEN. (In Russian). [Geertz, C. (1973). *Interpretation of cultures*. Basic Books.]
- Gil, J.M. V., & Gil, F.J. V. (2014). Ideological socialisation in the childhood: Cheburashka. *Mundo Eslavo*, (13), 89–97.
- Guhin, J., Calarco, J.M. C., & Miller-Idriss, C. (2021). Whatever happened to socialization? *Annual Review of Sociology*, 47(1), 109–129.
- Haegel, F. (2020). Political socialisation: Out of purgatory? *European Journal of Sociology/Archives Européennes de Sociologie*, 61(3), 333–364.
- Harris, A., Wyn, J., & Younes, S. (2010). Beyond apathetic or activist youth: ‘Ordinary’ young people and contemporary forms of participation. *Young*, 18(1), 9–32.
- Hess, R.D., Torney, J.V., & Valsiner, J. (2017). *The development of political attitudes in children*. Routledge.
- Hogg, M., & Adelman, J. (2013). Uncertainty-identity theory: Extreme groups, radical behavior, and authoritarian leadership. *Journal of Social Issues*, 69(3), 436–454.
- Keeley, B., & Little C. (2017). *The State of the Worlds Children 2017: Children in a Digital World*. UNICEF. 3 United Nations Plaza, New York, NY 10017.
- Konstantinov, M.S., Potseluev, S.P., Podshibyakina, T.A., Lukichev, P.N., & Vnukova L.B. (Eds.). (2021). *Cognitive-ideological matrices of perception of contemporary socio-political crises by the students of Southern Russia*. Rostov-on-Don: SFU Publishing House. (In Russian).

- Lakoff, G., & Johnsen, M. (2004). *Metaphors that we live by*. M.: Editorial URSS. (In Russian). [Lakoff, G., & Johnsen, M. (2003). *Metaphors we live by*. London: The university of Chicago press].
- Malkevich, A.A. (2019). Social networks as a factor in the political socialization of youth: from hierarchy to a network model of personality. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political sciences*, 6, 88–97. (In Russian).
- Malafaia, C., Neves, T., & Menezes, I. (2021). The gap between youth and politics: Youngsters outside the regular school system assessing the conditions for be(com)ing political subjects. *YOUNG*. February 19 Retrieved June 2, 2022, from <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1103308820987996>.
- Parubchak, I.O. (2013). Ideological socialization: the role in the social processes of the state. *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 5(38), 24–31. (In Russian).
- Patterson M.M. et al. (2019). Toward a developmental science of politics. *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 84(3), 7–185.
- Popova O.V., & Kazarinova, D.B. (2021). In Search of Political Youth Studies as a Subfield of Political Science: Editorial Introduction. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 9–17.
- Potseluev, S.P., Konstantinov, M.S., & Podshibyakina, T.A. (2020). Flickering Concepts of Cognitive-Ideological Matrices. *Revista Género e Direito*, 9(2), 807–824.
- Skrynnikova, I. (2021). Constructing the image of Russia through metaphorical framing. *Logos et Praxis*, 20(1), 49–57.
- Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I., & Nestik, T.A. (2017). *The digital generation of Russia: competence and security*. Moscow: Smysl. (In Russian).
- Nikiporets-Takigawa, G., & Panina, E. (Eds.). (2016). *The Internet and the ideological movement in Russia*. Moscow: New Literary Review. (In Russian).
- Tsankova, I., Prati, G., Eckstein, K., Noack, P., Anna, E., Motti-Stefanidi, F., Macek, P., & Cicognani, E. (2020). Adolescents' patterns of citizenship orientations and correlated contextual variables: Results from a two-wave study in five European countries. *Youth & Society*, 53(8), 1311–1334.

Сведения об авторах:

Поцелуев Сергей Петрович — доктор политических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (e-mail: spotselu@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-8562-6541)

Подшибякина Татьяна Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (e-mail: tan5@bk.ru) (ORCID: 0000-0002-2689-8387)

Константинов Михаил Сергеевич — кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета (e-mail: konstms@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2781-789X)

About the authors:

Sergey P. Potseluev — Dr. Sci. in Political Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University (e-mail: spotselu@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-8562-6541)

Tatyana A. Podshibyakina — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University (e-mail: tan5@bk.ru) (ORCID: 0000-0002-2689-8387)

Mikhail S. Konstantinov — PhD Political Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University (e-mail: konstms@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2781-789X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-586-604

Научная статья / Research article

«Как маршировать у компьютера»: роль цифровизации в деятельности патриотических организаций регионов Сибирского федерального округа

Д.А. Казанцев , Д.А. Качусов ,
Я.Ю. Шашкова

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

 dimkazanchev@mail.ru

Аннотация. В России со стороны государства постоянно растет запрос на патриотическое воспитание молодежи. Однако содержательное наполнение этих программ, стратегии их реализации и перспективы внедрения цифровых технологий в деятельность молодежных НКО патриотической направленности остаются туманными. На основании изучения ресурсов патриотических организаций Сибирского федерального округа в интернете и социальных сетях сделан вывод о преобладании в них информационных материалов и выделено четыре кластера НКО суммарным объемом более 60 тыс. членов: юнармейский, военно-спортивный, исторический и гражданский. С помощью отечественного парсера «ТаргетХантер» характеризуются некоторые элементы цифрового присутствия патриотических движений в социальных медиа: содержание и формат контента; число постов, лайков, просмотров и комментариев от подписчиков. Авторы приходят к выводу, что традиционно насыщенный событийный ряд первого квартала каждого года, адаптация контента и мероприятий патриотических движений в условиях пандемии COVID-19 повышают степень вовлеченности пользователей в онлайн-деятельность патриотических организаций, но сопровождаются ее снижением для каждой конкретной единицы поста. Цифровизация патриотического воспитания, таким образом, носит сложный и неоднородный характер, обусловленный спецификой патриотических организаций, и тем, что патриотический контент — это лишь один из видов информации, явно уступающий иным материалам в сети, например, развлекательным и образовательным.

Ключевые слова: патриотические организации, патриотизм, социальные сети, анализ социальных сетей, цифровое общество

© Казанцев Д.А., Качусов Д.А., Шашкова Я.Ю., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Казанцев Д.А., Качусов Д.А., Шашкова Я.Ю. «Как маршрутировать у компьютера»: роль цифровизации в деятельности патриотических организаций регионов Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №. 3. С. 586–604. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-586-604>

Благодарности: Текст статьи подготовлен в рамках реализации проекта гранта РФФИ № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

“How to March at the Computer”: The Role of Digitalization in the Activities of the Regional Patriotic Organizations of Siberian Federal District

Dmitry A. Kazantsev , Dmitry A. Kachusov ,
Yaroslava Yu. Shashkova

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 dimkazanchev@mail.ru

Abstract. In Russia, the government’s demand for the patriotic education of young people is constantly growing. However, the content of the programs, their implementation strategies and the prospects for introducing digital technologies into the activities of patriotic youth NGOs remain vague. Based on the analysis of online resources, including the organizations’ social media accounts, the authors conclude that informative content prevails. In addition, they distinguish 4 clusters of non-commercial organizations: Yunarmiyani (Young Army Cadets National Movement), military-athletic, historical and civic, with 60 000 members in total. With the help of TargetHunter parser, the study analyzes social media posts, paying attention to their content and format, the number of posts, likes, comments, viewers and followers. The authors conclude that the level of online involvement has risen as the amount of news traditionally increases in the first quarter of each year, as well as due to the adaptation to the conditions set by the pandemic. The digitalization of patriotic education is complicated and diverse because of the specifics of patriotic organizations, as patriotic content is second to entertainment and educational content on the web.

Keywords: patriotic organizations, patriotism, social media, social media analysis, information-oriented society

For citation: Kazantsev, D.A., Kachusov, D.A., & Shashkova, Ya.Yu. (2022). “How to march at the computer”: The role of digitalization in the activities of the regional patriotic organizations of Siberian Federal District. *RUDN Journal of Political Science*, 24(3), 586–604. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-586-604>

Acknowledgements: The article is supported by the RFBR grant No. 20-011-00346 «Potential of Youth Political Leadership during Political Socialization and Circulation of Elites in the Russia Regions in the 2010th (using the example of South-Western Siberia and the North-West of the Russian Federation)».

Введение

Феномен патриотизма в политической науке традиционно связывается с эпохой национальных государств и долгое время определялся как важный идеологический фактор их формирования и развития. И хотя данная ценностная система плохо вписывается в координаты современного общества, именно с позиций патриотики звучат лозунги российской официальной риторики, на них базируется российский «ренессанс патриотизма» последних лет. Вместе с тем как справедливо заметил М. Кром, «патриотизм всегда несет отпечаток своего времени» [Кром, с. 147]. В случае нашей страны развитие цифровых технологий, их широкое внедрение в образование и коммуникативную среду не могли не оказать влияние на систему патриотического воспитания. Значимой детерминантой, ускорившей этот процесс, выступила пандемия, ограничившая возможности офлайн-работы организаций патриотической направленности. В связи с этим сегодня можно оценить некоторые результаты использования цифровых технологий в работе одного из важных сегментов российской системы патриотического воспитания молодежи — патриотических организаций, определить решаемые с их помощью задачи и тенденции развития.

В исследовательской литературе вопрос цифровизации патриотического воспитания пока осмыслен явно недостаточно. В западной литературе доминирует тезис об отрицательной связи между глобализацией и уровнем патриотизма, а также справедливо указывается на формирование в текущих условиях виртуальных социально-политических и наднациональных идентичностей [Lu, 2019; Erez, 2020; Campello, 2020; Ariely, 2017]. В то же время присутствует ряд работ, анализирующих зарубежный [Kolton, 2017; Zhang, 2022] и российский [Sanina, 2018; Newton, 2017] опыт цифровизации пропаганды патриотизма. Среди многочисленных отечественных публикаций, описывающих отдельные кейсы патриотического воспитания, лишь некоторые авторы отмечают перспективы информационных технологий при формировании патриотизма, причем преимущественно в рамках воспитательной работы в школах и с позиций педагогики [Мурзина, 2019; Мурзина, 2021; Куликова, 2021; Пустовойтов, 2021].

Данная статья основана на результатах комплексного исследования функционирования организаций патриотической направленности в Сибирском федеральном округе (далее — СФО), проведенного коллективом политологов Алтайского государственного университета в 2021–2022 г. Дизайн исследования подразумевал решение нескольких задач и ряд этапов. Первым шагом осуществлялся отбор официально зарегистрированных молодежных патриотических организаций (далее — ПО), имеющих профиль в социальной сети «ВКонтакте» и/или сайт в интернете, в выборочную совокупность. В ней оказались 120 патриотических объединений, действующих на территории десяти субъектов Сибирского федерального округа. Затем в этих сообществах был выделен актуальный контент в период с конца 2021 по апрель 2022 г. Если содержание групп обновлялось в последние два месяца, причем не столько репостами, сколько оригинальным контентом, то оно попадало

в конечную версию выборки, в противном случае исключалось. В итоге в анализируемую совокупность, которая соответствовала вышеуказанному критерию, вошло 57 объектов, объединяющих более 62 тыс. человек. Собранные данные уточнялись в ходе экспертного опроса руководителей патриотических организаций (N = 85 чел.) и дополнялись результатами массового опроса учащихся 9–11 классов 10 регионов СФО, проведенного в сентябре 2020 г. Метод — анкетирование. Объем выборки — 2050 человека; выборка несвязанная квотная с контролем возраста, класса типа населенного пункта и региона проживания.

Цифровые технологии в деятельности патриотических организаций

Как показало анкетирование, подавляющее большинство школьников включено в цифровую среду — 83,7% используют социальные сети и мессенджеры, 72,8% — информационные интернет-ресурсы. Среди членов патриотических организаций и клубов эти показатели ненамного отличаются от средних — 87,7% и 76,7% соответственно, что может быть обусловлено общей более высокой активностью данного сегмента молодежи.

В то же время далеко не все патриотические организации СФО позиционируют себя в цифровой среде. Так, из 229 официально зарегистрированных в регионах СФО детских и молодежных организаций исследуемой направленности информационные ресурсы (сайты, страницы в ВК, группы в «Одноклассниках» и т.п.) на 1 января 2022 г. имели 55%, почти все из них содержали актуальный контент.

Преимущественно цифровые технологии используются патриотическими организациями для информирования общественности о себе и привлечения новых членов. Вместе с тем в связи с разноплановостью патриотических организаций, их вхождение в цифровую среду и эффективность функционирования в ней существенно различаются.

Наиболее широко цифровые технологии применяются в деятельности историко-патриотических и гражданско-патриотических организаций. Часть из них — формирующие локальную идентичность и локальный патриотизм (например, «Urban History: Неизвестный Барнаул», «Гражданин ОБЪГЭС» (Новосибирск), «Шаги истории. Кузбасс» и др.) — представляют собой онлайн-сообщества в социальных сетях и вообще не проводят офлайн-мероприятия или проводят их эпизодически.

Для институционализированных организаций в данном направлении цифровые технологии открывают новые возможности сбора информации и ее репрезентации, проведения выставок и иных тематических мероприятий. Так, члены поисковых отрядов в течение года перед летним экспедиционным сезоном осуществляют работу по сбору информации о судьбах земляков, участвовавших в Великой Отечественной войне, проводят уроки Памяти и просветительские акции. В условиях пандемии 2020–2021 гг., в частности в Алтайском крае, работа поисковиков была перенаправлена на архивно-исследовательский поиск,

в том числе по запросам жителей региона. Проработка более 400 подобных заявок нашла отражение в интернет-проекте «Книга памяти Алтайского края». В Томской области в 2018–2021 гг. финансовую поддержку грантов Президента РФ получили проекты Межрегионального историко-патриотического общественного движения «Бессмертный полк» по внедрению нового инструмента поиска на сайте «Бессмертного полка» (www.moypolk.ru) — системы идентификации лиц по фотографиям; Томской региональной молодежной общественной организации «Военно-историческое объединение „Крепость“» по реализации виртуального музея боевой славы 79-й гвардейской стрелковой дивизии; проект АНО «Координационный центр сохранения и популяризации культурного, исторического и природного наследия регионов, социальных услуг и патриотического воспитания „Единая туристическая информационная система“» «Мы помним ваши имена» по созданию аудиогuida о 10 улицах города, названных в честь героев ВОВ, с привлечением к озвучиванию молодежи — студентов и школьников Томска.

Цифровые технологии позволили переформатировать познавательный компонент патриотического воспитания школьников за счет разработки онлайн-квестов, игр и викторин. В качестве примеров можно привести всероссийский онлайн-квест «Сталинградская битва»; онлайн-квесты «По следу» (Красноярский край), «История Победителей», «Жители блокадного Ленинграда» (Алтайский край), «Знатоки истории пожарной охраны» (Новосибирская область), онлайн-игру «Спасатели», викторину «Грани патриотизма» (Красноярский край) и др.

В то же время основная доля мероприятий, проводимых историко-патриотическими организациями, — вахты памяти, благоустройство памятников и мемориалов, помощь ветеранам и другие акции — предполагает офлайн-реализацию. Именно по этой причине, как согласованно отмечали руководители данных организаций СФО — участники экспертного опроса, произошло снижение их активности в сфере патриотического воспитания в период антиковидных ограничений.

В гораздо меньшей степени цифровые технологии оказали влияние на деятельность военно-патриотических и военно-спортивных молодежных организаций, которые составляют свыше половины всех НКО в данной сфере. Их работа в формате тренировок, военно-спортивных игр, сборов и соревнований не может осуществляться в онлайн-формате (как отметил в ходе экспертного опроса руководитель одной из таких организаций, «*маршировать у компьютера неудобно*»). Поэтому в период ковид-ограничений в них резко сократилась посещаемость занятий, уменьшилось число поездок в другие регионы.

Патриотические организации Сибири через призму анализа социальных сетей

Второй этап исследования представлял собой описание и типологизацию контента организаций, по окончании которых они были распределены между четырьмя условными кластерами.

Первый получил название «Юнармейский», в него вошли семь объединений под брендом всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «Юнармия» суммарной численностью 12 319 членов, что составляет 12,2% от всей совокупности. В среднем на одну организацию приходится 1759 участников, 58% членов — девушки, 42% — юноши, медианный возраст лежит в интервале от 14 до 18 лет. Наиболее крупные региональные отделения находятся в Красноярске и Новосибирске. Следует отметить, что под эгидой Юнармии также выступают военно-спортивные и/или исторические организации, такие как поисковые отряды и т.д. Во многом это связано с тем, что в регионах СФО они в настоящий момент переходят под контроль Юнармии. В связи с этим неудивительно, что первый, второй и третий кластеры переплетаются между собой, имея повторяющиеся единицы анализа. Это хорошо заметно, если создать карту графов в программе Gephi, на которой число родственных связей и узлов между ними говорит само за себя. Юнармейский контент при этом отличается информационной и новостной повесткой, заметна высокая роль военно-спортивного, военно-исторического патриотического акционизма. Например, через их сообщества набираются волонтеры для участия в патриотических мероприятиях, посвященных памяти Второй мировой войны («Читаем детям о войне», «Окна Победы» и др.). Также публикуются отчеты о проведенных семинарах, викторинах, участии добровольцев в реализации различных проектов («Георгиевская ленточка», «Вместе с ветераном» и др.), проходят посвящения юнармейцев в свои ряды. Объекты кластера зачастую делают репосты к себе на страницу новостей и сообщений из социальных профилей органов публичной власти (Министерство просвещения, Росмолодежь и др.), своей головной организации («ЮНАРМИЯ») либо иных общественных учреждений («Центр Патриотического воспитания НСО», «Волонтеры Победы» и др.). После объявления о начале специальной военной операции России на Украине (далее — СВО) появились посты в поддержку военных, жителей Донбасса, тематические акции: «Письмо солдату», «Своих не бросаем», «За Россию», «Мы за мир», «Письмо Российскому солдату», флешмоб «ЗА Россию» и др.

Второй кластер представлен преимущественно военно-спортивными организациями, например «ЦВПВ Вымпел-Красноярье», и объединяет 29 НКО. Размер совокупности — 37 655 человек, или 60,3% от общего числа подписчиков. Одна группа, как правило, аккумулирует в своих рядах 1298 участников. Основными производителями и потребителями контента являются мужчины (55%), средний возраст члена кластера выше, чем у юнармейцев, — 17–20 лет. Кластер создает информационный и новостной контент по военно-спортивной и спортивной тематике. Его члены и руководители тесно взаимодействуют с юнармейцами. Несмотря на схожие повестки групп, материалы военно-спортивного кластера отличаются событийным разнообразием. Некоторые организации анонсируют соревнования по рукопашному бою, единоборствам, конкурсы, смотры, которые

проходят в соответствующих субъектах РФ. Их члены участвуют в военно-спортивных сборах, походах, турнирах по стрельбе, сдают нормы ГТО, делятся опытом тренировок. Иные делают акцент не только на спортивном, но и на военно-патриотическом контенте. Например, рассказывают о проведенных Вахтах Памяти, викторинах по Великой Отечественной войне, занимаются патриотическим добровольчеством. Организации, связанные с РПЦ или казачьим движением, касаются религиозных тем, например, «Встреча с духовником» или проведение молебнов. Часть объединений реализует полученные от государства гранты по патриотической тематике. С февраля по апрель 2022 г. отдельные организации создавали посты в поддержку российской армии.

Участники третьего кластера занимаются поисковыми работами, историческими реконструкциями и всем тем, что можно отнести к патриотизму военно-исторической направленности. В его структуре выделяются 17 НКО, наиболее крупными из которых являются Центр героико-патриотического воспитания «Пост № 1», Военно-исторический клуб «Живая История», Алтайское региональное отделение Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы», региональное отделение Всероссийского общественного движения «Волонтеры Победы» в Республике Алтай. Общая численность кластера достигает почти 12 тыс. человек (19%), в его составе преобладают женщины (58%), неоднородность по возрасту более выраженная, чем в трех других кластерах, и колеблется в пределах от 18 до 30 лет. Типичный контент — исторический, информационный и новостной. Его сущность в том, чтобы воссоздать или смоделировать события, относящиеся ко Второй мировой войне, провести Вахты Памяти или караулы у Вечного огня, оказать помощь ветеранам Великой Отечественной войны. К тому же участники указанных сообществ занимаются поисковой деятельностью, выезжают на раскопки, составляют реестры лиц, погибших во время войны 1941–1945 гг. После 24 февраля 2022 г. в некоторых группах появились новости, свидетельствующие о поддержке специальной военной операции.

Следующий кластер состоит из четырех гражданско-патриотических НКО и является наименее многочисленным из всех представленных: омская региональная общественная организация патриотического воспитания молодежи «Город будущего», региональное общественное патриотическое движение «Гром» Республики Хакасия, молодежная общественная организация «Содружество активной молодежи Усть-Абаканского района», «ОДМ ГПО ЧР «ВЫБОР» Черемховский район». На весь СФО интерес к такому направлению патриотического воспитания проявляют 492 человека, что составляет 0,7% подписчиков, попавших в выборку. Легко посчитать, что на одно движение приходится чуть более 120 пользователей. Кластер оказался самым старшим по возрасту, в среднем его члену 20–30 лет, но сбалансированным по количеству мужчин и женщин (50 на 50%). С точки зрения занятости в этой совокупности доминируют работающие люди,

общественные деятели, а не учащиеся школ и/или вузов. Контент имеет новостной, информационный и общественно-полезный характер, в целом можно выделить несколько его направлений: праздники, выставки, конкурсы, выражение благодарностей тем или иным акторам; отчеты о проделанной организациями работе; встречи и проектная деятельность, посвященные разного рода проблемам городов и муниципалитетов, например, антинаркотические рейды, благотворительность, экологические акции; сообщения о грантовых конкурсах и мероприятиях; патриотические акции; в последнее время также появились сообщения, относящиеся к проведению спецоперации РФ на Украине.

Третий этап исследования предполагал более глубокий анализ социальных сетей изучаемых организаций с помощью отечественного парсера «ТаргетХантер»¹. Он подразумевал работу со следующими параметрами: количество подписчиков, наличие или отсутствие ссылок, видео- и фотоальбомов; форма и содержание публикуемого контента, его свойства и динамика; активность пользователей в виде лайков, комментариев, просмотров, репостов. Более того, собирались посты групп и сообществ за период в два месяца до 24 февраля 2022 г. и после, то есть до 24 апреля 2022 г. Рассматривались популярные репосты, ER-индекс в интервале 2019–2022 гг., и он же в период по два месяца до 24 февраля (с 14 декабря учитывались праздничные дни) и после 24 февраля последовательно из года в год с 2018 по 2022 г. Таким образом, относительной линией демаркации стала дата 24 февраля 2022 г. По итогу проделанной работы высчитаны частотные таблицы для каждого кластера с результатами абсолютных и относительных величин активностей, вступлений и иных параметров. Ввиду невозможности разместить все полученные материалы на страницах данной публикации предлагается интересующимся ознакомиться с полной таблицей по указанной ссылке².

Как показал анализ, число публикуемого контента в группах и сообществах патриотических организаций и проявляемых пользователями по этому поводу активностей растет в первой половине календарного года и снижается к его окончанию. Это связано с несколькими обстоятельствами. Во-первых, зимний и особенно весенний событийные ряды наполнены большим количеством праздников, исторических и памятных дат, таких как 15 февраля, 23 февраля, День Победы и многими другими. Так как уровень активности организаций тесно связан с указанным фактором, это отражается и на освещении деятельности движений онлайн. Во-вторых, патриотические объединения не стоят на месте, они развиваются, и с те-

¹ Авторы использовали только открытые, публичные данные (открытый API «ВКонтакте») в форме обобщенных статистических признаков и переменных, персональные данные не применялись.

² Google-Документы. Патриот. орг — цифра, 22. URL: <https://clck.ru/gvnFC> (дата обращения: 01.05.2022).

чением времени им приходится адаптировать качественные и количественные свойства контента под требования времени, объемы ресурсов, бюджета и динамику целевой аудитории. Поэтому следовало ожидать, что из года в год, при условии устойчивой эволюции структуры, роста числа ее сторонников и активистов средняя степень вовлеченности членов кластеров в производство и потребление контента будет увеличиваться или хотя бы не снижаться до уровня показателей предыдущих лет. Пандемия COVID-19 также повлияла на меру репрезентации патриотических объединений в онлайн-пространстве, главным образом в социальных сетях, что отразилось на показателях активностей аудитории соответствующих сообществ. И наконец, начавшаяся 24 февраля 2022 г. СВО привела к росту не только числа тематических акций, но и количества просмотров, лайков, комментариев и репостов, которые производят члены ПО.

Нельзя обойти вниманием существенные отличия между процентными долями постов, лайков, комментариев, репостов и просмотров в общем объеме соответствующих активностей, произведенных пользователями кластеров до СВО и после СВО (см. табл. 1). Несмотря на подъем активности целевой аудитории патриотических сообществ после СВО, который выражается в двукратном росте числа создаваемых постов (31,64 и 68,35 %), производимых лайков (31,66 и 68,33 %), комментариев (39,9 и 60,09 %) и почти в трехкратном возрастании количества репостов и просмотров (27,78 и 72,21 %; 28,23 и 71,76 % соответственно), кластеры обладают некоторыми различиями. Так, с 24 февраля по 24 апреля 2022 г. юнармейцы произвели почти в два раза больше постов, чем в период с 14 декабря 2021 г. по 24 февраля 2022 г. Более скромные показатели имеют другие кластеры. Что касается лайков, то лидером здесь выступают ПО исторической направленности. Восьмикратный рост комментариев с 11 до 88 % зафиксирован в группе ПО гражданского типа. По репостам и просмотрам выделяются сообщества и группы патриотических движений, занимающихся военно-историческим активизмом (21 и 78 %; 22 и 77 % соответственно).

Комплексной переменной, отражающей совокупный вклад всех видов активностей подписчиков, то есть просмотров, лайков, репостов, комментариев, в деятельность сообществ, выступает ER-индекс. Чем выше его значение, тем большую активность в ней проявляют члены соответствующих групп. Как видно из табл. 2, уровень вовлеченности участников ПО с каждым годом повышался. Исключением является военно-спортивный кластер, где в 2020–2021 гг. прослеживается тренд на спад, что вызвано снижением числа офлайн-мероприятий в условиях недостаточности их информационной освещенности в период пандемии коронавируса.

Тем не менее, принимая во внимание значительный рост показателей вовлеченности подписчиков групп ПО, сумма и процентная доля в общем объеме активностей целевой аудитории на один пост до и после начала специальной военной операции выглядят иначе по сравнению с ними же, но ранее (табл. 3).

**Характеристика кластеров,
образуемых патриотическими организациями СФО,
по сумме и процентной доле в общем объеме активностей целевой аудитории
до и после начала специальной военной операции³**

Параметр / Кластер	Юнармейский	Военно-спортивный	Гражданский	Исторический	Всего
Сумма постов (до + после СВО)	1766	814	241	1019	3840
% доля постов до СВО в общем объеме	24,40	38,20	39,00	37,19	31,64
% доля постов после СВО в общем объеме	75,59	61,79	60,99	62,80	68,35
Сумма лайков (до+после СВО)	20 280	22 117	525	17 042	59 964
% доля лайков до СВО в общем объеме	29,71	35,52	31,04	28,99	31,66
% доля лайков после СВО в общем объеме	70,28	64,47	68,95	71,00	68,33
Сумма комментариев (до + после СВО)	202	265	9	406	882
% доля комментариев до СВО в общем объеме	29,20	34,71	11,11	49,26	39,90
% доля комментариев после СВО в общем объеме	70,79	65,28	88,88	50,73	60,09
Сумма репостов (до + после СВО)	2739	1279	95	2411	6524
% доля репостов до СВО в общем объеме	30,37	34,71	24,21	21,31	27,78
% доля репостов после СВО в общем объеме	69,62	65,28	75,78	78,68	72,21
Сумма просмотров (до + после СВО)	723 694	353 756	14 824	587 757	1 680 031
% доля просмотров до СВО в общем объеме	29,05	36,00	36,85	22,32	28,23
% доля просмотров после СВО в общем объеме	70,94	63,99	63,14	77,67	71,76

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

³ Примечания к таблице 1. Данные приведены на момент 10.05.2022. Аббревиатура «СВО» означает «специальная военная операция».

**The characteristics of the clusters,
formed by patriotic organizations in Siberian Federal District,
by total number and percentage in overall total
of online activities of the audience before
and after beginning the Special Military Operation**

Characteristic / Cluster	Yunarmian	Military-athletic	Civic	Historical	Total
Total number of posts (before + after Special Military Operation (SMO))	1766	814	241	1019	3840
% of posts before the SMO in overall total	24,40	38,20	39,00	37,19	31,64
% of posts after the SMO in overall total	75,59	61,79	60,99	62,80	68,35
Total number of likes (before + after the SMO)	20 280	22 117	525	17 042	59 964
% of likes before the SMO in overall total	29,71	35,52	31,04	28,99	31,66
% of likes after the SMO in overall total	70,28	64,47	68,95	71,00	68,33
Total number of comments (before + after the SMO)	202	265	9	406	882
% of comments before the SMO in overall total	29,20	34,71	11,11	49,26	39,90
% of comments after the SMO in overall total	70,79	65,28	88,88	50,73	60,09
Total number of shares (before + after the SMO)	2739	1279	95	2411	6524
% of shares before the SMO in overall total	30,37	34,71	24,21	21,31	27,78
% of shares after the SMO in overall total	69,62	65,28	75,78	78,68	72,21
Total number of post views (before + after the SMO)	723 694	353 756	14824	587 757	1 680 031
% of post views before the SMO in overall total	29,05	36,00	36,85	22,32	28,23
% of post views after the SMO in overall total	70,94	63,99	63,14	77,67	71,76

Source: compiled by the authors based on the results of the study.

**ER-индекс и уровень
вовлеченности подписчиков в онлайн-деятельность
патриотических организаций по кластерам и годам, 2018–2022**

Параметр / Кластер	Юнармейский	Военно- спортивный	Гражданский	Исторический	Всего
ER-индекс ПО как кластера за 2018-2019 гг., в % (ср. ариф.)	19	46,68	15,29	36,08	117,05
ER-индекс ПО как кластера за 2019-2020 гг., в % (ср. ариф.)	36	48,82	41,1	55,24	181,16
ER-индекс ПО как кластера за 2020-2021 гг., в % (ср. ариф.)	92,49	36,27	97,82	67,35	293,93
ER-индекс ПО как кластера за 2021-2022 гг., в % (ср. ариф.)	88	47,646	60,86	131,649	328,155

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Table 2

**ER-index and the level of involvement of the followers
in online-activities of patriotic organizations by clusters and years**

Characteristic / Cluster	Yunarmian	Military- athletic	Civic	Historical	Total
ER-index of Patriotic Organizations (PO) as a cluster in 2018–2019 yy., % (arithmetic mean)	19	46,68	15,29	36,08	117,05
ER-index ER-index of PO as a cluster in 2019–2020 yy., % (arithmetic mean)	36	48,82	41,1	55,24	181,16
ER-index ER-index of PO as a cluster in 2020–2021 yy., % (arithmetic mean)	92,49	36,27	97,82	67,35	293,93
ER-index ER-index of PO as a cluster in 2021–2022 yy., % (arithmetic mean)	88	47,646	60,86	131,649	328,155

Source: compiled by the authors based on the results of the study.

Процентная доля репостов и просмотров в общем объеме репостов и просмотров целевой аудитории на одну единицу постов в период с 24 февраля по 24 апреля 2022 г. повысилась по сравнению с предыдущим периодом. Но этот же параметр для лайков и комментариев снизился. Следовательно, участники ПО на каждый конкретный пост после 24 февраля реагировали комментариями и лайками в среднем реже, чем до 24 февраля. Иными словами, за счет увеличения количества постов подписчики некоторых сообществ стали хуже взаимодействовать с ними.

Такие тенденции больше всего свойственны кластеру юнармейцев, поэтому к нему можно осторожно применить формулу «контент ради контента». При этом следует отметить, что юнармейцы создают большой объем качественного контента, однако за счет эффекта масштаба, по всей видимости, у членов их групп возникает нечто вроде «баннерной слепоты» или «контентной усталости»⁴. Поскольку «Юнармия» аккумулирует вокруг себя разнородные патриотические организации, это может приводить не только к формированию связей между организациями, но и к некоторым формам конкуренции между ними. Скорее всего, юнармейский кластер, несмотря на условную централизацию, разделен на подкластеры, о чем косвенно свидетельствует средневысокое значение индекса кластеризации в программе Gephi (0,7). Данные группы внутри совокупности могут воспринимать информацию фрагментарно, избирательным образом: одна ее часть активна в предпочитаемой для нее сфере контента, например исторической, другая — в иной, предположим, военно-спортивной. Все это — свидетельство в пользу наличия эхо-камер в структуре связей кластера и требует дальнейшего уточнения.

Таблица 3

Характеристика кластеров, образуемых патриотическими организациями СФО, по сумме и процентной доле активностей в общем объеме активностей целевой аудитории на один пост, до и после начала специальной военной операции

Параметр / Кластер	Юнармейский	Военно-спортивный	Гражданский	Исторический	Всего
Сумма = Кол-во постов / Кол-во ПО (до СВО) + Кол-во постов / Кол-во ПО (после СВО)	252,28	28,06	60,25	59,94	400
% доля до СВО	24,40	38,20	39,00	37,19	29,5
% доля после СВО	75,59	61,79	60,99	62,80	70,5
Сумма = Кол-во лайков до СВО / Кол-во постов до СВО (в среднем лайков на 1 пост до СВО) + Кол-во лайков / Кол-во постов (в среднем лайков на 1 пост после СВО)	24,65	53,61	4,19	31,94	31,23
% доля до СВО	56,70	47,12	41,31	40,81	50,03

⁴ «Баннерная слепота», или «контентная усталость», — психологический феномен, при котором человек игнорирует некоторые части контента и/или его виды в социальных медиа.

Окончание табл. 3

Параметр / Кластер	Юнармейский	Военно-спортивный	Гражданский	Исторический	Всего
% доля после СВО	43,29	52,87	58,68	59,18	49,96
Сумма = Кол-во комментариев до СВО / Кол-во постов до СВО (в среднем комментариев на 1 пост до СВО) + Кол-во комментариев после СВО / Кол-во постов после СВО (в среднем комментариев на 1 пост)	0,24	0,63	0,06	0,84	0,49
% доля до СВО	56,10	46,23	16,35	62,11	58,93
% доля после СВО	43,89	53,76	83,64	37,88	41,06
Сумма = Кол-во репостов до СВО / Кол-во постов до СВО (в среднем репостов на 1 пост до СВО) + Кол-во репостов после СВО / Кол-во постов после СВО (в среднем репостов на 1 пост)	3,35	3,08	0,73	4,32	3,28
% доля до СВО	57,47	46,23	33,31	31,39	45,39
% доля после СВО	42,52	53,76	66,68	68,60	54,60
Сумма = Кол-во просмотров до СВО / Кол-во постов до СВО (в среднем просмотров на 1 пост до СВО) + Кол-во просмотров после СВО / Кол-во постов после СВО (в среднем просмотров на 1 пост до СВО)	872,45	859,63	121,80	1059,58	849,72
% доля до СВО	55,91	47,64	47,72	32,68	45,94
% доля после СВО	44,08	52,35	52,27	67,31	54,05

Примечания. Данные приведены на момент 10.05.2022. Аббревиатура «СВО» означает «специальная военная операция». Сокращение «Кол-во» означает «количество». Сокращение «ПО» означает «патриотическая организация». Знак «/» обозначает арифметическое действие «деление».

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Table 3

The characteristics of the clusters, formed by the patriotic organizations in Siberian Federal District, by total number and percentage of activities in overall total number of activities of the followers on 1 post before and after the beginning of the Special Military Operation

Characteristic / Cluster	Yunarmian	Military-athletic	Civic	Historical	Total
Total = Number of posts / Number of POs (before the SMO) + Number of posts / Number of POs (after the SMO)	252,28	28,06	60,25	59,94	400
% before the SMO	24,40	38,20	39,00	37,19	29,5
% after the SMO	75,59	61,79	60,99	62,80	70,5

Characteristic / Cluster	Yunarmian	Military-athletic	Civic	Historical	Total
Total = Number of likes before the SMO / Number of posts before the SMO (average number of likes on 1 post before the SMO) + Number of likes / Number of posts (average number of likes on 1 post before the SMO)	24,65	53,61	4,19	31,94	31,23
% before the SMO	56,70	47,12	41,31	40,81	50,03
% after the SMO	43,29	52,87	58,68	59,18	49,96
Total = Number of comments before the SMO / Number of posts before the SMO (average number of comments on 1 post before the SMO) + Number of comments after the SMO / Кол-во постов после СБО (average number of comments on 1 post after the SMO)	0,24	0,63	0,06	0,84	0,49
% before the SMO	56,10	46,23	16,35	62,11	58,93
% after the SMO	43,89	53,76	83,64	37,88	41,06
Total = Number of shares before the SMO / Number of posts before the SMO (average number of shares of 1 post before the SMO) + Number of shares after the SMO / Number of posts before the SMO (average number of shares of 1)	3,35	3,08	0,73	4,32	3,28
% before the SMO	57,47	46,23	33,31	31,39	45,39
% after the SMO	42,52	53,76	66,68	68,60	54,60
Total = Number of post views before the SMO / Number of posts before the SMO (average number of views of 1 post before the SMO) + Number of views after the SMO / Number of posts after the SMO (average number of views of 1 post before the SMO)	872,45	859,63	121,80	1059,58	849,72
% before the SMO	55,91	47,64	47,72	32,68	45,94
% after the SMO	44,08	52,35	52,27	67,31	54,05

Source: compiled by the authors based on the results of the study.

Выводы

В целом можно констатировать, что на данный момент цифровизация процессов патриотического воспитания в среде НКО и дополнительного образования носит сложный и фрагментарный характер. Сохранение доминирования в этой системе организаций военно-спортивной направленности не создает предпосылок к положительной динамике в данном направлении. Да и саму су-

ществующую систему патриотического воспитания, особенно в нынешних условиях, вряд ли можно посчитать современной. Она плохо соотносится с поведенческими установками школьников, в связи с чем в деятельность патриотических организаций вовлечено лишь 7,8% учащихся 8–11 классов СФО. 20,4% отметили развитие системы патриотического воспитания в качестве эффективной меры формирования патриотизма в молодежной среде.

На сегодняшний момент патриотические организации наиболее полно пользуются цифровыми технологиями для информирования общественности о себе и привлечения новых членов. Так, первый квартал каждого года, ввиду насыщенного событийного ряда, стимулирует участников патриотических движений к довольно продуктивной деятельности, что отражается и в онлайн-сфере. Поскольку параллельно стабильно растут показатели онлайн-активности членов объединений, можно констатировать влияние дискурса патриотки на деятельность членов ПО. Кроме того, в период пандемии коронавируса многие ПО вынуждены были перенести свою работу из офлайн-режима в онлайн, что вызвало в 2020–2021 гг. скачкообразное увеличение степени вовлеченности их участников в потребление онлайн-материалов. Часть объединений в 2022 г. вернулась к офлайн-мероприятиям, но стала освещать последние более качественно, что дало некоторый прирост активности подписчиков. Однако, несмотря на очевидный рост уровня вовлеченности пользователей в онлайн-деятельность ПО, относительные величины, описывающие их работу, увеличились незначительно. Рост постов, особенно после начала СВО, сопровождался снижением числа лайков, комментариев, репостов и просмотров на один пост. Иными словами, предложение превысило спрос, от чего по тем или иным причинам участники кластера проявляли меньший интерес к каждому конкретному материалу сообщества или группы. Феномен патриотизма в ценностной картине мира молодежи в 2022 г. остался примерно на том же уровне, что и в 2018 г.

Следовательно, можно сделать вывод, что расширение патриотического дискурса и вширь, и вглубь не встречает устойчивого и стабильного массового спроса среди молодой аудитории, наоборот, происходит его дифференциация и даже косвенное игнорирование, особенно если контент не совпадает с глубинными жизненными приоритетами, целями и установками молодежи. Ярким подтверждением этому служат военно-спортивный и юнармейский кластеры, в которых патриотический контент усваивается подписчиками достаточно условно и зачастую связан с простым увеличением числа событий и постов на единицу времени. Патриотический контент можно назвать одним из важных, но не главенствующих в мировоззренческой картине мира молодежи, скорее носящим спорадический характер в те или иные отрезки времени, совпадающие со значимыми датами в истории Российского государства.

Поступила в редакцию / Received: 20.03.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 20.05.2022

Принята к публикации / Accepted: 15.06.2022

Библиографический список

- Кром М.М. Патриотизм, или Дым отечества. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020.
- Куликова С.В., Фоменко Е.А. Потенциал цифровых технологий в решении задач патриотического воспитания российской молодежью // *Известия ВГПУ*. 2021. №2 (155). С. 12–22.
- Мурзина И.Я., Казакова С.В. Перспективные направления патриотического воспитания // *Образование и наука*. 2019. Т. 21. №2. С. 155–175.
- Мурзина И.Я. Региональный патриотический проект в условиях «новой нормальности»: от идеи к реализации // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. №1. С. 126–134. <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.1.014>
- Пустовойтов В.Н., Корнейков Е.Н. Информационные технологии как средство гражданско-патриотического воспитания современных школьников // *Научное обозрение. Педагогические науки*. 2021. №2. С. 37–41.
- Ariely G. Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries // *Identities*. 2017. Vol. 24, no. 3. P. 351–377. <https://doi.org/10.1080/1070289X.2016.1149069>
- Campello F. Between Affects and Norms // *Comparative Sociology*. 2020. Vol. 19, no. 6. P. 805–815. <https://doi.org/10.1163/15691330-12341526>
- Erez L., Laborde C. Cosmopolitan Patriotism as a Civic Ideal // *American Journal of Political Science*. 2020. Vol. 64, no. 7. P. 191–203. <https://doi.org/10.1111/ajps.12483>
- Kolton M. Interpreting China's Pursuit of Cyber Sovereignty and Its Views on Cyber Deterrence // *The Cyber Defense Review*. 2017. Vol. 2, no. 1. P. 119–154.
- Newton M. Russia Media Profile: Digital Patriotism and a Nationalist Agenda. 2017. URL: <https://jsis.washington.edu/news/russia-media-profile-digital-patriotism-nationalist-agenda/> (accessed: 18.04. 2022).
- Lu J., Yu X. The Internet as a Context: Exploring Its Impacts on National Identity in 36 Countries // *Social Science Computer Review*. 2019. Vol. 37, no. 6. P. 705–722. <https://doi.org/10.1177/0894439318797058>
- Sanina A.G. Patriotism and Patriotic Education in Contemporary Russia // *Russian Social Science Review*. 2018. Vol. 59, no. 5. P. 468–482. <https://doi.org/10.1080/10611428.2018.1530512>
- Zhang J. Hardening National Boundaries in a Globally-Connected World: Technology, Development and Nationalism in China // *Journal of Contemporary Asia*. 2022. <https://doi.org/10.1080/00472336.2021.2001841>

References

- Ariely, G. (2017). Why does patriotism prevail? Contextual explanations of patriotism across countries. *Identities*, 24(3), 351–377, <https://doi.org/1080/1070289X.2016.1149069>
- Campello, F. (2020). Between affects and norms. *Comparative Sociology*, 19(6), 805–815. <https://doi.org/10.1163/15691330-12341526>
- Erez, L., & Laborde, C. (2020). Cosmopolitan patriotism as a civic ideal. *American Journal of Political Science*, 64(7), 191–203. <https://doi.org/10.1111/ajps.12483>
- Kolton, M. (2017). Interpreting China's pursuit of cyber sovereignty and its views on cyber deterrence. *The Cyber Defense Review*, 2(1), 119–154.
- Krom, M.M. (2020). *Patriotism, or the Smoke of the Motherland*. St Petersburg: EUSP Publishing house. (In Russian).
- Kulikova, S.V., & Fomenko, E.A. (2021). Potential of digital technologies in solving the tasks of the patriotic education of the Russian youth. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2(155), 12–22. (In Russian).
- Lu, J. & Yu, X. (2019). The Internet as a context: Exploring its impacts on national identity in 36 countries. *Social Science Computer Review*, 37(6), 705–722. <https://doi.org/10.1177/0894439318797058>

- Newton, M. (2017). *Russia media profile: Digital patriotism and a nationalist agenda*. Retrieved April 18, 2022, from: <https://jsis.washington.edu/news/russia-media-profile-digital-patriotism-nationalist-agenda/>
- Murzina, I. Ya., & Kazakova, S.V. (2019). Perspective Directions of Patriotic Education. *The Education and Science Journal*, 21(2), 155–175. (In Russian). <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2019-2-155-175>
- Murzina, I. Ya. (2021). Regional patriotic project in “new normal” conditions: from idea to realization. *Izvestia of URFU. Series I. The Issues of Education, Science and Culture*, 27(1), 126–134. (In Russian). <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.1.014>
- Pustovoytov, V.N., & Korneykov, E.N. (2021). Information technologies as a means of civil and patriotic education of modern schoolchildren. *Scientific Survey. Pedagogical Science*, 2, 37–41. (In Russian).
- Sanina, A.G. (2018). Patriotism and patriotic education in contemporary Russia. *Russian Social Science Review*, 59(5), 468–482. <https://doi.org/10.1080/10611428.2018.1530512>
- Zhang, J. (2022). Hardening national boundaries in a globally-connected world: Technology, development and nationalism in China. *Journal of Contemporary Asia*. <https://doi.org/10.1080/00472336.2021.2001841>

Сведения об авторах:

Казанцев Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413).

Качусов Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры философии и политологии, аспирант Алтайского государственного университета (e-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-8143-6214).

Шашкова Ярослава Юрьевна — доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии Алтайского государственного университета (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6126-7097).

About the authors:

Dmitry A. Kazantsev — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413).

Dmitry A. Kachusov — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, postgraduate of Altai State University (e-mail: dmitrij.kachusov@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-8143-6214).

Yaroslava Yu. Shashkova — Dr. Sci. of Political Science, Full Professor of the Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6126-7097).

ДЛЯ ЗАМЕТОК
